

ДЖОНАТАН СТРАУД

АГЕНТСТВО
ДОЖВУД
И КОМПАНИЯ

КРИЧАЩАЯ ЛЕСТНИЦА

Джонатан Страуд
Кричащая лестница
Серия «Агентство «Локвуд
и компания»», книга 1

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=8511104
Джонатан Страуд. Кричащая лестница: Эксмо; Москва; 2015
ISBN 978-5-699-76077-0

Аннотация

Меня зовут Люси Карлайл, и я работаю в агентстве «Локвуд и компания». Нас всего трое: я, Энтони (он же Локвуд) и Джордж. Мы занимаемся тем, что ловим призраков и спасаем от них Лондон. Вообще-то это только звучит просто, на самом деле все гораздо сложнее. Существует великое множество призраков и их разновидностей, и большинство из них смертельно опасны, и даже наше супероружие: рапиры, железные цепи и банки с греческим огнем – не всегда эффективно. Впрочем, в нашем агентстве трусов нет.

На этот раз Локвуд решил отправиться в старинный дом, который вот уже много веков населяют призраки и где находится знаменитая на всю округу Кричащая лестница. С наступлением темноты она издает чудовищные крики. Но есть маленькая проблемка – никто и никогда не выходил из этого особняка

живым, а все предыдущие агенты, пытавшиеся разгадать его тайну, погибли. Может, мы просто чокнутые, что взялись за это дело?

Содержание

Часть 1. Призрак	6
1	6
2	20
3	37
4	53
Часть 2. До	72
5	72
6	92
7	114
8	130
Часть 3. Кулон	146
9	146
10	163
11	177
12	193
13	210
14	229
15	251
16	268
Часть 4. Холл	294
17	294
18	315
19	336

20	353
21	373
22	392
23	417
24	437
Часть 5. И после	460
25	460
26	469
Словарь	483

Джонатан Страуд

Кричащая лестница

Часть 1. Призрак

1

О первых нескольких расследованиях по делам о появлении призраков вместе с «Локвудом и Компанией» я распространяться не намерена. Отчасти – чтобы скрыть подлинную личность жертв, отчасти – из-за нежелания подробно описывать ужасные детали тех происшествий, но в первую очередь потому, что, несмотря на все ухищрения, нам так и не удалось полностью довести до конца ни одно из этих ранних дел. Да, это так, и я готова в этом признаться. Ни один из тех ранних случаев не прошел гладко, как мы того ожидали. Хотя нам и удалось изгнать Мортлейкский Ужас – но, увы, не дальше Ричмондского парка, где он, наверное, до сих пор слоняется по ночам среди притихших деревьев. Да, нам удалось уничтожить и Серый Спектр из Олгейта, и явление, получившее название Стучащие Кости, – но только после нескольких (и, по моему мнению, вовсе не обязательных) смертей.

Что же до ползающей тени, что преследовала миссис Эндрюс, подвергая опасности ее рассудок, то эта тень сбежала, но, скорее всего, продолжает где-то болтаться по свету. Так что список наших дел, когда мы с Локвудом прошли туманным осенним днем по дорожке, ведущей к дому номер 62 по Шин Роуд, и позвонили в колокольчик, был далеко не безупречным.

Мы стояли у порога, повернувшись спиной к улице, Локвуд продолжал дергать затянутой в перчатку рукой шнур колокольчика. А я, пока где-то в глубине дома затихало эхо звонка, рассматривала дверь – вздувшийся пузырями от солнечных лучей лак, облупившаяся краска на почтовом ящике. И четыре ромбовидные панели из матового стекла, за которыми ничего, кроме темноты, не было видно. Крыльцо дома, замусоренное прилипшими к ступеням мокрыми буковыми листьями, выглядело каким-то заброшенным и жалким. Такие же листья усыпали всю дорожку и лужайку перед домом.

– А теперь, – сказала я, – запомни наши новые правила. Не болтай о том, что видишь. Не рассуждай вслух о том, кто кого как и когда убил. И прежде всего – никогда не пытайся перевоплощаться в другого человека. Пожалуйста. Это хорошим никогда не кончается.

– Целая куча запретов, Люси. Не слишком ли много? – спросил Локвуд.

– В самый раз.

– Но я в самом деле отлично умею подражать голосам.

Легко скопирую любой акцент.

– Вот и славно. Копируй сколько и кого угодно, но только тихо и после того, как уйдешь, а не громко и не прямо перед ними. Особенно остерегайся копировать акцент, когда перед тобой стоит подвыпивший двухметровый ирландский докер-заика, а до ближайшей оживленной улицы не меньше километра.

– Откуда мне было знать, что тот верзила окажется таким проворным, – хмыкнул Локвуд. – Кстати, то, что мы пробежались немного перед работой, даже пойдет нам на пользу. Взбодрит. Ты что-нибудь чувствуешь? – уже серьезным тоном спросил он.

– Еще нет. И вряд ли почувствую, стоя здесь, снаружи. А ты?

Локвуд отпустил шнур звонка, поправил свой воротничок и сказал, оглядевшись вокруг:

– Да, пожалуй. Довольно странно, но в этом саду несколько часов назад случилась смерть. Вон под тем лавровым деревом, что стоит посередине дорожки.

– Надеюсь, ты успокоишь меня тем, что ощутил лишь маленькое посмертное свечение? – Я стояла со склоненной набок головой и закрытыми глазами (так было удобнее прислушиваться к тому, что происходит внутри дома).

– Да, совсем маленькое, – подтвердил Локвуд. – Скорее всего, под тем деревом от лап кошки недавно погибла мышь.

– Ну, смерть мыши к нашему делу отношения не имеет,

верно?

– Возможно, что и не имеет, – пожал плечами Локвуд.

За матовыми стеклянными дверными панелями я уловила движение – что-то шевельнулось в черной бездне.

– Кажется, дозвонились, – сказала я. – Она идет. Не забудь о том, что я сказала.

Локвуд нагнулся, чтобы поднять лежащий возле его ног рюкзак. Мы оба слегка отступили от двери и изобразили на лицах любезные, почтительные улыбки.

Подождали. Ничего не произошло. Дверь оставалась закрытой.

Похоже, что никого, кроме нас, здесь не было.

Локвуд уже открыл рот, собираясь что-то сказать, и в ту же секунду мы услышали у себя за спиной шаги. Кто-то приближался по дорожке, ведущей к дому.

– Прошу прощения! – из тумана появилась женщина. Она шла медленно, но, увидев нас, слегка ускорила шаг. – Прошу прощения! – повторила она. – Я задержалась. Не думала, что вы так быстро откликнетесь.

Она взобралась по ступенькам крыльца. Женщина была средних лет, довольно полная, с круглым, чуть опухшим лицом. Пепельные светлые волосы тщательно причесаны и скреплены над ушами заколками. На ней была длинная черная юбка, белоснежная блузка и мешковатый шерстяной кардиган с отвисшими карманами. В одной руке женщина держала тонкую папку.

– Миссис Хоуп? – спросила я. – Добрый вечер, мадам. Мы из агентства «Локвуд и Компания». Меня зовут Люси Карлайл, а это Энтони Локвуд. Мы пришли по вашему вызову.

Женщина остановилась на верхней ступеньке крыльца и окинула нас своими серыми глазами – этот взгляд был мне хорошо знаком. В нем читались недоверие, затаенная обида, нерешительность и страх. Обычное дело при нашей профессии, мы давно перестали принимать это близко к сердцу.

Женщина переводила взгляд с меня на Энтони и обратно, оценивая нашу опрятную одежду, аккуратно причесанные волосы, отполированные рапиры, поблескивающие у нас на поясах, и тяжелые рюкзаки, которые мы принесли с собой. Долше всего она рассматривала наши лица и пока еще не сделала последнего шага к двери, чтобы впустить нас в дом. Свободную руку она опустила в карман своего кардигана, который от этого оттопырился еще сильнее.

– Вас всего двое? – спросила она наконец.

– Только двое, – ответила я.

– Вы такие молодые.

Локвуд зажег на лице свою улыбку – казалось, она озарила этот хмурый вечер своим теплым светом.

– В том и весь секрет, миссис Хоуп. Вы же сами знаете, что так и должно быть.

– На самом деле я не миссис Хоуп, – на лице женщины промелькнула слабая тень улыбки и тут же исчезла, сменившись тревогой. – Я ее дочь, Сьюзи Мартин. Боюсь, что мама

не придет.

– Но мы договорились встретиться с ней, – сказала я. – Она собиралась показать нам дом.

– Я знаю, – женщина опустила взгляд на свои изящные черные туфли. – Думаю, она никогда больше не захочет перешагнуть порог этого дома. Обстоятельства смерти моего отца сами по себе были ужасными, но, что еще страшнее, в последнее время каждую ночь... в доме что-то происходит. Прошлая ночь выдалась особенно беспокойной, после чего мама решила, что с нее довольно. Сейчас она переехала ко мне, а этот дом мы решили продать, но, разумеется, не сможем этого сделать до тех пор, пока не... обезвредим его, – тут она слегка прищурила глаза. – Вот поэтому мы и обратились к вам... Простите, а у вас есть старший инспектор? Я полагала, что при подобных расследованиях обязательно должен присутствовать кто-то из старших инспекторов. Кстати, сколько вам лет?

– Мы уже достаточно взрослые, но все еще достаточно малы, – с улыбкой ответил Локвуд. – Самый лучший возраст.

– Строго говоря, мадам, – добавила я, – в законе сказано, что присутствие взрослого инспектора во время расследования обязательно только в тех случаях, когда агенты проходят стажировку. Да, крупные агентства действительно всегда присылают на место происшествия взрослых инспекторов, но это их частное дело. Мы же полностью обучены и независимы и потому не считаем присутствие взрослого инспекто-

ра необходимым.

– По собственному опыту могу заметить, – любезно сообщил Локвуд, – что, как правило, взрослые только мешают. Что же касается наших лицензий, то, если вам угодно, я готов их предъявить.

Женщина провела рукой по своим гладко зачесанным волосам:

– Нет-нет... В этом нет необходимости. Поскольку мама захотела пригласить именно вас, я уверена, что вы все сделаете как надо.

Голос у миссис Мартин был лишен интонаций и прозвучал довольно неуверенно. А затем мы все ненадолго замолчали.

– Благодарю вас, мадам, – я прервала повисшую паузу и выразительно посмотрела на дверь. – Теперь позвольте задать вам один вопрос: сейчас в доме кто-нибудь есть? Когда мы звонили, мне показалось...

Миссис Мартин стремительно вскинула на меня глаза:

– Нет. Это совершенно невозможно. Ключ от дома только один, и он у меня.

– Понятно. Очевидно, я ошиблась.

– Ну хорошо, не стану вас задерживать, – сказала миссис Мартин. – Мама заполнила анкету, которую вы ей прислали, – она протянула Локвуду кожаную папку. – Она надеется, что ее ответы смогут вам помочь.

– Нисколько в этом не сомневаюсь, – ответил Локвуд, за-

совывая папку куда-то себе под куртку. – Большое спасибо. Да, нам, пожалуй, следует приступать к делу. Скажите вашей маме, что утром мы дадим о себе знать.

Миссис Мартин протянула Локвуду кольцо со связкой ключей. Где-то вдали, в тумане, просигналил автомобиль, ему ответил другой гудок. До комендантского часа оставалась еще масса времени, однако ночь уже надвигалась и люди начинали тревожиться – всем хотелось поскорее добраться до дома.

Вскоре на улицах Лондона замрет все движение, они погрузятся в тишину и туман, клубящийся в лучах лунного света. Но кроме тумана на улицах будет еще нечто, но этого не сможет толком рассмотреть ни один взрослый.

Сьюзи Мартин тоже заторопилась. Она расправила плечи и поплотнее запахнула свой кардиган:

– Что ж, пойду и я. Наверное, нужно пожелать вам удачи, – она отвела взгляд в сторону и добавила: – Такие юные! Как ужасно, что наш мир докатился до этого.

– Доброй ночи, миссис Мартин, – сказал Локвуд.

Она не ответила и молча начала спускаться с крыльца. Еще несколько секунд – и ее фигура растворилась в тумане, окутавшем дорожку, которая вела к дороге.

– Она расстроена, – заметила я. – Думаю, что завтра утром они откажутся от наших услуг.

– Значит, все нужно решить сегодня ночью, – сказал Локвуд. – Ты готова?

Я пошлепала ладонью по эфесу своей рапиры:

– Готова.

Локвуд криво улыбнулся, подошел к двери, вставил в замок ключ и театральным жестом повернул его.

Входить в дом, где находится Гость, следует быстро. Это одно из первых правил, которым обучают будущих агентов. Никогда не раздумывай, никогда не мешкай на пороге. Почему? Потому что это последние секунды, когда все еще не слишком поздно переиграть. Ты стоишь перед открытой дверью, в спину тебе дует свежий ветерок, а впереди только тьма, в которой таится неизвестно что, и нужно быть идиотом, чтобы не захотеть плюнуть на все, развернуться и убежать.

И как только ты начнешь думать об отступлении, твоя воля тебя покидает, сердце начинает замедляться от страха: *раз!* – и ты проиграл, еще не приступив к делу. Мы с Локвудом оба знали это правило, поэтому медлить перед открытой дверью не стали. Быстро проскользнули в дом, поставили на пол рюкзаки и тихо прикрыли за собой дверь. Потом постояли немного, прижавшись друг к другу спиной, прислушиваясь и осматриваясь по сторонам.

Холл в доме, где до недавнего времени жили мистер и миссис Хоуп, был длинным и довольно узким, хотя благодаря высоким потолкам казался просторнее, чем был на самом деле. Пол здесь был выложен по диагонали черными и белыми плитками. Стены холла были оклеены светлыми обоями,

а впереди угадывалась уходящая вверх, в темноту, лестница. Дальний конец холла огибал эту лестницу и тонул в беспросветном мраке. Вдоль обеих боковых сторон холла тянулись вереницы открытых дверей – за ними не было видно ничего, кроме все той же угольно-черной тьмы.

Темноту, разумеется, можно было разогнать, включив свет – вот он, выключатель, прямо под рукой справа от двери. Но мы к нему не притронулись. Видите ли, второе правило, которому нас учат, гласит: электрический свет мешает расследованию. Он притупляет остроту восприятия и делает вас слабым и глупым. Слушать и наблюдать гораздо лучше в темноте. А то, что тебе при этом страшно, – даже хорошо: страх обостряет чувства.

Так мы и стояли с Локвудом в темноте, занимаясь каждый своим делом. Я прислушивалась. Локвуд наблюдал. В доме было холодно. Воздух здесь, как и в любом нелюбимом месте, казался сырым и слегка отдавал кислятиной.

– Отопление не работает, – шепнула я, наклоняясь к Локвуду ближе.

– Угу.

– Заметил что-нибудь?

– М-м-хм.

Мои глаза постепенно привыкали к темноте, и я начинала различать все больше деталей. У нижнего конца перил стоял маленький полированный столик, на нем – фарфоровая миска с ароматической смесью из сухих цветочных лепестков.

На стене – выцветшие от времени плакаты давно сошедших со сцены мюзиклов и фотографии, на которых изображены пологие холмы и спокойное ласковое море. Все это выглядит совершенно безобидным. Пожалуй, не таким уж уродливым был этот холл, каким он показался мне поначалу. В ярком солнечном свете здесь, наверное, очень даже мило. Но только не сейчас, когда последние бледные лучи закатного солнца, проникающие сквозь матовые панели входной двери, падают во мрак и кажутся призрачными перекошенными гробами, внутрь которых аккуратно вписываются наши с Локвудом тени. Да и обстоятельства смерти старого мистера Хоупа, тяжелым камнем лежащие у каждого из нас в мозгу, нисколько этот холл не украшали.

Я глубоко вдохнула, чтобы успокоиться и отогнать прочь мрачные мысли. Затем закрыла глаза и стала слушать.

Слушать...

Холлы, лестничные площадки и сами лестницы – это артерии и воздушные пути любого здания. Именно по этим каналам все течет и все связывается друг с другом. Благодаря этому – обладая, естественно, слухом – можно уловить эхо событий, произошедших за последнее время во всех примыкающих к этим каналам помещений. Иногда, правда, начинаешь слышать и другие шумы и звуки, зачастую самые неожиданные. Это отзвуки каких-то давних событий или спрятанных вещей...

Именно так произошло и на этот раз.

Я открыла глаза, подхватила с пола свой рюкзак и медленно пошла через холл к лестнице. Локвуд уже стоял там, возле маленького полированного столика под краем перил. Лицо Энтони слабо светилось в падающем сквозь дверные панели свете.

– Что-то услышала? – спросил он.

– Ага.

– Что?

– Негромкий стук. Появляется и пропадает. Очень-очень слабый, и я не могу понять, откуда он идет. Но здесь, возле лестницы, он чуть слышнее. А что у тебя?

– Ты, конечно же, помнишь, что случилось с мистером Хоупом? – Локвуд указал на нижние ступеньки лестницы.

– Он упал с лестницы и сломал себе шею.

– Совершенно верно. Так что неудивительно, что здесь остались многочисленные следы посмертного свечения, хотя прошло уже три месяца. Ты знаешь, оно все еще настолько яркое, что хоть солнечные очки надевай. Итак, коротко освежим в памяти то, что по телефону сказала нашему Джорджу миссис Хоуп. Ее муж шел, споткнулся, скатился с лестницы, ударился и сломал шею, – Локвуд посмотрел на уходящую в темноту лестницу и добавил: – Длинный лестничный пролет. Не самый лучший способ умереть.

Я склонилась, пытаясь рассмотреть в полумраке пол под лестницей.

– Да, смотри-ка, здесь даже плитки треснули. Он, должно

быть, свалился с грохо...

На лестнице раздались два резких удара, лицо обдало струей воздуха. Прежде чем я успела среагировать, прямо на то место, где я стояла, рухнуло что-то большое, тяжелое и мягкое. От звука удара у меня лязгнули зубы.

Я отскочила назад и выхватила висевшую у меня на поясе рапиру. Встала, прижавшись спиной к стене, – поднятая вверх рапира дрожала у меня в руке, сердце бешено колотилось в груди, глаза дико стреляли по сторонам.

Ничего. Лестница по-прежнему оставалась пустой. Не было и неловко вывернутого, лежащего на полу безжизненного тела.

Локвуд небрежно перегнулся через перила. Уверена, что при этом он удивленно приподнял бровь. Правда, утверждать этого не могу – было слишком темно, чтобы это увидеть. Одно знаю наверняка – Локвуд ничего не услышал.

– Люси, с тобой все в порядке?

– Нет, – тяжело выдохнула я. – Я только что поймала эхо последнего падения мистера Хоупа. Звук был очень громким и очень натуральным. Мне показалось даже, что мистер Хоуп упал прямо на меня. Не смейся, это вовсе не забавно.

– Прости. Что ж, хорошо – что-то уже зашевелилось, хотя до ночи еще далеко. Позже будет еще интереснее. Кстати, который час?

Мое третье правило для начинающих агентов: купите себе часы со светящимся циферблатом. Желательно также, что-

бы они могли выдерживать резкие перепады температуры и сильные удары эктоплазмы – странного вещества, из которого состоят призраки.

– Пяти еще нет, – ответила я.

– Отлично, – зубы Локвуда светятся, конечно, не так сильно, как мои часы, но его ухмылку легко можно рассмотреть в любой темноте. – У нас масса времени для того, чтобы выпить по чашечке чая. А уж потом отправимся искать Гостя.

2

Когда вы отправляетесь охотиться на злых духов, полезнее всего оказываются самые простые вещи. Посеребренный кончик вашей рапиры, сверкающий в темноте, рассыпанные по полу железные опилки, приготовленные на самый крайний случай запечатанные банки с греческим огнем... Но самая простая и полезная для охотника на привидений вещь – это пакетики с чаем. Лично я предпочитаю черный чай фирмы братьев Питкин с Бонд-стрит, но это уж, как говорится, дело вкуса.

Да-да, согласна, эти пакетики с чаем не защитят вас так же надежно, как серебряный кончик рапиры или неожиданно вырвавшийся из банки шквал ослепительного огня, но есть в них нечто более важное. Чай поможет вам сохранить рассудок – вот так, не больше и не меньше.

Поверьте, нет ничего приятного и веселого в том, чтобы сидеть в темноте наводненного призраками дома и ждать появления Гостей.

Ночная тьма все сильнее начинает давить на вас, от тишины звенит в ушах, и вот тут-то, если не проявить осторожность, ты начинаешь видеть и слышать странные вещи, которые рождаются в твоём мозгу. Проще говоря, во время охоты на призраков необходимо давать себе передышку, ненадолго отвлекаться на что-нибудь. Каждый из нас, работающих у

Локвуда, решает эту проблему по-своему. Я, например, люблю что-нибудь рисовать на клочках бумаги, Джордж всегда носит при себе комиксы, а сам Локвуд читает в минуты затишья так называемую «желтую» прессу – журналы или газеты со сплетнями. Но всех нас объединяет любовь к чаю с печеньем, и та ночь в доме Хоупов не стала исключением.

Мы с Локвудом разыскали в дальнем конце холла кухню. Она оказалась очень уютной, чистенькой, с белыми стенами и оборудованной по последнему слову. Между прочим, здесь было намного теплее, чем в холле. И никаких следов потусторонних сил. Тишина и покой. Придя на кухню, я перестала слышать надоедливый стук, жуткие удары падающего с лестницы тела сюда тоже не доносились.

Я поставила на плиту чайник, Локвуд тем временем зажег масляную лампу и водрузил ее на стол. При ее свете мы сняли с себя рабочие пояса и рапиры и положили их перед собой на стол. В наших рабочих поясах есть семь отдельных кармашков, и, пока закипал чайник, мы молча и внимательно проверили их содержимое. Собственно говоря, мы уже проверяли пояса перед выходом из агентства, но с удовольствием проделали это еще раз. К слову, одна девушка из агентства Ротвелла погибла на прошлой неделе только из-за того, что забыла перезарядить магниевые вспышки.

За окном заходило солнце. Сине-черное небо затягивали легкие облачка, садик перед домом начинал окутываться туманом. А дальше, за темной живой изгородью, загорались

огни в других домах.

Эти огни были близко от нас и в то же время так далеко, словно корабли, проплывающие по морю в пределах видимости, но при этом отделенные от тебя бездонной толщей воды.

Проверив рабочие пояса, мы вновь надели их, затем осмотрели ремешки на липучке, которыми вместо ножен крепятся к поясам наши рапиры. Потом я заварила чай, Локвуд достал печенье, и мы уселись за стол. Язычок пламени в стоявшей на столе масляной лампе колебался, заставляя плясать притаившиеся в углах комнаты тени.

Спустя какое-то время Локвуд затянул потуже вокруг шеи воротник своего пальто и сказал:

– Ну что ж, посмотрим, что решила нам рассказать о самой себе миссис Хоуп.

Он протянул свою длинную худую руку, чтобы взять лежащую на столе папку, которую отдала нам Сьюзи. На копне его волос тускло блеснул отсвет масляной лампы.

Пока он читал, я проверила прикрепленный к моему рабочему поясу термометр. Пятнадцать градусов. Не жарко, но терпимо, особенно в такую погоду и в неотопливаемом доме. Затем я достала из кармашка пояса блокнот и записала в него все данные, которые успели накопиться к этому времени, включая слуховой феномен, пережитый мной в холле.

– Да, это было полезно, – сказал Локвуд, отбрасывая в сторону прочитанную папку.

– В самом деле?

– Нет. Иронизирую. Или это называется сарказм? Никогда не понимал разницы.

– Ирония умнее, сарказм ядовитее. Очевидно, это скорее сарказм. Так о чем она рассказывает?

– Совершенно бесполезная чушь. Если говорить коротко, то многоуважаемая миссис Хоуп решила сообщить нам следующее. Они с мужем провели в этом доме два последних года. До этого жили где-то в Кенте. Далее следует куча ненужных подробностей о том, как они были тогда счастливы. С тоской пишет о том, что там у них не было никакого комендантского часа, в городах не зажигали призрак-лампы и можно было поздно вечером выйти на прогулку, зная, что если кого и встретишь в такой час, так только своих живых соседей. Ну и подобная ерунда в том же духе. Между прочим, я не верю ни единому ее слову. Джордж утверждает, что в Кенте наблюдалось одно из самых массовых появлений призраков – не считая, разумеется, Лондона.

– Я думаю, именно в Кенте и началась *Проблема*, – заметила я, прихлебывая чай.

– Да, говорят, что это именно так. Ну, короче, затем они почему-то переехали сюда. Никаких манифестаций в доме никогда не замечали. Ее муж сменил профессию, начал работать на дому. Это произошло полгода назад. Ничего интересного и примечательного в их жизни не случилось. А потом он упал с лестницы и умер.

– Вот об этом поподробнее, если можно, – сказала я. – Как он упал? Почему?

– Споткнулся, очевидно.

– Нужно так понимать, что при этом он был один?

– Если верить миссис Хоуп, то да. Она уже легла спать.

Падение произошло ночью. Миссис Хоуп пишет, что в последние недели перед смертью ее муж стал несколько рассеянным, плохо спал. Она думает, что он поднялся с постели, чтобы сходить выпить воды.

– Та-а-ак, – проворчала я.

– Думаешь, это она столкнула его с лестницы? – стрельнул на меня взглядом Локвуд.

– Совсем не обязательно. Однако падение могло стать причиной появления призрака. Но призраки мужей, как правило, не преследуют жен, только в крайне редких случаях. Нет, здесь что-то другое, не призрак мистера Хоупа. Ах, как жаль, что миссис Хоуп не решилась быть откровенной с нами! Хотелось бы мне самой взглянуть на нее.

– Ну, внешний вид обманчив, – возразил Локвуд, пожимая своими узкими плечами. – Я не рассказывал тебе про то, как мне довелось встречаться со знаменитым Гарри Крипсом? Симпатичный такой мужчина с мягким голосом и сияющими глазами. Общительный, дружелюбный, внушающий доверие. Между прочим, он тогда попросил меня одолжить ему десять фунтов. А потом оказалось, что это один из самых жестоких убийц, которому больше всего на свете нра-

вилось...

– Об этом ты мне уже рассказывал, – остановила я Локвуда, поднимая вверх руку. – Примерно миллион раз.

– Да? – огорчился Локвуд. – Ну хорошо, давай рассуждать дальше. Мистер Хоуп мог появиться в этом доме в качестве призрака не только для того, чтобы преследовать свою жену, так? Возможно, у него осталось здесь какое-то незавершенное дело. Может, он должен был сообщить своей жене что-то важное или, например, показать ей тайник под своей кроватью, в котором спрятаны деньги...

– Ага, может быть. Следовательно, беспорядки в доме начались вскоре после смерти мистера Хоупа?

– Спустя неделю или две после похорон. Правда, все это время миссис Хоуп в доме практически не появлялась, жила у дочери. А когда наконец вернулась, начала ощущать, по ее словам, чье-то присутствие. Но здесь она об этом никаких подробностей не сообщает, – Локвуд постучал ногтем по лежащей на столе папке. – По ее словам, она все рассказала по телефону нашему «секретарю».

– Секретарю? – ухмыльнулась я. – Джорджу очень не понравится, что она его так обозвала. Между прочим, запись ее разговора с ним у меня с собой. Хочешь послушать?

– Давай, – оживился Локвуд, удобнее устраиваясь на своем стуле. – Итак, что же она видела?

Записи Джорджа лежали во внутреннем кармане моей куртки. Я вынула их, развернула и разгладила бумажные

листки. Затем быстро пробежалась по ним глазами, прокашлялась и спросила:

– Готов слушать?

– Да.

– Движущаяся фигура. – Я торжественно сложила листки и снова убрала их в карман.

– Движущаяся фигура? – возмущенно моргнул Локвуд. – И все? И больше никаких деталей? Какая она была – большая, маленькая, темная, светлая? Какая?

– Это была, цитирую, «движущаяся фигура, которая появилась в дальней спальне и преследовала меня до самой лестничной площадки». Именно это, слово в слово, она сказала Джорджу.

Локвуд сердито обмакнул в чай печенье.

– Не самое красочное описание. Думаю, по нему вряд ли ты сможешь хотя бы приблизительно представить, как выглядел призрак, преследовавший миссис Хоуп.

– Да, по такому описанию рисовать нечего, но миссис Хоуп взрослый человек – чего ты от нее хочешь? Взрослые никогда ничего толком не видят. А вот ощущения, которые она описала, гораздо интереснее. Миссис Хоуп почувствовала, что нечто ищет ее и знает, что она здесь, но не может найти. И ощущение это было настолько страшным, что она не смогла его вынести. Потому и переехала к дочери.

– Что ж, это уже немного лучше, – сказал Локвуд. – Она ощутила намерение. Похоже, речь идет о призраке Второго

типа. Но что бы ни произошло с покойным мистером Хоппом, сегодня ночью он будет в доме не один. Мы тоже здесь. И так... что скажешь? Не пора ли нам выйти и осмотреться?

Я одним глотком допила свой чай и аккуратно поставила пустую чашку на стол:

– Неплохая идея, по-моему.

Мы с Локвудом почти час бродили по лестницам, иногда включая на несколько секунд фонарики, чтобы проверить, что находится внутри той или иной комнаты, но большую часть времени оставались почти в крошечной тьме. Масляную лампу мы оставили зажженной на кухне, положив рядом с ней свечи, спички и запасные фонарики. Есть доброе старое правило – оставлять в тылу хорошо освещенное место, куда ты можешь отступить, если возникнет такая потребность, и иметь разные источники света на тот случай, если Гость уничтожит один из них.

В расположенных в дальнем конце дома кладовке и столовой все было чисто. Воздух в этих помещениях пахнул печалью и плесенью. Все здесь выглядело унылым и нежилым. На столе в столовой лежали аккуратно сложенные в стопку газеты, в темноте кладовки пустились стрелки забытые на подносе сморщившиеся луковицы. Но Локвуд не видел никаких следов присутствия Гостей, а я ничего не слышала. Пропал даже назойливый негромкий стук, который раздавался с той минуты, как мы вошли в дом.

По дороге назад в холл Локвуд внезапно вздрогнул, а у ме-

ня зашевелились волоски на руках. Резко упала температура воздуха. Я взглянула на термометр: всего девять градусов.

В передней части дома, по обе стороны холла, располагались две небольшие квадратные комнаты. В одной стоял телевизор, диван, пара удобных мягких кресел. Здесь было теплее, примерно так же, как на кухне.

На всякий случай мы присмотрелись и прислушались, но ничего не обнаружили. Комната по другую сторону холла была обставлена как гостиная – с обычными для нее стульями, шкафчиками, тюлевыми занавесками на окнах и тремя огромными, похожими на папоротник растениями в керамических горшках.

Здесь было немного прохладнее. Термометр показал двенадцать градусов. Меньше, чем на кухне. Это могло не означать ничего. А могло говорить о многом – кто знает... Я закрыла глаза, сосредоточилась и приготовилась слушать.

– Люси, смотри! – прошептал Локвуд. – Здесь мистер Хоуп!

У меня екнуло сердце. Я резко обернулась, наполовину вытащила из ремешков рапиру, но увидела лишь Локвуда. Он рассматривал стоящую на столике возле окна фотографию, подсвечивая ее фонариком – изображение на фотографии было ограничено ярким кружком золотистого света.

– И миссис Хоуп тоже здесь, – добавил Локвуд.

– Идиот! – разозлилась я. – Еще секунда – и я бы проткнула тебя рапирой.

– Не ворчи, – хмыкнул он. – Лучше взгляни сюда. Ну, что скажешь?

На фотографии пара седых пожилых людей стояла в саду. Женщина – миссис Хоуп – была точной повзрослевшей копией своей дочери, с которой мы имели удовольствие познакомиться сегодня вечером. Круглое лицо, опрятная одежда, ласковая улыбка. Невысокая. Голова миссис Хоуп едва доходила до груди стоявшего позади нее мужчины. Он был высоким, лысеющим, с покатыми округлыми плечами и большими нескладными руками. Он тоже широко улыбался. Мистер и миссис Хоуп держались за руки.

– Счастливая пара, не правда ли? – сказал Локвуд.

Я нерешительно кивнула:

– Однако для появления Гостя Второго типа должна быть причина. Джордж утверждает, что появление призрака Второго типа означает, что кто-то кому-то что-то сделал.

– Да, но у Джорджа мрачный склад мыслей. Кстати, нужно найти телефон и позвонить ему. Я оставил для него записку на столе, но он наверняка будет о нас волноваться. Но вначале давай закончим осмотр.

Никаких следов свечения смерти в этой маленькой гостиной Локвуд не обнаружил, я тоже ничего не услышала, и на этом осмотр первого этажа можно было считать законченным. Ну что ж, это могло означать только одно: то, что мы ищем, находится на втором этаже.

Стоило мне поставить ногу на нижнюю ступеньку лестни-

цы, как знакомый стук возобновился. Поначалу он был таким же тихим, как раньше, – тук-тук-тук, словно кто-то стучит ногтем по столу или где-то далеко забивают гвоздик в стену. Но когда я стала подниматься по лестнице, с каждой новой ступенькой этот стук становился все громче, все настойчивее. Я сказала об этом Локвуду, который бесформенной тенью тащился у меня за спиной.

– И становится все холоднее, – сказал он.

Локвуд был прав. С каждой ступенькой температура падала – девять градусов, семь, шесть. При этом мы поднялись лишь до середины лестницы. Я приостановилась, очоленевшими пальцами подтянула повыше молнию на куртке, всмотрелась в темноту перед собой. Лестница была узкой, тьма здесь стояла кромешная.

Весь верхний этаж дома был погружен в густую непроглядную темень. Мне страшно захотелось хоть на секунду включить фонарик, но я сдержалась. После вспышки света я бы только окончательно ослепла. Положив одну руку на эфес рапиры, я продолжила медленно подниматься по ступенькам. Стук стал еще громче, а от холода начало пощипывать лицо.

С каждой новой ступенькой стук усиливался, становясь все страшнее и невыносимее. Температура продолжала падать. Было шесть градусов, стало пять. Потом четыре.

Утонувшая в темноте лестничная площадка казалась мне каким-то странным, бесформенным пространством. Слева

от меня, словно ряд громадных зубов, тянулись, нависая над моей головой, белые стойки перил.

Я добралась до последней ступеньки, поставила ногу на лестничную площадку...

И стук немедленно оборвался, резко навалилась тишина.

Я взглянула на светящийся циферблат своих часов: четыре градуса. На одиннадцать градусов холоднее, чем на кухне. Я чувствовала, как мое дыхание превращается в пар.

Мы были очень близки к цели.

Локвуд протиснулся мимо меня, на секунду включил фонарик, чтобы осмотреться. Оклеенные обоями стены, закрытые двери, мертвая тишина. Чья-то вышивка в тяжелой раме – выцветшие нитки, выведенные детской рукой буквы: «Милый отчий дом». Вышивка сделана много лет назад, когда дома еще оставались милыми и безопасными и над детскими кроватками не подвешивали железные сетки. Вышивку сделали до того, как возникла Проблема.

Лестничная площадка напоминала по форме букву L – мы с Локвудом сейчас стояли в нижней широкой части, а дальше длинная ось коридора поворачивала, уходя параллельно лестничному маршу.

Пол здесь был деревянный, полированный. В коридор выходило пять дверей: одна была справа от нас, вторая прямо перед нами, еще три располагались с равными интервалами вдоль длинной оси. Все двери были закрыты. Мы с Локвудом тихо постояли, присматриваясь и прислушиваясь.

– Ничего, – наконец сказала я. – Как только мы сюда поднялись, стук прекратился.

– И никаких следов свечения смерти, – добавил Локвуд. По тому, как Энтони тяжело выговаривает слова, я поняла, что он испытывает *мелейз* – странную заторможенность и тяжесть во всем теле. Такое состояние наступает, когда оказываешься близко к Гостю.

– Леди проходят первыми, – вяло сказал Локвуд. – Давай, Люси, выбирай дверь и открывай.

– Ну уж нет. Вспомни, как я открыла дверь в том приюте для сирот и что из этого вышло.

– Но тогда все закончилось хорошо, верно?

– Только потому, что я успела пригнуться. Ладно, пусть будет вот эта, но только первым заходишь ты.

Я выбрала самую ближнюю дверь, ту, что была справа. Локвуд открыл ее. За дверью обнаружилась ванная комната – в луче фонарика ослепительно сверкнула кафельная плитка на стенах. Кроме большой белой ванны здесь стояли раковина и унитаз, а в воздухе висел аромат жасминового мыла. Ни я, ни Локвуд не почувствовали ничего примечательного, хотя температура в ванной комнате была такой же низкой, как на лестничной площадке.

Локвуд открыл следующую дверь. За ней оказалась большая спальня, превращенная в захламленный кабинет – наверное, самый захламленный во всем Лондоне.

Луч фонарика выхватил из темноты тяжелый деревянный

письменный стол, стоящий возле занавешенного окна. Впрочем, самого стола почти не было видно под грудой наваленных на него бумаг. Другие бумаги были кучами разбросаны по всему полу. Настоящий свинарник. Три четверти дальней боковой стены занимали ряды беспорядочно заставленных книжных полок. Еще в комнате были шкафы, старое кожаное кресло возле стола – и запах, слабый запах мужчины. Я различила в нем аромат лосьона после бритья, след табака и даже нотку виски.

Холод стал зверским. Термометр на моих часах показывал всего два градуса.

Я осторожно пробралась между кипами сваленных на полу бумаг к окну и раздвинула занавески – с них полетело столько пыли, что я невольно закашлялась. Комнату залил слабый свет, долетавший из горевших окон домов, расположенных за садом, на другой стороне дороги.

Локвуд рассматривал старинный потертый ковер, слегка двигая его туда-сюда по деревянному полу носком своего ботинка.

– Старые проплешины, – пояснил он. – Раньше этот ковер лежал на кровати, потом мистер Хоуп переложил его на пол, – Локвуд еще раз оглядел комнату и слегка передернул плечами: – Может, призрак мистера Хоупа приходит сюда, чтобы закончить разбирать свои бумаги?

– Возможно, – ответила я. – Во всяком случае, Источник находится именно здесь. Взгляни на градусник. И еще – раз-

ве ты не чувствуешь какую-то тяжесть, почти оцепенение?

– Да, – кивнул Локвуд. – К тому же это то самое место, где миссис Хоуп видела свою мифическую «движущуюся фигуру».

Где-то на нижнем этаже с пушечным грохотом хлопнула дверь. От неожиданности мы с Локвудом даже подпрыгнули на месте.

– Думаю, ты права, – сказал Локвуд. – Это то самое место. Нужно очертить здесь круг.

– Опилки или цепи?

– Э... опилки. Опилки подойдут.

– Ты уверен? Еще нет девяти часов, а силу наш Гость показывает уже немалую.

– Ну, не настолько уж большую. Я, конечно, не знаю, чего хочет мистер Хоуп, но не верю, что после смерти он превратился в злого духа. Опилки будут вполне достаточно, – он замаялся, и добавил: – К тому же...

– Что «к тому же»? – вопросительно взглянула я на него.

– Понимаешь, я забыл взять цепи. Да не смотри ты на меня так отчаянно.

– Ты забыл взять с собой цепи?! Локвуд!..

– Джордж положил их в масло, чтобы не заржавели, а я не проверил, вынул он их оттуда или нет. Так что, по сути, это вина Джорджа. Послушай, да какие проблемы? Что мы, без цепей не справимся с такой работенкой, как эта? Давай сыпь опилки, а я тем временем проверю остальные комнаты.

А потом сосредоточим все внимание на этой.

Ох, многое я могла бы сказать сейчас Локвуду, да только время было для этого не слишком подходящее. Так что я просто тяжело выдохнула:

– Не попади в беду. Не забывай, как тебя во время последнего расследования заперли в туалете.

– Ну да, призрак там меня запер – я же говорил тебе, как это случилось.

– Но перед этим ты уверял, что не чувствуешь никаких следов присутствия Гостя...

Я не успела договорить до конца, как Локвуд уже скрылся.

Чтобы выполнить работу, которая мне предстояла, много времени не потребовалось. Я сгребла в сторону несколько кип пожелтевших бумажных листов, чтобы очистить пространство в середине комнаты.

Затем откинула в сторону ковер и очертила железными опилками круг – небольшого радиуса, чтобы не тратить их слишком много. Этот круг станет для нас с Локвудом убежищем, где при необходимости можно будет скрыться от злых духов, – но кто знает, может, придется чертить и другие круги: это уж зависит от того, что мы обнаружим.

Закончив, я вышла на лестничную площадку и крикнула:

– Спускаюсь вниз, возьму еще опилок.

– Хорошо, – откликнулся Локвуд из соседней спальни. – Можешь заодно поставить чайник?

– Ага.

Я пошла к лестнице, глядя на открытую дверь ванной. Когда я прикоснулась руками к перилам, мои пальцы обожгло холодом. Я задержалась наверху, внимательно прислушалась, затем начала спускаться в слабо освещенный холл. Когда я прошла несколько ступенек, мне показалось, что сзади раздался шум, словно меня кто-то догонял. Я обернулась, но ничего не увидела. Положив руку на эфес рапиры, я спустилась вниз и пошла по холлу в сторону кухонной двери, из-под которой пробивался теплый желтый свет масляной лампы. Когда я открыла дверь после долгого пребывания в крошечной тьме, даже этот неяркий свет заставил меня зажмуриться. Я с удовольствием подкрепилась печеньем, сполоснула чашки и поставила чайник. Затем вытащила два брезентовых мешочка с опилками и, держа их в руках, ногой открыла дверь кухни. После яркого света на кухне холл, куда я вышла, показался еще темнее, чем прежде. В доме не было слышно ни звука. Локвуда тоже не было слышно – очевидно, он все еще осматривал спальни наверху.

Я медленно поднялась по лестнице – из относительного тепла в холод, затем в мороз, – держа в обеих руках по тяжелому мешочку с железными опилками. Добравшись до лестничной площадки, я со вздохом поставила мешочки на пол, а когда подняла голову, чтобы окликнуть Локвуда, увидела стоящую передо мной девушку.

3

Я застыла и не могла шевельнуться, только слышала, как тяжело колотится в груди сердце. Отчасти такое состояние можно было объяснить просто шоком от встречи с Гостьей – однако лишь отчасти. Казалось, мою грудь придавил огромный холодный камень, а руки и ноги утонули в липкой грязи. Мозг словно оледенел и отказывался мыслить, я чувствовала, что у меня уже никогда не хватит сил пошевелиться. Нахлынуло отчаяние, все на свете внезапно потеряло для меня всякий смысл, я стояла словно парализованная, молча и неподвижно.

Проще говоря, я испытала призрачный захват, который возникает, когда Гость Второго типа направляет на человека всю свою магическую силу.

Обычный человек так и остался бы беспомощно стоять здесь, позволив Гостю делать с ним все, что угодно. Но я то была не обычным человеком, а агентом, и мне уже доводилось сталкиваться с таким явлением, как призрак-шок. Я начала яростно, с усилием, через сопротивление и боль глубоко вдыхать морозный воздух – это должно было разогнать окутавший мои мозги туман. Я заставляла себя вернуться к жизни. И вот наконец мои руки дрогнули и смогли медленно потянуться к висевшей у меня на поясе рапире.

Девушка стояла за порогом превращенной в свинарник

спальни, силуэт Гостьи четко, как в рамку, вписывался в черный прямоугольник открытой двери. Фигура девушки была бледной, слегка размытой, однако я рассмотрела, что она стоит босыми ногами на отвернутом в сторону ковре, точнее – в ковре, по щиколотки, как в воду, погрузившись в него. На Гостье было миленькое платье из набивной ткани, с юбкой до колен. Рисунок на ткани – яркие, безвкусные, на мой взгляд, оранжевые подсолнухи. Фасон не современный, давно вышедший из моды. И платье, и руки, и ноги девушки, и ее длинные светлые волосы светились приглушенным, бледным потусторонним светом, словно падавшим откуда-то издалека. А вот лицо...

Лицо девушки казалось сгустком тьмы, на него свет не падал вообще.

Мне показалось, что девушке лет восемнадцать или около того. Чуть старше меня, но совсем ненамного. Не знаю, сколько времени я простояла вот так, не сводя глаз с девушки, у которой не было лица, и медленно, словно сквозь ртуть, сантиметр за сантиметром поднимая руки к своему поясу.

И вспомнила наконец о том, что я в этом доме не одна.
– Локвуд, – позвала я. – Эй, Локвуд...

Я постаралась произнести эти слова как можно беспечнее.

Никогда нельзя демонстрировать Гостям свой испуг, гнев и другие сильные чувства. Гости охотно поглощают эти эмоции и от этого становятся еще проворнее и агрессивнее. Ответа не последовало. Я прокашлялась и попробовала еще

раз:

– Эй, Локвуд!..

На этот раз интонация у меня получилась сюсюкающей, будто я разговаривала с маленьким ребенком или обращалась к умильному щеночку. Я старалась как могла, но этот мерзавец Локвуд по-прежнему не откликался.

Я повернула голову и позвала громче:

– Локвуд, пожалуйста, подойди сюда...

Наконец откуда-то издали долетел его приглушенный голос.

– погоди, Люси. Я тут нашел кое-что...

– Прекрасно! Но могу я...

Повернув голову назад, я обнаружила, что девушка приблизилась, она уже почти вышла из спальни на лестничную площадку. Лицо Гостыи все еще оставалось в тени, но вся остальная ее фигура сияла потусторонним светом ярче, чем до этого. Свои костлявые руки с длинными, загнутыми словно рыболовные крючки ногтями, девушка держала прижатыми к бокам. Я заметила, какие худые у Гостыи ноги.

– Чего ты хочешь? – спросила я Гостью и прислушалась.

Обычный человек этого не услышал бы, но у меня в ушах прошелестело:

– *Мне холодно.*

Фрагменты. Даже с моими способностями редко удается услышать что-то связное. Фрагменты, всегда только фрагменты, отдельные слова или фразы, словно долетевший из

немыслимой дали шепот. Но такой жуткий шепот, которого я не пожелаю услышать никому. С того момента, когда откликнулся Локвуд, прошла, казалось, целая вечность.

– Эй, Локвуд! – веселым тоном пропела я. – Ты мне срочно нужен...

Можете поверить – Локвуд откликнулся, но с таким раздражением, с такой неохотой!

– Да погоди ты минутку, Люси. Я нашел здесь кое-что интересное. Уловил свечение смерти – очень-очень слабое. В этой передней спальне когда-то тоже произошло нечто ужасное. След очень слабый, я чуть не потерял его – наверняка это случилось много лет назад. Знаешь, мне кажется, это травматический след... А это значит – пока только в теории, конечно, я просто выдвигаю свою догадку, – что в этом доме произошло минимум две насильственные смерти.... Что скажешь?

Я через силу хихикнула и ответила:

– Скажу, что могу помочь тебе подтвердить эту теорию, – и пропела окончание фразы: – Если только ты немедленно придешь ко мне-е-е.

– Вся штука в том, – тем временем продолжал Локвуд, – что я не вижу пока никакой связи между той, ранней смертью и смертью Хоупа. Впрочем, Хоупы жили в этом доме только два последних года, верно? Так что вполне возможно, что причиной явлений, которые потрясли миссис Хоуп, был не...

– ...не ее муж! – крикнула я. – Да, так и есть! Это не он!
Короткая пауза. Наконец-то до Локвуда начало что-то доходить.

– Что ты сказала?

– Я сказала, что это был не ее муж, Локвуд! А теперь немедленно иди сюда!

Вы, наверное, заметили, что я перестала сюсюкать и скрывать свои эмоции. Дело в том, что Гостья смогла уловить мое волнение и сейчас медленно выплывала по воздуху из двери спальни. Теперь я увидела, что ногти на ее тоненьких бледных ногах тоже длинные и тоже загнутые.

Но обе мои руки уже лежали на поясе. Одна сжимала эфес рапиры, другая держала в кулаке банку с греческим огнем.

Разумеется, использовать магниевые вспышки в домашней обстановке категорически не рекомендуется, однако в борьбе за собственную жизнь я не упущу ни единого шанса. Пальцы у меня окоченели и в то же время вспотели – они скользили по металлу.

Я уловила движение слева от себя и уголком глаза заметила появившегося на лестничной площадке Локвуда. Он сделал еще шаг и застыл на месте.

– Ах, вот оно что, – сказал Энтони.

Я мрачно кивнула:

– Да, и в следующий раз, когда я позову тебя во время расследования, будь любезен – откликайся чуть поживее.

– Прости. Но я вижу, ты отлично держишься. Она разго-

варивает?

– Да.

– Что сказала?

– Что ей холодно.

– Скажи ей, что мы все уладим. И не хватайся попусту за оружие, сделаешь только хуже. – Девушка подплыла еще ближе, и в ответ я начала вытаскивать рапиру. – Скажи ей, что мы все уладим, – повторил Локвуд. – Скажи, что мы найдем то, что она потеряла.

Я передала Гостье слова Локвуда, стараясь говорить как можно спокойнее и увереннее. Призрак от моих слов не съехался, не изменил своего вида, не испарился, не улетел – одним словом, не сделал ничего, что согласно «Руководству Фиттис» должен сделать любой Гость, которому вы даете надежду на освобождение.

– *Мне холодно*, – прошелестел у меня в ушах потусторонний голосок, а затем повторил уже громче: – *Мне холодно и одиноко*.

– Ну, что там? – Локвуд уловил контакт, но не мог слышать слов.

– Все то же самое, но на этот раз было не похоже, что это говорит девушка. Голос какой-то глубокий и гулкий, и такое эхо, будто он говорит из могилы.

– Скверно, да?

– Да, думаю, это дурной знак.

Я вытасила свою рапиру, Локвуд выхватил свою. Мы сто-

яли, молча глядя на призрак. Есть еще одно правило: никогда не нападай первым. Всегда жди, пытайся понять намерения Гостя. Наблюдай за тем, что он делает, куда направляется, изучай манеру его поведения. Девушка была сейчас уже так близко, что я могла рассмотреть фактуру ее длинных, спадающих вдоль шеи светлых волос, видела каждую родинку и веснушку на коже. Меня всегда поражало, что визуальное эхо может быть настолько сильным. Джордж называет это «волей к существованию» – когда призрак отчаянно старается сохранить себя таким, каким он когда-то был, не желает потерять ни крупинки себя прежнего. Разумеется, не все призраки такие. Здесь многое зависит от того, каким был человек и что именно произошло в тот момент, когда его жизнь подошла к концу.

Мы ждали.

– Ты можешь рассмотреть ее лицо? – спросила я. Видит Локвуд намного лучше меня.

– Нет. Оно закрыто словно вуалью. Все остальное очень ярко светится. Я думаю, это...

Он замолчал на полуслове, потому что я резко подняла вверх руку. На этот раз голос был едва слышен даже мне.

– *Холодно, – прошелестел он. – Мне одиноко и холодно. Одиноко и холодно... И я мертва!*

Потусторонний, клубящийся вокруг девушки свет вдруг ярко вспыхнул, и скрывающая ее лицо темная вуаль наконец приподнялась.

Я вскрикнула. Свечение погасло. Тень метнулась мне навстречу, раскинув свои костлявые руки. Волна ледяного воздуха обрушилась на меня, заставила отступить к лестнице. Я споткнулась о край верхней ступеньки и откинулась назад. Отчаянно уцепившись одной рукой за угол стены, другой я вытащила рапиру. Сейчас я почти висела над самым краем лестницы – ледяной ветер старался сбросить меня вниз, оочевенвшие пальцы скользили по гладкой холодной поверхности обоев. Призрачная фигура приблизилась. Я почувствовала, что сейчас упаду.

В этот миг, выписывая в воздухе сложные фигуры кончиком своей рапиры, между мной и Гостьей возник Локвуд. Тень попятилась, подняла руку, чтобы прикрыть свое лицо. Локвуд начертил новый узор – вспышки от стремительно летящего посеребренного кончика рапиры сплелись в сплошную сверкающую стену. Призрак отступил еще дальше, затем съежился и стрелой улетел прочь, в спальню-кабинет. Локвуд бросился в погоню за Гостьей.

Теперь лестничная площадка была пуста. Ледяной ветер стих. Цепляясь за стену, я выволокла себя наверх и опустилась на колени. Волосы, растрепавшись, упали мне на глаза. Одна нога все еще свисала над краем верхней ступеньки.

Я медленно потянулась за своей рапирой. Движение отдалось острой болью в плече – очевидно, цепляясь за стену, я слегка вывихнула руку.

Вернулся Локвуд. Он склонился надо мной и внимательно

меня осмотрел.

– Она дотронулась до тебя? – спросил он.

– Нет. Куда она делась?

– Я покажу, – он помог мне подняться на ноги. – Ты уверена, что с тобой все в порядке, Люси?

– Разумеется, – я откинула со лба волосы и вбросила рапиру в кожаную петлю на поясе.

Плечо все еще побаливало, но в принципе со мной действительно было все в порядке.

– Итак, – я направилась к спальне-кабинету, – пойдём разбираться.

– погоди минутку, – Локвуд протянул руку, чтобы поддержать меня. – Тебе нужно хоть немного передохнуть.

– Я чувствую себя прекрасно.

– Ты сердишься. А этого не должно быть. Такое нападение кого хочешь застанет врасплох. Я тоже знаешь как удивился.

– Но ты не выронил рапиру, в отличие от меня, – я оттолкнула руку Локвуда. – Послушай, мы зря теряем время. Когда она вернется...

– Рапира... Просто Гостья направила свою силу на тебя, а не на меня. Это тебя она хотела сбросить с лестницы. Думаю, теперь мне понятно, что заставило бедного мистера Хоупа споткнуться. Короче, Люси, я настаиваю на том, что прежде всего тебе нужно успокоиться. Гостья быстро поглотит твою злость и сразу станет намного сильнее.

– Да, знаю, – хмуро пробурчала я. Закрыв глаза, я сделала

один глубокий вдох, затем другой, пытаюсь следовать рекомендациям «Руководства Фиттис»: взять себя в руки, привести в порядок свои чувства. Спустя несколько секунд мне действительно это удалось. Я смогла даже приглушить свои эмоции: мысленно схватив свой гнев за шиворот, я выбросила его из головы, и он змеиной шкурой упал на пол к моим ногам.

Я вновь прислушалась. В доме было совершенно тихо, но в этом молчании чувствовалось нечто тревожное – такая тишина бывает во время сильного снегопада, она давит, угнетает. У меня возникло странное ощущение, будто эта тишина наблюдает за мной.

Когда я открыла глаза, Локвуд стоял, засунув руки в карманы своего пальто, и спокойно всматривался в окутавшую лестничную площадку тьму.

Его рапира снова была вде́та в ремешок на поясе.

– Ну как? – спросил он.

– Мне гораздо лучше.

– Гнев прошел?

– Не осталось ни капельки.

– Хорошо. Но если ты все же неважно себя чувствуешь, мы немедленно отправимся домой.

– Мы не отправимся домой, – невозмутимо ответила я. – И я уже объясняла тебе почему. Дочь миссис Хоуп не захочет еще раз впустить нас сюда. Она считает нас слишком юными. Если мы не расколем этот орешек до сегодняшнего утра, она

обратится в агентство «Фиттис» или «Ротвелла» и передаст эту работу им. А нам нужны деньги, Локвуд. Так что дело нужно закончить прямо сейчас.

Локвуд не шелохнулся.

– В большинстве других случаев я бы с тобой согласился, – сказал он. – Но сейчас обстоятельства дела, которое мы расследуем, изменились. Нам стало известно, что миссис Хоуп преследует призрак вовсе не ее покойного мужа, а человека, ставшего жертвой убийцы. Ты знаешь, чего можно ожидать – и дожидаться – от такого Гостя. Так что, Люси, если с тобой не все в порядке...

Его снисходительный заботливый тон начинал раздражать, и я спокойно, но твердо ответила:

– Предлагаешь уйти? Но ведь главная проблема не во мне, не так ли?

– Что ты хочешь сказать? – нахмурился Локвуд.

– Я имею в виду железные цепи.

– Ну, началось, – закатил глаза Локвуд. – Послушай, при чем тут...

– При том. Железные цепи входят в стандартный набор каждого агента, Локвуд. Это самая надежная защита, когда ты имеешь дело с сильным призраком Второго типа. А ты, видите ли, забыл взять эти цепи!

– Только потому, что Джордж настоял на том, чтобы их смазать! И, насколько я припоминаю, по твоему совету.

– А, так значит, это моя вина, так, что ли? – воскликнула

я. – Да большинство агентов скорее забудут штаны надеть, чем выйти на задание без цепей, но именно это ты каким-то образом и умудрился сделать. Тебе так не терпелось попасть сюда, что я удивляюсь, как это ты вообще что-то захватил. Между прочим, Джордж советовал нам не спешить с этим делом. Он хотел дополнительно исследовать дом. Но нет – ты отклонил это предложение. Как же, ведь ты у нас старший, ты босс!

– Да! Именно так я решил, и именно потому, что я старший. Это моя обязанность...

– ...принимать неверные решения? Да, с этим я согласна.

Мы стояли, сложив руки на груди, глядя друг на друга сквозь тьму, окутавшую лестничную площадку зараженного призраками дома. Затем лицо Локвуда смягчилось, и на нем, как солнце на небе после дождя, расцвела если не улыбка, то, по крайней мере, дружеская ухмылка.

– Ладно... – сказал он. – Как насчет твоего гнева, Люси? Ты справилась с ним?

– Признаю, я раздражена, – буркнула я. – Но сейчас я злюсь на тебя, а не на Гостью. А это вещи разные.

– Не уверен, что это так, но, предположим, принимаю твою точку зрения, – он коротко хлопнул в ладоши. – Хорошо, твоя взяла. Пусть Джорджу это не понравится, но я думаю, что мы можем рискнуть. Значит, так: я на время отвлеку Гостью, это даст нам небольшую фору. Если поспешим, сможем управиться со всем этим за полчаса.

Я наклонилась, чтобы взять мешочки с железными опилками:

– Давай просто покажи мне это место.

* * *

«Это место» находилось в дальнем конце спальни-кабинета – пустой участок стены между двумя рядами захлампованных книжных полок. В резком свете своих фонариков мы рассмотрели, что стена здесь оклеена старыми, грязными, выцветшими, частично отставшими вдоль стыков обоями. На обоях был рисунок – диагональные ряды аляповатых бесформенных роз.

В центре этого участка стены к обоям кнопками была прикреплена цветная геологическая карта Британских островов. Основание стены скрывалось за наваленными стопками геологическими журналами – высота этих стопок доходила мне почти до пояса. Одна или две стопки были прижаты сверху пыльными геологическими молотками. Я подумала, что, возможно, мистер Хоуп по своей основной профессии был геологом.

Я изучила книжные полки, висевшие по обе стороны пустого пространства, и заметила, что в этом месте стена слегка выступает вперед.

– Старый дымоход, – сказала я. – Значит, она скрылась там?

– Вообще-то она растаяла раньше, чем добралась до стены, но, думаю, что ушла именно туда. Это вполне логично, если предположить, что Источник находится внутри дымохода, разве нет?

Я кивнула. Да, это вполне логично. Дымоход – вполне подходящая полость, чтобы спрятать в ней что угодно.

Мы принялись перетаскивать стопки журналов в другой конец комнаты, чтобы полностью расчистить рабочее пространство. Локвуд хотел сохранить в середине очерченный мной еще раньше круг из железных опилок и сделать к нему свободный проход от стены, поэтому большую часть журналов нам пришлось отнести к самой двери или даже вытащить на лестничную площадку.

Перетаскивая журналы, я едва ли не каждую секунду оставалась и внимательно прислушивалась, однако в доме было тихо.

Когда мы расчистили достаточно большую площадь, я вытащила из мешочков новую пластиковую банку с опилками и неровно рассыпала их по полу, образовав дугу возле ключевого участка стены. Затем соединила прямой линией концы дуги возле стены, отступив от ее нижнего края примерно на метр – чтобы куски штукатурки, которые будут падать вниз, не разорвали линию опилок. В результате образовалось очерченное опилками пространство, внутри которого хватало места, чтобы встать нам с Локвудом и положить туда же оставшиеся мешочки с опилками. Ах, насколько все было бы

проще, не забудь Локвуд взять с собой цепи!

Заодно я проверила свой первый круг в середине комнаты. Пока мы таскали журналы, в нескольких местах опилки сдвинулись, и я аккуратно вернула их на место, восстановив круг. Локвуд тем временем снял со стены геологическую карту и прислонил ее к столу. Затем спустился на кухню и вернулся оттуда с парой масляных ламп. Время наблюдать и слушать в темноте закончилось, теперь нам нужен был свет. Локвуд поставил лампы на пол внутри нашего полукруга, включил их и направил лучи на пустую стену. Теперь этот участок стены стал напоминать освещенную маленькую сцену.

Все это заняло у нас примерно четверть часа. Закончив приготовления, мы с Локвудом встали наконец внутри очерченного железными опилками полукруга, держа наготове складные ножи и маленький, загнутый на конце ломик – вагу. Воры-домушники называют такие ломки фомками.

– Хочешь услышать мою теорию? – спросил Локвуд, глядя на стену.

– Сгораю от нетерпения.

– Ее убили в этом доме несколько десятилетий назад. Достаточно давно, чтобы призрак успокоился и перестал появляться. А мистер Хоуп устроил в этой комнате свой кабинет, и это каким-то образом пробудило Гостью. Смело можно предположить, что там, в дымоходе, спрятано что-то очень для нее важное. Что-то такое, что притягивает призрак к се-

бе – одежда, какие-нибудь личные вещи или, например, подарок, который она собиралась кому-то сделать. Или...

– ...или вообще что угодно, – перебила я Локвуда.

– Ну да.

Мы все еще стояли и смотрели на стену.

4

С тех пор как Марисса Фиттис и Том Ротвелл провели свои знаменитые расследования – а было это в самые первые годы после возникновения Проблемы, – стало ясно, что главной задачей каждого агента является поиск и нахождение Источника. Да, разумеется, помимо этого мы выполняем еще массу вещей – создаем заградительные барьеры от злых духов в неблагополучных домах, помогаем защититься от них отдельным людям, ставим соляные ловушки в садах, устанавливаем железные полосы на порогах дверей, подвешиваем обереги над детскими кроватками, снабжаем клиентов лавандовыми ароматическими свечками, призрак-лампами и прочими современными средствами защиты в любом количестве. Но главное в нашем деле – если хотите, смысл работы агента – всегда одно: обнаружить то особое место или предмет, который притягивает к себе каждого конкретного призрака.

О том, как действуют эти самые Источники, не знает никто.

Одни уверяют, что Гости на самом деле обитают внутри Источников, другие считают Источники порталами, соединяющими наш мир с миром потусторонним в тех точках, где граница между ними нарушена жестокостью или чрезмерно сильными эмоциями. У агентов нет времени размышлять о

природе Источников. Мы слишком заняты тем, чтобы избежать непосредственного контакта с Гостями, и нам некогда философствовать на отвлеченные темы.

Как верно заметил Локвуд, Источником могло быть что угодно. Например, точное место, где произошло убийство, или особенным образом связанный с личностью умершего предмет, спрятанное им сокровище – да мало ли что. Впрочем, чаще всего (в 73 процентах случаев, согласно исследованиям, проведенным в Институте Ротвелла) Источником является то, что в «Руководстве Фиттис» деликатно называется «персональными органическими останками». А чем окажется Источник на самом деле, вы не узнаете до тех пор, пока не увидите его своими собственными глазами.

Именно это мы и собирались сейчас сделать.

Всего минут за пять мы успели ободрать обои с центральной плиты выбранного нами участка стены. Обои были старыми, клей, на котором они держались, давным-давно высох и превратился в пыль. Мы поддевали ножами края обоев и отдирали сразу целые пласты. При этом часть их прямо у нас в руках рассыпалась в труху, другая часть падала вниз большими, похожими на куски старой кожи, клочьями. Штукатурка под обоями была розовато-белая, пятнистая, в оранжево-коричневых крапинках от высохшего обойного клея. Очищенная поверхность стены напомнила мне обвалянную в панировке ветчину.

Локвуд взял одну из ламп и стал внимательно изучать сте-

ну, проводя пальцами по ее шершавой поверхности и направляя луч света под разными углами, чтобы рассмотреть игру теней на штукатурке.

– Да, здесь была полость, именно в этом месте, – сказал он. – Большая. Потом кто-то ее замуровал. Видишь, как отличается цвет штукатурки?

– Вижу. Думаешь, мы сможем пробиться внутрь?

– Наверняка это будет не слишком сложно, – ответил Локвуд, поднимая свой ломик. – Как там, все тихо?

Я оглянулась через плечо. За границей маленького светового пятна от лампы в комнате не было видно ни зги. Мы с Локвудом находились на ярко освещенном островке, со всех сторон окруженном океаном тьмы. Я прислушалась и ничего не услышала, однако тишина не была нейтральной, она оставалась гнетущей, буквально давила на уши.

– Пока все в порядке, – сказала я. – Но, боюсь, это ненадолго.

– Тогда приступим.

Локвуд взмахнул ломиком и всадил его короткий загнутый конец с зубчиками в штукатурку. На пол дождем посыпались крошки.

Спустя двадцать минут наша одежда была усыпана белой пылью, носки ботинок упирались в груды высыпавшихся из стены обломков. Отверстие, которое мы проделали, было достаточным по высоте и ширине, чтобы в него мог пролезть взрослый мужчина. Под слоем штукатурки обнажились тем-

ные доски, намертво прибитые к стене старыми ржавыми гвоздями.

– Любопытно, – сказал Локвуд. На лбу у него блестели капельки пота, а голос показался наигранно бодрым. – Похоже на переднюю стенку от сундука, или на дверцу шкафа, или еще на что-то в том же духе. Видимо, досками забита вся наша дыра в стене. Такие вот дела, Люси.

– М-да, – отозвалась я и добавила: – Не забывай про опилки.

Перед тем как долбить стену, Локвуд слишком далеко отступил назад и сместил опилки, разорвав линию. Сейчас нужно думать об опилках, а не о том, от чего эта доска. Об опилках, о правилах, о собственной безопасности.

Ах, цепи, цепи, насколько все было бы проще, не забудь их Локвуд! Опилки – вещь коварная. Один раз неловко переставил ногу – и готово: линия нарушена и ты в опасности. Я присела на корточки и принялась тщательно восстанавливать нарушенную Локвудом линию дуги. Услышала, как у меня над головой глубоко вдохнул Локвуд, затем раздался удар ломика, впившегося в древесину.

Восстановив линию, я подобрала несколько кусков штукатурки, которые могли вновь стронуть опилки, и выбросила их за пределы полукруга. Затем, опять присев на корточки, я плотно прижала одну руку к половицам и посидела так с минуту, а может, немного больше.

Когда я поднялась на ноги, Локвуду уже удалось слегка

расщепить одну толстую доску, но пробиться насквозь он еще не смог. Я дотронулась до его локтя.

– Что? – спросил Локвуд, в очередной раз ударяя по доске вагу.

– Она возвращается, – сказала я.

Стук был слишком слабым, чтобы расслышать его за шумом, который производил Локвуд, но я уловила вибрацию половиц. Сейчас, пока я говорила, он сделался громче – три быстрых толчка, затем жуткий глухой удар упавшего тяжелого мягкого тела. Потом тишина – и вновь та же цепочка звуков. Акустическая память падения мистера Хоупа с лестницы.

Я рассказала Локвуду о том, что слышу.

– Понял, – коротко кивнул он. – Это ничего не меняет. Продолжай следить и не позволяй ей выбить тебя из колеи. Только этого она и добивается. Распознала в тебе наше слабое звено.

– Прости, – моргнула я. – Повтори, что ты сказал?

– Люси, сейчас не время. Я имел в виду наше эмоционально слабое звено.

– Что? Думаешь, так звучит лучше?

– Я имел в виду... – Локвуд тяжело вздохнул. – Ну, короче, твой Дар *намного* тоньше, чувствительнее моего, но именно поэтому ты больше подвержена влиянию сверхъестественных сил, а это в таких ситуациях, как нынешняя, может вызывать определенные проблемы. Все о'кей?

Я уставилась на него:

– На мгновение мне показалось, что это говоришь не ты, а Джордж.

– Перестань, Люси. Давай больше не будем отвлекаться. Локвуд повернулся лицом к стене, я – лицом к комнате.

Ожидая Гостью, я вытащила свою рапиру. В комнате было темно и тихо. Только в ушах у меня бесконечно повторялось: *бум, бум... Бах!*

Затрещало дерево, и я поняла, что ломик Локвуда пробил в доске щель и теперь он изо всех сил старался ее расширить. Скрипели заржавевшие гвозди.

Одна из наших ламп начала медленно гаснуть. Ее пламя замигало, побледнело, уменьшилось, умирая. Но вторая лампа продолжала гореть. С одной лампой изменилось освещение в комнате – теперь по полу закачались наши с Локвудом искаженные тени.

По комнате пронесся неожиданный порыв ледяного ветра. Я услышала, как зашевелились, зашуршали лежащие на столе бумаги.

– Ты решила, что она хочет, чтобы мы сделали это, – тяжело дыша, сказал Локвуд. – Ты решила, что она хочет, чтобы мы нашли ее.

На площадке громко хлопнула дверь.

– Похоже, это не так, – сказала я.

Где-то в доме застучали другие двери, одна за другой, семь раз кряду. Издалека послышался звон разбившегося

стекла.

– Проклятье! – сердито проворчал Локвуд. – Это все из-за тебя. Попробуй что-нибудь еще.

Неожиданно повисла мертвая тишина.

– Сколько раз я тебя просила не дразнить их! – сказала я. – Это никогда ничем хорошим не кончается.

– Ладно, ладно. Приготовь барьер. Мы почти у цели.

Я наклонилась, чтобы залезть в свой рюкзак. Мы всегда берем с собой целый набор самых разных предметов, которые должны нейтрализовать, запечатать любой найденный Источник. Все эти предметы сделаны из металлов, которых не выносят Гости, – из серебра и железа. Размеры и формы их могут быть самые разные – коробки, трубки, гвозди, сетки, кольца, полоски, цепочки. «Ротвелл» и «Фиттис» специально заказывают все это с логотипом своего агентства. Мы, в агентстве Локвуда, используем самые простые, ничем не украшенные печати. Ведь логотип – далеко не самое главное. Куда важнее правильно установить барьер, определить минимальный размер просвета, который перекроет Гостю проход.

Я выбрала металлическую сетку – тонкую, но мощную, сплетенную из серебряных колечек.

Она была аккуратно сложена, но если ее развернуть, такой сеткой можно закрыть довольно большой предмет. Я сжала ее в ладони, поднялась на ноги и стала наблюдать за тем, что

происходит со стеной.

Локвуду удалось слегка расщепить доску – щель в ней походила на сделанный из непроглядной тьмы клин. Локвуд тянул, бил ломиком, расшатывал доску, пыхтя от напряжения. Его ботинки находились в опасной близости от нашей заградительной линии из железных опилок.

– Пошла, – сказал он.

– Хорошо, – ответила я, снова поворачиваясь лицом к комнате.

А там, прямо у самой черты полукруга, передо мной стояла мертвая девушка.

Холодный сумеречный свет падал ей на лицо, и я впервые увидела ее такой, какой она была когда-то, давным-давно, перед тем, как с ней случилось то, что случилось. Она была красивее меня – круглощекая, с маленьким прямым носиком, полными губами и большими умоляющими глазами. Я всегда инстинктивно недолюбливала девушек такого сорта – податливых и глупых, равнодушных ко всему, что их не касается, а во всем остальном рассчитывающих добиться своего за счет обаяния. Мы стояли с ней лицом к лицу – длинноволосая блондинка и темная шатенка с покрытыми пылью от штукатурки волосами. Она – босоногая, в легком летнем платье, я – с красным носом, дрожащая от холода в своей юбке, леггинсах и пуховике. Если бы не железная линия, мы могли бы коснуться друг друга. Кто знает, может, именно этого ей и хотелось, а невозможность сделать это еще

сильнее разжигала ее гнев.

Лицо девушки ничего не выражало, но меня обдавали волны исходившей от нее ярости.

Я издевательски отсалютовала Гостье сжатой в ладони железной сеткой. В ответ из тьмы налетел порыв ледяного ветра, обжег мне щеки, взъерошил волосы, ударился о барьер из железных опилок, слегка пошевелив их.

– Нужно поторапливаться, – сказала я.

Локвуд закричал, послышался треск ломающейся древесины.

По всей комнате началось движение – с шелестом стали переворачиваться страницы журналов, задвигались книги, птицами взлетели в воздух пыльные бумажные листы. Ветер прилепил мою куртку, завыл в углах комнаты. Гостья стояла, глядя сквозь меня так, словно это не она, а я была соткана из воспоминаний и воздуха.

Рядом с моими ботинками зашевелились, начиная расползаться, железные опилки.

– Быстрее, – сказала я Локвуду.

– Готово! Давай барьер.

Я стремительно повернулась – главное при этом не заступить за черту – и протянула Локвуду сложенную сетку. В этот момент Локвуд в последний раз ударил ломиком, и доска наконец сдалась. Она треснула по всей ширине у нижнего края пробитой в штукатурке дыры и вывернулась вперед, потянув за собой еще две доски, скрепленные с ней прибитыми гвоз-

дями планками. Ломик неожиданно проскочил внутрь, из-за чего Локвуд потерял равновесие, покачнулся и наверняка вылетел бы за линию опилок, если бы я не поддержала его.

Секунду мы балансировали над опилками, вцепившись друг в друга.

– Спасибо, Люси, – сказал Локвуд. – Чуть не влипли.

Он ухмыльнулся. Я облегченно кивнула в ответ.

В этот момент на нас повалились выломанные доски – и за ними открылась пустота.

Мы должны были предвидеть, что нас ждет. Разумеется, должны были – но все равно это был шок. И совсем не лучший вариант, когда ты испытываешь шок, не успев при этом восстановить равновесие. А мы с Локвудом все еще качались на краю железной черты. Так что как следует рассмотреть то, что открылось внутри замурованного дымохода, я не смогла – мешали наши перепутавшиеся руки и ноги и то, что при этом Локвуд, стараясь удержаться за границей очерченного полукруга, навалился на меня.

И все же я успела увидеть достаточно много. Достаточно для того, чтобы увиденное огнем обожгло мой мозг.

У той, что была внутри дымохода, все еще сохранились светлые волосы, сильно запачканные сажей и пылью и так плотно оплетенные паутиной, что трудно было сказать, где кончаются волосы, а где начинается паутина. Все остальное, кроме волос, распознать было намного труднее – обнажившиеся пожелтевшие кости, оскаленные, лишенные губ зубы,

прилипшие к скелету лоскуты сморщившейся потемневшей кожи. Все это уже лет пятьдесят простояло в узкой кирпичной нише. С обнажившихся костей свисали лохмотья красивого летнего платья – того самого, с оранжево-желтыми подсолнухами, которые и сейчас просвечивали сквозь кокон паутины.

А дальше я не удержалась на ногах и грохнулась на пол. Навзничь. Приложилась затылком к половицам, и из глаз у меня посыпались искры.

А спустя еще секунду на меня всем своим весом навалился упавший Локвуд. Я охнула.

Затем искры исчезли, мозги прочистились и я открыла глаза. Я лежала на спине, по-прежнему сжимая в ладони серебряную сеть, которую, оказывается, не выронила и не потеряла. Это была хорошая новость.

Но была плохая: я снова выронила свою рапиру.

Локвуд уже скатился с меня куда-то вбок. Я тоже перекадилась, вскарабкалась на корточки, бешено огляделась по сторонам, ища свое оружие.

Но вместо своей рапиры я увидела беспорядочно сбившиеся в кучу железные опилки, которые мы стронули с места, когда падали, Локвуда, стоявшего на коленях опустив голову, с развевающимися на ветру волосами и пытающегося вытащить рапиру, застрявшую под его длинным тяжелым пальто.

И молча плывущую над ним призрачную девушку.

– Локвуд!!!

Он резко вскинул голову. Пальто туго перекрутилось вокруг его коленей и не давало возможности дотянуться до пояса. Времени вытащить рапиру у него не было.

Девушка спланировала ниже, оставляя за собой тонкий шлейф потустороннего света, и протянула к лицу Локвуда свои длинные бледные руки.

Я не раздумывая выхватила из кармашка на поясе банку с греческим огнем и швырнула ее. Банка разминулась с Гостьей и грохнулась о стену. Хрустнул стеклянный предохранитель. Ослепительная вспышка магния насквозь пронзила своими лучами Гостью, и ее фигура исчезла в туманном облаке. Локвуд тряс головой – в его волосах продолжали догорать искры магния.

Греческий огонь – прекрасная вещь, кто бы спорил. Эта смесь мелких железных опилок, магния и соли поражает Гостя сразу тремя способами.

Раскаленное железо и соль насквозь пронзают вещество, из которого состоит призрак, а ослепительный свет вспышки магния причиняет ему невыносимую боль. Но (тут-то и зарыта собака) хотя греческий огонь сгорает очень быстро, почти моментально, он тем не менее успевает поджечь не только Гостя. Вот почему в «Руководстве Фиттис» категорически не рекомендуется использовать греческий огонь в помещениях, за исключением тех случаев, когда ситуация полностью находится под контролем агента.

В нашей ситуации мы имели набитую бумагами комнату и очень злобный Спектр. Как вы считаете, можно назвать такую ситуацию «полностью контролируемой»?

Конечно, нет, и здесь я с вами полностью согласна.

Что-то где-то завывало от боли и гнева. Гулявший по комнате ветер, поначалу слегка притихший, взвыл с удвоенной силой. Подоженные греческим огнем листы бумаги взмыли в воздух и стремительно полетели прямо мне в лицо. Я успела отмахнуться, они отлетели в сторону и начали корчиться, словно сминаемые невидимой рукой. Затем горящие листы разлетелись по всей комнате, опускаясь на книги и полки, на стол, занавески, высохшие от времени папки и письма, на пыльные подушки кресла...

Словно звездочки на вечернем небе, один за другим замерцали язычки пламени. Их было много, и они загорались повсюду.

Локвуд наконец поднялся на ноги. Его волосы и пальто дымилась. Пальто он с себя сорвал и отшвырнул в сторону. Сверкнуло серебро – это он выхватил свою рапиру. Взгляд Локвуда был устремлен в остававшийся в тени угол комнаты. Там, среди бешено крутящихся в воздухе бумажных листов, начинала заново формироваться призрачная фигура.

– Люси! – Локвуд старался перекричать вой ветра. – План Е! Действуем по плану Е!

План Е? Что еще, к чертям собачьим, за план Е? У Локвуда всегда огромное количество планов. Разве станешь вспо-

минать, какой из них Д, а какой Е, когда вокруг тебя стопка за стопкой загораются журналы, пламя становится все выше и путь на лестничную площадку уже отрезан огнем и дымом?!

– Локвуд! – крикнула я. – Дверь...

– Нет времени! Я ее отвлеку! А ты займись Источником!

Ну да, конечно. Это и есть план Е. Один из нас удерживает Гостя вдали от Источника, второй нейтрализует этот Источник. Локвуд уже уверенно пробирался танцующей походкой вперед, к тому месту, где в дыму сформировалась призрачная фигура. Над его головой летали горящие обрывки бумаги, но он, не обращая на них никакого внимания, шел, низко опустив к земле рапиру. Он казался незащищенным. Призрачная девушка неожиданно набросилась на Локвуда – он отклонился назад. Сверкнула рапира, отбивая вытянутую вперед руку призрака. Длинные светлые волосы Гостя слились с клубами дыма. Локвуд пригнулся, сделал выпад, рассекая эти туманные завитки. Его рапира бешено засверкала, образуя защитный барьер, под прикрытием которого он спокойно отступал, уводя Гостью вслед за собой все дальше от пролома в стене.

Иными словами, Локвуд давал мне возможность выполнить мою часть работы. Я бросилась вперед, к темному отверстию в старом дымоходе. Ветер завывал вокруг меня, плакал человеческим голосом. На лицо сыпались искры, дым не давал дышать.

Со всех сторон росло, крепло пламя. Ветер стал еще неистовей – он вставал передо мной плотной преградой, пытался оттолкнуть меня назад, но я упорно, шаг за шагом, приближалась к своей цели.

Висевшие рядом с проломом в стене книжные полки рухнули вниз, объятые огнем. Язычки пламени словно струйки ртути растекались по всему полу. Поверхность не отбитой штукатурки окрасилась в оранжевый цвет, но отверстие в стене оставалось угольно-черным, и стоящий внутри дымохода труп девушки был едва виден. И все же сквозь кокон паутины я разглядела ее лишнюю губ улыбку. Точнее, оскал.

Нет ничего хорошего в том, чтобы видеть прямо перед собой такие вот улыбочки. Они отвлекают от работы. Я трянула сеть, которую держала в руке.

Ближе, ближе... шаг за шагом... Теперь я подобралась совсем близко, но старалась не смотреть на жуткий череп и опустила взгляд ниже. Увидела костлявую шею, оставшиеся от платья лохмотья... Неожиданно на шее девушки что-то блеснуло.

Тонкая золотая цепочка.

Я просунулась в отверстие дымохода, держа наготове сеть и слыша за спиной рев ветра и пламени. На секунду взглянула на тонкую цепочку с подвешенным к ней кулоном – он покачивался в жуткой полости между остатками платья и верхними ребрами. Когда-то девушка надела его на себя своими

собственными, еще живыми руками, чтобы выглядеть привлекательнее.

И вот украшение по-прежнему висит на своем месте и сверкает, хотя прошло столько лет и плоть, на которую его надели, давно истлела.

Мне стало очень жаль эту девушку.

– Кто сделал это с тобой? – негромко спросила я.

– Люси! – прорвался ко мне сквозь завывания ветра голос Локвуда. Я повернула голову и увидела несущуюся ко мне сквозь бушующий огонь Гостью. Ее лицо ничего не выражало, глаза не моргая смотрели на меня. Она раскинула руки в стороны, словно собиралась обнять меня.

Но мне вовсе не улыбалось попасть в объятия призрака. Я вслепую погрузила руки прямо в кокон паутины, чувствуя, как забегали по пальцам пауки. Я попыталась распустить сеть, но она зацепилась за какую-то оставшуюся внутри отверстия щепку. Гостья была уже совсем рядом. Я рванула сеть – щепка треснула и отвалилась. Всхлипнув, я опустила сеть на мягкие, высохшие, покрытые пылью и паутиной волосы, и она начала разворачиваться, прикрывая останки девушки, оказавшиеся теперь словно внутри клетки.

В тот же миг, повиснув в воздухе, застыла и Гостья. Понесся вздох, стон, волосы Гостьи перестали развеиваться и упали вперед, скрыв ее лицо. Призрачный свет, который она излучала, становился все слабее, слабее, слабее...

И погас. Все было кончено. Гостья перестала существо-

вать, исчезла – словно ее никогда и не было.

В тот же миг исчезла и магическая сила, наполнявшая этот дом. С чем сравнить это ощущение? Представьте, что с вас неожиданно сняли придавивший вас мешок. В ушах у меня щелкнуло. Ветер прекратился. Комната была полна горящих обрывков бумаги, медленно разлетающихся по полу.

Все правильно. Так и должно быть, когда тебе удастся нейтрализовать Источник.

Я глубоко вдохнула, прислушалась...

Да, в доме стало по-настоящему тихо. Гостья пропала.

Разумеется, когда я говорю, что в доме стало тихо, я имею в виду тишину на сверхъестественном уровне. А в реальности продолжал гудеть пожиривший комнату огонь. Полыхали половицы, из-за дыма стало не видно потолка. Успели загореться и те кипы бумаг, которые мы выносили из комнаты, когда расчищали подход к стене, так что огнем была уже охвачена и лестничная площадка. Этот путь к отступлению был для нас отрезан.

Стоявший в другом конце комнаты Локвуд бешено махал мне рукой, указывая на окно.

Я кивнула. Времени у нас почти не осталось. Дом был обречен сгореть в огне. Но прежде чем побежать к Локвуду, я, почти не думая, повернулась назад к отверстию в дымоходе, залезла рукой под сеть (стараясь не думать о том, к чему еще я притрагиваюсь) и нащупала тонкую золотую цепочку – единственное сохранившееся в первоначальном виде на-

поминание о жившей когда-то девушке. Я потянула цепочку – она отделилась так легко, словно не была застегнута. Не глядя я сунула цепочку с висевшим на ней кулоном вместе с паутиной и пылью в карман куртки. Затем повернулась и, пробираясь между языками пламени, поспешила к стоявшему возле окна столу.

Локвуд уже успел вскочить на стол, спихнув с него ботинком стопку горящих бумаг, и сейчас пытался открыть окно. Оно не поддавалось, и Локвуд просто выбил его ногой вместе с защелкой. Я вспрыгнула на стол рядом с Локвудом и впервые за много часов мы с наслаждением вдохнули полной грудью свежий, влажный, пропитанный туманом воздух.

Затем мы бок о бок присели на подоконник. Слева и справа от нас со змеиным шипением вспыхнули шторы. В саду под домом мы увидели тени своих скорченных силуэтов, вписанные в прямоугольник мерцающего красного света.

– Ты в порядке? – спросил Локвуд. – А там, в дымоходе, что-то случилось?

– Нет. Ничего не случилось. И я в порядке, – бледно улыбнулась я. – Ну, вот, еще одно дело раскрыто.

– Ага. Интересно, будет ли довольна миссис Хоуп? С одной стороны, ее дом сейчас сгорит дотла, но, по крайней мере, в нем уже не осталось призраков... – Он посмотрел на меня. – Ну...

– Ну... – Я наклонилась вперед, безуспешно пытаюсь рассмотреть, что ждет нас внизу. Но было слишком темно и да-

леко.

– Все будет хорошо, – сказал Локвуд. – Я почти уверен, что там, под домом, густые кусты.

– Ладно.

– А может, зацементированный внутренний дворик, – ухмыльнулся он и похлопал меня по ладони. – Давай, Люси. Поворачиваемся спиной вперед и прыгаем. Тем более что у нас все равно нет выбора.

Да, насчет выбора Локвуд был прав. Когда я оглянулась назад, огнем был уже охвачен весь пол комнаты. Пламя почти добралось до отверстия в дымоходе. Вскоре то, что находится там внутри, сгорит без остатка. К счастью. Я негромко вздохнула:

– Хорошо, будь по-твоему.

– Мы с тобой работаем вместе полгода. Скажи, я хоть раз подвел тебя? – ухмыльнулся Локвуд.

Я только хотела открыть рот, чтобы перечислить все случаи, когда он меня подводил, как над столом начал проседать потолок. Градом посыпались горящие балки и пласты штукатурки. Что-то сильно толкнуло меня в спину. Локвуд попытался подхватить меня, но сам потерял равновесие.

Мы оба качнулись, хватаясь руками за воздух, какое-то мгновение оставались подвешенными между жаром и холодом, между жизнью и смертью, а затем вместе рухнули вниз, в непроглядную тьму.

Часть 2. До

5

Некоторые уверяют, что Проблема существовала всегда. Они говорят, что в призраках, как и в их поведении, нет ничего нового. Такие люди ссылаются, например, на римского писателя Плиния, жившего почти две тысячи лет назад. У него есть рассказ о некоем ученом, купившем дом в Афинах. Дом ему продали подозрительно дешево, и вскоре ученый обнаружил, что он заселен призраками. В первую же ночь к нему явился призрак костлявого старика, закованного в цепи. Гость поманил ученого за собой, привел его на двор и там исчез, провалившись сквозь землю. На следующий день ученый вместе со своими слугами начал копать на этом месте яму. Как и следовало ожидать, вскоре они обнаружили закованный в цепи скелет. Кости подобающим образом перезахоронили, после чего призрак исчез. Конец истории.

«Классический призрак Второго типа, – небрежно пожимают плечами специалисты. – И появлялся он с самой простой целью: чтобы его похоронили по всем правилам. То же самое, что мы наблюдаем и сегодня. На самом деле ничего не изменилось».

Простите, но меня на такой мякине не проведешь. Хоро-

шо, соглашусь, что это древний пример нахождения спрятанного Источника, и таких примеров в прошлом можно отыскать сколько угодно. Но давайте обратим внимание на две вещи. Первое: ученый в истории Плиния совершенно не боится того, что призрак может прикоснуться к нему, после чего он сам должен распухнуть, посинеть и умереть в страшных муках. Может быть, тот ученый был глуп или ему просто повезло (дуракам всегда везет)? Или, скорее всего, призраки в те стародавние времена не были такими опасными, как теперь.

Да и встречались тогда призраки гораздо реже, чем сегодня. Это второе. Заселенный призраками дом, как пишет Плиний, продали ученому подозрительно дешево. Вопрос: много ли таких домов было в Афинах? Ответ: нет. Может, тот дом вообще был один такой на весь город. Потому его и продали за бесценок. Сегодня в Лондоне десятки таких домов, и их количество постоянно растет, несмотря на все усилия агентств по борьбе с призраками. Во времена Плиния призраки были редкостью. Теперь их появление приняло вид эпидемии. Так что для меня совершенно очевидно, что у Проблемы, с которой мы имеем дело, нет ничего общего с тем, что было когда-то. Примерно пятьдесят-шестьдесят лет назад началось нечто странное и новое, и пока никто не может понять почему.

Если вы полистаете старые газеты, как это все время делает Джордж, вы сможете найти первые упоминания об уча-

стившихся появлениях призраков в Кенте и Суссексе. Эти сообщения относятся примерно к середине прошлого века. А спустя лет десять или около того начинается вереница связанных с призраками жутких происшествий. Особенно большое внимание привлекли к себе Хайгейтский Ужас и Фантом Мад-Лейн.

В обоих этих случаях неожиданный прорыв сверхъестественного феномена в наш мир сопровождался целым рядом ужасных смертей. Обычные расследования ничего не дали – кроме того, что при этом погибли один или два полицейских. Наконец два юных исследователя, Том Ротвелл и Марисса Фиттис, смогли обнаружить Источник появления каждого призрака (в случае с Ужасом это оказался замурованный в кирпичной стене череп, а в случае с Фантомом – закопанное у перекрестка дорог тело разбойника). Эти расследования наделали много шума, и именно тогда в общественном сознании укоренилась мысль о существовании Гостей.

В последующие годы стало известно о многих других появлениях призраков, вначале в Лондоне и на юге страны, а затем эта эпидемия начала медленно распространяться на север. Англию охватила паника. Начались бессмысленные восстания и демонстрации, церкви и мечети ломались от желающих спасти свою душу. Вскоре Фиттис и Ротвелл основали свои агентства по борьбе с призраками, а следом за ними, как грибы после дождя, стали появляться и другие, менее крупные. Наконец раскочегарилось и правительство

– был введен комендантский час и налажено производство призраков-ламп для крупных городов.

Разумеется, все эти действия не могли решить Проблему. Постепенно страна привыкала жить в новых условиях. Взрослые горожане повесили головы и затаились. Они обили свои дома железом, надеясь, что это спасет их от Гостей, а всю борьбу с призраками переложили на плечи агентств. Агентства, в свою очередь, бросились на поиски лучших оперативников.

А поскольку сверхъестественные способности в подавляющем большинстве случаев сильнее всего проявляются в совсем юном возрасте, целое поколение детей, таких как я, оказались брошенными на передовую линию борьбы с Гостями.

Мое полное имя – Люси Джоан Карлайл. Я родилась через тридцать с лишним лет после того, как существование Проблемы было признано официально, а сама Проблема успела распространиться по всей стране, так что теперь набатные колокола и призраков-ламп имелись во всех, даже самых маленьких, городках и деревнях. Мой отец работал носильщиком на железнодорожной станции в нашем маленьком, окруженном зелеными холмами городке на севере Англии. Это был невысокий, сгорбленный, жилистый и краснолицый человек. И еще волосатый, как обезьяна. От него всегда пахло крепким пивом, а рука у отца была такой тяжелой, что мы старались лишней раз не попадаться ему на глаза, чтобы не получить подзатыльник. Да и не очень-то мы были ему нуж-

ны. Я даже не помню, назвал ли он меня хоть раз в жизни по имени. Когда мне было пять лет, отец попал под поезд. Помню, моим единственным чувством тогда был страх оттого, что я не знала, что нам теперь делать. Впрочем, опасалась я напрасно, все сделали без нас. В соответствии с правительственным Законом о насильственной и безвременной кончине, на место происшествия вскоре прибыли священники. Они положили на глаза трупа серебряные монеты и надели на шею отца железную цепочку, которая должна была разорвать связь покойника с его призраком. Надо заметить, эти меры оказались вполне эффективными – отец ни разу не появился. Но, как сказала моя мать, даже если бы он явился, для нас это не создало бы никаких проблем – призрак напугал бы только посетителей местной пивной.

К тому времени, когда я пошла в школу, у реки, на окраине нашего городка, появилось новое небольшое бетонное здание. Днем я играла на заливных лугах или в парке, но всегда держала ухо востро, чтобы не пропустить звон колокола и успеть вернуться домой раньше, чем зайдет солнце. Придя домой, я помогала защитить его на ночь. Мне было поручено ставить на подоконник свечи с лавандой и проверять развешанные по всему дому амулеты-обереги. Мои старшие сестры зажигали свечи, лампы и доливали свежей воды в выкопанную перед крыльцом канаву. Когда совсем под ночь домой возвращалась мама, у нас все уже было готово.

Моя мать (женщина крупная, розовая и измотанная) ра-

ботала прачкой в двух маленьких отелях нашего городка. Если она и испытывала когда-нибудь к нам материнские чувства, то от усталости они у нее совершенно притупились. Не под силу ей было заботиться о своем выводке дочерей, среди которых я была младшей, седьмой по счету. Добравшись до дома, мать валилась в кресло и сидела, молча глядя в экран телевизора. Поскольку ей было не до меня, моим воспитанием занимались старшие сестры. Думаю, во мне ее интересовало только одно: когда же я смогу сама зарабатывать себе на жизнь.

Дело в том, что всем было известно: в нашей семье есть Дар, который передается по наследству. В юности моя мать видела призраков, Дар Видеть передался двум моим сестрам, которые устроились на работу в ночную стражу в Ньюкастле, в тридцати милях от нашего городка. Правда, ни одна из них не обладала данными, которые могли бы заинтересовать агентство. С самого начала было очевидно, что я отличаюсь от них. У меня была необычно высокая восприимчивость ко всему, что связано с Проблемой.

Однажды, когда мне было лет шесть, я играла на заливном лугу с моей любимой сестрой Мэри – с ней мы были ближе всего по возрасту. Мы потеряли в камышах мяч и долго его искали. Когда же мы наконец его нашли – он глубоко завяз среди корней камыша в липкой грязи, – солнце уже почти опустилось за горизонт. Мы с Мэри еще шли по тропинке вдоль берега реки, а в городе уже ударил колокол.

Мы с сестрой переглянулись. Хотя мы были совсем детьми, но уже хорошо знали, что может случиться, если ты останешься на улице после наступления темноты. Мэри заплакала.

Я же была девочкой хотя и маленькой, но не из пугливых.

– Ничего страшного, – сказала я. – Еще рано, и они пока слабы как грудные младенцы. Если они вообще здесь есть, в чем я сомневаюсь.

– Я не из-за них, – ответила сестра, – я из-за мамы. Она прибьет меня.

– И меня тоже.

– Я старше тебя, мне больше достанется. А тебе ничего не будет.

Вот в это, честно говоря, мне верилось с трудом. Наша мать по девять часов в день стирала простыни – в основном вручную, – так что била она тяжело, как свинья копытом. Один такой шлепок по заду – и потом неделю не сможешь сидеть. Погрузившись в мрачное молчание, мы с Мэри припустили бегом.

Вокруг тянулись камыши, тускло блестела в предзакатном свете жирная грязь. Впереди на склоне холма зажглись огни нашего городка – предупреждая нас об опасности, они манили к себе, были для нас путеводной звездой.

Мы с Мэри слегка повеселели – уже виднелся поросший травой пологий склон, выведивший на дорогу.

– Это мама зовет? – неожиданно спросила я.

– Что?

– Это она окликает нас?

Мэри прислушалась:

– Я ничего не слышу. Да и как можно услышать мамин голос, если до нашего дома еще так далеко.

Далеко, это верно. Кроме того, мне не казалось, что этот слабенький тонкий голос долетает сюда из городка, он был где-то совсем близко.

Я оглянулась в сторону реки, невидимой отсюда, текущей по темной, спрятанной между холмами долине. Трудно было утверждать наверняка, но мне показалось, что я увидела стоящую среди камышей фигуру – темную, перекошенную, напоминающую пугало. Я присмотрелась и заметила, что фигура не стоит на месте, движется – не так чтобы быстро, но и не слишком медленно, в самый раз для того, чтобы пересечься с нами дальше на тропинке.

Чем или кем ни была бы эта фигура, встречаться с ней мне совершенно не хотелось. Я легонько подтолкнула сестру локтем:

– Давай прибавим немного. Шевелись! А то я совсем замерзла.

И мы побежали. Через каждые несколько метров я подпрыгивала и видела, что загадочная фигура, продираясь сквозь густые камыши, изо всех сил старается нас догнать. Короче говоря, мы с Мэри этот забег выиграли и благополучно поднялись на дорогу.

А когда я вновь обернулась, то увидела только пустые заливные луга – никто больше не гнался за нами, никто не окликал нас из камышей.

Позже, когда мою попу почти перестало жечь и щипать, я рассказала матери о той фигуре. Выслушав меня, она поведала мне о том, что одна местная женщина покончила с собой из-за несчастной любви. Это случилось, когда мама была еще девочкой. Ту женщину звали Пенни Нолан. Она зашла в камыши, бросилась в воду и утонула. Как вы уже поняли, после этого Пенни Нолан превратилась в призрак Второго типа и время от времени показывалась людям, поздно вечером возвращавшимся вдоль камышей из долины. Спустя несколько лет инспектор Якобс извел массу железа, отыскивая на том месте Источник, но так и не обнаружил его, поэтому Пенни Нолан, по всей видимости, продолжает бродить в камышах до сих пор. Все кончилось тем, что в город проложили новую тропинку, а сам луг просто забросили. Теперь на нем растут полевые цветы. Красиво.

Благодаря подобным случаям, о моем Даре очень скоро стало известно по всей округе. Мать с нетерпением ждала, когда мне исполнится восемь, а когда это случилось, отвела меня на встречу с агентом, контора которого располагалась рядом с главной городской площадью. Момент для такой встречи был выбран очень удачно – всего три дня назад на задании погиб один из оперативников агента. Все сложилось как нельзя лучше. Мать сразу получила мой недельный

заработок, я – свою первую работу, а инспектор Якобс – новую ученицу.

Инспектор Якобс был высоким бледным как смерть джентльменом и руководил местными расследованиями больше двадцати лет. Хотя в нашем городке Якобса уважали, но в силу его профессии старались держаться от него подальше.

У инспектора Якобса, казавшегося жителям городка загадочной фигурой, была мертвенно-серая кожа, нос крючком, черная бородка, он всегда носил старомодный черный костюм, в котором был похож на гробовщика. Якобс не выпускал изо рта сигарету, его карманы всегда были набиты железными опилками, рубашки он менял не часто. Его рапира была покрыта желтыми пятнами от эктоплазмы.

Каждый вечер с наступлением темноты он выводил пятерых-шестерых детей-оперативников на дежурство. Если возникала необходимость, являлся с ними по тревожному вызову, если нет – обходил злачные места городка. Старшие оперативники, сдавшие тесты на Третий разряд, носили рапиры и рабочие пояса. Младшие, вроде меня, выходили на дежурство только с ранцами. Тогда мне очень нравилось быть частью такой избранной компании, мы гордо расхаживали, задрав нос, в своих форменных горчичного цвета куртках во главе с самим великим мистером Якобсом.

За первые месяцы учебы я научилась в правильных пропорциях смешивать соль и магний, чертить защитные круги

из железных опилок. Я стала специалистом по укладыванию рюкзаков, проверке фонариков, цепей и заправке масляных ламп. Я полировала рапиры. Я готовила чай и кофе. А когда из Лондона приходил фургон с новыми припасами от корпорации «Санрайз», я разбирала на складе ящики с магнетыми бомбами и банками греческого огня и расставляла все это по полкам.

Вскоре Якобс обнаружил, что хотя я достаточно хорошо вижу Гостей, но слышу их намного лучше.

Мне еще не было девяти, когда я выследила по шепоту Источник, пройдя за голосом от пивной «Красный Сарай» до сломанного столба, под которым закопали какого-то преступника. Во время ужасного происшествия в отеле «Лебедь» я расслышала тихие крадущиеся шаги. Они приближались сзади, и я спасла всю нашу группу от смертельного прикосновения призрака. Мой Дар обеспечил мне быстрое продвижение по службе. Я в ускоренном темпе сдала зачеты на Первый и Второй разряд, а в свой одиннадцатый день рождения стала агентом уже Третьего разряда. В тот знаменательный день я пришла домой со своей собственной рапирой, ламинированным свидетельством агента Третьего разряда и подаренным мне экземпляром «Руководства Фиттис для охотников за привидениями». Для моей матери самым главным было то, что с этого дня мне значительно прибавили жалованье. Теперь я стала в семье главным кормильцем, получая за четыре ночные смены больше, чем мать за шесть

долгих рабочих дней. Мое повышение мать отметила покупкой новой посудомоечной машины и телевизора с большим экраном.

Сама же я, честно говоря, большую часть времени проводила вне дома. Все мои сестры к тому времени разъехались кто куда, кроме Мэри, которая работала в местном супермаркете. Мать? С ней нам вообще нечего было сказать друг другу. Так что почти все свое время (по большей части это были ночные часы) я проводила в компании других юных агентов Якобса. Мы очень сдружились и охотно работали вместе. Нам было весело, и мы не раз спасали друг другу жизнь. Если кому-то интересно, их звали Пол, Норри, Джулия, Стеф и Альфи-Джой. Теперь все они мертвы.

Я выросла в высокую девушку с довольно резкими чертами лица (чуть полноватого, на мой вкус), большими глазами, густыми бровями, длинноватым носом и пухлыми губами.

Да, хорошенькой я не была, но, как сказала однажды моя мать, красота – не моя профессия. Я была гибкой, подвижной, неплохо владела рапирой. Я была очень трудолюбивой и любила свою работу. Беспрекословно и точно выполняла все приказы и легко вписывалась в любую команду, потому что никогда не тянула одеяло на себя. Я надеялась, что вскоре получу сертификат Четвертого разряда, что позволит мне возглавить собственное подразделение, где я стану наконец самостоятельно принимать решения (честолюбия у меня тоже хватало). Жизнь моя была опасной, но наполненной до

краев, и все, казалось, было совсем неплохо, если бы не одно «но».

Говорили, что мальчиком инспектор Якобс обучался в знаменитом лондонском агентстве «Фиттис». Так что в свое время он, очевидно, был настоящим мастером. Был, но перестал. Разумеется, как у всякого взрослого, его чувства притупились, и, утратив способность самостоятельно обнаруживать с былой легкостью Гостей, он начал все больше полагаться на нас, своих помощников. Мы стали его глазами и ушами. Ничего страшного в этом не было, все взрослые инспекторы поступают точно так же. Работа их заключается в том, чтобы на основании своего богатого опыта быстро принимать нужные решения, координировать действия по обезвреживанию обнаруженного Гостя и, в случае опасности, поддерживать и прикрывать своих юных агентов. Когда я только начинала работать в агентстве, со всем этим Якобс справлялся превосходно. Но наступил какой-то момент, когда бесконечные часы ожидания и наблюдения в темноте начали сказываться и Якобс потерял уверенность в себе. Теперь он все чаще старался держаться в стороне от зараженного призраками места, у него тряслись руки, он непрерывно курил и издали, с безопасного расстояния, выкрикивал свои приказы. Сам он теперь к Гостям не приближался на пушечный выстрел, более того – начал пугаться теней. Одним словом, у него сдали нервы. Однажды ночью, когда я подошла к нему с донесением, он принял меня за Гостью, выхватил

рапиру и едва не заколол.

Меня спасло только то, что у Якобса тряслись руки.

Мы, агенты, прекрасно понимали, что происходит с Якобсом, и никому из нас это не нравилось. Но он был нашим нанимателем, платил нам деньги и оставался заметным в нашем городке человеком, поэтому нам оставалось лишь смириться и впредь полагаться только на свои силы. Довольно долго ничего страшного не происходило, но потом настала та ночь на мельнице Уизбурн Милл.

Эта водяная мельница находилась примерно на полпути вверх по долине Уиз и пользовалась дурной славой. Там постоянно случались происшествия – два даже со смертельным исходом. Потом мельницу закрыли, и в последние годы она стояла заброшенной. Но сейчас ею заинтересовалась местная лесозаготовительная фирма, решившая приспособить помещение мельницы под свой офис, и они прежде всего хотели удостовериться в том, что мельница не заражена призраками. Представители фирмы пришли к Якобсу и попросили его проверить мельницу.

Мы вышли на задание во второй половине дня, прошли по долине и добрались до мельницы вскоре после заката. Стоял теплый летний вечер, в деревьях заливались птицы. На небе у нас над головами высыпали первые звезды. Мельница темнела посреди долины, втиснутая между валунами и соснами. Под засыпанной гравием дорожкой, что вела к мельнице, журчал поток.

На двери мельницы висел замок. Стеклопанели двери были разбиты и заменены небрежно набитыми сверху досками. Мы проверили наше снаряжение. Инспектор Якобс, по укоренившейся у него привычке, примостился в сторонке на каком-то пеньке.

Он зажег сигарету. Мы должны были включить свой Дар и доложить ему обстановку. Что-то обнаружить удалось только мне одной.

– Я слышу плач, – сказала я. – Очень тихий, но где-то поблизости.

– Чей плач? – спросил Якобс, наблюдая за кружащей в воздухе стайкой летучих мышей.

– Похож на детский, – ответила я.

Якобс неопределенно качнул головой, не глядя в мою сторону.

– Сделайте зачистку в передней, – сказал он, – и проверяйте дальше.

Замок за долгие годы заржавел, сама дверь разбухла от влаги и покоробилась. Мы не без труда открыли ее и осветили фонариками большую пустынную переднюю. Потолок здесь был низкий, пол, покрытый потрескавшимися плитками линолеума, изрядно замусорен. В передней стояли столы, легкие стулья, на стенах виднелись старые зарубки. Ощущался густой запах гниющего дерева. Где-то под полом журчала вода.

Осмотревшись с порога, мы вошли в переднюю, со-

провожаемые стружкой сигаретного дыма. Сам инспектор Якобс внутрь вместе с нами не зашел. Он направился к своему пеньку и, усевшись на него, устался на свои колени.

Стараясь держаться ближе друг к другу, мы вновь включили свой Дар. Я опять услышала рыдания, теперь они раздавались отчетливее и ближе. Мы выключили фонарики и принялись всматриваться и вслушиваться в темноте. Вскоре мы увидели небольшую светящуюся фигуру, сидевшую, скорчившись, на дальнем краю прохода, который вел в глубь мельницы. Когда мы вновь включили фонарики, проход показался нам пустым.

Я вернулась к Якобсу, чтобы рассказать ему о том, что мы обнаружили.

– Пол и Джулия говорят, что призрак похож на ребенка. Точнее пока сказать не можем. Призрак очень бледный. И не двигается.

Инспектор Якобс притоптал ногой сигаретный пепел на траве.

– Призрак никак не отзывался тебе? Не пытался приблизиться? – спросил он.

– Нет, сэр. Остальные агенты полагают, что это слабый призрак Первого типа, возможно эхо ребенка, работавшего на мельнице много лет назад.

– Хорошо. Припечатайте его железом. Затем сможете поискать Источник.

– Да, сэр. Только, сэр...

– Что такое, Люси?

– Мне кажется, здесь что-то не так. И мне это не нравится.

В темноте ярко вспыхнул кончик сигареты. Как всегда в последнее время, рука Якобса дрожала.

– Не нравится? – раздраженно переспросил он. – Плачет ребенок. Разумеется, это не может нравиться. Что-нибудь еще услышала?

– Нет, сэр.

– Может быть, другой голос? Более сильного второго Гостя?

– Нет...

Я сказала правду. Кроме детского плача, я не слышала ничего опасного. Все следы призрака были размытыми, хрупкими, бледными, все они вроде бы говорили о слабости Гостя. Звук, фигура – все это едва можно было увидеть или услышать. Типичная слабая тень. Такую тень можно обезвредить в два счета. В то же время я не доверяла этому призраку. Мне не нравилось, как он демонстрирует свою слабость.

– Что говорят остальные? – спросил Якобс.

– Они считают, что справиться с Гостем будет достаточно легко, сэр. Им не терпится приняться за дело. Но мне кажется, что это... неправильно.

Якобс заерзал на своем пеньке. В деревьях прошумел порыв ветра.

– Я могу отдать им приказ возвращаться, Люси, но таких

неопределенных ощущений, как у тебя, мне для этого недостаточно. Мне нужны более серьезные основания.

– Но сэр... Я надеюсь, все пройдет нормально. – Я вздохнула, ожидая, и, не дождавшись, спросила: – Может, вы пойдете со мной? Тогда сможете высказать свое мнение.

Повисло тяжелое молчание.

– Выполняй свою работу, – сказал инспектор.

Мои товарищи сгорали от нетерпения. Когда я вернулась на мельницу, они уже продвигались по проходу с рапирами в руках, с солевыми бомбами наготове. Вскоре бледная светящаяся фигура почувствовала приближение железа. Призрак вздрогнул, замерцал, словно экран плохо настроенного телевизора, и начал утягиваться за угол прохода.

– Он задвигался! – сказал кто-то из моих товарищей.

– Уплывает!

– Следите внимательнее, мы не должны упустить его!

Если не засечь точку, в которой исчезает призрак, будет намного труднее найти Источник. Мои товарищи дружно рванули вперед. Я вытащила свою рапиру и поспешила за ними. Тень стала такой бледной, что ее едва можно было рассмотреть. Вот-вот совсем погаснет. Мои дурные предчувствия вдруг показались мне смехотворными и глупыми.

Маленький, как ребенок, призрак юркнул за угол и скрылся из виду. Все бросились следом. Я тоже прибавила шагу, но не успела догнать их, как из-за угла, прямо передо мной, полыхнула мощная вспышка эктоплазматического света.

Раздался пронзительный скрип железа, сверкнула одиночная вспышка магния. В ее свете я увидела поднимающуюся чудовищную тень. Свет погас.

Раздались крики.

Резко, едва не вывихнув шею, я обернулась в сторону открытой двери. За ней в темноте мелькнул красный огонек зажженной сигареты.

– Сэр! Мистер Якобс!

Молчание.

– Сэр! Нам нужна ваша помощь! Сэр!!!

В темноте ярко вспыхнул огонек сигареты. Никакого ответа. Якобс не сдвинулся со своего места. Затем в проходе заревел ветер и его порыв едва не сбил меня с ног. Стены мельницы затряслись. Распахнутая дверь с грохотом закрылась.

Я выругалась, стоя в темноте. Затем вытащила из рабочего пояса банку с греческим огнем, подняла вверх рапиру и бросилась по проходу за угол, откуда продолжали доноситься крики.

На предварительном следствии у коронера инспектора Якобса честили все родственники погибших агентов, требовали передать дело в суд присяжных, но все закончилось ничем. Якобс настаивал, что действовал в полном соответствии с полученной от меня информацией. Я должна была донести ему о том, что мы столкнулись с необычайно сильным Гостем.

Якобс уверял, что не слышал моих криков о помощи, что вообще ничего не видел и не слышал до того момента, когда я разбила окно верхнего этажа, выбралась через него на крышу и скатилась по ней на землю.

Давая показания, я попыталась описать свои дурные предчувствия, которыми поделилась с Якобсом, но меня заставили признать, что при этом я не сообщила ничего конкретного. В своем заключительном слове коронер отметил, что в моем донесении не было достаточно точно сказано о силе Гостя. В противном случае жизни моих товарищей, возможно, удалось бы сберечь. Короче говоря, произошедшее объявили несчастным случаем – обычное дело в подобных ситуациях. Родственникам погибших выплатили компенсацию от Фонда Фиттис и решили установить на городской площади памятные таблички с именами их детей. Мельницу снесли, а место, на котором она стояла, засыпали солью.

Вскоре Якобс вернулся к своей работе. Как само собой разумеющееся, предполагалось, что после короткого отдыха я присоединюсь к нему, но я приняла другое решение. Три дня я пролежала в постели, восстанавливая силы. Рано утром на четвертый день, пока мать и сестра еще спали, я уложила в рюкзак свои пожитки, прицепила на пояс рапиру и, даже ни разу не оглянувшись, покинула свой дом. Через час я уже сидела в поезде, который вез меня в Лондон.

«Локвуд и Компания»

Хорошо известному агентству парапсихологических исследований «Локвуд и Компания» требуется новый младший оперативный сотрудник. Его обязанности: анализ сообщений о появлении призраков на месте и их ликвидация. Претендующий на это место должен быть ВОСПРИИМЧИВЫМ к сверхъестественным феноменам, хорошо обученным, предпочтительно женского пола и не старше пятнадцати лет. Просим не беспокоиться людей, склонных к пустой трате времени, мошенников и лиц с криминальным прошлым. С предложениями обращаться в письменном виде, приложив свою фотографию, по адресу: Лондон, Портленд-роу, 35».

Я стояла на улице, глядя вслед отъезжающему такси. Звук мотора пропал вдали, и сразу стало очень тихо. Бледный солнечный свет отражался на асфальте и выстроившихся в ряд, бампер к бамперу, машинах по обеим сторонам улицы. Неподдалеку в пыльном солнечном луче возился маленький мальчик, двигая взад-вперед по бетону пластмассовые фигурки агентов и призраков. У агентов были тоненькие рапиры, призраки напоминали развевающиеся на ветру простыни. Кроме этого мальчишки вокруг не было ни души.

Это был жилой квартал, как и все остальные в этой части Лондона. Дома здесь стояли старые, еще викторианской эпохи, со ступеньками, которые вели к каждому крыльцу прямо с улицы, с колоннами возле крыльца. С колонн свисали набитые лавандой корзины. Этот квартал носил следы былого, теперь изрядно потрепанного, аристократизма. И здешние дома, и их обитатели когда-то явно знавали лучшие дни. На углу находилась маленькая зеленая лавка – из тех, где можно купить буквально все, от апельсинов до обувного крема, молока и магниевой вспышки. Возле лавки на покосившемся столбе висела призрак-лампа, тоже выдавшая виды. Ее большие ставни были закрыты, импульсные лампы потемнели, линз вообще не наблюдалось. Столб и все железные части призрак-ламп покрылись ржавчиной.

Ну что ж, начнем все по порядку. Я взглянула на свое отражение в зеркальце бокового вида ближайшего ко мне автомобиля, сняла бейсболку, провела пальцами по волосам – достаточно ли хорошо я выгляжу для кандидатки в столичные оперативники? Произвожу впечатление человека, имеющего отличный послужной список и высокую квалификацию? Или скорее похожа на провинциальную девчонку, получившую за последние семь дней отказ в шести агентствах? Трудно сказать.

Я пошла по улице.

Дом 35 по Портленд-роу оказался четырехэтажным белым особняком с выгоревшими зелеными ставнями и розо-

выми цветочками в оконных ящиках. Внешне особняк выглядел еще более обветшавшим, чем дома по соседству. Буквально каждая поверхность здесь просила, чтобы ее заново покрасили или хотя бы хорошенько помыли. У ограды висела небольшая деревянная табличка с надписью:

«Э. Дж. Локвуд и Компания, исследователи. После наступления темноты позвоните в колокольчик и ожидайте за железной чертой».

Я на секунду остановилась, с грустью вспоминая красивый таунхаус агентства «Тенди и сыновья», просторные офисы в «Аткинс и Армстронг» и прежде всего сверкающее стеклами огромное строение агентства «Ротвелл» на Риджент-стрит... Но собеседования ни в одном из них я не прошла. И выбора у меня уже не было. По Сеньке и шапка.

Толкнув хилую железную калитку, я ступила на узкую, мощенную треснувшими каменными плитками дорожку. Справа от меня виднелись крутые ступеньки, спускавшиеся во внутренний дворик у цокольного этажа, это было тенистое местечко, увитое разросшимся плющом, заставленное неухоженными растениями и торчащими из кадок деревцами. По обеим сторонам дорожки, по которой я шла, в землю были вкопаны железные полосы, рядом стоял столб с висевшим на нем большим колоколом с деревянной колотушкой. Впереди виднелась покрашенная в черный цвет дверь.

Проигнорировав колокол, я переступила железную черту перед порогом и громко постучала в дверь.

Очень скоро из нее выглянул толстенький юный коротышка в больших круглых очках.

– А, еще одна, – сказал он. – А я думал, что на сегодня мы уже закончили. Или вы новая рассыльная от Арифа?

– Кто такой Ариф? – спросила я.

– Владелец магазинчика на углу. Обычно он в это время присылает к нам кого-нибудь с пончиками. Но у вас, похоже, нет с собой пончиков. Жаль, – разочарованно ответил очкарик.

– Нет. Но у меня есть рапира.

– Значит, вы еще одна кандидатка, – вздохнул толстячок. – Ваше имя?

– Люси Карлайл. А вы мистер Локвуд?

– Я? Нет.

– Так я могу войти?

– Да. Последняя перед вами девушка только что зашла. Судя по ее виду, долго она у нас не задержится.

В это время из глубины дома раздался истошный крик. Он эхом пролетел над увитыми плющом стенами, вспугнув сидевших на деревьях птиц. Я ошеломленно отпрянула назад, автоматически выхватив висевшую у меня на поясе рапиру. Крик сменился какими-то булькающими звуками, а затем окончательно стих. Я удивленно следила за стоящим в двери очкариком. Он даже не шелохнулся.

– Да, вот так, – сказал он. – Ну что ж, вы следующая. Проходите.

Ни тот крик, ни этот неприветливый юнец не добавили мне уверенности, поэтому я наполовину уже готова была извиниться и уйти. Но после двух проведенных в Лондоне недель у меня почти не оставалось вариантов. Провалюсь здесь, у Локвуда, и придется наниматься в ночную стражу вместе с другими безнадежными мальчиками и девочками. Между прочим, в том, как развязно вел себя со мной этот очкарик-толстячок, четко читалось, что он как раз очень надеется на то, что я уйду. Ну уж нет, не дождешься. И я быстро прошла вслед за неприветливым парнем в прохладный просторный холл.

Пол здесь был выложен паркетными плитками, стены увешаны книжными полками из красного дерева. На полках вместо книг вперемешку лежали туземные ритуальные маски, горшки, иконы, ярко раскрашенные раковины и сушеные тыквы. Рядом с входной дверью стоял узкий столик для ключей, а на нем – лампа с подставкой в виде хрустального черепа. За столиком я увидела большую потрескавшуюся кадку для растений, из которой торчали зонтики, трости и рапиры. Дальше была вешалка, возле которой я притормозила.

– Подождите минутку, – сказал очкарик. Он по-прежнему оставался возле открытой двери.

Очкарик был чуть старше меня, примерно одного со мной роста, но, конечно, гораздо массивнее. Черты его лица каза-

лись какими-то размытыми, единственной запоминающейся деталью можно было, пожалуй, считать только мощную квадратную нижнюю челюсть. За стеклами очков я рассмотрела ярко-синие глаза. Волосы у парня были светлыми, почти песочного цвета, и очень толстыми, они напомнили мне лошадиный хвост. На парне были белые кроссовки, джинсы и небрежно заправленная в них, выпирающая на животе футболка.

– Теперь уже с минуты на минуту, – сообщил он.

Шум голосов внутри дома становился все громче. Затем с грохотом распахнулась боковая дверь, и из нее вылетела хорошо одетая девушка с пылающими глазами, бледным как мел лицом и судорожно зажатым в руке плащом. Она пролетела мимо, окинув меня яростным и одновременно презрительным взглядом, обогнула толстячка, пинком открыла входную дверь и мгновенно исчезла.

– Хм... Совершенно очевидно, что она дошла только до второй части собеседования, – заметил толстячок. Он закрыл за девушкой дверь и поправил очки на своем поросычем носике. – Ну что ж, если хотите, можете следовать за мной.

Он провел меня в ярко освещенную солнцем, уютную гостиную с белыми стенами и украшенную, как и холл, многочисленными артефактами и тотемами. Рядом с низеньким кофейным столиком стояли два легких кресла и диван, а за столиком на одном из кресел сидел высокий тощий парень

в темном костюме.

– Я выиграл, Джордж, – сказал он. – Я знал, что будет еще одна.

Подходя, чтобы поздороваться, я, как всегда, внимательно прислушивалась к своим ощущениям, не только внешним, но и внутренним. Надеюсь, вы понимаете, что я хочу сказать.

Наиболее примечательным был округлый, довольно объемистый предмет, лежавший на столе и накрытый бело-зеленым клетчатым носовым платком. Интересно, увидев именно этот предмет, так поспешно ретировалась та девушка? Я решила про себя, что именно так и было. Еще я уловила тонкие, едва слышные шумы. При желании я смогла бы сказать об этих шумах больше, если бы сконцентрировала на них свое внимание. Но это означало бы, что я застыну перед кофейным столиком как изваяние, закрою глаза и раскрою от напряжения рот – не самая эффектная поза для того, чтобы начинать собеседование, правда?

Поэтому я просто подошла ближе и пожала руку сидевшему за столом парню.

– Привет, – сказал он. – Я Энтони Локвуд.

У него были очень яркие, блестящие темные глаза и симпатичная усмешка.

– Очень рад познакомиться. Чаю? Или Джордж вам уже его предлагал?

Толстячок пренебрежительно махнул рукой.

– Я подумал, что с чаем можно подождать, пока она не

пройдет хотя бы первый тест, – сказал он. – Кто знает, не сбежит ли она после этого. Я и так израсходовал за сегодняшнее утро слишком много чайных пакетиков.

– Ну зачем же так сразу сомневаться в человеке, – сказал Энтони Локвуд. – Давай, Джордж, иди поставь чайник.

Не похоже, что слова Локвуда убедили толстячка.

– Ну ладно, – сказал он. – Чайник я, конечно, поставлю, но готов поспорить, что она у нас не задержится.

Толстячок медленно развернулся на каблуках и чинно выплыл из гостиной.

Энтони Локвуд указал рукой на свободное кресло.

– Вы должны простить Джорджа, – сказал он. – Мы проводим собеседование с восьми утра, и он сильно проголодался. И к тому же был абсолютно уверен, что та девушка, которая была перед вами, – на сегодня последняя.

– Мне очень жаль, – ответила я, – но, боюсь, пончиков у меня для него нет.

– Почему вы сказали про пончики? – быстро стрельнул на меня глазами Локвуд.

– Джордж сказал, что вам ежедневно приносят пончики.

– М-м, а я уж на секунду подумал, что вы медиум.

– Я медиум.

– Я имел в виду не совсем это. Ладно, неважно.

Он удобнее уселся в кресле и разгладил какие-то лежащие перед ним на столе бумаги. Лицо у Локвуда было очень худое, с длинным носом и торчащей надо лбом копной темных

непослушных волос. Я с удивлением отметила, что он был едва ли старше меня. Просто держался настолько уверенно, что я не сразу смогла определить его возраст. Только теперь я впервые отметила, что в собеседовании не принимал участия никто из взрослых инспекторов.

– Из вашего письма я понял, что вы из Северной Англии, – сказал Локвуд. – Из... Шевиот Хиллс. Это не у вас там несколько лет назад произошел один громкий случай?

– Ужас шахты Мартон, – кивнула я. – Да. Тогда мне было пять лет.

– И для того, чтобы справиться с Гостями, были вынуждены приехать из самого Лондона оперативники агентства «Фиттис», я правильно помню? – спросил Локвуд. – Я читал об этом в «Британском вестнике появлений призраков».

– Местным жителям запретили тогда нос высовывать на улицу, и пока агенты работали, мы должны были сидеть по домам, закрыв окна ставнями. Но я все равно сумела подсмотреть. Видела, как в лунном свете плывут над дорогой эти призраки. Похожие на маленьких девочек светящиеся размытые облачка.

– На маленьких девочек? – удивленно посмотрел на меня Локвуд. – А я думал, это были призраки погибших под землей шахтеров.

– Поначалу да, но это были Перевертыши. Перед тем как исчезнуть, они несколько раз меняют свое обличье.

– Понятно, – кивнул Локвуд. – Звучит правдоподобно...

Ну, хорошо. Если так, то совершенно очевидно, что о своем Даре вы узнали с самого детства. О том, что обладаете способностью Видеть лучше, чем большинство других детей. К тому же в вас уже тогда было достаточно отваги, чтобы использовать свой Дар. Однако из вашего письма следует, что способность Видеть – не единственное и не самое сильное ваше качество. Вы способны также Слышать. А еще у вас есть способность Осязать.

– Вообще-то моя самая сильная сторона – умение Слышать, – сказала я. – С раннего детства я начала слышать шепчущие на улице голоса, причем после наступления комендантского часа, когда все жители городка сидят по своим домам. Правда, Осязание у меня тоже острое, хотя часто сливается с тем, что я слышу. Эти два ощущения сложно отделить одно от другого. По-моему, Осязание – это что-то вроде спускового крючка, который высвобождает эхо минувших событий.

– В этом неплохо разбирается Джордж, – сказал Локвуд. – Я – нет. Я Гостей не слышу. Моя сильная сторона – зрение. Я способен Видеть свечение смерти, следы призраков и прочие мерзкие вещи... Не самое веселое зрелище, – усмехнулся он. – Ну хорошо, вернемся к делу. Итак, вы прошли курс обучения у местного агента... – он заглянул в свои бумаги, – ...у местного инспектора по фамилии Якобс, правильно?

Я вежливо улыбнулась, хотя у меня свело желудок от напряжения – наш разговор сворачивал на опасную тему.

– Да, это так.

– И несколько лет работали с ним.

– Верно.

– Он обучал вас, и вы под его руководством поднялись до агента Четвертого разряда?

– Да, – слегка заерзала я в своем кресле. – Прошла с ним все разряды от Первого до Четвертого.

– Хорошо, – Локвуд поднял на меня глаза. – Однако, как я заметил, выпускного аттестата у вас нет. И нет даже рекомендательного письма от мистера Якобса. Это несколько странно, вы не находите? В подобных случаях наставник всегда дает своему ученику хотя бы письменную рекомендацию.

– Он ничего мне не дал, – глубоко вздохнула я. – Наше сотрудничество прервалось... внезапно.

Локвуд молчал. Он явно ждал продолжения.

– Если хотите услышать всю историю, я могу ее рассказать, – тяжело вздохнув, сказала я. – Видите ли, я... Я просто не выдержала, вот и все.

Я помедлила, слушая, как колотится в груди мое сердце. Все предыдущие собеседования заканчивались именно на этом месте.

– Ладно, расскажете подробнее в другой раз, – Локвуд улыбнулся. От его улыбки в комнате сразу стало еще светлее. – Знаете, не могу понять, что это Джордж там так долго копается. Приготовить чай за такое время могла бы даже дрессированная обезьяна. Ну хорошо, перейдем к тестам.

– Что это за тесты? – поспешно поинтересовалась я. – Вы будете задавать мне вопросы?

– Не совсем так. Видите ли, мисс Карлайл, я не слишком доверяю рекомендациям и свидетельствам, с которыми приходят на собеседование кандидаты на вакантную должность. Предпочитаю увидеть их Дар в действии своими собственными глазами... – он взглянул на свои часы. – Даю Джорджу еще минуту, а за это время кое-что расскажу вам о нас. Мы новое агентство, лицензию получили всего три месяца назад. Мы, конечно, зарегистрированы в ДЕПИК – Департаменте парапсихологических исследований и контроля, но не состоим у них на дотации, как «Фиттис» или «Ротвелл» и другие крупные агентства. Мы независимое агентство, и нас это вполне устраивает. Это позволяет нам браться только за ту работу, которая нам действительно интересна. Все наши клиенты – это частные лица, у которых возникли проблемы с Гостями, решить которые они хотят быстро и тихо. Мы решаем их проблемы. За это клиенты платят непосредственно нам. И платят весьма неплохо. Вот, пожалуй, и все. Есть вопросы?

Проскочив самую опасную, как мне казалось, часть собеседования, я почувствовала облегчение. Теперь только бы ничего не испортить. Я выпрямилась в кресле, аккуратно сложила руки на коленях и спросила:

– А кто ваши старшие инспекторы? С ними я тоже должна буду встретиться?

Локвуд на секунду нахмурил лоб:

– У нас нет старших инспекторов. Нет взрослых. Это мое агентство. Я им руковожу. Джордж Каббинс – мой заместитель. Некоторых кандидатов это смущает и они предпочитают уйти. Вас это тоже смущает?

– Нет, – ответила я. – Мне это даже нравится, – и, немного помолчав, добавила: – Значит... вас в агентстве только двое? Вы и Джордж?

– Обычно у нас есть еще один помощник. Справиться с большинством Гостей можно, как правило, вдвоем, однако в сложных случаях необходима помощь третьего. Да и вообще, знаете ли, тройка – число магическое.

– Понимаю, – медленно кивнула я. – А что случилось с вашим предыдущим помощником?

– С беднягой Робинотом? Он... э... ушел.

– В другое место?

– Не совсем, хотя можно сказать и так. На самом деле он умер.... О, отлично! Вот и чай наконец!

Дверь гостиной отворилась, и в нее спиной вперед протиснулся толстячок Джордж. Войдя, он чинно развернулся и подошел к нам, неся поднос с дымящимися чашками и тарелкой печенья. Не знаю, чем он занимался все это время там, на кухне, но вид у него был еще более неряшливый, чем прежде, – футболка совсем вылезла из джинсов, на глаза свалилась спутанная челка. Он поставил поднос на стол рядом с прикрытым платком предметом и неодобрительно покосил-

ся на меня:

– Все еще здесь? А я думал, что вас и след простыл.

– Мы еще не приступали к тестам, Джордж, – улыбнулся Локвуд. – Но теперь, пожалуй, самое время.

– Хорошо, – Джордж взял самую большую чашку и вместе с ней уселся на диван.

Последовала обычная церемония, когда раздаются чашки, предлагается и берется или отклоняется сахар.

– Берите печенье, – сказал Локвуд, придвигая ко мне тарелку. – Прошу. И не мешкайте, иначе Джордж съест все.

– Спасибо.

Я взяла печенье. Локвуд откусил большой кусок от своего печенья и отряхнул с рук крошки.

– Так, – сказал он. – А теперь несколько тестов, мисс Карлайл. Не волнуйтесь, это не страшно. Вы готовы?

– Конечно.

Я чувствовала на себе пристальный взгляд Джорджа, ощутила напряжение, скрывавшееся за беззаботным тоном Локвуда. Но эти ребята имели дело с агентом, который один сумел уцелеть во время той трагедии на мельнице Уизбурн. Так что их тесты меня не пугали, я за свою жизнь успела всякого насмотреться.

– Начнем вот с этого, – сказал Локвуд. Он лениво протянул руку к лежащему на столе предмету и, выдержав театральную паузу, снял накрывающий его платок.

На столе стоял невысокий цилиндр из толстого прозрач-

ного стекла, плотно закрытый сверху красной пластиковой пробкой. На верхней части цилиндра имелись маленькие ручки, за которые можно было его брать – в целом цилиндр напомнил мне большие стеклянные бутылки, в которых мой папаша варил свое пиво. Только вместо вонючей коричневатой жидкости цилиндр был наполнен мутным желтоватым дымом. Этот дым не висел неподвижно, он медленно перемещался внутри цилиндра. А в глубине дымного облака притаилось что-то большое и темное.

– Как вы думаете, что это? – спросил Локвуд.

Я наклонилась вперед, чтобы лучше рассмотреть цилиндр, и увидела несколько вплавленных в стекло защитных серебряных полосок и двойные печати. На боку цилиндра имелся маленький значок – глаз в солнечном диске, от которого расходятся лучи.

– Это контейнер с серебряной защитой, – сказала я. – Изготовлен корпорацией «Санрайз».

Локвуд кивнул и слегка улыбнулся. Я наклонилась еще ближе. Постучала ногтем по стенке цилиндра – на стук протянулись дымные щупальца, сам дым стал при этом гуще, затем отплыл в сторону, и показался предмет, лежавший за дымовой завесой внутри цилиндра. Это был человеческий череп, коричневый, покрытый пятнами и прикрепленный к дну цилиндра.

Полосы дыма свивались, перекручивались, они нарисовали нечто, напоминающее ужасное лицо с пустыми выпучен-

ными глазами и широко раскрытым ртом.

На секунду дымная маска наложилась на череп, и я невольно отпрянула от цилиндра. Лицо вновь превратилось в дымные струйки, расплывшиеся внутри цилиндра и вскоре неподвижно застывшие.

– Ну что ж, – откашлявшись, сказала я. – Это призрак-банка. Череп – это Источник, к которому привязан призрак. Какого типа сам призрак, точно сказать не могу. Возможно, Фантазм. Или Спектр.

Говоря это, я постаралась придать своему лицу такое выражение, будто каждый день сталкиваюсь с заключенными в банку призраками. На самом деле, такое я видела впервые, и это видение призрака напугало меня. Но, честно, говоря, напугало не слишком сильно – услышав истошные вопли девушки, которая была здесь передо мной, я была готова к чему-то подобному. К тому же мне уже доводилось слышать о таких контейнерах с призраками.

Локвуд озадачился, словно не зная, как ему реагировать – удивиться, быть довольным или, напротив, огорчиться. В итоге победило второе.

– Да, все верно, – сказал он. – Отлично.

Он снова прикрыл цилиндр платком и с некоторым усилием убрал контейнер с глаз подальше, под стол.

– Она испугалась, – сказал Джордж, громко прихлебывая чай. – Ты тоже должен был заметить это.

Я решила оставить слова толстяка без внимания.

– Где вы взяли эту призрак-банку? – спросила я. – Мне казалось, что такие контейнеры имеются только у «Ротвелла» и «Фиттис».

– Все вопросы потом, – сказал Локвуд. Он вытянул на себя выдвижной ящик кофейного столика и вытащил из него небольшую красную коробочку. – А теперь, с вашего позволения, мне хотелось бы проверить ваш Дар. Здесь у меня есть несколько предметов. Пожалуйста, скажите мне, если сможете, что вы ощущаете, рассматривая их.

С этими словами он открыл коробочку и вынул спрятанный в ней предмет.

Это оказалась ничем не примечательная чашка из старого белого фарфора с гофрированным основанием и острой щербинкой на ручке. Внутри чашки – на ее доньшке и вдоль верхнего ободка – имелся какой-то странный белый налет.

Я взяла чашку в руку, закрыла глаза и принялась ее поворачивать, легко проводя пальцами по поверхности.

Я вслушалась, надеясь поймать эхо... Ничего.

Плохо дело. Я тряхнула головой, постаралась сосредоточиться и отсесть все посторонние шумы – шелест шин от проезжающих по улице машин, звук, который издавал, прихлебывая чай, сидевший на диване Джордж. Попробовала еще раз что-нибудь услышать.

Ничего. По-прежнему ничего.

Спустя несколько минут я сдалась:

– Простите. Я ничего не смогла обнаружить.

Локвуд довольно кивнул:

– Так я и думал. Это чашка, в которой Джордж держит свою зубную щетку. Хорошо. Попробуем следующий предмет.

Он взял чашку со стола и швырнул ее Джорджу, который, весело хмыкнув, ловко поймал ее.

Меня слегка знобило, я знала, что у меня пылают щеки. Я подняла с пола свой рюкзак, резко поднялась на ноги и сказала:

– Я сюда не шутки шутить пришла. Не трудитесь, дорогу назад я найду сама.

– О-о, – протянул Джордж. – Злючка.

Я посмотрела на него. На неряшливую копну его волос, на его бесформенное лицо, дурацкие кругленькие очочки.

Если бы вы только знали, как раздражало меня в этом парне буквально все!

– Это верно, – сказала я. – Если хочешь, подойди сюда, и я покажу тебе, насколько я действительно злючка.

– Эй, я ведь действительно могу подойти, – моргнул Джордж.

– Что-то не вижу, чтобы ты шевелился.

– Диван тут очень глубокий, никак из него не выберешься.

– Хватит, прекратите, вы оба, – сказал Энтони Локвуд. – Это собеседование, а не боксерский поединок. Заткнись, Джордж. А вы, мисс Карлайл, примите мои извинения. Но поверьте, это был очень серьезный тест, который вы с блес-

ком прошли. Знали бы вы, сколько историй я наслушался за сегодняшнее утро про эту чашку! Эту несчастную посудину кое-кто объявил орудием отравления, суицида и даже убийства. Так что успокойтесь, прошу вас, и сядьте на место. Скажите лучше, что вы думаете вот об этом?

Из стоящего под столом ящика он вынул три новых предмета и положил их передо мной. Мужские наручные часы с позолоченным ободком на старом коричневом кожаном ремешке. Кружевная красная лента. И узкий перочинный нож с длинным лезвием и костяной рукояткой.

Мое раздражение прошло. Я больше не обижалась на Локвуда и даже на Джорджа. Похоже, теперь меня ждало настоящее испытание. Под ледяным взглядом Джорджа я слегка раздвинула предметы, чтобы их скрытые фактуры (если они были) не наслаивались друг на друга. Затем отключила все посторонние мысли, закрыла глаза и принялась один за другим изучать предметы.

Время шло. Я закончила, проверив все три предмета.

Открыв глаза, я увидела, что Джордж погрузился в толстенный комикс, который выудил неизвестно откуда, а Локвуд сидит, как и прежде, сложив руки и наблюдая за мной.

Я сделала большой глоток остывшего чая.

– Кто-нибудь из других кандидатов справился с этим заданием? – негромко спросила я.

– А вы? – вопросом на вопрос ответил Локвуд, улыбаясь.

– Ощущения было сложно отделить друг от друга, – ска-

зала я. – Наверное, именно поэтому вы и дали мне все эти предметы сразу. Эхо у каждого из них довольно сильное и отчетливое. С чего хотите начать?

– Давайте начнем с ножа.

– Хорошо. Нож излучает несколько противоречивых эхо. Мужской смех, ружейные выстрелы и – возможно – пение птиц. К этому примешивается отголосок смерти, но без оттенка жестокости или печали. В целом эхо ножа можно назвать спокойным, почти счастливым.

Я посмотрела на Локвуда. Его лицо ничего не выражало.

– А что можете сказать насчет ленты?

– Эхо на ленте по силе слабее, чем на ноже, но сильнее по эмоциям, – сказала я. – Думаю, мне удалось расслышать плач, но очень неотчетливый. Гораздо сильнее на ленте эхо печали. Когда я держала ее в руках, мне казалось, что у меня может разорваться сердце.

– А часы? – спросил Локвуд, внимательно глядя на меня. Джордж продолжал листать свой комикс «Удивительные арабские ночи».

– Часы... – я сделала глубокий вдох. – Эхо здесь не такое сильное, как на ленте или ноже, это заставляет меня предположить, что владелец часов еще не умер – или, во всяком случае, был жив, когда носил их. Но смерть в эхе часов все же присутствует. Сильный отзвук смерти. И это эхо очень... неприятное. Я слышала громкие голоса, крики... – Я поежилась и посмотрела на мирно поблескивающие на столе часы.

Каждая царапина на этом позолоченном ободке, каждая заусеница на кожаном ремешке наполняли меня ужасом. – Это очень злая вещь, – сказала я. – Я не смогла долго держать их в руках. Не знаю, откуда вы взяли эти часы, но никому не советую притрагиваться к ним. И просила бы вас больше не использовать их для своих дурацких собеседований.

Я наклонилась вперед, взяла с тарелки два оставшихся печенья и принялась жевать их, откинувшись на спинку кресла. Я впала в состояние, когда тебе на все наплевать, и запрокинула голову, уставившись в небо за окном. Я устала. В конце концов, это было мое седьмое собеседование меньше чем за неделю. Я сделала все, что могла, а оценит ли это Локвуд и его жирный дружок Джордж, мне было уже безразлично. Честно-честно, меня больше совершенно не волновало, чем закончится это собеседование.

Долгое время все молчали. Локвуд сидел, сцепив руки между коленями, и напоминал священника, с ничего не выражающим лицом сидящего на унитазах. Джордж по-прежнему листал свой комикс. По-моему, его вовсе не интересовало, здесь ли я или уже ушла.

– Ну что ж, – сказала я наконец. – Как найти дверь на улицу, я помню.

– Объясни ей правило печенья, – сказал Джордж.

– Что? – посмотрела я на него.

– Объясни ей, Локвуд, причем прямо сейчас. Иначе мы на нем разоримся.

Локвуд согласно кивнул.

– Правило такое, – сказал он. – Каждый член нашего агентства берет только по одному печенью, и все делают это по очереди. Все должно быть по-честному. По два печенья сразу у нас не берут даже для того, чтобы снять стресс.

– По одному печенью за раз?

– Верно.

– Вы хотите сказать, что я принята?

– Разумеется, вы приняты, – сказал Локвуд.

Особняк на Портленд-роу, 35, служивший агентам «Локвуд и Компания» одновременно жилым домом и офисом, был необычным местом. Казавшийся с улицы приземистым и квадратным, он на самом деле располагался на вершине небольшого склона, и его задняя стена опускалась под углом к заброшенному, обнесенному кирпичными стенами саду, а сам дом скорее напоминал пирамиду. В доме было четыре этажа, считая от самого маленького мансардного до просторного цокольного. Верхние три этажа считались жилыми, а цокольный – офисным, но это деление было довольно условным. На жилых этажах, например, были всевозможные потайные двери, которые вели в оружейные комнаты, или становились, если их открыть, досками для дартса, или раскладывались как запасные кровати, или превращались в огромные, утыканые разноцветными булавками карты Лондона.

А в цокольном, считавшемся офисным, этаже имелась прачечная – это означало, что здесь можно потренировать уэссекские полувыпады рапирой на свисающих с веревки у тебя над головой рядах носков или под громкое гудение стиральной машины наполнять бомбочки из ящика с солью.

Я сразу же полюбила этот дом, хотя он не переставал удивлять и озадачивать меня. Он был большой, старомодно обставленный, но при этом в нем нигде не наблюдалось следов

присутствия взрослых. Здесь жили только Энтони Локвуд и его заместитель Джордж. А теперь еще и я.

В первый же день моей работы в агентстве Локвуд провел меня по дому. Вначале показал мне верхний этаж со скошенными, как во всех мансардах, стенами. Здесь было всего два помещения – крошечная ванная комната с раковиной, душем и унитазом (все они буквально налезали друг на друга) и очень миленькая спальня, в которую умудрились втиснуть кровать, небольшой шкаф и комод. Расположенное напротив кровати сводчатое слуховое окно выходило на Портленд-роу, которая была видна отсюда до самой призрак-лампы на углу.

– Здесь я спал, когда был маленьким, – сказал Локвуд. – Потом она много лет пустовала. Наш последний агент, упокой Господи его душу, предпочитал жить у себя дома. Можете занять эту спальню, если хотите.

– Спасибо, – ответила я. – С огромным удовольствием.

– Я знаю, ванная здесь тесная, но зато будет вашей собственной. Внизу есть еще одна ванная, попросторнее, но это значит, что вы с Джорджем будете вытираться одними и теми же полотенцами.

– Я думаю, что прекрасно устроюсь здесь.

Мы покинули мансарду и спустились по узкой лестнице.

Лестничная площадка внизу была темной и угрюмой, в ее центре лежал круглый золотистого цвета коврик. В углу висели полки, беспорядочно забитые книгами. Я заметила

потрепанные «Ежегодники Фиттис», «Парапсихологические теории» Мотгрема и массу книжек в дешевых бумажных переплетах – в основном это были низкопробные триллеры, детективы и фантастика, однако попадались и очень серьезные исследования по религии и философии. Так же, как в холле и нижней гостиной, стены украшали туземные артефакты, вплоть до чего-то вроде трещоток, сделанных, как мне показалось, из человеческих костей.

Локвуд заметил, что я разглядываю трещотку, и сказал:

– Трещотка. Полинезия. Деятнадцатый век. Предназначена для того, чтобы своим звуком отгонять злых духов.

– И как, работает?

– Понятия не имею. Еще не испытывал ее в деле. Но, может быть, стоит попробовать, – затем он указал мне на дверь рядом с площадкой: – А это ванная, если вдруг она вам понадобится. Дальше, вот здесь, моя комната, а это комната Джорджа. Советую входить к нему с опаской. Однажды я зашел, а Джордж в это время голышом занимался йогой.

Не без труда прогнав из головы образ стоящего на голове голого Джорджа, я спросила:

– Значит, вы живете в этом доме с самого детства?

– Да, он принадлежал моим родителям. Теперь он мой. И ваш, разумеется, пока вы работаете с нами.

– Благодарю. Скажите, а ваши родители...

– А теперь я покажу вам кухню, – перебил Локвуд. – Думаю, там сейчас Джордж готовит обед.

И он повел меня вниз по лестнице.

– А что здесь? – спросила я, неожиданно заметив еще одну дверь, о которой Локвуд не упомянул.

Дверь с виду была самой обычной и находилась рядом с комнатой Локвуда.

– Это, с вашего позволения, моя частная территория, куда прошу никого не заходить. Не переживайте, ничего интересного там нет. Ну, пошли! Мы еще многое не осмотрели.

Цокольный этаж, в котором имелись гостиная, библиотека и кухня, был, несомненно, сердцем дома. На кухне мы проводили большую часть свободного времени. Здесь мы собирались перед выходом на расследование, чтобы выпить чаю с бутербродами, на кухне же встречались и перекусить наутро после работы. Обстановка кухни соответствовала месту, где люди и работают, и отдыхают. Рядом с обычной домашней утварью – сковородками, кастрюлями, пакетами с чипсами – лежали тщательно взвешенные, приготовленные к бою мешочки с солью и железными опилками. Здесь же в ведре, стоящем за корзинами с овощами, отмокали испачканные эктоплазмой рапиры. Посреди кухни стоял старинный дубовый стол, накрытый белой скатертью, которая была испещрена торопливыми заметками, диаграммами и рисунками, изображавшими несколько подвидов Гостей – Райзов, Отшельников и Теней.

– Мы называем ее скатертью для размышлений, – пояснил Локвуд. – Мало кому известно, но кости Фенчерчского Рай-

за я обнаружил, набрасывая здесь план улицы, прихлебывая чай и жуя тосты с сыром в четыре часа утра. Скатерть позволяет нам сохранять свои воспоминания, теории, пришедшие в голову интересные мысли... Очень полезная штука.

– А еще через нее можно общаться, когда разругаешься и не разговариваешь друг с другом, – добавил Джордж.

Он стоял в это время у плиты и готовил «вечерний перекус».

– Э... И часто такое случается? – спросила я.

– Нет-нет-нет, – заверил меня Локвуд. – Почти никогда.

А Джордж, с мрачным видом помешивая что-то на сковороде, обнадежил:

– Погодите немного – и сами увидите.

– Ну хорошо, – потер руки Локвуд. – Я уже показывал вам офис? Нет? Спорю, вы никогда не догадаетесь, где у него вход. Смотрите – вот здесь!

Оказалось, что в офис на цокольном этаже агентства «Локвуд и Компания» можно попасть прямо из кухни. Дверь, которая в него вела, на самом деле не была потайной – ее ручка находилась на самом виду – но снаружи ничем не отличалась от двери в какой-нибудь самый обычный чулан или кладовку. Тот же размер, цвет, такая же ручка, как на других дверях, выходивших на кухню. Но открыв эту дверь, ты оказываешься на слабо освещенной лестничной площадке, от которой круто уходит вверх винтовая лестница.

А от подножия лестницы уходила вдаль анфилада откры-

тых, с голыми кирпичными стенами, комнат, разделенных не дверями, а колоннами, арками или оштукатуренными выступами стен. Солнечный свет проникал сюда через большое окно, выходящее на заросший двор перед домом с одной стороны, и ряд слуховых окон, расположенных вдоль противоположной стены. Самая большая из этих комнат вмещала в себя три стола, картотеку, два потертых зеленых кресла и довольно хлипкую книжную полку, на которой Локвуд держал свои бумаги. На среднем из столов лежал большой гроссбух в черном переплете.

– Наш рабочий журнал, – сказал Локвуд, заметив, что я разглядываю гроссбух. – В нем записана история всех наших расследований. Его ведет Джордж, он же все сверяет со сведениями из нашей картотеки. Джордж любит такую работу. А я обычно сразу берусь за любое задание, которое нам предлагают.

Я оглядела стоящие на полке папки. На корешке каждой из них был написан вид и подвид призрака, сведения о котором собраны в этой папке. *Первый тип: Тени. Первый тип: Луркеры. Второй тип: Полтергейсты. Второй тип: Фантазмы* – ну и так далее. В самом конце ряда притулилась тощая папочка с надписью *Третий тип*. Я удивленно наклонила голову набок:

– Вам действительно приходилось иметь дело с Третьим типом?

– Вряд ли, – пожал плечами Локвуд. – Я даже не уверен,

что такой тип вообще существует.

За аркой главного офиса находилась боковая комната, абсолютно пустая, если не считать стойки с рапирами, чаши с тальком и двух соломенных чучел Гостей, свисающих на железных цепях с потолочной балки. На голове одного чучела был женский чепчик, на голове второго – мужской цилиндр. Оба чучела во многих местах были проколоты рапирами.

– Познакомьтесь с Джо и Эсмеральдой, – сказал Локвуд. – Мы назвали их в честь Леди Эсмеральды и Блуждающего Джо. Ну, помните, это два знаменитых призрака, о которых писала Марисса Фиттис в своих «Воспоминаниях». Это, само собой, наш фехтовальный зал. Здесь мы тренируемся каждый день. Полагаю, вы очень хорошо владеете рапирой, если у вас Четвертый разряд... – он внимательно посмотрел на меня.

– Да, – кивнула я. – Разумеется.

– ...но это не значит, что не нужно поддерживать себя в форме, правда? Очень хочется поскорее увидеть вас в деле. Ну, а здесь, – Локвуд подвел меня к встроенной в стену и запертой на замок металлической двери, – наше тайное хранилище. Давайте заглянем в него.

Тайное хранилище оказалось просто еще одной, только полностью изолированной, комнатой – маленькой, без окон, заставленной полками и ящиками. Здесь хранилось все самое необходимое снаряжение – серебряные печати, железные цепи, банки с греческим огнем и солью, закупленные,

судя по этикеткам, у корпорации «Санрайз». Здесь же хранился накрытый тканью стеклянный цилиндр с запечатанным в нем коричневым черепом и эктоплазмическим призраком.

– Джордж иногда берет этот цилиндр, чтобы провести с ним некоторые эксперименты, – пояснил Локвуд. – Он пытается выяснить, каким образом призраки реагируют на различные раздражители. Лично я предпочел бы уничтожить эту штуковину, но Джордж так к ней привязался...

Я с опаской покосилась на цилиндр. Так же, как и во время собеседования, я могла почти различить экстрасенсорный шум, похожий на едва слышное жужжание.

– Э... А откуда вы его взяли? – поинтересовалась я.

– А, стащили. Как-нибудь расскажу вам об этом подробнее. Вообще-то это не единственный трофей, который у нас имеется. Взгляните сюда.

В задней стене находилась современная стеклянная дверь, усиленная железными полосками и выходящая в сад. Рядом с ней к кирпичной стене были привинчены четыре полки. На них стояли контейнеры из сплавленного с серебром стекла, и в каждом из них находился какой-нибудь предмет.

Некоторые из этих предметов были старинными, другие – современными. Среди них я заметила колоду игральных карт, длинный светлый локон волос, испачканную кровью женскую перчатку, три человеческих зуба, сложенный мужской шейный платок. В самом большом контейнере храни-

лась мумифицированная рука – почерневшая и сморщившаяся, как гнилой банан. Рука лежала на красной шелковой подушечке.

– Это рука одного пирата, – пояснил Локвуд. – Предположительно семнадцатый век. Принадлежала одному парню, которого вздернули и высушили на солнце в доке для смертных казней. На этом месте сейчас стоит гостиница «Мышь и Мушкет». Его дух был Луркером и успел нагнать страху на официанток из гостиничного бара, прежде чем я откопал эту руку. Все эти вещицы мы собрали с Джорджем за время нашей работы. Некоторые из них – настоящие Источники, и они очень опасны. Их следует держать крепко запертыми, особенно по ночам. Другие не так опасны, с ними – если вы медиум – просто следует обходиться с осторожностью, как с теми тремя предметами, которые я давал вам во время собеседования.

Я сама увидела эти знакомые предметы на нижней полке – нож, ленту и мерзкие часы.

– Кстати, – сказала я, – вы так и не рассказали мне, что это за вещи.

– Извините, – кивнул Локвуд. – Я не думал, что они произведут на вас такое сильное впечатление. Итак, этот нож принадлежал моему дяде, который жил в деревне. Он брал его с собой на прогулки и на охоту. Нож был при дяде, когда тот погиб от внезапного сердечного приступа как раз в ту секунду, когда выстрелил в дикую утку. Дядя был добрым,

мягким человеком, и нож сохранил эти черты его характера.

Я вспомнила ощущения, которые появились у меня, когда я ощупывала нож, и сказала, кивнув:

– Согласна.

– А лента попала сюда из могилы, которую вскрыли на кладбище Кенсал Грин, когда устанавливали в прошлом году железный барьер по его периметру. В гробу были женщина и младенец. Лента была у женщины в волосах.

Ко мне возвратились чувства, которые я пережила, трогая этот кусочек шелка, и у меня на глаза навернулись слезы. Я закашлялась и стала сосредоточенно рассматривать другие контейнеры на полке. Я не хотела показать Локвуду свою слабость. Слабость – это то, чем питаются Гости. Слабость и неконтролируемые эмоции. Хороший агент должен всегда держать себя в руках и иметь стальные нервы. У моего прежнего руководителя Якобса сдали нервы – и чем это обернулось? Тем, что я едва не умерла.

– А часы? – спросила я, стараясь говорить холодно и равнодушно.

Прежде чем ответить, Локвуд внимательно посмотрел на меня.

– Да... часы. Вы правильно прочитали на них следы злодеяния. А вообще-то эта вещь напоминает о моем самом первом успешном расследовании, – Локвуд сделал многозначительную паузу. – Не сомневаюсь, что вы слышали об убийце по имени Гарри Крисп?

Я поморгала:

– Это не тот, что вставлял монетки в оставленные на жертвах порезы?

– Нет, это был Клайв Дилсон.

– А, вы имеете в виду того убийцу, который держал отрезанные головы в холодильнике?

– Нет. Того звали Колин Баченен-Прескотт.

Я задумчиво почесала подбородок:

– В таком случае, простите, я никогда о нем не слышала, о вашем Криспе.

– Хм, – разочарованно выдохнул Локвуд. – Я слегка удивлен. Вы вообще-то там, у себя на севере Англии, получаете газеты? Ну, одним словом, покончить с Гарри Криспом удалось благодаря именно мне. Я занимался зачисткой в доме его соседей в Тутинге – так, ничего особенного, несколько призраков Второго типа – и заметил в саду Криспа следы посмертного свечения. До меня их не могли заметить, поскольку Крисп тщательно засыпал места, где хоронил свои жертвы, железными опилками, чтобы отогнать призраков. Как позднее выяснилось, когда он убивал, у него на руке были эти часы, а еще Крисп имел дьявольскую привычку завлекать...

– Обедать! – крикнул сверху Джордж, перегнувшись через перила с черпаком в руке.

– Расскажу как-нибудь в другой раз, – сказал Локвуд. – А сейчас лучше поспешить. Джордж не простит, если из-за нас

остынет еда.

Я сразу же влюбилась в свой странный новый дом, а вскоре составила и мнение о своих товарищах по работе. Мое отношение к ним оказалось диаметрально противоположным. Локвуд понравился мне с самого начала. Он, казалось, был из какого-то совсем иного мира, если сравнивать его с замкнутым и ненадежным инспектором Якобсом, – общительный, живой, обязательный, влюбленный в свою работу. Локвуд был тем человеком, за которым я была готова идти. Пожалуй, я могла бы даже полностью на него положиться.

А на Джорджа Каббинса? О, вот уж нет! Он бесил меня. Я делала героические усилия, чтобы в тот самый первый день не раздражаться из-за него, но это было свыше человеческих сил, поверьте.

Взять хотя бы его внешний вид. Одного этого достаточно, чтобы кого угодно довести до белого каления.

Его лицо вызывало нестерпимое желание ударить по нему или хотя бы больно ущипнуть за пухлую щечку. А мягкое место Джорджа буквально просило, чтобы ему отвесили хорошего пинка. Он неуклюже передвигался по дому, спотыкаясь на каждом шагу и шаркая ногами – словно не шел, а переливался с места на место как кусок желе. Рубашка у него вечно торчала из джинсов, а кроссовки были велики на три размера и за ними постоянно волочились развязанные шнурки. Право, мне доводилось видеть оживленные трупы, которые передвигались с гораздо большей ловкостью и изяществом,

чем Джордж.

А эта его копна нечесаных волос! А эти его дурацкие очочки! Ну все, буквально *все* в нем раздражало меня.

А еще у Джорджа была отвратительная привычка тупо, без всякого выражения смотреть на меня. Казалось, он постоянно анализирует мои малейшие промахи и прикидывает про себя, где я проколюсь в следующий раз. Ну, я, конечно, старалась держать себя в руках, и в тот вечер, когда мы впервые обедали за одним столом, обращалась к нему подчеркнуто вежливо, хотя на самом деле меня так и подмывало шарахнуть его по голове чем-нибудь тяжелым.

Позже тем же вечером, поднимаясь к себе в спальню, я задержалась на лестничной площадке второго этажа. Осмотрела книжные полки, полинезийские амулеты от злых духов... и неожиданно обнаружила, что стою перед *запретной* дверью. С виду это была самая обыкновенная дверь, со светлым прямоугольником на том месте, где когда-то была прикреплена табличка. А может, какая-нибудь наклейка. Похоже, дверь была не заперта.

Войти внутрь, таким образом, не составляло никакого труда, но я знала, что делать этого никак нельзя.

Пока я стояла и смотрела на дверь, из своей комнаты появился Джордж Каббинс со сложенной газетой под мышкой.

– Я знаю, о чем вы думаете, – сказал он, – но в эту комнату вход запрещен.

– Что? Ах, дверь, – сказала я, поспешно отступая. – Да...

А почему он держит ее закрытой?

– Я не знаю.

– А вы туда когда-нибудь заглядывали?

– Нет, – сердито сверкнул очками Джордж. – Разумеется, нет. Он же просил меня не делать этого.

– Конечно, конечно. Совершенно верно. Э... – протянула я, делая отчаянную попытку выдавить на своем лице улыбку, и по возможности не лютую, а дружелюбную. – Вы давно здесь живете?

– Около года.

– Выходит, вы должны уже неплохо знать Энтони?

– Что это? – сказал Джордж-квашня, поправляя очки на своем пороссячем носике. – Еще одно собеседование? Если да, то поторопитесь, я иду в ванную.

– Да, простите. Просто меня удивил этот дом, и мне захотелось узнать, каким образом он достался Локвуду. Ну, я имею в виду всю обстановку в доме и то, что Локвуд в свои годы уже владеет таким большим особняком. Ну, то есть я хотела спросить...

– Знаю, о чем вы хотите спросить, – прервал меня Джордж. – Где его родители, да? Я угадал?

– Да, – кивнула я.

– Он не любит о них говорить – сами сможете в этом убедиться, если начнете приставать к нему с расспросами. Я думаю, они были медиумами или некоторого рода парапсихологами-исследователями – об этом вам могут сказать экзо-

тические предметы на полках. Они были богатыми людьми – об этом вам может сказать сам дом. Думаю, что несколько лет Локвуд воспитывался у каких-то своих родственников. Потом прошел обучение как агент у «Гробокопателя» Сайкса и каким-то образом вернул себе родительский дом. – Джордж поправил зажатую под мышкой газету и двинулся в сторону ванной. – Не сомневаюсь, что вы с вашими выдающимися способностями сумеете узнать намного больше.

– Воспитывался у родственников? – повторила я вслед ему. – Значит, его родители...

– Да, это должно означать, что они умерли, я так полагаю, – ответил Джордж, закрывая за собой дверь ванной комнаты.

Нетрудно догадаться, на чьей стороне были мои симпатии, когда я размышляла о своих новых коллегах по работе, лежа в ту ночь под сводами мансарды. С одной стороны – Энтони Локвуд. Решительный, энергичный, рвущийся в бой. Парень, который чувствует себя счастливее всего в ту минуту, когда входит в зараженную призраками комнату, легко касаясь рукой эфеса своей рапиры. С другой стороны – Джордж Каббинс. Привлекательный, как пачка маргарина, вдохновенный, как брошенное на пол ванной мокрое полотенце. По-настоящему счастливый только тогда, когда роется в пыльных папках и старых газетах, обложившись тарелками с едой. Скучный, надоедливый, раздражающий. В ту ночь я решила, что постараюсь держаться от него как можно

дальше. И с удовольствием предвкушала, как войду в темную комнату плечом к плечу с Локвудом.

Любимым временем Локвуда для приема новых клиентов было позднее утро. Это давало ему возможность отдохнуть от экспедиции, проведенной предыдущей ночью. Он всегда принимал посетителей в той же гостиной, где проходило мое собеседование, – возможно потому, что уютные кресла и выставленные на полках туземные артефакты для изгнания злых духов создавали подходящую атмосферу для разговоров о вещах, граничивших между обыденностью и тайной.

В мой первый полный рабочий день на Портленд Роу у нас был всего один клиент – в одиннадцать часов пришел джентльмен в возрасте слегка за шестьдесят, с круглым лицом и жалкими остатками волос, тщательно прилизанными на почти голом черепе. Локвуд уселся вместе с ним за кофейный столик. Джордж расположился чуть в стороне, за письменным столом, чтобы записывать ход беседы в свой большой черный грессбук.

Я в разговоре участия не принимала и примостилась на стуле в дальнем углу комнаты, внимательно прислушиваясь к собеседникам.

У джентльмена была проблема с гаражом. Он сказал, что его внучка отказывается туда заходить – она утверждала, что видит нечто, но дедушка – наш джентльмен – считал ее истеричной девчонкой и не слишком верил ее словам. Однако

на всякий случай (здесь он надул щеки, чтобы подчеркнуть свое крайнее нежелание делать это) он пришел к нам проконсультироваться.

Локвуд был с клиентом сама любезность:

– Сколько лет вашей внучке, мистер Поттер?

– Шесть. Глупенькая маленькая озорница.

– И что же она, по ее словам, видела в гараже?

– Да ерунда. Говорит, что видела молодого человека, который стоял в дальнем углу гаража среди ящиков из-под чая. Сказала, что он очень тонкий.

– Понятно. А этот молодой человек всегда появляется на одном и том же месте или перемещается по гаражу?

– Стоит на месте, она сказала. Еще утверждает, что пыталась заговорить с ним, но он никогда не отвечает, только смотрит на нее. Наслушалась на детской площадке о Гостях, вот и...

– Возможно, мистер Поттер, возможно. А вы сами никогда не замечали в гараже что-нибудь необычное? Например, то, что в нем слишком холодно?

– Да, там холодно, – кивнул мистер Поттер, – но это же гараж, чего вы хотите? И, опережая ваш вопрос, скажу: в этом гараже ничего не случилось. Никто... как бы вам сказать... там не умер, или что-то в этом роде. Дом и гараж новые, построены всего пять лет назад, и я всегда тщательно запираю все замки.

– Понимаю... – протянул Локвуд, сцепляя пальцы. – У вас

есть домашние животные, мистер Поттер?

Наш клиент удивленно моргнул, пригладил на лысине прядь волос и ответил:

– Не понимаю, какое отношение это имеет к нашему делу.

– Просто интересуюсь, есть ли у вас в доме собака, например, или кошки.

– У жены две кошки. Молочно-белые сиамки. Заносчивые костлявые воображалы.

– Они часто заходят в гараж?

– Нет, – ответил мистер Поттер. – Они его не любят. Всегда обходят далеко стороной. Я был уверен, что они опасаются запачкать свои драгоценные белые шубки, потому что в гараже повсюду пыль и паутина.

– А, так у вас в гараже пауки, мистер Поттер? – поднял голову Локвуд.

– Да, там их целая колония, или как еще это назвать. Они плетут свою паутину быстрее, чем я успеваю ее сметать. Но сейчас подходящее для пауков время года, не правда ли?

– Не могу утверждать. Ну хорошо, буду рад заняться вашим делом. Если не возражаете, мы приедем к вам сегодня ночью, вскоре после наступления комендантского часа. А до этого времени я бы на вашем месте не позволял вашей внучке заходить в гараж.

– Что скажете об этом деле, мисс Карлайл? – спросил Локвуд, когда мы тем же вечером ехали в идущем в восточную часть Лондона автобусе. Это был последний рейс перед началом комендантского часа, и в автобусе не было ни одного взрослого, все места занимали дети из ночной стражи, направлявшиеся нести свою вахту на предприятиях. Некоторые из них клевали носами, другие хмуро смотрели в окна автобуса. В багажной стойке возле двери подскакивало и перестукивалось их оружие – полутораметровые палки с железными наконечниками.

– Похоже на слабый призрак Второго типа, – ответила я, – поскольку он стоит на месте и не пытается приблизиться к девочке. Но сказать наверняка не могу.

Я сжала губы, вспомнив, каким безобидным с виду был призрак на той проклятой мельнице, где погибли мои товарищи.

– Вы правы, – кивнул Локвуд. – Всегда лучше быть готовым к худшему. И еще эти пауки, о которых говорил наш клиент...

– Вам известно, что означает присутствие пауков, мисс Карлайл? – спросил сидевший впереди нас Джордж, лениво поворачивая голову в мою сторону.

То, что кошки панически боятся Гостей, а пауки любят их

– факт общеизвестный. Считается, что паукам нравится по-
тусторонняя энергия, которую излучают призраки. Сильные
Источники, остающиеся активными и нетронутые на про-
тяжении многих лет, почти всегда покрыты толстым слоем
пыльной паутины, сплетенной поколениями стремившихся
к этому месту пауков. Паутина – это одна из тех вещей, на
которую в самую первую очередь должен обратить внимание
любой агент. Следы паутины очень часто могут привести вас
прямо к нужному месту.

Это известно всем. Возможно, даже шестилетней внучке
мистера Поттера.

– Да, – сухо ответила я. – Мне известно, что означает при-
сутствие пауков.

– Отлично, – кивнул Джордж. – Я спросил просто так,
проверить.

Мы въехали в один из северных округов огромного серо-
го города, недалеко к северу от реки. Узкие улочки тесни-
лись здесь на фоне огромных портовых кранов. Приближал-
ся комендантский час, поэтому уже закрывались все магази-
ны и лавки, предлагавшие пройти прямо в них сеанс психо-
терапии или купить отгоняющий призраков оберег, сделан-
ный, само собой, в Китае. Как всегда в первые недели жиз-
ни в Лондоне, у меня слегка кружилась голова от необъят-
ных размеров этого города. По тротуарам вереницей спеши-
ли домой люди, на перекрестках загорались призраки-лампы,
медленно поднимая свои ставни.

Когда мы вышли из автобуса, Локвуд повел нас в какой-то переулок. Он шел, поблескивая рапирой, кончик которой высовывался из-под длинного, элегантно развевающегося у него за плечами плаща. Мы с Джорджем трусили следом.

– Все как всегда, Локвуд, – сказал на ходу Джордж. – Мы слишком поспешно взялись за это дело. У меня совсем не было времени навести справки ни об этой улице, ни об этом доме. Дай ты мне хотя бы день, я бы наверняка накопал немало интересного.

– Да, но не следует переоценивать такую информацию, – ответил Локвуд. – Реального расследования на месте все равно ничто не заменит. Между прочим, сегодня с нами мисс Карлайл. Она, я надеюсь, сможет услышать что-нибудь.

– Опасное это дело – быть Слухачом, – заметил Джордж. – Помнится, в агентстве Эпштейна и Хоукса в прошлом году работала одна девушка-слухач. Прекрасно работала. Но потом слегка рехнулась от звучащих у нее в голове голосов и прыгнула с моста в Темзу. Утонула, само собой.

– Мариса Фиттис обладает тем же Даром, что и я, – ядовито улыбнулась я в ответ. – И ничего. Никуда ни с какого моста она до сих пор не прыгнула. И не собирается.

– Славно отбрили его, мисс Карлайл! – хохотнул Локвуд. – А теперь все. Заткнись, Джордж. Мы пришли.

Дом нашего клиента был одним из четырех ничем не примечательных строений, примыкавших стеной друг к другу и стоявших в середине полого спускавшейся к реке улицы.

К дому примыкал кирпичный гараж с поднимающимися металлическими воротами. В гараже находилась также боковая дверь, ведущая на кухню. Внутри стояли три старых мотоцикла – чинить их было хобби мистера Поттера. Кроме мотоциклов в гараже стоял длинный верстак, на стенах висели полки с инструментами, у дальней стены в ряд стояли большие ящики из-под чая, набитые старыми деталями. Тут же лежали колеса и разобранные двигатели.

Первым делом мы обратили внимание на то, что верстак и полки с инструментами были относительно чистыми, а ящики и запасные части покрыты толстым слоем свежей серой паутины. Ее посверкивающие нити тянулись между ящиками, свисая до самого пола. В свете наших фонариков мы увидели больших, стремительно разбежавшихся от света в разные стороны пауков.

Первые несколько часов мы занимались тем, что все измеряли и осматривали.

Джордж поминутно смотрел на свои часы с термометром, отмечая малейшие колебания температуры, но мы и без него чувствовали, что в гараже становится все холоднее. Появился также кисловатый запах тления – воздух наполнили миазмы. Ближе к полуночи мы уже дрожали от холода. Затем я почувствовала, как у меня зашевелились волосы на шее, и в самом дальнем углу гаража, рядом с ящиками, появилось бледное видение. Оно вело себя очень тихо и смирно – бледное светящееся облачко, напоминающее фигуру мужчины.

Мы тихо наблюдали, положив руки на рабочие пояса, но не ощущали надвигающейся опасности. Повисев в воздухе минут десять, явление испарилось. Исчез вместе с ним и кислый запах, воздух очистился.

– Молодой человек, – сказал Локвуд. – Одет во что-то вроде кожаной форменной куртки. Кто-нибудь может что-то добавить?

– Простите, нет, – покачала я головой. – Мое Видение слабее вашего. Но...

– Мне совершенно ясно, с чем мы здесь имеем дело, Локвуд, – перебил меня Джордж. – Я тоже видел униформу, и это подтверждает то, что я предполагал еще до того, как мы вошли внутрь. Это совсем новый дом, так? Большинство других домов на этой улице старые, еще довоенной постройки. Когда-то на этом месте тоже стоял такой же старый дом, но он исчез. Почему? Потому что во время войны его разбомбили. Тогда же, очевидно, погиб и молодой человек, призрак которого мы только что видели. Итак, это призрак жертвы бомбежки. Униформа? Что ж, это мог быть, например, приехавший на побывку солдат. Сейчас его останки покоятся где-то у нас под ногами.

Джордж решительно снял с носа очки и протер их выбившейся из джинсов рубашкой.

– Ты так полагаешь? – нахмурился Локвуд. – Может быть, может быть... Правда, я не вижу здесь посмертного свечения, – он задумчиво потер подбородок. – Если так, наш кли-

ент вряд ли обрадуется. Разобрать пол в гараже и устроить раскопки обойдется ему в копейчку.

– Что поделаешь, – пожал плечами Джордж. – Нужно найти кости. Как иначе ты покончишь с Гостем?

– Простите, – сказала я, – но я с вами не согласна.

Они оба уставились на меня.

– Что? – сказал Джордж.

– Конечно, я не смогла рассмотреть Гостя так же отчетливо, как вы, но, возможно, смогла уловить нечто, ускользнувшее от вашего внимания. Перед тем как призрак испарился, я слышала его голос. Вы его тоже слышали? Нет? Голос был очень слабым, но я хорошо разобрала то, что он сказал: *«Поздно. Не успею тормознуть»*. Он повторил эти слова дважды.

– Ну и что все это значит? – требовательным тоном спросил Джордж.

– Это значит, что Источник может находиться не под полом и не иметь никакого отношения к бомбежке. Я думаю, Источник находится в одном из этих ящичков. Что в них?

– Старые железяки и шины, – сказал Джордж.

– Разобранные двигатели, – сказал Локвуд.

– Да, части старых мотоциклов, которые наш клиент собирает на разных свалках. А откуда эти части туда попадают? Какая у каждой из них история? Я предполагаю, что одна из частей была установлена на мотоцикле, попавшем в аварию, причем, возможно, со смертельным исходом.

– Дорожное происшествие? – хмыкнул Джордж. – Вы полагаете, мисс Карлайл, что Источником служит часть разбившегося мотоцикла?

– Скажите, кожаная куртка призрака, которого вы видели, могла принадлежать мотоциклисту?

Они помолчали, затем Локвуд медленно кивнул:

– Знаете, вполне возможно. Нужно будет проверить. Завтра попросим у клиента разрешения порыться в этих ящиках. А пока – благодарю вас, мисс Карлайл, за отличную работу и интересное предположение. Вижу теперь, что ваш Дар остался при вас, никуда не делся!

Просто для порядка скажу, что я оказалась права. В одном из ящичков лежали смятые остатки мотоцикла, на которых мы сразу же обнаружили довольно сильное эхо давней автокатастрофы. Мы вынесли эти части из гаража и отправили на сжигание в печи «Фиттис». На том все и закончилось.

Но в ту ночь, когда мы вернулись с этого расследования к себе на Портленд Роу, я не могла успокоиться. Похвала Локвуда не давала мне покоя, его слова торжественным эхом продолжали раздаваться у меня в ушах. Я была слишком возбуждена, чтобы лечь спать, поэтому, приготовив себе на кухне бутерброд, я поднялась в библиотеку, внимательно осмотреть которую у меня до сих пор не было времени.

Стены библиотеки были обшиты темными дубовыми панелями. Окна закрыты тяжелыми портьерами, черные полки на стенах ломились от томов в твердых переплетах. Ка-

мин, над ним картина маслом – три спелые зеленые груши. На столах шарнирные, напоминающие цапель лампы. Свет одной из ламп освещал фигуру Локвуда, уютно устроившегося в мягком кресле, элегантно свесив с подлокотника свои длинные худые ноги.

На его лоб красиво спадал непослушный локон. Локвуд читал журнал.

Я остановилась возле двери.

– А, мисс Карлайл, – Локвуд вскочил с кресла и приветливо улыбнулся. – Прошу вас, проходите. Садитесь где захотите, кроме, разве что вон того коричневого кресла в углу. Это кресло Джорджа, а он, извините, имеет привычку сидеть в нем в одних трусах. Надеюсь, с вашим появлением у нас он избавится от этой привычки. Не беспокойтесь, сейчас он не придет, он уже отправился спать.

Я села в кожаное кресло напротив Локвуда. Оно было мягким и удобным, смущал лишь засохший огрызок яблока, аккуратно положенный на один из подлокотников. Локвуд, подошедший, чтобы включить свет у меня за головой, ловко подхватил огрызок и без каких-либо комментариев бросил его в мусорную корзинку. Затем вернулся в свое кресло, положил на колени свой журнал и сложил поверх него руки.

Мы улыбнулись друг другу, и тут я неожиданно подумала, что мы с ним, по сути, почти не знакомы. Несмотря на все собеседования, несмотря на то, что мы уже вместе принимали участие в расследовании, я просто не знала, что сказать.

– Я видела, как Джордж спускался вниз, – неуверенно начала я. – Он показался мне слегка... странным.

– С ним все в порядке, – небрежно махнул рукой Локвуд. – Просто на него иногда накатывает такое настроение.

Мы снова замолчали. В тишине громко раздавалось тиканье каминных часов.

– Итак, мисс Карлайл? – кашлянув, сказал Локвуд.

– Зовите меня просто Люси, – попросила я. – Так короче, проще и по-дружески. Поскольку мы собираемся работать вместе... и живем под одной крышей.

– Да, конечно. Вы правы... – он взглянул на свой журнал, затем снова на меня. – Итак... Люси, – здесь мы оба неловко рассмеялись, – как вам этот дом?

– Очень нравится. У меня прелестная комната.

– А ванная... Она вам не кажется слишком тесной?

– Нет, все замечательно. Очень уютная ванная.

– Уютная? Отлично, я очень рад.

– А как мне вас называть? – спросила я. – Я заметила, что Джордж называет вас «Локвуд».

– Я охотно отзываюсь на это имя.

– А кто-нибудь называет вас «Энтони»?

– Так звала меня моя мама. И отец.

Мы снова помолчали.

– А «Тони»? – спросила я. – Вас когда-нибудь называли «Тони»?

– Тони? Знаете что, мисс Кар... простите – Люси. Вы мо-

жете называть меня как вам нравится – Локвуд или Энтони. Только, пожалуйста, не Тони и не Энт. А если вы меня назовете Большим Э, боюсь, я выброшу вас за это из окна.

Опять повисло молчание.

– А что, вас кто-нибудь когда-нибудь действительно называл Большим Э? – спросила я.

– Моя первая помощница. Она у нас недолго задержалась, – он улыбнулся.

Я улыбнулась в ответ, слушая, как тикают часы. Этот звук казался мне невыносимо громким.

Наверное, сейчас мне лучше подняться и уйти наверх, в свою комнату.

– Что вы читаете? – спросила я.

Он протянул мне журнал. На его обложке красовалась выходящая из черного автомобиля блондинка. Ее зубы сверкали ярче призрака-лампы. К отвороту ее платья была приколоты большая веточка лаванды, окна автомобиля укреплены железными решетками.

– «Лондонское ревю», – сказал Локвуд. – Редкостная дрянь. Но из него можно узнать о том, что происходит в городе.

– И что же в нем происходит?

– В основном вечера и приемы, – он быстро пролистал страницы. У меня перед глазами замелькали бесчисленные глянцевые фотографии элегантно одетых мужчин и женщин, позирующих на фоне битком набитых людьми залов. – Вы

думаете, появившаяся Проблема заставила людей задуматься о своей бессмертной душе? – сказал Локвуд. – Нет, совсем напротив, если говорить о богачах. Они наряжаются, собираются, танцуют ночи напролет в каком-нибудь тщательно опечатанном отеле, и их очень возбуждает, что где-то поблизости в это время бродят Гости... Вот этот прием был устроен на прошлой неделе ДЕПИК – Департаментом парапсихологических исследований и контроля. Там присутствовали главы всех наиболее значительных агентств.

– О, – сказала я, просматривая фотографии. – А вас приглашали? Здесь есть ваша фотография?

– Нет, – пожал плечами Локвуд. – Меня там не было.

Я перелистнула еще несколько страниц.

– Значит, когда вы писали в своем объявлении, что «Локвуд» – хорошо известное агентство, вы слегка приврали, так?

Шелестели страницы, тикали часы.

– Назовем это небольшим преувеличением, – сказал Локвуд. – Многие люди так поступают. Вы, например. На собеседовании вы сказали, что у вас Четвертый разряд, но я позвонил в отделение ДЕПИК по Северной Англии, и мне сказали, что вы полностью прошли аттестацию только с Первого до Третьего разряда.

Он не выглядел сердитым, просто сидел и спокойно смотрел на меня своими большими темными глазами.

– Я... Я... Простите, – выдавила я. – Просто... Просто

я имела в виду, что вполне соответствую уровню Четвертого разряда. Видите ли, мое обучение у Якобса закончилось весьма плачевно... и неожиданно... и я не успела пройти аттестацию. А когда пришла сюда... Понимаете, мне очень нужна была работа. Простите меня, Локвуд. Хотите, я расскажу, как все это получилось? Я имею в виду – с Якобсом?

Но Энтони Локвуд жестом руки отклонил мое предложение:

– Нет, это не имеет никакого значения. Что бы там ни случилось, все в прошлом. А нам сейчас нужно думать о будущем. И я уже убедился, что вы вполне справитесь со своей работой. В свою очередь могу вас заверить, что «Локвуд и Компания» со временем станет одним из трех самых известных агентств в Лондоне. Поверьте, я знаю, что говорю. И вы будете частью этого агентства, Люси. Я думаю, что вы очень полезный работник, и очень рад тому, что вы здесь.

Можете спорить на что угодно и не ошибетесь – мое лицо в этот момент запылало от нахлынувшей смеси сразу трех чувств: смущения – оттого что мою хитрость раскрыли, удовольствия – оттого что меня похвалили, и восторга – от открывшегося передо мной сияющего будущего.

– Не думаю, что Джордж будет согласен с вами, – заметила я.

– Почему, он тоже считает, что вы особенная. Был поражен тем, что вы показали во время собеседования.

Я вспомнила хрюканья, зевки, сопение, прихлебывания

Джорджа, его подкалывания в тот день.

– Он всегда выражает свое одобрение таким образом?

– Вы привыкнете к нему. Джордж терпеть не может лицемеров – ну знаете, тех людей, которые в лицо говорят вам приятное, а за глаза ругают почему зря. Он предпочитает поступать с точностью до наоборот. Между прочим, он отличный агент. Одно время работал у «Фиттис», – добавил Локвуд. – А в этом агентстве ценят вежливость, умение хранить тайну и рассудительность. Сколько он там продержался, как вы думаете?

– Минут двадцать? Меньше?

– Шесть месяцев. Вот насколько он хорош.

– Если они смогли терпеть его так долго, тогда он должен быть просто супер.

– Знаете, что я вам скажу? – лучезарно улыбнулся Локвуд. – В одной команде с вами и Джорджем мы сможем горы свернуть.

После этих слов у меня возникло чувство, что так оно и есть. Довольно скоро я поняла, что когда Локвуд вот так улыбается, не согласиться с ним просто невозможно.

– Спасибо, – сказала я. – Я тоже надеюсь на это.

– Что значит «надеюсь»? – рассмеялся Локвуд. – В это верить нужно, а не надеяться.

Часть 3. Кулон

9

Просто удивительно, насколько быстро может распространяться огонь в самом обычном пригородном доме и как стремительно реагируют на это соседи. Наверное, еще до того, как мы с Локвудом вывалились из окна, а может быть и в то время, когда мы с ним еще сражались с девушкой-призраком, они вызвали пожарных. Те тоже не заставили себя долго ждать и подъехали к горящему дому в считанные минуты. Но все равно было уже поздно. Когда специальный расчет ночных пожарных в металлических кольчугах высадился в саду в сопровождении группы агентов от Ротвелла, верхний этаж дома миссис Хоуп уже весь полыхал.

Белое пламя ревушим водопадом вырывалось из окон второго этажа. Черепица на крыше трескалась и багрово светилась от жара, сверкая в ночи словно чешуя дракона.

Из дымовых труб вылетали тучи раскаленных искр, падавших огненным дождем на деревья в саду и соседние дома. Окутавший сад туман сделался оранжевым, и в этом фантастическом облаке метались тени пожарных, врачей и агентов.

А в центре всего этого безумия, сторбившись у подножия

кустов, спасших нам жизнь, сидели мы с Локвудом. Мы отвечали на вопросы врачей и позволяли им делать с нами все, что они считают необходимым. Вокруг нас гудели насосы, трещала древесина, руководители выкрикивали приказы чуждым от сажи детям-агентам в форменных куртках, посыпавших солью траву возле дома. Все это казалось мне нереальным, каким-то очень расплывчатым и далеким. Я с трудом понимала даже то, что мы с Локвудом уцелели.

Нам очень повезло, что ни мистер, ни миссис Хоуп не были заядлыми садоводами. Они позволяли кустам возле дома расти как им заблагорассудится, и те выросли высокими, широкими и густыми. Падая, мы с Локвудом проломили верхний ряд ветвей, продрались сквозь нижние ветки и затормозили практически у самой земли. Наша одежда была изодрана в клочья, вся кожа в ссадинах, но мы каким-то чудом умудрились не разбиться в лепешку и не сломать себе шею.

Из обнажившегося отверстия дымохода над крышей поднялся огромный столб пламени. Я сидела и смотрела на него, а в это время кто-то бинтовал мне руку. Я подумала о девушке в дымоходе. Теперь от нее точно ничего не осталось.

Столько суеты, беспокойства, хаоса... и все из-за меня.

Нам вообще не следовало связываться с призраком той девушки. Мы просто должны были немедленно уйти, едва обнаружив, насколько она опасна. Локвуд предлагал вернуться, но я уговорила его остаться и довести дело до конца. И благодаря мне... Одним словом, довели.

– Люси! – раздался голос Локвуда. – Очнись! Они хотят отвезти тебя в больницу. Собираются заштопать как следует.

Уголок моего рта опух и онемел.

– А как... А как же ты? – с трудом выговорила я.

– Мне нужно переговорить кое с кем. Догоню тебя чуть позже.

Меня подташнивало. Левый глаз полностью заплыл и ничего не видел. Мне показалось, что позади толпы врачей стоит какой-то человек в темном костюме, но рассмотреть его я не смогла. Кто-то помог мне подняться, и меня под руки повели куда-то прочь.

– Локвуд. Это моя вина...

– Вздор. Я за все отвечаю. Ни о чем не беспокойся. Скоро увидимся.

– Локвуд...

Но он уже пропал из виду среди огней и оранжевого тумана.

Врачи в больнице знали свое дело и отлично меня заштопали. К утру все мои резаные раны были очищены, обработаны и забинтованы. Вывихнутую правую руку зафиксировали повязкой. Но в целом мне повезло – обошлось без переломов, я лишь прихрамывала, да и то слегка. Врачи хотели оставить меня в больнице на день-другой, чтобы понаблюдать за мной, но я сказала, что с меня достаточно. Врачи попытались возражать, но я была агентом, и перевес в этом споре оказался на моей стороне. Вскоре после рассвета меня

отпустили.

Когда я добралась до Портленд Роу, призрак-лампу на углу улицы только что погасили, внутри нее еще не стихло потрескивание электрических зарядов. В доме Локвуда были освещены окна только нижнего этажа, на верхних царили мрак и тишина. У меня не было сил искать свои ключи, поэтому я просто прислонилась к входной двери и позвонила.

Послышались торопливые шаги, и дверь резко распахнулась. На пороге стоял Джордж с покрасневшимися щеками и широко раскрытыми глазами. Волосы у него были взъерошены даже больше, чем обычно (не думала, что такое вообще возможно). Одет он был так же, как вчера днем.

Увидев мое исцарапанное, опухшее лицо, он негромко присвистнул сквозь зубы. Отступил в сторону, дал мне пройти в дом и тихо закрыл дверь.

В холле было темно. Я дотянулась до хрустального черепа на столике для ключей и включила лампу. На стол упал круг золотистого теплого света. В центре этого круга ухмылялся череп. Я тупо посмотрела на туземные безделушки, которыми были набиты висевшие в холле книжные полки. Горшки, маски, пустые тыквы, которые, если верить Локвуду, некоторые туземцы носили вместо штанов.

Локвуд...

– Где он? – спросила я.

Джордж все еще стоял возле двери. Стекла его очков отсвечивали в свете лампы, поэтому я не могла рассмотреть

выражение глаз Джорджа, видела только пульсирующую у него на шее жилку.

– Где он? – повторила я.

– Скотланд-Ярд, – глухо и чуть слышно ответил Джордж.

– В полиции? Я думала, он в больнице.

– Уже был. Его оттуда забрали люди из ДЕПИК.

– Почему?

– Ой, я не знаю. Наверное, потому, что вы спалили чей-то дом, Люси. А так – кто знает?

– Я должна пойти и увидеть его.

– Тебя не пустят. Я уже просился. Он приказал мне ждать его здесь.

Я посмотрела на Джорджа, на дверь, затем опустила взгляд на свои ботинки, заляпанные сажей и штукатуркой.

– Ты говорил с ним?

– Он позвонил мне из больницы. Его в это время как раз забирал инспектор Барнс.

– С ним все в порядке?

– Не знаю. Думаю, да, но... – он вдруг резко сменил тему разговора: – А вот ты выглядишь просто ужасно. Что с рукой? Перелом?

– Нет, небольшой вывих. Через несколько дней пройдет. Ты только что сказал «но». Что «но»? Что еще он тебе сказал?

– Почти ничего. Кроме...

От тона, каким Джордж произнес это «кроме», у меня за-

колотилось сердце. Мне снова стало нехорошо, и я привалилась спиной к стене.

– Кроме чего? Не тяни!

– До него дотронулся призрак.

– Джордж!..

– Ты не могла бы отлепиться от стены? Испачкаешь обои.

– К черту обои, Джордж! Его не трогал призрак! Я бы увидела!

Джордж не сдвинулся с места и заговорил тихо и монотонно:

– Уверена? Он сказал, что это произошло, пока ты возилась с Источником. Когда он сражался с Гостьей и она дотянулась до него завитком плазмы. Притронулась к его руке. В больнице ему вкатили лошадиную дозу адреналина и остановили гниение тканей. Он сказал, что в порядке.

У меня все поплыло перед глазами. Неужели это действительно случилось? Все в той комнате происходило так стремительно, а то, что было потом, в саду, помнилось мне как в тумане.

– Дело плохо? – спросила я. – Как далеко зашел процесс?

– К тому времени, как ему начали оказывать медицинскую помощь? – пожал плечами Джордж. – Об этом лучше ты мне расскажи.

– Откуда мне знать? – огрызнулась я. – Меня там не было.

Джордж вдруг так яростно заревел, что я подскочила на месте.

– А ты должна была быть там! – Он с такой силой ударил кулаком по стене, что с полки свалилась и покатилась по полу декоративная тыква. – Ты должна была не дать призраку прикоснуться к нему! Это твоя главная обязанность – прикрывать товарища. А позднее с рукой у него действительно было плохо. Она начала опухать. Он сказал мне, что его пальцы к концу стали как пять синих сарделек, но все равно его только силой затащили в карету «Скорой помощи». Почему? Потому что он рвался идти искать тебя. Убедиться, что с тобой все в порядке! И вырвался бы, и пошел бы тебя искать, и умер бы через час, если бы какой-то смысленый док не догадался всадить ему в задницу шприц со снотворным.

Джордж тяжело перевел дыхание и продолжил:

– Иначе его не уговорить, он же никого не слушает и постоянно спешит. У него не хватило терпения дождаться моего возвращения вчера вечером. У него не хватило терпения дать мне немного времени, чтобы я мог точно сказать, что нас ждет и во что мы ввязались. Нет! Скорей, скорей, скорей! Если бы он только дождался меня вчера, не было бы всех этих неприятностей! – Джордж яростно пнул упавшую с полки тыкву, она завертелась, покатилась и, ударившись о плинтус, развалилась надвое.

«Что ж, подведем итоги», – подумала я. И так, за последние двенадцать часов меня едва не убил злобный призрак. Я упала на кусты со второго этажа. Вывихнула руку. Полно-

чи морщилась от боли, когда из меня пинцетом вытаскивали занозы и колючки. Еще между делом спалила небольшой дом в пригороде. К Локвуду прикоснулся призрак, а самого Локвуда, несмотря на его состояние, допрашивают сейчас в Скотланд-Ярде. Насыщенные событиями двенадцать часов, ничего не скажешь! А сейчас мне необходимо принять ванну, что-нибудь перекусить и как следует выспаться. После этого я буду готова отправиться на поиски Локвуда.

Но вместо всего этого я торчу здесь и перебраниваюсь с Джорджем. Нет, сегодня точно не мой день.

– Заткнись, Джордж, – устало сказала я. – Сейчас не до этого.

– Да? – придушенным от гнева голосом воскликнул Джордж, разворачиваясь лицом ко мне. – А когда станет до этого? Может быть, когда вы с Локвудом оба умрете? Когда однажды ночью я открою входную дверь и увижу, как вы двое стоите за железной чертой в ореоле эктоплазмы, а из ваших глазниц вылезают могильные черви? Вот тогда мы с тобой закончим этот разговор? Отлично!

– Договорились, – фыркнула я. – Обещаю явиться к тебе в более привлекательном виде, чем ты описал.

– В самом деле? – Джордж топнул ногой от ярости. – Откуда тебе знать, какой именно Гостьей ты станешь, Люси? Ты же ничегошеньки не понимаешь в призраках. Ты ничего не читаешь из того, что я тебе даю. Ты никогда не записываешь то, что увидела или услышала. Вас с Локвудом интере-

сует только одно – поскорее отправиться на место и начать выискивать Источник.

Я шагнула вперед, встала с Джорджем лицом к лицу. Если бы моя рука не была на перевязи, я, наверное, ткнула бы сейчас ею в его жирную выпяченную грудь.

– Мы поступаем так потому, что за это нам платят деньги, – сказала я. – А что приносит нам твоя возня со старыми газетами? Ничего!

– Вот как? – пороссячы глазки Джорджа сверкнули за стеклами его дурацких очков. – Ничего?

– Совершенно верно. Если бы ты меньше возился со своими пыльными бумажками, мы за последние несколько месяцев провернули бы вдвое больше дел. Например, вчера мы прождали тебя весь день. Ты должен был отправиться на задание вместе с нами. Но нет – ты был слишком занят в библиотеке. Мы оставили тебе вежливую записку на скатерти. Не выходили из дома до пяти часов, все ждали тебя.

– Вы должны были дождаться, – неожиданно тихим голосом сказал Джордж.

– Что мы сделали не так? Что изменило бы твое рытье в архивах?

– Что изменило бы? Пойдем! Я покажу, что изменило бы мое рытье! – Джордж повернулся и повел меня через холл на кухню. Не обращая внимания на мои негодующие возгласы по поводу стоящих повсюду грязных тарелок, он пинком открыл ведущую в цокольный этаж дверь и поскакал вниз по

железным ступенькам.

– Пойдем, пойдем! – крикнул он. – Я все покажу тебе, бестолочь!

Я ответила ругательством, от которого, наверное, скисло бы молоко, если бы оно уже не свернулось, простояв на столе тридцать шесть часов. Вот теперь я разозлилась по-настоящему. В офисе над столом Джорджа горела лампа, освещающая беспорядочно разбросанные бумаги, грязные чашки, яблочные огрызки, пустые пакеты из-под чипсов и засохшие недоеденные бутерброды. Это были следы деятельности Джорджа прошедшей ночью. Здесь же, на столе, стояла неприкрытая призрак-банка – череп едва угадывался в ней за мутным желтоватым облачком эктоплазмы. По какой-то, неизвестной мне, причине, череп сейчас плавал в этом тумане, перевернувшись вверх челюстью.

Джордж рывком схватил со стола несколько бумажных листов. Я не стала дожидаться, пока он заговорит, и первой бросилась в атаку:

– Знаешь, в чем твоя проблема, Джордж? Ты ревнуешь?

– К кому? – уставился он на меня.

– Ко мне.

Он грубо хохотнул. Голова в банке собезьянничала – повторила его гневную гримасу.

– Ну разумеется! – воскликнул Джордж. – Ты же у нас не агент, а сказка! Только что спалила дом нашего клиента. Ты лучшая помощница, какая только у нас была.

– Верно. Мой предшественник умер.

– Дело не в этом, – замялся Джордж.

– Именно в этом. Напомни-ка мне, как погиб Робин.

– Столкнулся с Сырыми Костями. Запаниковал и бросился на крышу.

– Правильно, а я столкнулась с не менее злобным призраком – и выжила. Причем выжила, находясь на передней линии, то есть там, где ты стал редко появляться, Джордж. Ты сам это знаешь. Ты начал терять уверенность в себе. На тебя стало нельзя положиться. Так что не пытайся заставить меня чувствовать себя виноватой за то, что я иду в темноту и делаю свое дело. Это посложнее, чем рыться в пыльных книгах.

– Хорошо, – сказал Джордж, поправляя на носу свои очки. – Ладно. Возможно, ты права. Я должен подумать о том, что ты сказала. Но пока я думаю, потрудись все-таки взглянуть на то, что мне удалось нарыть вчера в старых газетах, пока вы собирались здесь на задание, причем так тщательно, что забыли взять с собой цепи. Вот это выписка из Жилищного реестра по дому номер шестьдесят два по Шин-роуд, который вы только что сожгли. Здесь список всех владельцев дома за последние сто лет. Самыми последними числятся мистер и миссис Хоуп, их ты знаешь. Но не знаешь мисс Аннабел Э. Вард, которая купила этот дом пятьдесят лет назад. Постарайся запомнить это имя. А теперь о том, почему я вчера так долго задержался в Государственном архиве, разыскивая имена прежних владельцев дома, упоминающи-

еся в газетных сообщениях. Потому что не люблю, терпеть не могу сюрпризов, но на один сюрприз я все-таки наткнулся. Видишь ли, я просто проверял, не привлек ли кто-нибудь из бывших владельцев дома к себе такое внимание, что об этом могли написать в газете. И что ты думаешь? Нашел!

Он схватил со стола своими испачканными в чернилах пальцами еще один листок и протянул его мне. Это была слегка размытая фотокопия небольшой газетной заметки. Газета называлась «Ричмонд Икзаминер», номер газеты, в которой была помещена заметка, вышел сорок девять лет назад.

«Пропала девушка. Полиция обращается за помощью.

Полиция, которая расследует обстоятельства исчезновения популярной юной актрисы, мисс Аннабел Вард, вчера обратилась с просьбой поделиться информацией всех, кому что-либо известно по этому поводу.

Мисс Вард, 20 лет, проживающую на Шин-роуд в Ричмонде, не видели после вечера субботы, 21 июня, который она провела в компании своих друзей в ночном клубе «Гэллопс» на Челси Бридж-роуд. Из клуба она ушла вскоре после полуночи, и на следующий день перестала откликаться на звонки. Детективы опросили всех знакомых актрисы, но это не сдвинуло расследование с мертвой точки. Любого, кто располагает дополнительной информацией, полиция убедитель-

но просит позвонить по номеру, который помещен ниже.

В течение нескольких последних дней поиски велись в доме популярной в обществе начинающей актрисы и около него. Полицейские аквалангисты осматривают пруды и реки. Тем временем отец мисс Вард, мистер Джулиан Вард, заявил о том, что готов выплатить солидное вознаграждение любо...»

– Потрудилась прочитать? – спросил Джордж. – Молодец, ведь здесь почти три абзаца, труд для тебя колоссальный. А теперь позволь я помогу тебе понять, что из этого следует. Хотя точный адрес в заметке не указан, я решил, что речь идет именно о той Аннабел Вард, которая числится в Жилищном реестре. Даты по времени совпадают. Итак, она жила в доме шестьдесят два по Шин-роуд, куда вы поспешили, чтобы расследовать появление призрака. Совпадение? Возможно, но обнаружив его, я удивился и взял его на заметку. Затем поспешил домой, чтобы поделиться с вами своим открытием, но – сюрприз, сюрприз! – вы уже ушли. Локвуд полетел исследовать видение. Но даже тогда я не слишком встревожился. Думал, что вы хорошо экипированы. И только позднее увидел, что вы забыли взять цепи.

Повисло молчание. Сидевший в банке призрак превратился в зернистую светящуюся массу плазмы и сейчас медленно переливался, опустившись на дно цилиндра.

– Ну как? – спросил Джордж. – Совпадает что-нибудь из этого с тем, что вам пришлось пережить прошлой ночью?

Где-то внутри меня словно вытащили невидимую пробку и в открывшееся отверстие, как вода из ванны, вытек весь мой гнев. Осталась лишь усталость.

– У тебя есть ее фотография? – спросила я.

Разумеется, у Джорджа была ее фотография, и он вытащил ее, порывшись в своих бумагах.

– К сожалению, лучшей не нашел.

Фотография была переснята из другого номера все той же «Икзаминер». Девушка в длинной меховой шубке, выходящая из двери дома. Снято с руки, фотовспышкой. Ослепительная улыбка, модная в те годы прическа – пучок с начесом, из-под шубки выглядывает стройная длинная нога. Вероятно, девушку сфотографировали, когда она выходила из какого-нибудь модного ночного клуба или бара, возле которых так любят толкаться газетчики, ожидая сенсаций. Живи эта девушка сейчас, ее фотографии заполняли бы целые развороты в тех глянцевах журналах, которые листает Локвуд. И я ненавидела бы ее.

Но сейчас я вспоминала другое лицо – безглазое, покрытое сморщившимися лоскутами кожи, густо опутанной паутиной. Втиснутое между кирпичами дымохода. И мне стало очень грустно.

– Да, – сказала я. – Это она.

– Грандиозно, – только и произнес Джордж.

– Там написано, что полиция обыскала дом, – пробормотала я. – Не слишком-то старательно они это сделали.

Мы стояли с Джорджем возле стола и смотрели на фотографию и номер газеты полувековой давности.

– Тот, кто ее спрятал, хорошо постарался, – сказал наконец Джордж. – К тому же это случилось до возникновения Проблемы, об этом тоже нельзя забывать. Само собой разумеется, что полиция не прибегла к услугам экстрасенсов.

– Но почему тогда этот призрак не появился в доме с самого начала? Почему такой огромный разрыв во времени?

– Возможно, все это время возле Источника было слишком много железа. Чтобы заблокировать его, могло хватить просто одной массивной железной кровати. Если Хоуп делал перестановку, менял мебель, он мог вновь разблокировать Источник.

– Он действительно сделал там перестановку, – сказала я. – Превратил эту спальню в свой кабинет.

– Ну, сейчас это уже не имеет никакого значения, – Джордж снял очки и принялся протирать их краем выбившейся из джинсов рубашки.

– Прости, Джордж. Ты прав. Мы должны были дожидаться тебя.

– А я должен был броситься вдогонку за вами. Но подумал о том, как трудно сейчас поймать ночное такси...

– Я наговорила тебе грубостей, словно с цепи сорвалась. Но это только потому, что я очень тревожусь за Локвуда. И хочу надеяться, что с ним все обойдется.

– Обойдется. Я тоже не сдержался, накричал на тебя. Пнул

ту чертову тыкву. Я разбил ее, да?

– Да ладно, он даже не заметит. Просто положи ее назад на полку.

– Ага, – Джордж вернул на нос очки и посмотрел на меня. – Мне жаль, что ты повредила руку.

Наверное, мы с Джорджем могли бы и дальше обмениваться любезностями и извинениями, но меня отвлекло появившееся в банке с призраком лицо. Оно изображало карикатурное отвращение.

– Скажи, эта штука может слышать нас?

– Только не через серебряное стекло. А теперь пойдем наверх. Я приготовлю тебе что-нибудь поесть.

– Сначала помой посуду, – сказала я, поднимаясь по железной лестнице. – А я пока приведу себя в порядок.

Я оказалась права в своих расчетах – успела вымыться, переодеться и снова спуститься вниз раньше, чем Джордж начал накладывать в чистую тарелку яичницу с беконом. Едва я пристроила свою вывихнутую руку на столе и нетерпеливо потянулась к солонке, как у входной двери вновь зазвенел колокольчик.

Мы с Джорджем переглянулись и дружно рванули к двери. На пороге стоял Локвуд.

Его пальто обгорело и было разодрано в клочья, воротничок рубашки оторван. Лицо покрыто царапинами. И без того худые щеки ввалились, глаза лихорадочно блестели. Он был похож на тяжело больного, зачем-то поднявшегося с постели.

ли. Я боялась увидеть Локвуда опухшим от прикосновения призрака, но он был таким же худым, как всегда. Даже еще более тощим. Когда Локвуд медленно вошел в холл и оказался на свету, я увидела на его левой руке белую марлевую повязку.

– Привет, Джордж, – дрожащим голосом сказал Локвуд. – Привет, Люси.

Он покачнулся, казалось, вот-вот упадет. Мы с Джорджем бросились к нему, подхватили его с обеих сторон, и Локвуд поблагодарил нас улыбкой.

– Как хорошо вновь оказаться дома, – сказал он и тут же добавил: – Эй, а что случилось с моей тыквой?

Несмотря на то что по жилам Локвуда все еще бежал лютой холод от прикосновения призрака, несмотря на другие раны и усталость после допроса в Скотланд-Ярде, на следующий день он держался бодрячком. Он проспал (как и я) почти до полудня, с неохотой позавтракал – скорее просто поковырялся в картофельной запеканке с фасолью, которую приготовил Джордж. Он медленно двигался, с трудом говорил – и то и другое было для Локвуда очень необычно. После позднего завтрака он перешел в гостиную, уселся, обложив поврежденную руку бутылками с горячей водой, и бездумно уставился в окно.

Мы с Джорджем пристроились рядом и просидели так в молчании почти до вечера. Я читала дешевый детективный роман. Джордж экспериментировал с сидящим в банке призраком, посылая сквозь стекло слабые электрические разряды.

То ли в знак протеста, то ли по какой-то другой причине реагировать на них призрак отказывался.

Около четырех часов, когда солнце уже начало клониться к горизонту, Локвуд посмотрел на нас и неожиданно попросил принести наш рабочий журнал. Это были первые слова, которые он сказал за несколько часов.

– Что у нас там намечается, Джордж? – спросил Локвуд,

когда Джордж принес гроссбух в черном переплете. – Какие еще дела мы не завершили?

Джордж полистал последние страницы.

– Ничего выдающегося, – сказал он. – Поступило сообщение об «ужасной черной фигуре», которую видели на платной автостоянке ранним вечером. Это может оказаться что угодно, от Темного Спектра до Серой Дымки. Мы собирались отправиться туда этим вечером, но я позвонил им и отложил это дело на потом... Мы имеем также «зловонный стукающий звук», который слышали в доме в Нейсдене... Возможно, Каменщик или даже слабый Полтергейст, но и здесь информации недостаточно, чтобы сказать наверняка. Так... еще «темная неподвижная тень». Ее видели в парке Финчли – наверное, Луркер или Тень... А, и настоятельная просьба от миссис Эйлин Смитерс из Хорли. Каждую ночь, вскоре после полуночи, она слышит...

– Погоди, – сказал Локвуд. – Эйлин Смитерс? По-моему, мы уже работали на нее.

– Точно. В тот раз это было «жуткое потустороннее завывание», которое она слышала в своей гостиной и на кухне. Мы думали, что это может быть Воющий Дух. На самом деле это оказался соседский кот Бамблз, который застрял в дымоходе.

– Да, вспомнил, – поморщился Локвуд. – А что на этот раз?

– «Потусторонний плач, похожий на детский». Раздается

на чердаке дома миссис Смитерс. Начинается около полуночи, когда...

– Опять, наверное, этот чертов кот, – Локвуд вытащил левую руку из-под бутылок с горячей водой и принялся тщательно разминать пальцы. Кожа на них все еще оставалась синеватой. – Скукота. Эти расследования не украсят историю нашего славного агентства, согласны? Луркеры, Тени, Бамблзы... А где хорошие случаи, такие как Мортлейкский Ужас или Далвичский Рейз?

– Если под словом «хороший» ты подразумеваешь сильного и опасного Гостя, то такой встретился нам прошлой ночью, – сказала я. – С ним вышли такие неприятности, которых мы совсем не ожидали.

– И не были к ним готовы, как много раз повторили мне в Скотланд-Ярде, – пробурчал Локвуд. – Нет, говоря «хороший», я имею в виду случай, за который можно получить большие деньги. А то, что нам предлагают, – это мелочь.

Он удобнее устроился в своем кресле.

Нужно заметить, Локвуд редко заводил разговор о деньгах. Они были для него совсем не главным в жизни. На какое-то время в гостиной повисло напряженное молчание, затем я непринужденно сказала:

– Между прочим, Джордж узнал кое-что о той вчерашней девушке. Расскажи ему, Джордж.

От желания рассказать о своем открытии Джордж сгорал с самого утра. Сейчас он проворно вытащил из кармана га-

зетную вырезку и прочитал ее вслух. Локвуд, который вообще-то мало интересовался личностью своих Гостей, рассеянно выслушал Джорджа, а затем спросил:

– Аннабел Вард? Так ее звали? Интересно было бы узнать, как она умерла...

– И кто убил ее, – добавила я.

– Пятьдесят лет. Слишком долгий срок, – пожал плечами Локвуд. – Теперь мы этого никогда не узнаем. И, честно говоря, меня больше интересует то, что будет сейчас. Ее призрак наделал нам неприятностей. Полиция не очень-то рада тому, что дом сгорел.

– А что было в Ярде вчера ночью? – спросил Джордж.

– Ничего особенного. Сняли с меня показания. Я заявил, что «имел место опасный Гость, наши жизни подвергались опасности, мы были вынуждены действовать согласно сложившимся обстоятельствам», ну и так далее. Правда, не похоже, что я сумел их убедить. – Он снова замолчал, уставившись в окно.

– Ну и? – спросила я.

– Поживем – увидим, – покачал головой Локвуд.

Увидели мы быстрее, чем ожидали. Не прошло и двадцати минут, как ожил колокольчик на входной двери. Джордж пошел открывать и возвратился с обведенной голубой каемочкой визитной карточкой в руке и гримасой отвращения на лице.

– Мистер Монтегю Барнс из ДЕПИК, – мрачно объявил

он. – Ты дома, Локвуд?

– Должен быть дома, – тяжело вздохнул Локвуд. – Он знает, что сегодня я совершенно точно не смогу куда-нибудь выйти. Ладно. Тащи его сюда.

Департамент парапсихологических исследований и контроля, или ДЕПИК, – это одна из самых влиятельных организаций в стране.

Это наполовину правительственное, наполовину полицейское учреждение, в котором служит огромное количество старых оперативников – слишком бездарных или дряхлых, чтобы стать взрослыми руководителями в агентствах. Одной из своих главных задач ДЕПИК считает надзор за агентствами, которые должны неукоснительно соблюдать все разработанные департаментом законы и правила.

Инспектор Барнс любил законы даже сильнее, чем большинство его коллег. Он славился умением совать нос в чужие дела и терпеть не мог, если кто-нибудь осмеливался хоть на йоту отойти от дотошно разработанных ДЕПИК инструкций. Локвуду и Джорджу уже несколько раз доводилось сталкиваться с Барнсом, но в основном это было еще до того, как я пришла в агентство. Так что сама я так близко видела печально знаменитого инспектора впервые, поэтому, как только он вошел в гостиную, принялась изучать его с особым интересом.

Это был маленький человечек в темном, довольно сильно помятом костюме и обшарпанных коричневых ботинках.

Брюки были явно длинноваты для мистера Барнса и потому свисали складками. Поверх костюма на инспекторе был длинный коричневый плащ до колен, на голове – замшевая коричневая шляпа-котелок. Волосы у Барнса были жиденькими и тонкими, если не считать растительности под носом, где красовались пышные и жесткие, как новая платяная щетка, усы. Точно определить возраст мистера Барнса было сложно – очевидно, за пятьдесят, но мне он показался невероятно старым. Еще чуть-чуть – и инспектор сам превратится в Гостя. Лицо у Барнса было кислым, меланхоличным, двигался он вяло, шаркая ногами на каждом шагу. Правда, взгляд у инспектора оставался пронизательным и острым.

Локвуд неуклюже поднялся навстречу инспектору, достаточно радушно поздоровался с ним и указал здоровой рукой на диван. Джордж тем временем переставил свою любимую призрак-банку на боковой столик и прикрыл ее пятнистым носовым платком. Я же отправилась приготовить чай.

Когда я вернулась, Барнс сидел посередине дивана, по-прежнему в плаще и шляпе, положив ладони на широко разведенные в стороны колени. Эта поза, хочу заметить, одновременно властная, но и очень неудобная. Инспектор сидел и рассматривал настенные полки с артефактами.

– У большинства людей, – гнусавым голосом бубнил он, – на стенах висят пейзажи. Или полки с рядами фарфоровых уток. А вещи, которые вы собираете, просто не могут быть гигиеничными. Вот, например, что это за поеденная молюю

штуковина?

– Тибетский жезл для удержания духов, – ответил Локвуд. – Ему не менее ста лет. По моим догадкам, ламам каким-то образом удастся загонять скитающихся призраков вот в эти пустотелые металлические шары, подвешенные между флажками. Очень рад, мистер Барнс, что вы обратили внимание именно на этот жезл, – это одна из жемчужин моей коллекции.

– А я думал, что эта штуковина из Африки, от каких-нибудь дикарей мумбо-юмбо, – хмыкнул в усы инспектор, посмотрел на нас с Локвудом и продолжил: – Ну что ж, рад видеть вас обоих в хорошей форме. Рад и в то же время удивлен. Когда я прошлой ночью увидел вас в саду, то подумал, что вы проваляетесь в больнице минимум неделю.

По тону Барнса мне показалось, что он, пожалуй, надеялся именно на такой исход.

– Сожалею, что не смог тогда остаться и помочь вам, – ответил Локвуд. – Я хотел, но врачи были непреклонны.

– О, вы все равно ничего бы не смогли сделать, – сказал Барнс. – Пожалуй, только бы помешали. А вот пожарные и агенты сражались с огнем просто героически. Между прочим, им удалось спасти часть дома. Правда, верхний этаж выгорел дотла. Благодаря вам.

– Обо всем этом я уже дал показания вашим коллегам в Скотланд-Ярде, – холодно заметил Локвуд.

– Знаю. Я уже беседовал с миссис Хоуп, чей дом вы со-

жгли.

– Вот как? И что она говорит?

– Она, как вы легко можете догадаться, мистер Локвуд, сильно огорчена и, боюсь, до сих пор не пришла в себя. Однако они обе – она и ее дочь – очень рассержены и требуют компенсации... Это мой чай? Прелестно, – инспектор взял чашку у меня из рук.

И без того бледное лицо Локвуда побелело еще сильнее.

– Я хорошо понимаю их чувства, – сказал он, – но мы с вами как профессионалы знаем, что в нашей работе такие инциденты время от времени случаются. Мы с Люси столкнулись с очень опасным призраком Второго типа, который к тому времени успел убить мистера Хоупа, а теперь угрожал нашим жизням. Да, побочный ущерб при этом был неизбежен, однако я верю, что ДЕПИК поможет нам возместить его, и...

– ДЕПИК не даст вам ни пенни, – перебил его Барнс, прихлебывая чай. – Потому я и пришел сюда. Я уже встречался со своими руководителями. Они пришли к выводу, что в ходе расследования на Шин-роуд вы пренебрегли целым рядом основополагающих мер безопасности. Ваша самая большая ошибка заключается в том, что вы решили вступить в контакт с Гостем, не имея при себе железных цепей. Пожар стал прямым следствием этого вашего решения, – инспектор пригладил усы боковой стороной пальца и продолжил: – Так что за причиненный ущерб вам придется платить из своего

кармана.

– Но это просто смешно! – сказал Локвуд. – Совершенно очевидно, что мы можем...

– Никаких «мы» здесь быть не может! – неожиданно вспыхнул Барнс и вскочил на ноги, грозно размахивая чашкой. – Если бы вы с мисс Карлайл приняли тогда единственно верное решение, если бы вы после первой встречи с Гостем покинули дом, чтобы вернуться позднее с более подходящим снаряжением и, – здесь он многозначительно посмотрел на меня, – более квалифицированными агентами, этот дом по-прежнему стоял бы на месте! Во всем виноваты только вы, и, боюсь, я ничем не могу вам помочь. А теперь мы подошли к главному, – он вытащил из кармана своего плаща конверт. – Это извещение от адвокатов семьи Хоуп. Они требуют немедленного возмещения убытков, причиненных пожаром. Сумма составляет шестьдесят тысяч фунтов. На то, чтобы заплатить, у вас есть четыре недели, в противном случае против вас будет возбуждено дело, – Барнс поджал губы, помолчал и продолжил: – Я надеюсь, мистер Локвуд, что до этого не дойдет, потому что в таком случае ДЕПИК будет вынужден закрыть ваше агентство.

Никто не двинулся с места. Мы с Локвудом сидели так, словно попали в призрачный захват. Джордж медленно снял с носа очки и принялся протирать их своим джемпером.

Сообщив нам фатальную новость, инспектор Барнс словно сбросил с плеч тяжелую ношу. Он ожил и принялся рас-

хаживать по нашей гостиной, на ходу прихлебывая чай.

– Положите письмо вон на тот столик, пожалуйста, – сказал Локвуд. – Я посмотрю его позже.

– Напрасно обижаетесь, мистер Локвуд, – сказал Барнс. – Так случается, когда в агентстве нет настоящего руководителя. Нет взрослых инспекторов! Агентства, которые возглавляют взрослые, справляются со своей работой четко и с минимальными потерями. А вы, – он с пренебрежением махнул рукой, – вы всего лишь трое подростков, задумавших играть во взрослые игры. Об этом в вашем доме свидетельствует все – даже тот хлам, который вы держите на полках, – он наклонился, чтобы прочитать маленькую наклейку. – Индонезийская ловушка для призраков! Фу ты ну ты! Музейная редкость!

– Эту коллекцию собирала моя мать, – негромко заметил Локвуд.

Инспектор его не услышал. Он швырнул конверт на стоящий у стены столик и в этот момент заметил накрытый пятнистым носовым платком предмет. Барнс нахмурился, сдернул платок и уставился на заполненную желтым дымом банку. Наклонился, чтобы лучше рассмотреть, что там внутри, и нахмурился еще сильнее.

– А это? Это еще что, позвольте вас спросить? Мерзкая тварь, которую давным-давно следовало спалить дотла... – и он небрежно постучал пальцем по стеклу.

– Я не намерен этого делать, – сказал Локвуд.

– Почему?

Внутри банки колыхнулась желтая плазма, сложилась в лицо. На Барнса взглянули выпученные глаза призрака, раскрылись губы, обнажив горную цепь неровных зубов. Затем призрак показал инспектору язык.

Трудно сказать, все ли сумел рассмотреть в этом виде-нии инспектор, но что-то наверняка почувствовал. Во всяком случае, он издал какой-то обезьяний возглас и в ужасе отскочил назад. При этом его рука дернулась вверх, остатки чая выплеснулись в лицо инспектору и на его рубашку. Пустая чашка упала на пол.

– Джордж, – мягко сказал Локвуд, – я же просил тебя держать эту банку внизу.

– Знаю. Но я такой забывчивый.

Барнс моргал, сопел, вытирая лицо.

– Вы безмозглые идиоты! – заявил он. – Что это у вас за чертова штуковина?

– Не могу сказать наверняка, – ответил Джордж. – Возможно, Спектр какого-нибудь вида. Приношу свои извинения, мистер Барнс, но, право, вам не следовало наклоняться так близко. Иногда этот призрак принимает такие гротескные формы...

Инспектор схватил с чайного подноса салфетку и принялся вытирать ею свою рубашку.

– Это именно то, о чем я говорил, – заявил он. – Такие банки нельзя держать в частном доме. Они должны хранить-

ся в специальном месте, под контролем соответствующих ответственных лиц, или, что лучше всего, уничтожаться. А что, если ваш призрак вырвется на свободу? Что, если к вам в дом пойдет какой-нибудь ребенок и обнаружит эту баночку? Она даже меня напугала до полусмерти, а вы ее держите вот так, прямо на виду, на столе. – Он мрачно покачал головой: – Как я уже сказал, вам просто кажется, что все это игрушки. Ну хорошо, я сказал все, с чем пришел. Прочитайте эти документы, мистер Локвуд, и подумайте, что вам делать. Помните, у вас на все про все четыре недели. Четыре недели – и шестьдесят тысяч фунтов. Провожать меня не надо, не утруждайтесь. Я сам найду дорогу. Хочу надеяться, что в холле меня не сожрет какой-нибудь упырь.

Он нахлобучил свой котелок и поковылял прочь. Мы молча дождались, когда за инспектором захлопнется входная дверь.

– Свидание было довольно утомительное, – заметил Локвуд. – Правда, конец получился забавным.

– Еще бы! – хмыкнул Джордж. – Конец получился на славу. Ты видел его лицо?

– Никогда не видела человека, который двигался бы так быстро, как инспектор, – усмехнулась я.

– Совсем как каменный, правда?

– Ага. Прикольно.

– В самом деле прикольно.

– Да.

Наш смех утих. Наступило долгое молчание. Мы все стояли, пялясь в пустоту.

– Ты можешь заплатить Хоупам? – спросила я.

Локвуд глубоко вдохнул, сморщился от боли и раздраженно потер ребра.

– Если ответить коротко – нет. Мне достался этот дом, но не крупный счет в банке. Во всяком случае, денег на нем никак не хватит, чтобы заплатить Хоупам. Единственное, что я могу сделать – продать этот дом, но это, как хорошо известно Барнсу, будет означать конец нашего агентства...

На короткое время Локвуд поник головой, но затем внутри него словно щелкнул переключатель, и к нему возвратилась былая энергия. Он одарил нас с Джорджем своей неповторимой улыбкой и сказал:

– Но мы же не допустим этого, правда? У нас есть четыре недели! Уйма времени, чтобы заработать большие деньги! А для этого нам позарез необходимо настоящее дело, которое сможет привлечь внимание публики, – он указал пальцем на черный гроссбух и продолжил: – Больше никаких дурацких Теней, Луркеров и прочего хлама. Нам нужно дело, которое прославит наше агентство. Что ж... завтра начнем искать такое... Нет, Джордж, спасибо, я не хочу чаю. Я немного устал. Пойду прилягу, а вы как хотите.

Он пожелал нам доброй ночи и ушел. Мы с Джорджем остались в гостиной и долго молчали.

– Я не сказал ему, но одно из таких дел мы уже потеря-

ли, – заговорил наконец Джордж. – Они позвонили сегодня и отказались. Уже успели прочитать о пожаре.

– Леди с котом?

– Нет. Гораздо интереснее.

– На самом деле, четырех недель не хватит, чтобы собрать столько денег, я права?

– Не хватит, – Джордж сел на диван, поджал под себя ноги и уныло подпер руками подбородок.

– Но это нечестно, – сказала я. – Мы рисковали своей жизнью!

– Угу.

– Мы столкнулись с очень грозным призраком. Мы избавили Лондон от большой опасности!

– Ага.

– Да нас прославлять за это нужно!

Джордж потянулся, готовясь встать с дивана, и вяло заметил:

– Все это так, однако нашему делу не поможет. Ты проголодалась?

– Нет. Просто устала. Думаю тоже пойти лечь спать. – Я смотрела, как Джордж подбирает с пола чашку, которую уронил инспектор, и ставит ее на поднос. – Ну, хотя бы с делом Аннабел Вард все закончено. Пусть маленькое, но утешение.

– Ага, – уныло усмехнулся Джордж. – Это ты точно подметила.

Я проснулась где-то посреди ночи. В комнате было темно, все тело ныло от боли. Я лежала на спине, в очень неудобном положении, слегка повернувшись лицом к окну. Одна рука была согнута и лежала на подушке, вторая вытянута поверх одеяла. Глаза открыты, мозги включены и приведены в состояние боевой готовности. Казалось, я и не спала вовсе, хотя не могла не проспать несколько часов, потому что такая тяжелая, глухая тишина наступает только в самое мрачное предрассветное время.

Мои раны саднило, подсыхающие царапины чесались, мышцы, отходя от напряжения прошлой ночи, зудели и ныли. Я понимала, что нужно встать и выпить таблетку аспирина, но пачка осталась внизу, на кухне. За ней нужно идти в такую даль, а мне так не хотелось двигаться!

В постели было так тепло, уютно, а в комнате очень холодно.

И я тихо лежала, глядя на скошенный потолок мансарды. Спустя короткое время за окном появилось бледное белое сияние. Вначале приглушенное, оно быстро разгоралось, превращаясь в яркую вспышку. Это была призрак-лампа на углу улицы. Каждые три с половиной минуты она пронзала ночь своими ослепительными лучами – вспышка длилась тридцать секунд, после чего весь цикл повторялся. Офици-

ально считалось, что такие уличные светильники должны отгонять Гостей, делая ночные улицы безопасными. На деле, поскольку призраки крайне редко бродят по дорогам, призрак-лампы просто должны были убедить простых горожан, что правительство помнит о них. И заботится.

Если так, то власти своего добились. С призрак-лампами люди действительно стали чувствовать себя пусть немного, но спокойнее. Правда, когда призрак-лампа выключается, окружающая ночь кажется еще темнее.

Пока призрак-лампа горела, я успела окинуть взглядом свою маленькую комнату – потолочные балки, темные железные полосы вокруг оконной рамы, хлипкий шкаф – настолько неглубокий, что вешалки в нем могли располагаться только под углом. К тому же этот детский шкафчик был очень тесным, поэтому все закончилось тем, что я стала складывать свою повседневную одежду просто на стул возле двери. Эту кучу тряпок я тоже успела заметить краем глаза и подумала, что она стала уж очень велика. Завтра утром нужно будет ее разобрать.

Завтра... Локвуд, конечно, не теряет бодрости духа, однако не так-то много этих «завтра» у нас осталось. Четыре недели... Четыре недели на то, чтобы найти невероятную сумму денег... А ведь это я настояла тогда, чтобы мы остались продолжать расследование после того первого нападения девушки-призрака.

Это я вынудила нас вновь встретиться с ней лицом к лицу,

хотя было так легко собрать свои вещи и уйти.

Моя вина. Я приняла неверное решение, как тогда, на мельнице Уизбурн Милл. В тот раз я не прислушалась к своей интуиции. А теперь я к ней прислушалась – и снова ошиблась. Так или иначе, в обоих случаях результат оказался одинаковым – я все испортила, и это привело к катастрофе.

Призрак-лампа на углу улицы выключилась, и в комнате снова стало темно. Я по-прежнему не двигалась. Надеялась, что уговорю себя снова заснуть. Кого я хотела одурачить – саму себя? Я была слишком больна, я совершенно проснулась, и меня мучило чувство вины. А еще было ужасно холодно. Нет, все-таки стоит сходить вниз, в сушилку, и взять там еще одно одеяло.

Слишком холодно...

Мое сердце дрогнуло и дало сбой.

Было действительно слишком холодно.

Холодно и сыро, как в погребу, а не в жилой комнате, хотя бы и в середине ноября. Этот холод был таким, когда ты спишь, а твое дыхание вырывается у тебя изо рта облачком пара. Это был такой холод, от которого на внутренней стороне твоего окна появляется ледяная паутина инея. От этого холода немели руки и ноги, он сковывал мысли, наждаком обдирали легкие. И был очень-очень хорошо мне знаком.

Я широко открыла глаза.

Темнота. Я видела тонкий контур слухового окна и сквозь него – подкрашенную оранжевым светом лондонскую ночь.

Я вслушалась, но услышала лишь шум крови в ушах. Сердце билось так бешено, что, казалось, от этого сейчас начнет подпрыгивать лежащее на мне стеганое одеяло. Все мои мышцы напряглись, все чувства обострились до предела. Я ощущала каждый предмет, который касался моей кожи, – легкую ткань ночной рубашки, гладкую теплую поверхность простыни, каждый наклеенный на мои раны пластырь. Моя лежащая на подушке рука непроизвольно дернулась, ладони вспотели.

Я ничего не видела, ничего не слышала – но знала.

Я в комнате не одна.

Не успевшая замерзнуть часть моего сознания кричала, требовала, чтобы я начала действовать. Нужно откинуть тяжелое одеяло, подняться на ноги. Что мне делать потом, я еще не знала, но все равно это было лучше, чем беспомощно лежать здесь, стиснув от страха зубы.

Просто надо подняться. Рывком открыть дверь. Броситься вниз по лестнице... Делай же что-нибудь, Люси!

Я ждала. Ждала, когда загорится призрак-лампа.

Какими бесконечно долгими могут иногда показаться три минуты!

Там, на углу улицы, щелкнул спрятанный внутри стоящей возле зеленой лавки призрак-лампы переключатель. За большими круглыми линзами начали разгораться магниевые лампы, заливая все вокруг своим ослепительным белым светом. Высоко над моей головой осветилось окно мансарды.

Я стрельнула глазами в сторону двери.

Да. Там. Стул и куча одежды. Они образовали черное бесформенное пятно, но оно было больше, чем обычно, намного выше, чем должно было быть. Если бы я собрала всю одежду, которую износила за свою жизнь, и положила ее поверх своих юбок и джемперов, накрытых брошенными на них носками, все равно не получилось бы той высокой тонкой призрачной фигуры, что стояла сейчас в темном месте возле двери.

Призрак не двигался. Да и не должен был. Я смотрела на него тридцать секунд, застыв в постели. Я и в самом деле застыла. Призрачный захват был выполнен так тонко, так хитро, что до этой самой минуты я вовсе не ощущала его.

Свет на улице погас.

Я прикусила губу, чтобы заставить себя собраться и прогнать из головы мысли о безнадежности моего положения. Затем напряглась и, сделав над собой невероятное усилие, скинула одеяло, перевернулась набок и скатилась на пол.

Я лежала тихо и совершенно неподвижно.

Все мышцы сводило от боли, от резкого рывка разошлась часть наложенных в больнице швов. Но теперь между мной и стоявшей у двери тварью оказалась кровать, и это было очень хорошо. На большее для начала я и надеяться не могла.

Я прижалась к ковру, положив голову на ладони. Ледяной воздух кусал мои голые ноги. Я заметила, что ковер покрыт слабо светящейся дымкой – тонкой, белой. Это был призрачный туман – побочный продукт, образующийся в ходе мани-

фестации.

Я закрыла глаза, заставила себя успокоиться, включила свои уши и стала слушать.

Но то, что так легко сделать, когда ты полностью одета, снаряжена и в твоей руке поблескивает рапира, становится куда более трудной задачей, если ты лежишь, распластавшись на холодном полу в одной ночнушке. Одно дело – когда тыходишь в чужой зараженный призраками дом, чтобы сделать свою работу агента, и совсем иное – когда ты сталкиваешься со смертельно опасным Гостем, стоящим в метре или двух от тебя в твоей собственной спальне. Одним словом, как я ни старалась, никаких сверхъестественных звуков не услышала – только стук собственного сердца и свое дыхание.

Как, черт побери, ему удалось проникнуть сюда? Окно защищено железом. И вообще – как он сумел так высоко забраться, этот призрак?

Успокойся. Думай. Так... Есть ли в моей спальне оружие, которым я могла бы воспользоваться?

Нет. Мой рабочий пояс остался на кухонном столе, двумя этажами ниже. Два этажа! С таким же успехом этот пояс мог находиться сейчас в Китае. Свою рапиру я потеряла на Шин-роуд, она сгорела, расплавилась в огне пожара. Вся запасная экипировка хранится в цокольном этаже – это тремя этажами ниже, дальше чем Китай! Я оказалась совершенно беззащитной. Конечно, что-нибудь подходящее можно было

бы найти и поближе, но для этого нужно выбежать из спальни, а эта тварь стоит столбом возле самой двери.

Ой, стоит ли? Воздух колыхнулся. По моей коже побежали мурашки.

Лежа, как сейчас, на животе, я не могла высоко поднять голову, не поддерживая ее руками. В таком положении я видела только ближайшую ко мне ножку кровати – серую и шершавую, полосы молочно-белого призрачного тумана и кусок стены. Моя спина оставалась неприкрытой – в любой момент призрак мог оказаться прямо над ней, а я об этом даже не узнала бы.

Темно в комнате или нет, но я должна немедленно осмотреться. Я собралась, готовясь подняться.

На улице снова включился свет. Я распрямила руки, вытянула голову вверх, бросила быстрый взгляд поверх края матраса...

И мое сердце едва не остановилось от ужаса. Призрак больше не стоял возле двери. Нет. Он двигался – медленно, тихо и висел сейчас уже над кроватью. Он наклонился, слепо начал шарить своими длинными темными пальцами, ощупывая теплое пятно на простыне – то место, где совсем недавно лежала я. По матрасу поплыли завитки плазмы.

Если бы призрак развел руки дальше в стороны, он смог бы прикоснуться ко мне.

Я нырнула под кровать.

Кровать мне досталась, прямо скажем, не самая удобная.

Очевидно, на ней когда-то в детстве спал Локвуд. Она шаталась, а матрас походил на поверхность Луны – сплошные ямы и выпирающие пружины. Но зато, к счастью, под ней не было этих новомодных выдвижных бельевых ящиков, а значит, оставалось достаточно свободного места для завалившихся под нее скомканных носовых платков, книжек и тому подобного. И даже для моего маленького сундучка, в котором, уходя из дома, я прихватила кое-какие личные вещи.

А еще под кроватью было достаточно свободного пространства для быстро двигающейся девушки-подростка.

Я не помню, закатилась я под кровать или заползла. Не знаю, что я при этом себе ударила или сломала. По-моему, я хорошо приложилась головой и, должно быть, сорвала наклеенные на руке пластыри, потому что нашла их на ковре. Мне потребовалась секунда, ну, может, две, чтобы пролезть под кроватью и выскочить с ее другой стороны.

Едва я вылезла из-под кровати, как меня накрыло что-то нестерпимо холодное.

Большое и мягкое. На долю секунды меня охватила паника, но я тут же сообразила, что на меня всего лишь с кровати сползло одеяло. За моей спиной полыхнула вспышка грозного потустороннего света. Затем вновь навалилась тьма, и бледно светящаяся тонкая фигура с раскинутыми в стороны руками поплыла сквозь мрак следом за мной.

Я подскочила к двери, с грохотом распахнула ее, едва не сорвав с петель, и отчаянно бросилась бежать вниз по лест-

нице.

На площадке второго этажа я почувствовала коснувшиеся моей шеи струйки холодного воздуха и закричала:

– Локвуд! Джордж!

Дверь спальни Локвуда была слева. Из-под нее пробивалась тонкая полоска света. Дергая ручку, я оглянулась через плечо – вниз по лестнице медленно опускалось бледное сияние. Дверь не открывалась, она была заперта. Я вскинула кулак, чтобы ударить по двери.

Из-за поворота лестницы показались пальцы, затем светящаяся вытянутая рука...

Дверь распахнулась, меня на секунду ослепил мягкий желтый свет зажженной в спальне лампы.

Локвуд стоял на пороге в полосатой пижаме, поверх которой был накинут длинный темный халат.

– Люси?

Я рванула мимо него в спальню, крича:

– Призрак! В моей комнате! Он приближается!

Волосы у Локвуда были слегка растрепаны, лицо исцарапано, но в целом он был спокойный и уверенный, как всегда. Он не стал ничего спрашивать, просто отступил назад, оставаясь лицом к темному дверному проему. Рядом стоял комод. Локвуд не глядя выдвинул здоровой рукой верхний ящик и принялся шарить в нем. Я почувствовала облегчение, мне даже стало теплее. Слава Богу! Возможно, в комодке найдется соляная бомбочка или банка с железными опилка-

ми. Такие вещи всегда должны быть под рукой – ведь кто знает, что может произойти с нами в следующую минуту? Да все что угодно может случиться.

Локвуд вытащил из комода комок, состоящий из деревянной рукоятки, лесок и кусочков металла. Эти металлические кусочки были маленькими фигурками животных и птиц. Локвуд взялся за рукоятку и принялся распутывать лески.

– Это все, что у тебя есть? – спросила я.

– Моя рапира внизу.

– А это что еще за чертовщина?

– Игрушечный мобиль. Сохранился у меня с детства. Если держать вот так, фигурки будут свисать с вращающегося колеса. Потом начнут крутиться и издавать радостные звуки. Больше всех мне всегда нравился улыбающийся жираф.

– Да, все это очень мило, конечно, но... – я посмотрела в сторону открытой двери.

– Фигурки сделаны из железа, Люси. Но что с тобой? У тебя все коленки ободраны.

– Видение. Вначале темная аура, теперь появился потусторонний свет. Побочные эффекты в виде призрачного захвата, тумана и холода. Призрак только что гнался за мной по лестнице.

Локвуд закончил распутывать мобиль, поднял его вверх, тряхнул запястьем – и маленький, составленный из фигурок животных, круг свободно повернулся на своей оси.

– Выключи лампу на прикроватном столике, ладно?

Я сделала как он сказал. Теперь мы оказались во мраке. Темно было и на лестничной площадке – никакого призрачного свечения.

– Поверь мне, он там, – сказала я.

– Хорошо. Иди к двери. Будешь проходить мимо моей кровати, прихвати ботинок.

Мы притаились возле двери. Локвуд крутил мобиль, выставив его перед собой. Ни на площадке, ни на самой лестнице следов какого-либо видения не было.

– Ботинок взяла?

– Да.

– Швыряй его в дверь Джорджа.

Изо всех сил, что у меня еще оставались, я швырнула ботинок в темноту. Он сочно шмякнулся о расположенную напротив дверь. Мы стали ждать.

– Он гнался за мной вниз по лестнице, – сказала я.

– Я знаю. Ты говорила. Ну, давай же, Джордж...

– Думаешь, он проснулся? Шума я наделала достаточно?

– Вообще-то он спит как бревно. Но и бросок у тебя неплохой получился. А вот и он.

Наконец из своей спальни показался Джордж, мигая и шурясь, словно близорукая толстая мышь. На нем красовалась огромная обвисшая голубая пижама, которая была ему велика минимум размера на три. По голубому фону были разбросаны аляповатые космические корабли и самолеты.

– Джордж, – окликнул его Локвуд, – Люси говорит, что

видела Гостя. Здесь, прямо у нас в доме.

– Я в самом деле видела его, – твердо сказала я.

– У тебя есть под рукой что-нибудь железное? – спросил Локвуд. – Нужно проверить, что там такое.

Джордж протер глаза, подтянул грозившие свалиться с него штаны и ответил:

– Не уверен. Может быть. Погодите.

Он повернулся и скрылся в своей спальне. Оттуда послышалась возня, несколько раз упало что-то тяжелое. Вскоре Джордж вернулся. Теперь на нем была перевязь, из кармашков которой торчали магниевые вспышки, соляные бомбочки и банки с железными опилками. Тут же на шнуре болталась пустая банка из серебряного стекла. В руках он держал свернутую кольцом цепь, длинную рапиру с нелепой инкрустированной рукоятью, а за пояс его пижамных штанов был засунут фонарь.

На ногах у Джорджа болтались огромные, не по размеру, ботинки. Мы с Локвудом пораженно уставились на него.

– В чем дело? – спросил Джордж. – Я всегда держу под рукой кое-какую экипировку. На всякий случай. Лучше быть готовым ко всему, верно? Если хочешь, могу одолжить тебе соляную бомбочку, Локвуд.

– Нет-нет, спасибо, – Локвуд покачал своим мобилем. – Думаю, мне будет достаточно и этого.

– Ну, если ты так уверен... Ну, где же ваше видение?

Я в нескольких словах рассказала ему обо всем, что слу-

чилось. Локвуд скомандовал, и мы начали подниматься по лестнице.

К моему удивлению, путь оказался свободен. Поднявшись на несколько ступенек, мы каждый раз останавливались, всматривались и вслушивались, но безрезультатно. Жуткий холод больше не ощущался, призрачный туман тоже исчез, своим внутренним слухом я ничего не улавливала. Локвуд и Джордж тоже ничего не замечали. Единственную опасность представляли собой лишь пижамные штаны Джорджа, грозившие свалиться.

Наконец мы завернули за угол. Джордж вытащил из-за пояса фонарь и осветил его лучом мою спальню. Моя одежда, которую я, очевидно, задела, убегая, рассыпалась по полу. Здесь же валялось мое одеяло.

– И здесь ничего, – сказал Джордж. – Люси, ты уверена, что это все тебе не приснилось?

– Само собой, – огрызнулась я, затем быстро прошла к окну и выглянула на улицу. – Но должна признаться, сейчас я тоже ничего не чувствую.

Локвуд опустился на колени, посмотрел под кроватью:

– Судя по тому, что ты сказала, я предполагаю, что это был слабый призрак, если он медленно двигался и плохо ориентировался в пространстве, иначе он непременно схватил бы тебя. Может быть, у него закончилась энергия, которую он получил от своего Источника.

– Кстати об Источнике, – сказал Джордж. – Интересно

было бы узнать, каким образом этот новый Источник таинственным образом оказался в комнате Люси? Наш дом хорошо защищен. Внутрь ничто не должно проникнуть, – он заглянул в мой шкаф, держа наготове рапиру. – И здесь ничего, кроме нескольких прелестных топтиков, юбок и... О, Люси, почему вот в этом я тебя никогда не видел?

Я захлопнула дверцу шкафа, едва не прищемив пухлую ладошку Джорджа.

– Говорю вам, я видела призрак, Джордж. Ты что, думаешь, я ослепла?

– Нет. Думаю, ты просто заблуждаешься.

– Но послушай...

– Все это не имеет никакого смысла, – прервал нас Локвуд, – если только Люси не принесла с собой какой-нибудь связанный с потусторонним миром предмет. Но ты же ничего такого не делала, правда, Люси? Не притаскивала сюда отрубленную пиратскую руку, например, чтобы внимательнее изучить ее, а потом забыла вернуть ее на место?

– Не говори глупости, – сердито ответила я. – Разумеется, я ничего такого не делала. И не думала приносить сюда какую-нибудь вещь, которая... которая не защищена должным образом... Ой!

– А что такого? Джордж, например, повсюду таскает с собой ту банку... – Локвуд резко оборвал себя, заметив выражение моего лица. – Люси?

– Ой. Ой, нет.

– В чем дело? Ты все-таки принесла сюда что-то?

– Да, – тихо пропищала я. – Думаю, да.

Джордж и Локвуд одновременно обернулись ко мне, оказавшись спиной к шкафу и моей разбросанной по полу одежде. Как только они заговорили, позади них у стены появилось бледное свечение. Затем из него поднялась фигура. Я увидела тонкие руки и ноги, платье с оранжевыми подсолнухами, длинные, растворяющиеся в туманной дымке светлые волосы и искаженное от холодной ярости лицо... Я закричала. Локвуд и Джордж моментально развернулись как раз в тот момент, когда Гостья потянула к их шеям свои длинные, с острыми ногтями пальцы. Локвуд бешено закрутил свой мобиль, и тот коснулся Гостьи железными фигурками. Призрак тут же исчез. По комнате пролетел порыв ледяного ветра, туго прижав к моим ногам ночнушку.

В мансардной комнате снова стало темно.

Кто-то кашлянул. Это был Джордж, он все еще безуспешно пытался вытащить застрявшую в ременной петле рапиру.

– Люси... – опасно тихим и спокойным голосом произнес Локвуд, – значит ли это, что...

– Да. Значит. Я очень, очень сожалею.

Джордж крикнул и наконец вытащил рапиру.

Лезвие выскочило на свободу, Джордж неуклюже покачнулся, переступил ногами, и тут под его ботинком что-то хрустнуло. Он нахмурился, наклонился и поднял с пола какой-то предмет, завалившийся между моими брюками и

куртками.

– Уф! – сказал Джордж. – Холоднющий!

Локвуд взял фонарик и осветил предмет, висящий у Джорджа на пальцах. Слегка помятый кулон на изящной золотой цепочке.

Локвуд и Джордж уставились на украшение. Потом перевели взгляд на меня. Джордж открыл висящую у него на перевязи банку из серебряного стекла и положил в нее кулон и цепочку. Затем закрыл и со звонким щелчком запер крышку банки.

Локвуд медленно поднял фонарик, и я оказалась в круге яркого беспощадного света.

– М-м... да, – сказала я. – Кулон той девушки... Э-э... понимаете, я собиралась сказать о нем, но...

Трудно улыбаться, стоя босиком в одной измятой ночнушке и со встрепанными волосами, но я попыталась это сделать. Я очень старалась.

12

Утро следующего дня выдалось ясным и чистым. В окно кухни светило бледное ноябрьское солнце, его лучи весело играли на пакетах с кукурузными хлопьями, искрились на кастрюлях и стаканах, в ярком утреннем свете можно было рассмотреть каждую упавшую на скатерть хлебную крошку или капельку джема. Воздух на кухне был теплым, густо насыщенный ароматами хорошего крепкого чая, горячих тостов, жареных яиц и бекона.

Вот только меня все это ничуть не радовало.

– Почему, Люси? – требовательно спросил Локвуд. – Я не понимаю! Тебе известно, что агент обязан доложить о любом найденном им предмете. Особенно если этот предмет напрямую связан с Гостем. Такие вещи необходимо хранить по всем правилам.

– Я это знаю.

– Их следует держать в железном контейнере или банке из серебряного стекла до тех пор, пока они не будут изучены или уничтожены.

– Я знаю.

– Знаешь, однако вместо этого просто положила это себе в карман и ничего не сказала ни мне, ни Джорджу!

– Да. Я уже говорила, что очень сожалею. Раньше со мной никогда такого не случалось.

Я тяжело вздохнула. Моя голова была опущена, и те несколько минут, пока длилась выволочка, я мрачно водила ручкой по скатерти для размышлений. У меня получился рисунок худенькой девушки в старомодном летнем платье. Вокруг ее головы развевались длинные волосы, глаза были огромными и пустыми. Я так сильно нажимала на стержень ручки, что, наверное, поцарапала столешницу под скатертью.

– Ничего не могу понять, – пробормотала я. – Все произошло так стремительно и неожиданно. Может быть, из-за пожара. Возможно, мне просто захотелось сохранить хоть что-то, напоминающее о той девушке, чтобы она не исчезла совершенно бесследно... – Я добавила на нарисованное платье большой черный подсолнух. – Честное слово, я с трудом припоминаю, что вообще взяла это украшение. А потом... Потом я о нем просто забыла.

– Лучше не говорить об этом Барнсу, – заметил Джордж. – Он станцует чечетку, если узнает о том, что ты по рассеянности перенесла через весь Лондон Источник очень опасного Гостя, не приняв при этом никаких мер безопасности. И это станет для инспектора еще одним, и очень веским, поводом прикрыть наше агентство.

Краешком глаза я наблюдала за тем, как Джордж с самодовольным видом намазывает на тост толстый слой лимонного джема. Да, сегодняшним утром Джордж находился в отличном настроении, сделался необычно оживленным, даже воз-

бужденным, как вышедшая на охоту собака. Наверное, ликует, видя, в какое положение я себя загнала. Хорек.

– Ты забыла, – сказал Локвуд. – И это все? Это и есть твое оправдание?

Что ж, вызов был брошен, и я приняла его.

– Да, – ответила я, откидывая назад волосы. – И если желаешь знать почему, отвечу, что сначала, пока со мной возились в больнице, мне было не до кулона, а потом я постоянно беспокоилась о тебе. А если ты хорошенько подумаешь, то поймешь, что у меня вообще не было причин считать, что оно может представлять опасность. Почему? Да потому что мы только что запечатали Источник.

– Нет! – Локвуд ткнул в скатерть указательным пальцем своей здоровой руки. – Это не так. Мы думали, что запечатали Источник, а на самом деле этого не произошло! Мы не запечатали Источник, Люси, потому что он здесь.

Он кивнул на маленькую банку из серебряного стекла, тихо примостившуюся между масленкой и заварным чайником. Стекло поблескивало на солнце. Внутри банки можно было рассмотреть лежащий в ней кулон.

– Но каким образом кулон мог стать Источником?! – крикнула я. – Им же должны быть ее кости!

– Нам только показалось, что Источник – кости, потому что призрак исчез, как только ты накрыла останки девушки серебряной сеткой, – печально покачал головой Локвуд. – Но при этом ты прикрыла сеткой и кулон тоже и таким образом

запечатала его. А потом, когда ты стащила кулон...

– Я не воровка, – вспыхнула я.

– ...то положила его в карман своей куртки, набитой железными опилками и пакетами с солью. Этого было достаточно, чтобы заблокировать Гостью весь остаток той ночи. На следующий день, однако, ты швырнула свою куртку на стул в спальне, и кулон выпал из кармана. Потом он пролежал среди сваленной в кучу одежды до наступления темноты, когда призрак получил возможность вернуться.

– Мне непонятно лишь одно, – сказал Джордж, – почему этот призрак не оказался столь же быстрым и сильным, как предыдущей ночью. Из того, что я слышал, следует, что он едва передвигался, когда ты выбегала из комнаты.

– Скорее всего, вместе с ожерельем из кармана ее куртки выпала часть опилок и соли, – ответил Локвуд. – Этого оказалось достаточно, чтобы призрак оказался слабым и не мог просуществовать достаточно долго. Наверное, именно поэтому он прекратил преследовать Люси, когда она бежала вниз по лестнице, а когда мы вернулись в ее спальню, не сразу смог заново материализоваться.

– Похоже на то, – согласился Джордж. Он пожал плечами и откусил огромный кусок от своего тоста.

Я же подняла руки вверх, призывая их обоих замолчать.

– Да, да, – сказала я. – Это понятно, но я говорила совсем о другом. Как известно, Источником становится предмет, к которому сильнее всего привязан Призрак, так? Источник

– это то, что призрак дороже всего. Вполне логично было считать, что Источник для нашей Гостьи – ее останки.

Я протянула руку, взяла стеклянную банку за шнурок и стала ее покачивать так, чтобы лежащие внутри банки цепочка и кулон начали слегка перемещаться из стороны в сторону.

– Но вместо костей Источником оказался вот этот кулон, – продолжила я. – Для духа Аннабел Вард он почему-то значит больше, чем ее собственные останки... Вам это не кажется странным?

– Та же фигня, что с тем байкером в гараже, – отмахнулся Джордж.

– Та же, да не та, потому что...

– Надеюсь, ты не пытаешься увести разговор в сторону, Люси? – холодно спросил Локвуд. – Я уже почти принял решение прогнать тебя из агентства.

– Я знаю, – ответила я, возвращая банку на стол.

– Но я еще не закончил, однако. Отнюдь нет. Мне много чего есть сказать тебе, Люси. – Повисла долгая пауза. Локвуд сурово посмотрел на меня, потом перевел взгляд на окно и наконец раздраженно вздохнул: – К сожалению, вылетело из головы. Мысль потерял. Короче говоря: никогда не поступай так впредь. Я тобой очень недоволен. Принимая тебя на работу в свое агентство, я сказал тебе, что меня не смущает то, что ты кое-что скрыла о своем прошлом. И это была правда. Но скрывать то, что происходит сейчас, – это совсем другое

дело, это недопустимо. Мы одна команда, всегда нужно помнить об этом.

Я кивнула, глядя на скатерть. Мое лицо каким-то странным образом одновременно заледенело и пылало.

– А вот о кулоне, напротив, можешь забыть, – продолжил Локвуд. – Сегодня же отправлю его в Клеркенвел, где его сожгут в печах «Фиттис». Прощай, Источник. Прощай, Аннабел Вард. Как говорится, скатертью дорога! – Он заглянул в свою чашку и недовольно пробурчал: – Тьфу, ты! Чай остыл.

События вчерашней ночи, само собой, веселья не добавляли, однако для плохого настроения у Локвуда были и другие причины. Его все еще беспокоила рука, к которой прикоснулся призрак. Тяжелые условия, которые выдвинул Барнс, камнем легли на его худые плечи. Но что самое скверное – началась публичная реакция на устроенный нами на Шин-роуд пожар. К ужасу Локвуда, в утреннем выпуске «Таймс», в ежедневной колонке «Хроника Проблемы», где помещался обзор наиболее заметных событий, связанных с призраками, появилась заметка под заголовком «Требуется усилить контроль над независимыми агентствами». В ней описывалось расследование, проведенное «Локвуд и Компания» («независимое агентство, состоящее из одних подростков»), которое привело к ужасному пожару. Автор заметки явно намекал на то, что Локвуд не способен руководить агентством. В конце приводилось высказывание одной из со-

трудниц гигантского агентства «Фиттис». Она рекомендовала взять все парапсихологические исследования под контроль взрослых инспекторов.

Реакция на эту заметку последовала незамедлительно. В 8.05 утра к нам в офис поступил первый телефонный звонок – один будущий клиент отказался от наших услуг. В девять часов отказался второй. Следом за ним еще несколько.

Наши шансы заработать за месяц 60 000 фунтов упали до нуля.

Когда мы сели обедать, за столом воцарилось ледяное молчание. Локвуд сидел напротив меня, прихлебывая остывший чай и разминая поврежденные пальцы.

Они уже ожили и довольно хорошо двигались, но все еще оставались посиневшими. Джордж слонялся по кухне, собирал грязную посуду и с грохотом сваливал ее в раковину.

Я же вновь и вновь вертела в руке стеклянную банку с кулоном.

Локвуд имел полное право сердиться на меня, и от этого я чувствовала себя еще несчастнее. Но странное дело – понимая, что была дважды не права (когда взяла кулон и когда забыла сказать о нем), я не полностью раскаивалась в том, что натворила. Той ночью на Шин-роуд я слышала голос убитой девушки. Я видела ее – и такой, какой она была при жизни, и такой, какой стала спустя полвека после смерти. И, несмотря на пережитый страх перед злобным мстительным призраком, я никак не могла отбросить эти воспоминания прочь,

они будоражили мои мысли.

После того как полуистлевшие останки дотла сгорели в огне, ожерелье было единственным, что осталось от Аннабел Вард, ее жизни и смерти, ее не известной никому истории.

А теперь мы собираемся отправить в печь и это кулон.

Это казалось мне несправедливым.

Я поднесла банку ближе к глазам, всмотрелась сквозь стекло.

– Локвуд, – спросила я. – Можно, я достану кулон?

– Да, наверное, – вздохнул он. – Сейчас день, и оно достаточно безопасно.

Было совершенно очевидно, что призрак Аннабел Вард не выскочит из кулона при солнечном свете. Но кулон тем не менее был связан с Аннабел не только тем, что внутри него сидел ее призрак. Кулон мог сохранить эхо событий, связанных с живой Аннабел Вард.

Вот почему я не без трепета отодвинула тонкую железную защелку и открыла банку из серебряного стекла.

Вот оно, этот кулон, с виду не более зловещий, чем лежащие на столе испачканные джемом ложки и ножи для масла. Изящная золотая вещица на тонкой цепочке. Я вытащила его из банки – он было довольно холодным на ощупь – и впервые как следует рассмотрела.

Цепочка состояла из перекрученных золотых звеньев, почти все они были чистыми и яркими, за исключением пары мест, где между ними забились что-то темное. Кулон был

овальный, размером с лесной орех. Правда, после встречи с ботинком Джорджа он выглядел слегка перекошенным. Пока кулон был цел, он наверняка был очень красивый. Его окаймляли крошечные зернышки перламутра. Розовато-белые и блестящие, они были искусно вставлены в тончайшую, сплетенную из золотых нитей сеть. Правда, часть перламутровых зернышек отсутствовала, а на поверхности кулона, как и на цепочке, в нескольких местах проступали темные пятнышки. Хуже всего (и вновь благодаря Джорджу, разумеется) было то, что с одной стороны овал треснул, и эта трещина была очень заметна.

Но самым интересным в кулоне мне показалось слегка выпуклое сердечко в самом центре. На нем я рассмотрела едва заметные, тонкие, как паутинка, значки.

– О! – сказала я. – Здесь есть надпись.

Я подставила кулон под солнечный луч, провела кончиком пальца по буквам – и в тот же миг услышала голоса. Разговаривали мужчина и женщина. Потом послышался женский смех – высокий и звонкий.

Я моргнула. Звуки пропали. Я уставилась на лежащий у меня в руке предмет. Мое любопытство заразило остальных. Локвуд не сдержался, поднялся из-за стола и направился ко мне. Джордж бросил свои тарелки, тоже подошел, размахивая посудным полотенцем, и пристроился позади меня, за другим плечом.

Четыре слова. Некоторое время мы все просто молча

смотрели на них.

Tormentum meum

laetitia mea

Мне это ни о чем не говорило.

– Tormentum, – сказал наконец Джордж. – Красиво звучит.

– Латынь, – пояснил Локвуд. – Скажи, у нас есть где-нибудь латинский словарь?

– Кулон подарил ей мужчина, которого она любила, – сказала я. В моих ушах все еще отдавалось эхо их голосов.

– Почему ты решила, что это был какой-то тип? – вмешался Джордж. – Кулон могла подарить ей подруга, например. Или мать.

– Исключено, – возразила я. – Посмотри на сердечко. Между прочим, когда носишь такую вещь, то буквально прижимаешь к своему сердцу слова, написанные твоим любимым.

– Можно подумать, ты много об этом знаешь, – хмыкнул Джордж.

– Не меньше твоего.

– Ну-ка, дай взглянуть, – сказал Локвуд. Он присел на стоящий рядом со мной стул и взял у меня из руки кулон. Поднес ближе к глазам, нахмурился.

– Латинские фразы, подарок от любимого, давным-давно пропавшая девушка, – Джордж перекинул через плечо по-

судное полотенце и направился к раковине. – Экзотические тайны...

– А разве нет? – поднял голову Локвуд. – Разве это не так?

Мы с Джорджем посмотрели на него. Локвуд неожиданно распрямил плечи, его глаза засверкали, от его хандры не осталось и следа.

– Джордж, – продолжил он. – Ты помнишь то нашумевшее дело, которое распутало агентство Тенди год или два назад? Ну то, с переплетенными скелетами?

– Дело о плачущем дереве? Конечно. Они за это награду получили.

– Да, а еще стали жутко популярными. А почему? А потому, что выяснили личности Гостей, верно? Отыскали бриллиантовую заколку для галстука на одном из скелетов и докопались, что ее владельцем был...

– ...молодой лорд Ардли, – сказала я, – который исчез еще в девятнадцатом веке. Все думали, что он бежал в Америку. Но он остался в Англии и был похоронен в саду возле дома. А убил и закопал его младший брат, чтобы получить по наследству это самое имение.

Повисла пауза.

Я посмотрела на Локвуда и Джорджа и спросила:

– Что вы так удивились? Я тоже читаю выпуски «Призрачных историй».

– Прекрасно, – кивнул Локвуд. – И ты попала в точку. Самое главное было в том, что расследование того дела помог-

ло раскрыть старинную тайну. Тенди и его ребята отлично потрудились, здесь надо отдать им должное. Потрудились, прославились, и теперь это четвертое крупнейшее агентство в Лондоне. Так вот, я только что подумал... – Он замолчал, глядя на лежащий у него на ладони медальон.

– ...не станет ли Аннабел Вард такой же золотой жилой для нас? – закончил за него Джордж. – Но, Локвуд, ты знаешь, сколько Гостей ошивается сейчас в Лондоне? А по всей стране? Их как саранчи. И людям вовсе не интересно знать, кем были эти Гости при жизни. Люди просто хотят от них избавиться, и больше ничего.

– Так-то оно так, однако громкий случай обеспечит нам хорошую рекламу в прессе, – сказал Локвуд. – А случай с Аннабел Вард именно громкий. Очаровательная девушка, талантливая актриса, жестоко убитая и исчезнувшая без следа на десятилетия. Мужчина и девушка, трагическая любовь, маленькое, но славное агентство, раскрывшее страшную тайну... – он хитро усмехнулся нам с Джорджем. – Да, если все разыграть как надо, мы можем сотворить сенсацию. И тогда удача повернется к нам лицом. Появятся и деньги, и слава. Но для этого нужно будет покрутиться. Джордж, латинский словарь, по-моему, на лестничной площадке второго этажа. Будь другом, принеси его. А ты, Люси, попробуй услышать еще что-нибудь из этого кулона.

Я уставилась на Локвуда. Его превращение из раздражительного, подавленного типа, каким он казался всего

несколько минут назад, в энергичного, азартного игрока было таким стремительным, что поражало воображение.

Движения Локвуда стали быстрыми, легкими, он, похоже, и думать забыл про свои раны, смотрел на меня своими темными глазами, в которых плясали искры. Казалось, в это мгновение ничто в мире не восхищает его больше, чем я.

– Попробуй, – сказал он. – Честно говоря, я уже не хотел просить тебя об этом, учитывая события двух последних дней, но сейчас, когда ты держала его в руках... Скажи, ты что-то почувствовала, правда?

– Если ты имеешь в виду парапсихологическое эхо, то да, – медленно кивнула я. – Голоса, смех... Не слишком много следов. Впрочем, я не слишком и старалась.

– А если постараться? – улыбнулся Локвуд.

– Хочешь, чтобы я проверила, какие могу испытать при этом ощущения?

– Вот именно! Разве это не блестящая идея? Ты можешь узнать при этом что-нибудь жизненно важное. То, что станет ключом, который мы сможем использовать.

Я отвела взгляд в сторону, смущенная страстью, которая пылала в его глазах.

– Конечно, может быть... Я не знаю...

– Если кто и способен на такое, так это ты, Люси. В этом деле ты бесподобна. Действуй!

Всего пару минут назад он собирался уничтожить кулон. Теперь уже видел в нем ключ к решению всех наших про-

блем. Пару минут назад он делал мне выволочку, а сейчас был готов носиться со мной, как принц с хрустальной туфелькой. В этом был весь Локвуд. Перемены в его поведении иногда бывали настолько резкими, что захватывало дух, но устоять перед его энергией и страстью невозможно было никогда. Я слышала, как необычно быстро для себя топает по лестнице Джордж, да и сама переживала радостное возбуждение оттого, что нам предстоит раскрыть тайну жизни и смерти девушки-призрака. А при мысли о том, что это, возможно, спасет от гибели наше агентство, во мне возрождались еще и надежда.

Не говоря уж о том, что я была очень польщена похвалой Локвуда.

– Я попытаюсь, – тяжело вздохнула я, – но обещать ничего не могу. Ты сам знаешь, что через Осязание обычно можно лишь уловить эмоции и звуки, но не узнать конкретные факты. Так что...

– Прекрасно! Давай! – он подтолкнул ко мне лежащий на столе кулон. – Я могу тебе чем-то помочь? Например, приготовить чашку чая?

– Нет. Просто помолчи и дай мне сосредоточиться.

Тогда, в первый раз, я этого не уловила. Да и не так-то легко это было сделать. У меня уже набралось достаточно свидетельств ярости и гнева девушки-призрака. Я знала, насколько печальной оказалась ее судьба. Но чтобы узнать что-то еще, требовалось время. Я сидела, глядя на кулон и свив-

шуюся змейкой цепочку, и пыталась прогнать из головы все посторонние мысли. Погасить ненужные, навязанные повседневной суетой эмоции.

Наконец я взяла кулон в руку. Меня пронзил холод металла.

Я закрыла глаза и стала ждать, когда до меня долетит эхо давних событий.

И очень скоро это эхо прилетело ко мне – то же самое, что и прежде. Вначале разговор между женщиной и женщиной, потом высокий женский смех, к которому вскоре присоединяется мужской, более низкий. Затем ощущение неистовой радости разделенной страсти. Я чувствовала душевный подъем девушки, ее возбуждение, ее восторг. Мне передалось ощущение того счастья, когда хочется обнять весь мир...

Смех сделался другим, истеричным. Мужской голос стал резче, неприятнее. Я ощутила накатившую на меня холодную волну страха... Но потом вернулась радость, и все снова стало так хорошо-хорошо-хорошо-хорошо... Затем голоса опять стали резкими и злыми, я уловила вспышку ревности и гнева... И так еще и еще – то в жар, то в холод, и все это по кругу, по кругу, словно та карусель в Гексеме, на которой в детстве меня прокатила мать. Меня одновременно переполняли тогда радость и ужас, и при этом я знала, что не смогу сойти с этой карусели, как бы ни старалась. Потом наступила тишина, и вслед за ней в моем внутреннем ухе за-

звучал холодный мужской голос, после чего я ощутила последнюю вспышку ярости, перешедшую в крик боли. Оказалось, что этот вопль издала я сама.

Я открыла глаза. Локвуд стоял рядом и поддерживал меня, чтобы я не свалилась со стула. Дверь с грохотом распахнулась, и в комнату ввалился Джордж.

– Что здесь происходит, черт побери?! – крикнул он. – Неужели вас ни на минуту нельзя оставить вдвоем?

– Люси, – сказал Локвуд. Лицо его побледнело. – Люси, прости. Я не должен был просить тебя делать это. Что случилось? Ты в порядке?

– Не знаю... – я легонько оттолкнула Локвуда, выронила на стол золотой кулон, и он блеснул на солнце. – Наверное, мне действительно не стоило... Слишком сильные эмоции. Кулон в самом деле неразрывно связан с духом Аннабел и ее воспоминаниями. На какое-то время я стала этой девушкой, и мне было очень нехорошо. Ее гнев ужасен.

Я еще немного посидела в освещенной солнцем кухне, понемногу освобождаясь от пережитых ощущений. Локвуд и Джордж терпеливо ждали.

– Могу сказать одно, – заговорила я наконец. – Может быть, это то, что ты ищешь, Локвуд, может быть, нет, но кое-что я знаю наверняка, я совершенно четко и ясно уловила это через эмоции.

Я глубоко вдохнула и посмотрела на них обоих.

– Ну и? – спросил Локвуд.

– Тот мужчина, который подарил Аннабел этот кулон...
Он же и убил ее.

В тот же день вскоре после полудня мы совершили короткую прогулку до станции метро «Бейкер-стрит». Было очень приятно вновь оказаться на свежем воздухе, на солнце. Настроение у всех было приподнятое. Оделись мы кто во что. Локвуд был в длинном коричневом кожаном пальто, которое подчеркивало его худобу и размашистую походку. Джордж нарядился в нелепую стеганую куртку с высоко поднятым на талии эластичным поясом, который подчеркивал грузный зад Джорджа. Я оделась как обычно – куртка, водолазка, короткая темная юбка и леггинсы. Все мы шли с рапирами (для себя я взяла запасную рапиру из холла). Вместе с порезами и ссадинами на наших лицах рапиры говорили о нашей профессии и нашем статусе, и встречные сторонились, когда мы проходили мимо них.

Вагон метро был набит пассажирами и утопал в сладком запахе лаванды. Мужчины носили веточки лаванды в петлицах, женщины прикалывали их к своим шляпкам. А еще вагон буквально сиял от блеска бесчисленных серебряных брошей, заколок, колец, булавок для галстука, переливавшихся в неоновом свете ламп. Мы молча и серьезно простояли весь пятиминутный перегон по туннелю до станции «Грин Парк». Пассажиры, ехавшие с нами в одном вагоне, тоже всю дорогу молчали, а теперь провожали нас взглядами.

Пока мы ехали, Джордж листал латинский словарь, а как только мы встали на эскалатор, вытащил карандаш и написал несколько слов на каком-то клочке бумаги.

– Ладно, – сказал он. – Я сделал все, что мог. На кулоне написано «*Tormentum meum, laetitia mea*», правильно? Итак, *tormentum* означает «страдание, боль, мука». *Laetitia* – «радость, блаженство». Ну, а *meum* и *mea* – это одно и то же: «мой, моя». Таким образом, надпись на нашем кулоне гласит: «Моя мука, моя радость». Какое-то нездоровое любовное послание, не находите?

– В точности совпадает с тем, что я почувствовала, – ответила я. – Их отношения действительно не были здоровыми. Их бросало из крайности в крайность. Половину времени они были на седьмом небе от счастья, вторую половину сгорали от ревности и ненависти. В конечном итоге ненависть взяла верх.

– Не думай больше об этом, Люси, – сказал Локвуд. – Ты свою часть работы уже сделала. Остальное сделаем мы с Джорджем. Послушай, Джордж, сколько, по-твоему, времени у нас займут поиски в Архиве?

– Не слишком много, – ответил Джордж. – Только посмотрим местные газеты начиная с той даты, на которой я остановился. Если в прессе есть дальнейшие упоминания об Аннабел Вард, мы их скоренько обнаружим. А потом заглянем еще в журналы светской хроники, нет ли там чего-нибудь. Как мы знаем, Аннабел была светской девушкой.

Мы вышли из метро и направились вверх по Пикадилли. Лучи послеполуденного солнца косо падали между высокими зданиями, поэтому мы то и дело переходили из яркого света в синюю тень и обратно. Стояла поздняя осень, дни становились все короче, поэтому уже сейчас город начинал готовиться к вечеру. Рабочий катил свою тележку, посыпая из нее тротуар солью – белая соль ложилась на асфальт словно снег. Перед большими отелями суетилась обслуга – кто-то наполнял жаровни веточками сушеной лаванды (их зажгут с наступлением темноты), кто-то полировал линзы висевших над входными дверями призраков-ламп.

Быстрая ходьба хорошо разминала затекшие мышцы, с каждой минутой идти становилось все легче. Локвуд все еще слегка прихрамывал, но в целом был полон сил и свеж как огурчик. Он снял повязку с пострадавшей от прикосновения призрака руки, давая ей погреться на солнышке.

– Если мы сумеем распутать ту старую тайну, – сказал он, – если сможем выяснить личность убийцы и восстановить справедливость, это будет сенсация. Мы станем знаменитыми, и все сразу забудут о том доме, который мы спалили.

– А также позволит нам спасти агентство «Локвуд и Компания», и оно не уйдет с молотка, – добавила я.

– Хотелось бы надеяться, – кивнул Локвуд, быстро проходя мимо человека, продававшего туристические карты Лондона с отмеченными на них «безопасными зонами», и не об-

ращая внимания на другого торговца, призывавшего купить у него железные вещи. – Но для этого нам нужно получить несколько хороших заказов, причем как можно скорее.

– Ты, конечно, понимаешь, что ДЕПИК тоже будет копаться в этом деле, – заметил Джордж. – Это не главное их направление, но они расследуют старые убийства, если они случились на памяти тех, кто еще жив.

– Это еще одна причина, по которой нам следует пошевелиться, – сказал Локвуд. – Так, здесь нужно перейти.

Мы перешли улицу, перешагнули канавку с проточной водой, отделявшую проезжую часть от тротуара. Известно, что бродячие мертвецы не любят проточную воду, поэтому узкие канавки с такими ручейками проложили вдоль многих главных торговых улиц Вест-Энда, надеясь, что они помогут людям безопасно передвигаться здесь по вечерам. Поначалу власти рассчитывали проложить такие канавки по всему городу, но потом признали этот проект слишком затратным. Так что, если не считать призрак-ламп, жители окраинных районов Лондона могли полагаться только на себя.

Мы прошли сквозь большую каменную арку и оказались на плавно изгибающейся по дуге Риджент-стрит. Чуть впереди прямо на тротуаре был установлен прилавок. Над его ярко-красным навесом трепетали на ветру флажки с золотым геральдическим львом и стилизованной буквой «Р».

– Эй, взгляните-ка! – воскликнул Джордж. – Горячие каштаны! Кто хочет?

Возле прилавка стояла группа мальчиков и девочек в темно-красных куртках, они бесплатно раздавали всем прохожим веточки лаванды, соляные бомбочки и сладости. На открытой жаровне пощелкивали каштаны, прыщеватый подросток раскладывал их огромной ложкой по бумажным кулечкам. Волосы юных агентов были тщательно причесаны, рапиры отполированы, лица у всех чисто умытые, улыбающиеся и какие-то одинаковые, словно плохо пропеченные в одной и той же форме для кексов. Это были представители «Ротвелл», второго старейшего парапсихологического агентства в Лондоне, и, благодаря умелой рекламе, пожалуй, самого популярного. За прилавком, чуть в стороне от дороги, поднимался к небу огромный, из стекла и мрамора, центральный офис агентства «Ротвелл». На раздвижных входных стеклянных дверях красовались все те же рычащие львы, держащие рапиры в передних лапах. Мне был знаком интерьер этого офиса – в свое время я провалила здесь собеседование.

Когда мы приблизились к прилавку, маленький, лет десяти, мальчик протянул нам кулек с каштанами.

– Подарок от агентства «Ротвелл», – сказал он. – Безопасной вам ночи.

– У нас безопасных ночей не бывает, – проворчал Локвуд. – Джордж, я хочу, чтобы ты просто прошел мимо.

– Но я проголодался.

– Потерпишь. Ты не можешь идти по улице с таким ку-

лечком в руках. Рекламирывать соперника по бизнесу – преступление.

Локвуд прошел мимо мальчика, даже не взглянув на него.

Джордж замедлил шаги, взял у мальчика кулек с каштанами и сунул его в карман куртки.

– Вот так, – сказал он. – Никто не увидит. По-моему, отказываться от вкусной еды – вот преступление.

Мы протиснулись сквозь довольно густую толпу у прилавка, прошли дальше и уже через несколько минут оказались в тихом зеленом сквере в квартале от Риджент-стрит. Над сквером возвышалось колоссальное по величине и неимоверно уродливое по архитектуре кирпичное здание. На медной табличке рядом с входной дверью было написано:

«Национальный архив периодических изданий»

Очки Джорджа сверкнули. Это была его территория, здесь он был у себя дома, и потому я увидела на его перепачканном каштанами лице даже что-то вроде улыбки.

– Пришли, – сказал он. – Говорите вполголоса. Библиотекари здесь очень строгие.

И мы вслед за Джорджем пересекли железную линию и прошли сквозь вращающиеся двери.

В детстве я не очень много читала. Это мягко говоря. В доме моих родителей книга была редким гостем, а в обучение Якобсу меня отдали раньше, чем я пошла в школу. Разуме-

ется, во время обучения я читала – сертификат агента нельзя получить, не сдав письменных экзаменов, – а к двенадцати годам наизусть вызубрила «Руководство Фиттис для охотников за призраками». Ну а потом... Потом, честно говоря, я была слишком занята работой, чтобы достаточно много времени проводить над книгами. Правда, иногда Якобс посылал меня в местную библиотеку поискать исторические справки о зараженных призраками местах (особенно часто они появлялись в районе Джиббет Хилл, в полумиле от нашего городка), так что нельзя сказать, что я так уж никогда не видела здания, битком набитого печатной макулатурой.

Но такого огромного хранилища, как Национальный архив, я еще никогда не встречала.

Здание состояло из шести просторных этажей, расходящихся от центрального бетонного крытого внутреннего двора – атриума. Когда стоишь внизу, среди пальм и прочих растений в кадках, тебе кажется, что эти этажи с рядами полок и столов для чтения уходят вверх до самого неба. Под куполом крыши парила подвешенная металлическая скульптура – украшение, оно же защита от призраков. На каждом этаже многочисленные фигуры, сгорбившись за столами, рылись в грудях пожелтевших от времени газет и журналов. Одни из них, вероятно, искали ключи к решению Проблемы, обрушившейся на нас как чума. Другие были агентами – тут и там я видела синие пиджаки работников агентства Томворт, лиловые тона агентства Гримбл, но чаще всего –

мрачную темно-серую униформу агентства «Фиттис». И уже не в первый раз я подумала: а почему Локвуд не выбрал какую-нибудь униформу для своего агентства?

Локвуд, казалось, был потрясен архивом не меньше моего. То ли дело Джордж – тот ориентировался здесь легко и уверенно, словно в собственной спальне. Спустя несколько минут он поднял нас в лифте на четвертый этаж, усадил за пустой стол, ненадолго исчез и возвратился с первой огромной кипой пыльных серых папок.

– Это местные газеты из округа Ричмонд сорокадевятилетней давности, – пояснил он, кладя папки на стол. – Аннабел Вард исчезла в конце июня. Статья, которую я вам показывал, была напечатана примерно через неделю или чуть позже после этого. Локвуд, просмотри, пожалуйста, июльские номера. Думаю, для нас они могут оказаться наиболее полезными. Люси, а ты пролистай папки за осень. Я же пойду разыщу выпуски «Лондон Сосайети». Дрянной журнальчик, но там среди сплетен тоже может отыскаться что-нибудь интересное.

Мы с Локвудом скинули куртки и погрузились в старые номера «Ричмонд Икзаминер». Свадьбы, именины, пропавшие кошки, извещения о продаже земельных участков – никогда не думала, что всего этого может оказаться так много в одном лишь округе Лондона. Хватило бы на всю Европу, наверное. О Проблеме газета тоже писала, но довольно мало – в то время природу этого страшного явления только-только

начинали обсуждать. Отыскала одно из самых первых обращений к властям с требованием установить призрак-лампы (со временем их установили), а также призывы снести бульдозером все кладбища и засыпать их потом слоем соли (этого сделано не было: затея оказалась слишком дорогостоящей и сомнительной с моральной точки зрения. Вместо этого кладбища просто обнесли железными оградами). Но о пропавшей в конце июня девушке я не нашла ни строчки.

Локвуд и Джордж, который рассматривал черно-белые фотографии в светском журнальчике, тоже ничего не нашли. С каждой минутой Локвуд все сильнее начинал проявлять нетерпение и то и дело многозначительно поглядывал на часы.

На страницу, которую я просматривала, упала тень. Я подняла голову и увидела трех человек, которые стояли возле нашего стола и с нескрываемым любопытством разглядывали нас. Два подростка – мальчик и девочка – и очень молодой мужчина. Все трое были одеты в мягкие серые куртки и черные брюки – униформа старейшего и самого престижного в Лондоне агентства «Фиттис» – прославленной Старой серой леди со Стрэнда.

Эфесы их рапир были выполнены в изящном итальянском стиле – выглядели несколько старомодно, но были намного дороже наших простых рапир. У всех троих в руках были элегантные серые кейсы, украшенные – как и их куртки – знаменитой эмблемой агентства «Фиттис»: серебряной фи-

гуркой вставшего на дыбы единорога.

Локвуд и Джордж поднялись на ноги. Молодой мужчина улыбнулся им.

– Привет, Тони, – сказал он. – Это что-то новенькое. Никогда прежде не встречал тебя здесь.

Тони. За полгода совместной работы я еще ни разу не встретила человека, который осмелился бы назвать Локвуда хотя бы «Энтони». А тут сразу Тони! На секунду я предположила, что они очень старые друзья – этот молодой инспектор из «Фиттис» и Локвуд. Но сразу же поняла, что это далеко не так.

Локвуд тоже улыбался, но такой улыбки на его лице я еще не видела. Это была не улыбка, а скорее волчий оскал. В уголках глаз Локвуда появились глубокие морщинки.

– Квилл Киппс, – сказал он. – Ну, как жизнь?

– Занят. Очень занят. А как ты, Тони? Выглядишь, извини меня, довольно паршиво.

– А, ничего серьезного. Несколько царапин. Не жалуясь.

– Да у тебя, наверное, и времени нет жаловаться, – усмехнулся молодой мужчина. – Зато все другие на тебя жалуются.

Квилл Киппс – так, кажется? – был тщедушным, как птичка, и весил, наверное, меньше, чем я. У него был маленький, слегка вздернутый нос, худое, усыпанное веснушками лицо, и остриженные почти под корень рыжеватые волосы.

На его куртке поблескивали четыре или пять медалей, рукоять рапиры украшал большой зеленый камень. Правда, в

последнее время он вряд ли часто пускал ее в ход. Киппсу, по моим прикидкам, было лет двадцать, так что его лучшие дни остались позади. Его Дар потускнел, а может быть, и почти пропал. Как и мой бывший шеф Якобс, Киппс превратился в одного из тех бесполезных инспекторов, которые заполонили агентства. Да, в этом возрасте Киппс мог лишь командовать отданными в его распоряжение детьми.

Локвуд, казалось, пропустил насмешку Киппса мимо ушей.

– Сам знаешь, – сказал он. – В нашем деле всякое случается. Ну... Что ты сейчас расследуешь?

– Кластер призраков в дорожном туннеле возле Мургейта. Пытаюсь понять, кем они могут быть, – Киппс мельком взглянул на разложенные у нас на столе газеты. – А ты, я вижу, тоже что-то ищешь?

– Да.

– О, «Ричмонд Икзаминер»... Понимаю. Знаменитое происшествие на Шин-роуд. Разумеется, мы у нас в «Фиттис» проводим такие исследования до того, как встретиться с Гостем. Мы не совсем уж глупы, знаешь ли.

Стоявший рядом с ним юнец – высокий, нескладный, с большой костистой головой и серенькими, как у мыши, волосенками – послушно захихикал над шуткой начальника. Девочка никак не отреагировала – очевидно, ее умишку не был доступен даже такой примитивный юмор. Подбородок у девочки был маленький, слегка заостренный. Светлые воло-

сики коротко подстрижены сзади, но спереди на лоб наискосок падала длинная челка, почти полностью прикрывавшая один глаз. Я подумала, что эта девочка должна быть очень послушной и исполнительницей.

– Кто это? – спросила девочка, глядя на меня.

– Новая помощница, – ответил Локвуд. – Она у нас совсем недавно.

– Люси Карлайл, – представилась я, протягивая ей руку. – А как тебя?..

Девочка издала короткий смешок и отвернулась в сторону, будто заметила там что-то более интересное, чем я.

– Береги себя, если взялась работать вместе с Тони, дорогуша, – сказал мне Квилл Киппс. – Его последний помощник плохо кончил.

– Не беспокойтесь обо мне, – вежливо улыбнулась я. – Со мной все в порядке.

– Да, но с теми, кто находится близко к Тони, то и дело происходят неприятности. Так было всегда. С самого начала.

Киппс пытался сказать последнюю фразу как бы невзначай, но тон выдал его. В голосе Киппса что-то прозвучало, только я не могла понять, что именно. Я перевела взгляд на Локвуда. В нем что-то изменилось. Напускное безразличие исчезло, теперь он выглядел жестким и неуступчивым. Я почувствовала, что он собирается что-то сказать, но тут вмешался Джордж:

– О твоих делах я тоже наслышан, Квилл. Тот юный пар-

нишка, которого ты отправил одного в катакомбы в Саусварке, а сам остался снаружи «ждать подкрепления», – что с ним случилось, Квилл? Или его до сих пор не нашли?

– Кто тебе об этом сказал? – нахмурился Киппс. – Это было совсем не так...

– А тот клиент, к которому притронулся призрак, потому что твои агенты оставили кость от его руки в мусорном ведре?

– Это случилось по ошибке! – вспыхнул Киппс. – Они просто выбросили не тот мешок...

– А еще я слышал, что в твоей группе самая высокая смертность среди агентов во всем «Фиттис».

– Но...

– Не самый лучший послужной список, не так ли?

Повисло молчание.

– Да, твой поезд ушел, – подытожил Джордж.

Киппс опустил голову. Он знал, что это горькая, но правда. Лицо его покраснело. Пальцы потянулись к эфесу рапиры, и он сделал полшага вперед. Джордж не шелохнулся, лишь кивком головы указал на табличку «Тишина!» на стене.

Квилл Киппс глубоко вздохнул, пригладил волосы и сказал, улыбаясь:

– Жаль, что я не могу заткнуть твою жирную пасть прямо здесь, Каббинс. Но придет время, когда я это сделаю.

– Хорошо, – согласился Джордж. – А тем временем мо-

жешь потренироваться на ком-нибудь, кто тебе больше подходит по весу. С хомячком, например. Или с мышью.

Киппс что-то невнятно промычал и выхватил рапиру...

Боковым зрением я уловила какое-то стремительное движение. Затем сталь звонко ударилась о сталь. Казалось, Локвуд не сдвинулся с места, однако его рапира уже вытянулась наискось вдоль стола, пересеклась с лезвием рапиры Киппса и сильно прижала его вниз.

– Прежде чем вытаскивать рапиру, научись владеть ею, Киппс, – сказал Локвуд.

Киппс ничего не ответил. На его шее пульсировала жилка, было видно, как под серым рукавом куртки напряглись мышцы. Он попытался освободить свою рапиру, повернув лезвие влево, потом вправо, но Локвуд без видимого усилия удерживал ее. Лезвия рапир оставались неподвижными, как и их владельцы. Мы с Джорджем и агенты Киппса тоже застыли на месте, следя за поединком. Вокруг нас в библиотеке поднялся негромкий гул.

– Ты не сможешь удерживать меня до бесконечности, – сказал Киппс.

– Это верно, – Локвуд стремительно повернул запястье, и рапира, вылетев из руки Квилла Киппса, взмыла вверх и воткнулась кончиком в потолок.

– Превосходно, – сказала я.

Локвуд с улыбкой вернул свою рапиру в ремешок на поясе и сел на свое место, оставив тяжело дышащего Киппса

у себя за спиной. Киппс подпрыгнул, чтобы вытащить свою застрявшую в потолке рапиру, но не дотянулся до нее. Подпрыгнул еще раз – с тем же успехом.

– Давай-давай, Киппс, старайся, – подбодрил его Джордж. – Осталось еще совсем немножко.

Закончилось тем, что Киппсу пришлось забраться с ногами на соседний стол – только так он смог наконец вернуть свое оружие.

Его агенты молча наблюдали за возней шефа – мальчик глупо улыбался, лицо девочки оставалось, как всегда, каменным.

– Ты мне еще заплатишь за это, Локвуд, – сказал Киппс, спрыгивая на пол. – Клянусь, я заставлю тебя заплатить. Всем известно, что ДЕПИК собирается прикрыть твое агентство, но только мне этого будет мало. Я найду способ заставить тебя страдать по-настоящему. Тебя и твоих друзей-идиотов. Билл, Кейт, пойдете.

Он развернулся, его детки-агенты сделали то же самое, и вся троица в ногу зашагала к лифту.

– Еще когда я работал с ним, Киппс славился ужасно вспыльчивым характером, – заметил Джордж. – С тех пор ничуть не изменился – ты согласен, Локвуд?

Но Локвуд уже вновь погрузился с головой в свои файлы. Губы его были сжаты в тонкую ниточку.

– Давайте продолжать, – сказал он. – У нас еще масса дел. Не будем понапрасну терять время.

Прошло всего чуть больше минуты, и наконец нам улыбнулась удача. Открытие сделал сам Локвуд. Он радостно присвистнул и указал пальцем на лежащую перед ним газету. Там была она, Аннабел Вард. Фотография другая, но на ней все та же волна светлых волос, та же ослепительная улыбка. Аннабел была одета в бальное платье, а сама фотография украшала первую страницу «Ричмонд Икзаминер». Этот номер газеты вышел в свет сорок девять лет назад.

«Анни Вард. Допрошен ее бой-френд.

В деле Аннабел «Анни» Вард произошел новый поворот, когда прошлой ночью полиция арестовала одного из ее бывших бой-френдов. Это мистер Гуго Блейк, 22 лет, известный карточный игрок и популярная в светских кругах Лондона личность. В настоящее время мистер Блейк содержится в полицейском участке на Боу-стрит. Формальное обвинение ему до сих пор не предъявлено.

По сведениям из полицейских источников, мистер Блейк был в числе обедавших вместе с мисс Вард в ночном клубе «Гэллопс» в субботу, 21 июня. В ту же ночь мисс Вард пропала. По показаниям свидетелей, мистер Блейк покинул ночной клуб сразу же вслед за мисс Вард, а во время допроса вынужден был признать, что именно он подвозил ее в тот вечер до дома. Как стало известно, мистер Блейк и мисс Вард в течение нескольких месяцев состояли в тесной связи, однако в последнее время их отношения испортились. Роман

мистера Блейка и мисс Вард широко обсуждался в светских кругах Лондона. По настоянию мистера Блейка мисс Вард практически поставила крест на своей карьере начинающей актрисы, хотя в самое последнее время вновь предпринимала попытки найти для себя новую роль в...»

– Гуго Блейк, – негромко сказала я. – Ее бывший бойфренд. Готова поспорить, что это он подарил ей кулон.

– И отвозил ее домой той ночью, – кивнул головой Джордж. – Я думаю, нам известно, что он сделал тогда.

– Но смотрите, – сказал Локвуд, – они арестовали его, однако мы не знаем, было ли ему выдвинуто обвинение. Из того, что нам известно, он мог получить срок, даже если полиция не смогла обнаружить тело Аннабел Вард.

Долго искать ответ на этот вопрос нам не пришлось. В одном из следующих номеров газеты была помещена крохотная заметка, в которой было сказано, что Гуго Блейка выпустили на свободу, не предъявив ему никаких обвинений. В Скотланд-Ярде пришли к выводу, что «мисс Аннабел Вард словно провалилась сквозь стену».

– Сквозь стену, это точно! – воскликнула я. – Именно в стене она и была все это время. Вот идиоты!

– У них не было тогда достаточно доказательств, чтобы припереть Блейка к стенке, – сказал Локвуд, проглядывая газетные страницы. – Хотя он и был единственным подозреваемым, предъявить ему было нечего. Блейк утверждал, что

высадил мисс Вард возле ее дома, но внутрь не заходил. Доказать обратное было некому, и полиции ничего не оставалось, как только отпустить его... Итак, они дали ему уйти. Отлично. Что ж, похоже, что Блейк – тот человек, который нам нужен.

– Сколько тогда ему было? – спросил Джордж, откидываясь на спинку стула.

– Двадцать два, – ответила я. – А бедной Анни Вард всего двадцать.

– И случилось это сорок девять лет назад. Много времени прошло, однако сейчас Блейку должен быть всего семьдесят один год. Он вполне может быть еще жив.

– Спорю, что так оно и есть, – кровожадно заметила я. – Убил, ускользнул от кары – и до сих пор живет себе припеваючи.

– Жил припеваючи до сегодняшнего дня, – уточнил Локвуд. – Теперь нам нужно подумать, как все лучше сделать. У меня план такой. Мы связываемся с ДЕПИК. Если Блейк еще жив, они его арестуют. Тем временем мы отправимся в редакции газет и обо всем расскажем журналистам. Убийца пойман спустя полвека! Это станет настоящей сенсацией!

– Хороший план, – медленно проговорил Джордж. – Только я не уверен, что нам сразу стоит обращаться к журналистам. Вначале нужно еще покопаться, узнать как можно больше о прошлом Анни Вард, – он похлопал рукой по лежащей перед ним кипе журналов «Лондон Сосайети». – Здесь

обязательно о ней что-нибудь отыщется. А если повезет, мы сможем найти пикантные подробности и относительно самого Блейка, которые помогут нам...

– Вот ты этим и займешься, – сказал Локвуд, поднимаясь на ноги. – Расскажешь потом, что тебе удалось узнать. А я тем временем хочу переговорить с некоторыми людьми. За сегодняшнее утро мы потеряли троих клиентов. Так что нужно пошевеливаться.

– Хорошо, – нерешительно ответил Джордж, поправляя на носу очки. – Только, прошу тебя, не спеши хвататься за что попало.

– Я буду осторожен и внимателен, – лучезарно улыбнулся нам Локвуд. – Вы же меня знаете.

«Тайна исчезновения раскрыта спустя 50 лет!

Найдено тело жертвы убийства.

Триумфальное расследование, проведенное агентством «Локвуд и Компания»

Одним из самых невероятных расследований так называемых «глухих» дел за последнее время стало обнаружение тела Аннабел «Анни» Вард, пропавшей почти полвека назад. Ее труп был найден в доме на юго-западе Лондона. Оперативники агентства «Локвуд и Компания» полночи сражались со злобным призраком жертвы, прежде чем обнаружили и обезвредили ее останки.

– Нам едва удалось спасти свои жизни, – говорит юный глава агентства Энтони Локвуд. – Но мы не ограничились уничтожением призрака. Нам хотелось, чтобы свершилось правосудие в отношении неизвестной нам тогда девушки, ставшей жертвой убийцы.

Агентство провело тщательное расследование, которое позволило установить личность убитой. Это оказалась широко известная в прошлом начинающая актриса мисс Вард. ДЕПИК согласился возбудить дело в отношении расследования этого преступления.

– Для нас не имеет значения, насколько старым или слож-

ным будет это дело, – говорит мистер Локвуд. – Честно говоря, чем сложнее дело, тем оно для нас интереснее, учитывая высокий профессионализм и личные качества наших сотрудников. Основная наша задача – освободить Лондон от Гостей, однако при этом нас живо интересует история, стоящая за каждым появлением призраков. Несчастливая Анни Вард умерла много лет назад, однако ее убийца до сих пор может быть привлечен к ответу. Один из наших лучших агентов Люси Карлайсл во время операции сумела войти в парапсихологический контакт с Гостьей, невзирая на яростное сопротивление призрака, и добыть крайне важные сведения, который, как мы надеемся, выведут следствие на преступника. Это пока все, что я имею право сообщить, но в самом ближайшем будущем, я уверен, вас ожидают новые сенсационные подробности относительно этой давней трагедии».

– Какая превосходная статья, – в двадцатый раз за день сказал Локвуд. – Лучшего и ожидать было нельзя.

– Они переврали мою фамилию, – заметила я.

– А обо мне вообще не упомянули, – добавил Джордж.

– Это не самое главное, – с улыбкой ответил нам Локвуд. – Главное – то, что мы попали на шестую страницу «Таймс». Такой рекламы наше агентство еще не имело. Для нас это поворотная точка. Наконец-то судьба нам улыбнулась.

Он поежился и переступил ботинками из одной кучи воющего компоста в другую.

Это было на следующий день после посещения нами Архива. Часы показывали около восьми вечера. Мы стояли в приторно пахнущих зарослях крыжовника в темном холодном саду и ждали появления призрака. Честно говоря, условия для работы были не самыми лучшими.

– Температура? – спросил Локвуд.

– Продолжает падать, – ответил Джордж, взглянув на свой термометр. Среди веток крыжовника было темно, светящиеся окна стоявшего неподалеку дома были задвинуты плотными темно-коричневыми шторами. Где-то вдалеке пролаяла собака. Метрах в шести от нас свисали отяжелевшие от ледяного дождя тонкие черные ветки ивы.

– Миазмы усиливаются, – сказала я. Мои руки и ноги отяжелели, в голову лезли ненужные мысли о тщетности наших усилий. Во рту стало кисло от противного запаха. Я взяла еще одну мятную конфетку.

– Хорошо, – сказал Локвуд. – Ждать, судя по всему, осталось недолго.

– То, что мы рассказали ДЕПИК об Анни Вард, – это и хорошо и в то же время плохо, – неожиданно заметил Джордж. – Но я по-прежнему считаю, что мы слишком рано обратились к журналистам. Полицейское расследование только начинается. Кто знает, к чему оно приведет.

– Что сделано, то сделано, – ответил Локвуд. – Барнсу не очень понравилось, что мы обскакали его с установлением личности убитой девушки, но связь этого дела с Гуго Блей-

ком его очень заинтересовала. Он проверил его личность по своим архивам. Выяснилось, что Блейк был успешным предпринимателем, но несколько раз попадал в тюрьму за мошенничество и еще один раз – по обвинению в более тяжком преступлении. Скользящий тип. И мы оказались правы – он по-прежнему жив и здоров и проживает здесь, в Лондоне.

– Так они задержали его? – спросила я.

– Собирались сделать это сегодня. Возможно, уже задержали.

– Появился призрачный туман, – сказал Джордж. Тонкие молочно-белые струйки показались из земли – бледно светящиеся, тонкие, как спагетти. Потянулись к иве и стене сада.

– Что ты слышишь, Люси? – спросил Локвуд.

– Пока все то же самое. Ветер и шелест листьев. И скрипучее «сквак-сквак-сквак».

– Скрип веревки?

– Возможно.

– Джордж, ты что-нибудь видишь?

– Пока нет. А ты? Посмертное свечение все еще на месте?

– Да, все еще висит среди ветвей. Но оно и не должно двигаться, не так ли?

– Можешь дать мне конфетку, Люси? – спросил Джордж. – Я свои дома забыл.

– Конечно.

Я пустила свой пакетик с конфетами по кругу. Разговор угас. Мы наблюдали за ивовым деревом.

Несмотря на большие надежды, которые Локвуд связывал со статьей в «Таймс», особой выгоды она пока не принесла, поэтому сегодня вечером нам пришлось взяться за единственный заказ, остававшийся в нашем гроссбухе. Наши клиенты, молодая женатая пара, жаловались на то, что испытывают смятение и страх, оказываясь у дальней стены своего сада. А в последнее время их дети (четыре года и шесть лет) говорили, что, глядя в темноте из окон дома, они видели «темную неподвижную тень», стоящую среди склонившихся ветвей ивы.

Родители, бывшие при этом рядом со своими детьми, ничего не заметили.

Сегодня с утра мы с Локвудом провели предварительное расследование на местности. Ива была очень старой, с высокими толстыми ветвями. Мы оба отметили присутствие следов побочных эффектов появления призрака – в основном миазмы и ощущение ползучего страха. Джордж тем временем покопался в Архиве, изучая историю дома, и обнаружил один очень важный связанный с ним случай. В мае 1926 года его бывший владелец, мистер Генри Китченер, повесился где-то рядом с домом. Точное место самоубийства установить не удалось.

У нас были все основания полагать, что мистер Китченер повесился именно на этой иве.

– До сих пор не могу понять, почему ты упомянул меня, но ничего не сказал о кулоне, – сказала я. – По твоим сло-

вам, все выглядит так, будто сама Анни Вард рассказала мне о том, кто ее убил, но мы же знаем, что это чушь собачья. Призраки не способны четко выразиться. Парасихологическое общение – вещь очень неконкретная, из него можно почерпнуть лишь обрывочные сведения.

– Я знаю, – довольно фыркнул Локвуд, – но тебе не повредит то, что я подал тебя как звезду сыска. Нам нужно, чтобы клиенты стали записываться к тебе в очередь. А про кулон я умолчал намеренно: отчасти для того, чтобы придержать эту новость для будущих статей, отчасти потому, что не хочу, чтобы о кулоне стало известно Барнсу.

– Так ты ничего не сказал ему?

– Пока нет. Барнс все еще зол на нас, а тут вдруг окажется, что Люси в нарушение всех инструкций прихватила с места происшествия опасный артефакт. Нет, об этом лучше помалкивать. Да какая разница? Этот кулон, по сути, к делу ничего не добавляет. Вина Блейка и без него совершенно очевидна. Кстати о Блейке. Тебе удалось разыскать еще что-нибудь по делу Вард, Джордж?

– Да. Несколько картинок. Интересные. Покажу вам их, когда вернемся.

Время шло. Холод усиливался. Ива излучала грустные и тревожные эмоции, они все сильнее растекались вокруг, струились среди кустов и цветочных клумб, пластмассовых велосипедов и разбросанных по саду детских игрушек. Ветки ивы слегка зашевелились, хотя никакого ветра не было и

в помине.

– Интересно, почему он это сделал? – пробормотал Локвуд.

– Кто? – спросил Джордж. – Гуго Блейк?

– Нет, я о сегодняшнем случае. Почему этот человек вдруг взял да и повесился?

– Потерял кого-нибудь, кто был ему очень дорог, – влезла я в разговор.

– В самом деле? Почему ты так решила, Люси? Об этом что-нибудь было в газетах, Джордж?

У меня не было никаких соображений на этот счет. Я вслушивалась в скрип дерева.

– Не знаю, – сказала я. – Может быть, ошибаюсь.

– Внимание, – отрывисто предупредил Локвуд. – Я что-то заметил... Да, есть! Вы тоже видите?

– Нет. Где?

– Он прямо здесь! Неужели вы его не видите? Стоит под деревом и смотрит вверх.

Я почувствовала, что что-то надвигается. Прокатилась невидимая волна, заставившая кровь громко пульсировать у меня в ушах. Но мое Зрение было не таким хорошим, как у Локвуда, поэтому дерево по-прежнему представлялось мне паутиной темных ветвей и теней.

– Он держит в руках веревку, – пробормотал Локвуд. – Должно быть, он стоял здесь какое-то время перед тем, как...

Иногда помогает взглянуть на происходящее боковым

зрением. Я перевела взгляд на стену сада, и тени под деревом неожиданно сфокусировались. Я увидела бледный контур тонкой неподвижно стоящей фигуры. Сквозь нее просвечивали ветки ивы.

– Вижу, – сказала я. Призрак смотрел вверх, склонив голову набок так, словно у него уже была сломана шея.

– Не смотри ему в лицо, – сказал Джордж.

– Хорошо, я подберусь ближе, – сказал Локвуд. – Стойте здесь, тихо. А-а! Меня кто-то схватил!

Двойной свист стали – это мы с Джорджем одновременно выхватили свои рапиры. Я осветила застывшего на месте Локвуда лучом фонарика и тут же выключила его.

– Никто тебя не схватил, – сказала я, – просто ты зацепился полой пальто за куст.

– Уф, прекрасно. Спасибо.

– Твое пальто. Оно слишком длинное, – пробурчал Джордж. – Однажды оно уже чуть не погубило тебя.

Послышался негромкий шорох – Локвуд выдирал пальто из колючек крыжовника. Фигура под ивой продолжала стоять, не двигаясь с места.

– Прикройте меня, – попросил Локвуд.

Он вытащил рапиру и осторожно двинулся к дереву. При каждом шаге его почти до колен обвивали струйки призрачного тумана. Мы с Джорджем осторожно крались следом, держа наготове соляные бомбочки.

Так мы добрались до крайних веток ивы.

– Хорошо, – выдохнул Локвуд. – Я совсем рядом, но он никак не реагирует. Это просто Тень.

Теперь я гораздо лучше могла рассмотреть призрак человека в рубашке без пиджака, в брюках с высокой талией и подтяжками... Бледное лицо запрокинуто вверх. Я старалась не смотреть на это лицо, но ощущала эхо давнего горя, потерянной любви, невыносимого отчаяния... Услышала приглушенный мужской стон.

Наконец призрачная фигура шевельнулась. Я увидела мелькнувшую в воздухе веревку, конец которой полетел высоко в ветви...

В воздухе мелькнул еще один небольшой предмет, ударился о ствол ивы. Соль дождем хлынула вниз, прожигая призрачную фигуру насквозь. Призрак скорчился и исчез. Крупинки соли вспыхнули зеленым пламенем, изумрудным снегом падая на землю.

– Зачем ты это сделал?! – крикнула я Джорджу.

– Не горячись! Он же двинулся. А Локвуд был совсем рядом. Я не мог оставить призраку ни малейшего шанса.

– Но он не нападал, – возразила я. – И не собирался. Думал только о своей жене.

– О своей жене? Откуда это известно? Он что, сам сказал тебе об этом?

– Нет...

– Так почему ты...

– Не имеет значения, – сказал Локвуд, раздвигая ветки

ивы. У его ног мерцали и гасли зеленые искорки. – Он исчез. Давайте засыплем это место железными опилками и поскорее возвратимся в тепло.

Да, бывают случаи и вроде этого. Они расследуются быстро и легко и решаются в один миг. На следующий день мы нашли в ветвях ивы обрывок очень старой веревки, он глубоко врос в ветку, торчащую прямо над тем местом, где стоял призрак. Вытащить веревку нам не удалось и пришлось спилить всю ветку. Затем мы ее сожгли на костре, густо посыпая солью. Спустя три дня новые владельцы дома спилили и выкорчевали все дерево.

Вернувшись из сада к себе на Портленд-роу, мы с удивлением обнаружили припаркованную возле нашего дома полицейскую машину. Она стояла с включенными фарами и работающим двигателем. Из машины навстречу нам вылез офицер ДЕПИК – огромный детина с бритой головой. Гора мышц без намека на шею. На нем была обычная темно-синяя униформа.

– Локвуд и Компания? – хмуро спросил он. – Где вы так долго пропадали? Вас ждут в Скотланд-Ярде.

– В такое время? – нахмурился Локвуд. – Поздно уже. Мы возвращаемся с расследования.

– Это не ко мне. Вас хочет видеть Барнс. Уже два часа ждет.

– А до утра он подождать не может?

Рука полицейского, розовая и массивная, как свиной окорок, медленно потянулась к висевшей у него на поясе железной дубинке:

– Нет.

– Красноречиво сказано, – сверкнул глазами Локвуд. – Ладно, сержант, все в порядке. Поехали.

Скотланд-Ярд, знаменитая штаб-квартира лондонской полиции, был также центром размещения оперативных отрядов ДЕПИК, которые несли службу в ночные часы. Здание Скотланд-Ярда – клинообразное сооружение из стекла и стали – находится почти в самом центре города, посередине Виктория-стрит. Рядом расположены здания Гильдии Могильщиков, Союза Гробовщиков, а также компании «Фейр-факс Айрон» (поставщики железа), «Юнайтед Салтс» (поставщики соли) и громадина корпорации «Санрайз», производящей снаряжение для большинства парапсихологических агентств в стране. На противоположной стороне улицы выстроились в ряд представительства большинства мировых религий. Все эти организации находились на переднем крае непрекращающейся войны с Проблемой.

Перед входом в Скотланд-Ярд в металлических контейнерах дымила тлеющая сушеная лаванда, журчал врезанный в тротуар ручеек с проточной водой. Двери охраняли от потусторонних сил двое юнцов из ночной стражи с покрасневшими от холода носами. Они отвели в сторону палки с металлическими наконечниками и встали по стойке «смирно», про-

пуская проходившего мимо них офицера полиции, вслед за которым прошли внутрь и мы. Полицейский прямым пошел нас навстречу, в помещение оперативного центра ДЕПИК.

Как и всегда в ночные часы, оперативный центр гудел как улей.

На стене висела огромная карта Лондона, испещренная крошечными огоньками – зелеными и желтыми, – отмечающими места появления призраков этой ночью. Мимо карты туда-сюда сновали мужчины и женщины в темной униформе – переносили с места на место кипы бумаг, громко разговаривали по телефону, отдавали приказы старшим групп из агентств «Ротвелл» и «Фиттис», традиционно помогавших ДЕПИК в его работе. Мимо нас пронесся юный агент с охапкой рапир в руках. Возле дальней стены пили кофе двое полицейских в покрытых ожогами эктоплазмы бронежилетах.

Офицер привел нас в комнату для ожидания и оставил одних. Здесь было намного тише, чем в главном зале. Над нашими головами в струях воздуха от спрятанных в потолке вентиляторов крутились металлические мобили. Монотонно бормотал кондиционер.

– Как вы думаете, что ему от нас нужно? – спросила я. – Снова что-нибудь связанное с пожаром?

– Я надеюсь, что что-то связанное с Блейком, – повел плечами Локвуд. – Может быть, они арестовали его. Может, он даже уже признался.

– Кстати о Блейке, – сказал Джордж, роясь в своей сум-

ке. – Пока мы тут ждем, взгляните-ка на эти вырезки из Архива. Мне удалось узнать кое-что новенькое про Анни Вард. Похоже, что пятьдесят лет назад она входила в компанию «золотой молодежи». Это были богатые – хотя и не все – бездельники, шатавшиеся по самым модным и дорогим лондонским барам. За год до смерти Анни Вард в «Лондон Сосайети» появилась фотография этой компашки. Взгляните. На ней вы узнаете не только мисс Вард.

Переснятые с оригиналов фотографии были черно-белыми. В основном на них были запечатлены балы и вечеринки, но также казино и покерные залы. На каждом снимке – модно одетые, лощенные молодые люди.

Если оставить в стороне стиль одежды и то, что снимки черно-белые, эти фотографии были практически такими же, как в современных глянцевах журналах, которые любил пролистывать Локвуд, – до зевоты однообразными и скучными. Однако на третьем или четвертом листе я встрепенулась. На этой странице было две фотографии. Первая – сделанный в студии снимок холеного улыбающегося в объектив камеры молодого мужчины. На нем был черный цилиндр, черный галстук-бабочка и черный фрак. Вероятно, белоснежная рубашка этого денди была с рюшами, но этого, к счастью, не было видно за приподнятой рукой, в которой мужчина сжимал трость. Разумеется, не голой рукой, а затянутой в белую лайковую перчатку. Волосы у него были длинные, темные и блестящие. На губах – уверенная снисходительная улыбка.

Этот хлыщ явно считал себя неотразимым.

Под фотографией подпись: *«Мистер Гуго Блейк, лицо сегодняшнего Лондона».*

– Вот и он, – выдохнул Локвуд.

Я всмотрелась в лощеного, самодовольного мужчину на фотографии, и на миг у меня перед глазами мелькнуло другое лицо – истлевшее, покрытое паутиной и пылью.

– На этом снимке тоже он, – сказал Джордж, указывая на фотографию под портретом.

Это было групповое фото, сделанное с высокого ракурса. У фонтана стояла группа молодых мужчин и женщин. Вероятно, это был один из дурацких и скучных летних праздничных приемов, потому что все мужчины были в белых фраках и галстуках, а девушки – в пышных бальных платьях. В глазах рябило от бесчисленных бантиков, блесков, драгоценностей, обнаженных плеч и бог знает чего еще. Вообще-то наряды, тем более бальные, – это не по моей части. Фотография, разумеется, тоже была черно-белой, однако легко можно представить, насколько красочной являлась эта картина в реальности.

Девушки стояли на первом плане, мужчины – у них за спиной, и все они, подняв головы вверх, к камере, улыбались с таким видом, будто им принадлежит весь мир. Впрочем, может быть, кому-то из них он действительно принадлежал. Прямо в центре стояла Анни Вард. Она сияла, озаряя всех окружающих своей улыбкой. Стоявшие рядом с ней девуш-

ки улыбались не так ослепительно, словно сознавая, что тягаться с Анни бесполезно.

– А вот Блейк, – сказал Джордж, указывая на высокого, криво улыбавшегося мужчину во втором ряду. – Прямо за ее плечом. Словно даже здесь шпионит за ней.

– А еще, смотрите, – я вздрогнула как от толчка, разглядев на шее Анни Вард маленький овальный предмет. У меня подкатил комок к горлу. – На ней тот самый кулон.

– А, так вы все явились? – раздался голос появившегося на пороге комнаты инспектора Барнса. Он выглядел уставшим, даже его роскошные усы и те повисли. В одной руке у Барнса была папка с документами, в другой – пластиковая чашечка с кофе. – Радость-то какая. Надеюсь, не заставите меня расплескать на этот раз кофе вместо чая?

– Мы явились по вашему вызову, мистер Барнс, – холодно ответил Локвуд, поднимаясь на ноги. – Чем можем служить?

– Можете служить, да не все. Кое-кто здесь явно лишний, – он пристально посмотрел на Джорджа и спросил: – Между прочим, вы уже избавились от той призрак-банки, Каббинс?

– Ну конечно, мистер Барнс, – заверил его Джордж.

– М-м... Хорошо. Так уж получилось, что сегодня вы мне не нужны. И вы, мистер Локвуд, тоже. Я хочу поговорить только с мисс Карлайл.

Барнс пристально посмотрел на меня, и я по достоинству оценила силу и пронизательность его взгляда.

– Прошу вас пройти со мной, мисс. Остальные подождут вас здесь.

На секунду мне стало страшно. Я растерянно посмотрела на Локвуда, который, нахмурившись, выступил вперед.

– Так не пойдет, инспектор, – сказал он. – Она моя сотрудница. Я настаиваю на том, чтобы присутствовать при...

– Если хотите, чтобы вас обвинили в том, что вы препятствуете проведению расследования, продолжайте, – прорычал Барнс. – Лично я с вами уже наговорился досыта за прошедшую неделю. Ну как? Есть еще вопросы?

Локвуд замолчал. Я через силу улыбнулась ему:

– Не волнуйся, со мной все будет в порядке.

– Разумеется, с ней все будет в порядке, – сказал Барнс, шире открывая дверь, чтобы пропустить меня перед собой. – Успокойтесь, мы ненадолго.

Барнс провел меня через операционный зал к гладкой стальной двери в его дальнем конце. Здесь он набрал несколько цифр на кодовом замке, и дверь отъехала в сторону, открыв за собой тихий, освещенный трубками неоновых ламп коридор.

– Ваш друг Локвуд утверждает, что вы сумели войти в мысленный контакт с призраком Анни Вард. Это правда? – спросил Барнс, пока мы с ним шли по коридору.

– Да, сэр. Я слышала ее голос.

– Он также утверждает, что вам удалось таким невероятным способом получить уникальную информацию о смерти

мисс Вард – о том, что ее убил человек, которого она любила.

– Да, сэр.

Что ж, в определенном смысле можно и это считать за правду. Когда я держала в руках кулон, у меня возникла именно такая догадка. Другое дело, что узнала я об этом не от самой девушки-призрака, – но это уже детали, не так ли?

Барнс искоса взглянул на меня:

– Когда мисс Вард разговаривала с вами, она назвала имя своего убийцы?

– Нет, сэр. Информация, которую я получила, была... довольно отрывочной. Вы сами знаете, как это происходит, когда имеешь дело с Гостями.

– Говорят, Марисса Фиттис в свое время вела целые разговоры с призраками Третьего типа и узнала от них множество интересных вещей, – пробурчал Барнс. – Конечно, я понимаю, такой дар, как у нее, – редкость, да и призраки Третьего типа тоже. Остальным, вроде нас с вами, приходится довольствоваться лишь обрывками информации. Хорошо... Мы сейчас подходим к Зоне повышенной безопасности. Скоро будем на месте.

Мы спустились вниз по бетонной лестнице. Двери здесь были более массивными, окованными железными полосами. На стене рядом с несколькими дверями я увидела предупреждающие знаки – желтые треугольники с одним оскаленным черепом и красные – с двумя черепами. Воздух здесь стал холоднее, и я решила, что мы находимся под землей.

– А теперь выслушайте меня, – начал Барнс. – Благодаря вашим открытиям я возобновил следствие по делу Аннабел Вард. – Он искоса взглянул на меня и продолжил: – Не думайте, мы сами тоже были довольно близки к тому, чтобы установить ее личность. Вы немного опередили нас, но только лишь потому, что вам в вашем подростковом агентстве просто время больше девать некуда. Ну да ладно. Как бы там ни было, я установил причастность к этому делу Гуго Блейка и думаю, что он виновен. Сегодня я его арестовал.

– Отлично! – сказала я, хотя у меня дрогнуло сердце.

– Однако, – Барнс остановился возле гладкой железной двери, – и сейчас, полвека спустя, Блейк продолжает все отрицать. Говорит, что подвез девушку до дома, но не заходил в него.

– Он лжет, – сказала я.

– Я тоже уверен, что он лжет, но мне нужны дополнительные доказательства. Вот за этим я вас сюда и привел. Прошу вас, заходите.

Прежде чем я успела сказать хоть слово, он, открыв дверь, провел меня в маленькую комнату. Она была пуста, если не считать двух стальных стульев с кожаными сиденьями и небольшого стола. Стулья были повернуты к дальней стене комнаты – почти вся она состояла из цельной панели матового серого стекла. В столешницу был вмонтирован переключатель, рядом с ним лежала черная телефонная трубка.

– Присаживайтесь, мисс Карлайл. – Он взял со стола труб-

ку, щелкнул переключателем и сказал в нее: – Он здесь? Отлично.

– Что вы имеете в виду? – уставилась я на Барнса. – Прошу вас, объясните, что здесь происходит.

– Ментальная связь с мертвыми, как, например, ваше общение с той девушкой, – вещь очень субъективная, – сказал Барнс. – Ее сложно выразить словами. При этом что-то запоминаешь, что-то можешь неверно истолковать, а что-то просто забываешь. Такая связь рождает лишь путаницу в голове. Поэтому вполне возможно, что на самом деле призрак рассказал вам о своей смерти гораздо больше, чем вам кажется. Например, Анни Вард могла показать вам лицо своего убийцы.

Внезапно я все поняла и покачала головой:

– Вы имеете в виду Блейка? Нет. Но я видела его фотографии. Старые. Они ничего мне не напомнили.

– Может быть, все окажется по-другому, если вы увидите его вживую, – настаивал Барнс. – Сейчас проверим.

Меня охватила паника:

– Мистер Барнс, я совершенно не хочу его видеть. Я вам уже все рассказала.

– Вы просто взглянете. Увидеть вас он не сможет. Это стекло прозрачно только с одной стороны. Он даже не узнает о том, что вы здесь.

– Нет, прошу вас, мистер Барнс...

Инспектор не стал меня слушать и нажал вмонтирован-

ную в стол кнопку. Посередине стеклянной панели перед нами появилась светлая полоса. Она расширялась – это раздвигались внутренние створки окна. Так расходятся в стороны шторы, впуская в комнату солнечные лучи.

В центре комнаты по ту сторону стекла на привинченном к полу железном стуле лицом к нам сидел мужчина. Нас с ним, если не считать стекла, разделяло не более двух-трех метров.

Это был пожилой джентльмен в щеголеватом костюме, черном в мелкую розовую полоску. Его ботинки сверкали, на шее был повязан ярко-розовый галстук, такого же цвета платочек словно язычок пламени высовывался из нагрудного кармашка пиджака. Несмотря на возраст, Гуго Блейк сохранил свои замашки денди – в этом он ничуть не отличался от себя на фотографиях пятидесятилетней давности. Хотя волосы у него стали серыми от седины, но оставались такими же длинными, до плеч, такими же блестящими и тщательно причесанными.

Во всем этом он был прежним, но вот его лицо...

Гладкое, самодовольное в юности, оно стало мрачным, изможденным, посеревшим и морщинистым. Под кожей проступили кости черепа, на носу появилась и начала распространяться на щеки и подбородок сеточка синих прожилок. Губы усохли, сделались поджатыми, тонкими и затвердевшими. А глаза...

С глазами дело обстояло хуже всего.

Глубоко запавшие в глазницы, они стали прозрачными, холодными, злыми и умудренными жизнью. Они непрестанно скользили по сторонам, изучая поверхность пустой стеклянной стены, перед которой сидел Блейк. Было совершенно ясно видно, как он зол. Его пальцы впились в колени словно когти. Он что-то говорил, но сквозь стекло не долетало ни слова.

– Блейк богат, – хмыкнул Барнс, – и привык все всегда делать по-своему. Ему здесь очень не нравится. Впрочем, это не ваша проблема. Присмотритесь к нему хорошенько, мисс Карлайл. Отбросьте все посторонние мысли. Вспоминайте, что вы слышали от той девушки. Ничего не всплывает у вас в памяти?

Я глубоко вдохнула, стараясь прогнать охватившую меня тревогу. В конце концов, пока все идет хорошо. Блейк действительно не может меня видеть. Я сделаю то, о чем меня просит Барнс, и тут же уйду.

Я сосредоточила свое внимание на лице Блейка...

И в ту же секунду его глаза остановились, он встретился со мной взглядом. Словно мог видеть сквозь непрозрачное стекло и знал, что я нахожусь здесь, именно на этом месте.

Затем он улыбнулся мне. Блеснули красивые искусственные зубы. Боже, какой жуткой была его улыбка!

Я отпрянула назад, к своему стулу.

– Нет, – сказала я. – Довольно! Я ничего не ощущаю. Его вид не пробуждает во мне никаких воспоминаний или ассо-

циаций. Пожалуйста, прошу вас, прекратите это. С меня достаточно.

Барнс немного подумал, затем нажал кнопку. Внутренние ставни сдвинулись, неторопливо скрыв от меня сидящего на железном стуле улыбающегося человека.

15

– Люси, – сказал Локвуд. – Остановись. Ты должна поговорить со мной.

– Нет. Нет, я правда не могу.

– Да не беги ты так. Я понимаю, почему ты злишься, но поверь, я не знал о том, что собирается сделать Барнс.

– Нет? А мог бы догадаться. Это благодаря той дурацкой статье теперь весь мир знает о моей сверхъестественной связи с Анни Вард. Меня считают главной фигурой в этом деле!

– Люси, прошу тебя... – Локвуд ухватил меня за рукав, заставив остановиться прямо посреди дороги. Мы находились в Мейфейр, примерно на полпути к нашему дому. Особняки, которыми была застроена эта часть города, примолкли, затаились за своими высокими заборами, едва просматриваясь в облаках окутавшего Лондон тумана.

Только что перевалило за полночь, вокруг ни души. Даже призраков и тех не было видно.

– Отпусти меня, – сказала я, выдергивая руку. – Из-за твоей статьи мне пришлось сегодня ночью оказаться лицом к лицу с убийцей, и не могу сказать, что мне это понравилось. Ты не видел его глаза, Локвуд. А я их видела. И почувствовала, что он тоже видит меня.

– Этого не может быть, – сказал Джордж. Он стоял, отвернувшись от нас, и внимательно следил за туманом, держа в

руках рапиру. За всю дорогу мы видели только одного Гостя – это была фигура, проплывшая в отдалении от нас среди деревьев по бульвару в Грин Парк, – но расслабляться было нельзя, потому что никогда не знаешь, что может ожидать тебя за ближайшим углом.

– Он не мог видеть тебя, – повторил Джордж. – Ты была за стеклом. Несомненно, он знал, что там кто-то есть, и просто хотел сбить их с толку, вот и все. Он блефовал.

– Ошибаешься, – спокойно ответила я. – Блейк знал, что за стеклом я. Он, как и все, читал ту статейку. Ему все известно о «Локвуд и Компания» и о том, что Люси «Карлайсл» добыла крайне важные доказательства его вины. Блейку ничего не стоило также узнать о том, где мы живем. Если Блейка освободят, ничто не помешает ему явиться по нашу душу.

– Блейк не станет преследовать нас, Люси, – покачал головой Локвуд.

– А если и станет, то очень, очень медленно, ковыляя на своей палочке, – заметил Джордж. – Ведь ему как-никак за семьдесят.

– Я имел в виду другое, – перебил его Локвуд. – Блейку должны предъявить обвинение в преднамеренном убийстве и упрятать за решетку, где ему самое место. И потом, что с того, что у него странные глаза? У Джорджа они тоже странные, но нам это не мешает.

– Ну спасибо, – сказал Джордж. – А я всегда считал, что

глаза – это самое красивое, что во мне есть.

– Они и вправду у тебя красивые, в том-то вся трагедия. Послушай, Люси, я понимаю, почему ты бесишься. Я тоже очень сердит. Барнс не имел права подвергать тебя такому испытанию помимо твоей воли. Это вполне в стиле ДЕПИК – они думают, что командуют всем и всеми. Но это не так. Во всяком случае, нам они не указ, – Локвуд говорил все это, сильно размахивая руками, стоя в густом тумане посреди дороги. – Посмотри вокруг. Время за полночь. Мы одни в пустом городе. Все остальные спят, укрывшись за железными дверями, развесив на окнах обереги. Все боятся и дрожат от страха, кроме тебя, меня и Джорджа. Только мы идем куда нам хочется, делаем то, что нам хочется, и не подчиняемся ни Барнсу, не ДЕПИК, ни кому другому. Мы абсолютно свободны.

Я повыше подняла воротник плаща. Слова Локвуда, как всегда, звучали очень убедительно. И вдруг я почувствовала, как хорошо идти вот так сквозь ночь с рапирой в руке рядом с верными друзьями. Раздражение, которое вызвал у меня визит в Скотланд-Ярд, понемногу проходило, мне становилось легче.

– Наверное, ты прав, – сказала я. – Ты действительно думаешь, что Блейка оставят под стражей?

– Разумеется, оставят.

– Между прочим, Люси, – сказал Джордж, – хочу тебя немного развеселить. Знаешь, кого я встретил, пока мы тебя

ждали? Квилла Киппса! Его группа несет ночные дежурства для ДЕПИК. У агентства «Фиттис» договор с ними. Так вот, сегодня ночью Киппса отправили осматривать городскую канализацию. Он со своей командой явно встретился там с какой-то мерзостью, только это был не Гость – ты понимаешь, о чем я? Если бы ты только видела Киппса! Весь был в дерьме – по самые уши!

Я не смогла сдержаться и хихикнула, но потом заметила:

– Однако какая-никакая, но работа у Киппса есть. А наш журнал пуст, в нем не осталось ни одного заказа.

– Лучше быть бедным, чем вонючим, – парировал Джордж.

– Пойдем, – сказал Локвуд, сжимая мне руку. – Не заботься о завтрашнем дне, он сам о себе позаботится. Глядишь, что-нибудь изменится к лучшему. А пока давай домой. Приготовим сэндвич с ореховым маслом...

– ...а еще я хочу какао и чипсов, – добавила я.

– Сделаем, – кивнул Джордж.

Пока мы шли остаток пути до дома, туман становился все гуще, свивался кольцами вокруг железных перил, окутывал призрак-лампы, приглушая собой их ослепительные лучи. Подошвы наших ботинок гулко стучали по мостовой, отражаясь странным эхом с другой стороны улицы, – иногда казалось, что там параллельно с нами движется еще одна группа из трех человек.

Призрак-лампа на Портленд-роу сломалась. У основания

ее головки потрескивали синие искорки, а линзы, вместо того чтобы испускать ослепительные белые лучи, тускло светились красным светом. Огни в окнах соседних домов были погашены, а сами окна закрыты ставнями и шторами. Когда мы подошли к своему дому, туман сгустился еще сильнее.

Локвуд шел впереди. Он уже протянул руку, чтобы открыть калитку, но вдруг замер на месте. Джордж и я от неожиданности не успели притормозить и ткнулись ему в спину.

– Джордж, – тихо сказал Локвуд, – ты последним из нас держал в руках кулон Анни Вард. Куда ты его положил?

– На полку, вместе с остальными трофеями. А что такое?

– Банка из серебряного стекла, в которой лежал кулон, была закрыта? Замок на ней был заперт?

– Конечно. А в чем...

– Я только что видел свет в окне нашего офиса.

Локвуд указал рукой на дом. Двор перед цокольным этажом утопал во тьме, которую по диагонали пересекал оранжевый луч уличного фонаря, горящего перед домом номер 37. Днем сквозь окно офиса можно рассмотреть мое рабочее кресло и вазу с цветами на столе. Сейчас окно было непроницаемо черным прямоугольником, словно нарисованным сажей на кирпичной стене.

– Я ничего не вижу, – шепнул Джордж.

– Свет мелькнул лишь на мгновение, – сказал Локвуд. – Я подумал, что это может быть отблеск потустороннего света,

однако... Вот, вот опять!

На этот раз свечение заметили мы все. Оно было слабым, мимолетным, отраженным от внутренней поверхности оконного стекла. Пораженные, мы застыли на месте.

– Это был луч фонарика, – сказал Джордж.

– Кто-то забрался к нам в дом, – кивнула я, чувствуя, как у меня по коже бегут мурашки.

– И этот или эти кто-то не боятся выходить из дома ночью, – заметил Локвуд. – Это означает, что они должны быть вооружены. Как минимум рапирами и магниевыми вспышками. Хорошо, давайте подумаем. Как они могли проникнуть внутрь?

Я, прищурившись, всмотрелась вдаль:

– Входная дверь, по-моему, в порядке.

– Хотите, я проверю заднюю дверь? – спросил Джордж. – Они могли войти в дом со стороны сада.

– Но если это не так, ты окажешься отрезанным от нас, – возразил Локвуд. – Нет, мы должны держаться все вместе. Войдем через переднюю дверь, как обычно... только тихо. Вперед.

Он скользнул вдоль ведущей к дому дорожке, беззвучно шагая по ее каменным плиткам. У порога Локвуд остановился, молча указал нам пальцем на небольшой скол на деревянном дверном косяке. Затем осторожно толкнул дверь, и она повернулась на петлях.

– Они взломали замок, – прошипел Джордж.

– Если они вошли через эту дверь, мы можем загнать их в ловушку там, внизу, – чуть слышно сказал Локвуд. – Итак, проверяем первый этаж, затем спускаемся по винтовой лестнице в цоколь. И чтобы ни звука.

– А как же верхние этажи?

– Слишком рискованно. На лестничной площадке очень скрипучие половицы. Кроме того, свет, который мы видели, ясно говорит, что они шарят на цокольном этаже. Рапиры к бою. Мы найдем их, загоним в угол и заставим сдаться.

– А если они не захотят сдаваться? – поинтересовалась я.

– Применим силу, – сверкнул зубами Локвуд.

* * *

В холле было темно. И тихо – из глубины дома не долетало ни звука. Мы немного постояли, прикрыв за собой дверь, подождали, пока наши глаза привыкнут к темноте. Со столика ухмылялась своим хрустальным черепом незажженная лампа. Смутным пятном выделялась на стене вешалка с висящей на ней одеждой. Локвуд указал рапирой на висящие в холле полки. На первый взгляд казалось, что на них ничего не изменилось, но, присмотревшись внимательнее, я заметила, что маски и тыквы слегка передвинуты со своего места – похоже, кто-то наспех пошарил по полкам. Впереди, сквозь открытую дверь кухни, можно было рассмотреть белое пятно нашей скатерти для размышлений. Я прислушалась, но

ничего не услышала. Я отметила, что при этом автоматически включила весь свой слух – и обычный, и внутренний, – словно мы были сейчас не в своем доме, а на задании.

Но нет, это был наш дом, и в нашем доме объявились непрошеные гости.

Локвуд молча указал кончиком рапиры налево и направо. Джордж юркнул влево, в гостиную, я – тихо, как тень, – зашла в библиотеку. С первой секунды я уже знала, что в библиотеке никого нет, однако до этого в ней кто-то успел побывать – на полу валялись сброшенные с полок книги и бумаги.

Я возвратилась в холл, где нас ждал Локвуд. Следом за мной появился Джордж, и его рапорт слово в слово совпал с моим.

– Никого. Но до этого там кто-то побывал. Искали что-то.

Локвуд молча кивнул. Мы осторожно двинулись в сторону кухни.

Побывали на кухне непрошеные гости или нет, сказать было сложно. Здесь у нас беспорядок царил всегда. На столе – остатки ланча, который у нас был перед тем, как мы отправились в сад с призраком повесившегося на иве мужчины, в раковине – гора грязной посуды. Знакомая картина – банки с железными опилками, стоящие на разделочном столе рядом с пакетами чипсов, небольшая кучка соляных бомбочек, которые заправлял здесь Джордж. Ни опилки, ни соляные бомбочки сейчас нам были не нужны – мы охотились не за нежитью, а за живой дичью.

Локвуд продвинулся к маленькой двери, ведущей в цокольный этаж. Поймал кончиком рапиры ее ручку, осторожно потянул, открывая дверь на себя. За дверным проемом стояли темнота и тишина, слабо угадывалась вершина винтовой лестницы. Снизу долетела волна теплого воздуха, пахнущего бумагой, чернилами и магнием. Лампы не горели, и включать их мы, разумеется, не стали. Снизу доносился слабый шорох, напоминавший ночную возню мышей.

Мы переглянулись, крепче сжали рукояти своих рапир, и Локвуд ступил ногой на верхнюю ступеньку лестницы, а затем быстро и бесшумно скользнул вниз. Мы с Джорджем отправились следом, едва касаясь подошвами лестничных ступенек. Несколько секунд – и все мы уже внизу.

Комната с голыми кирпичными стенами, в которой мы собрались, была пустой, если не считать шкафов с папками и стоявших у стены мешков с железными опилками. Царившую здесь темноту подчеркивал зеленоватый слабый свет, пробивавшийся сюда из-за расположенной справа арки. А из-за той арки, что была слева, доносилась та самая мышьяная возня. Оттуда же на мгновение блеснул луч фонарика – и тут же погас.

Двигаясь плавно, словно призраки, мы для начала заглянули в правую арку и увидели царящий за нею хаос. Перевернутые папки, раскрытые шкафы, море бумаг на полу. Кто-то снял покрывало со стоящей на столе Джорджа призрак-банки, стал виден лежащий в светящейся зеленоватой плазме

череп и кружащее над ним бесплотное лицо.

В фехтовальном зале было пусто, ведущая в хранилище дверь оставалась запертой. Неосмотренным оставалось последнее помещение, в котором хранились наши трофеи. Мы подкрались ближе. Там кто-то нетерпеливо рылся на полках – напоминавший мышиную возню звук стал намного отчетливее и громче.

Мы заглянули в арку.

Внутри комнаты для трофеев было не совсем темно, ее освещал слабый мерцающий потусторонний свет, который излучали стоящие на полках контейнеры из серебряного стекла. Некоторые из трофеев Локвуда – кости, например, или покрытые пятнами засохшей крови игральные карты – совершенно безопасны, их можно дать хоть младенцу, потому что они не обладают потусторонней силой. Но другие трофеи – это по-прежнему активные Источники, обладающие призрачной энергией, которая особенно ярко проявляется в ночные часы. В это время контейнеры с Источниками начинают светиться бледно-голубым, желтым, лиловым, зеленым, красноватым огнем. Зрелище очень красивое, но в то же время жутковатое, и долго любоваться им не стоит никому.

Однако сейчас кто-то рылся в этих Источниках.

Возле полок стояла, сгорбившись, чья-то фигура, одетая во все черное. Это был мужчина, широкоплечий, примерно на полголовы выше Локвуда, в длинном плаще с низко опу-

ценным, скрывающим лицо капюшоном. На поясе незнакомца поблескивала рапира. Он стоял, повернувшись к нам спиной, и в данную минуту изучал маленькую банку из серебряного стекла, которую держал в обтянутой черной перчаткой руке. Банку он подсвечивал вплотную поднесенным к ней фонариком – лучи света отражались от ее граненых стенок и падали на потолок.

Того, за чем он явился, наш гость еще не нашел. Повертев банку, он презрительно швырнул ее на пол.

– Может, вам чаю заварить, пока вы руетесь в моем доме? – вежливо спросил Локвуд.

Незнакомец резко обернулся. Локвуд включил свой фонарь и направил его луч в лицо грабителю.

Я невольно ахнула. Капюшон незнакомца торчал вперед словно клюв чудовищной птицы, под ним виднелось лицо, но оно было скрыто за белой маской. В маске были темные прорезы для глаз, еще одна прорезь была сделана ниже, для рта. Сами понимаете, сказать о внешности грабителя было нечего.

На секунду незнакомца ослепил луч фонаря – он поднял руку, прикрывая глаза от света.

– Это правильно, – сказал Локвуд. – Теперь давайте поднимайте вверх обе руки.

Рука незнакомца рванулась вниз, к висящей у него на поясе рапире.

– Вы один, нас трое, – предупредил Локвуд.

Свист стали. Незнакомец выхватил свое оружие.

– Как хотите, – сказал Локвуд. Он выхватил свою рапиру и медленно двинулся на незнакомца.

Мы стали действовать по плану С, самому очевидному в создавшейся ситуации. Обычно мы применяем этот план, имея дело с сильными призраками Второго типа, но для борьбы с живыми противниками он тоже хорош. Я стала заходить слева, Джордж справа. Локвуд наступал по центру. Вытащив рапиры, мы начали медленно окружать незнакомца, беря его в кольцо, которое начало сжиматься.

Нам казалось, что все идет по плану – но это только казалось. Незнакомца наши маневры, похоже, ничуть не озадачили. Он протянул левую руку к полке, схватил с нее первую попавшуюся, мерцающую голубым светом, банку и с силой швырнул ее под ноги Джорджу. Замок щелкнул, банка раскрылась, раздался треск, банка раскололась, и из нее вывалилась косточка фаланги пальца. Свечение тут же погасло, из банки вытекло маленькое облачко и превратилось в поднимающийся с пола бледно-голубой призрак. Это явление предстало в виде прихрамывающего бесформенного создания, одетого в призрачные рваные обноски. Призрак повертел головой, раскрыл свои объятия и по сложной кривой заковылял в направлении Джорджа.

Наблюдать за тем, что будет дальше, мне стало некогда, потому что незнакомец схватил с полки еще две банки и швырнул одну под ноги мне, вторую под ноги Локвуду. Бро-

шенная в Локвуда банка ударила об пол, подскочила, но не открылась. Моя банка разлетелась вдребезги, выбросив из себя женскую шпильку для волос, шесть струек желтой плазмы и жуткий, слышный только на парапсихологическом уровне, вой. Струйки плазмы стали перекатываться по полу, сплетаться друг с другом, затем свились в шнур, поднялись наподобие приготовившейся к броску кобры с нацеленной на меня головой.

Несколькими взмахами рапиры я разрубила шнур на куски. Часть кусков после этого просто исчезла, остальные снова свились в шнур и приготовились к новой атаке.

Зазвенела сталь. Локвуд и незнакомец яростно заработали своими рапирами. За моей спиной Джордж отбивался от своего хромого призрака. Он теснил его, кончиком своей рапиры выписывая в воздухе сложные узоры.

Гость, с которым столкнулась я, оказался слабым и осторожным. Пора было с ним кончать. Я протянула руку к своему поясу, нашарила мешочек с железными опилками. Распорола его кончиком рапиры и высыпала опилки на призрачный шнур. Последовала яркая вспышка, яркая вспышка огня. Плазменный шнур сморщился, сжался и превратился в дымящуюся лужицу на полу.

Рядом со мной продолжала звенеть сталь. Локвуд и незнакомец танцевали в центре комнаты, обмениваясь выпадами. Мужчина в маске оказался отличным фехтовальщиком – стремительно двигался, удары наносил сильные и точные,

однако пока Локвуд справлялся с ними без особого труда. Он буквально порхал, то наступая, то отступая, едва касаясь пола подошвами ботинок. Кончик рапиры Локвуда тоже порхал бабочкой, выписывая в воздухе сложные, неуловимые глазом узоры.

Джорджу надоело возиться со своим призрачным противником. Он выхватил из кармашка на поясе соляную бомбочку и швырнул ее, превратив хромоногий призрак в сноп ярких сапфировых искр. Вспышка соляной бомбочки отвлекла внимание Локвуда, он на секунду повернул в сторону голову. И этой секунды хватило, чтобы противник в маске направил удар своей рапиры ему в лицо. Достигни удар цели, Локвуд получил бы тяжелую рану, но в самый последний миг он успел увернуться, и лезвие просвистело рядом с его щекой.

Незнакомец потерял равновесие, по инерции пролетел вперед, а Локвуд слегка отступил в сторону и нанес короткий удар рапирой. Незнакомец вскрикнул, схватился левой рукой за грудь и, яростно размахивая зажатой в правой руке рапирой, заставил Локвуда слегка отступить, а затем проскочил мимо него и бросился к выходу. Наперерез незнакомцу рванулся Джордж, но в воздухе мелькнул обтянутый черной перчаткой кулак, мазнул Джорджа по лицу и заставил его со стоном отлететь к стене.

Незнакомец побежал в сторону винтовой лестницы, Локвуд за ним. Я перескочила через угасающие полосы желтой плазмы и бросилась вслед за ними, слепо тыча на бегу

своей рапирой. Незнакомец пролетел мимо лестницы и вбежал через арку в наш офис, с которого начиналась вся анфилада подвальных помещений. На секунду силуэт незнакомца обрисовался на фоне слабо освещенного с улицы окна, и я поняла, что наш непрошенный гость собирается сделать.

– Быстрее! – крикнула я. – Он хо...

Локвуд уже и сам все понял и на бегу выхватил из поясного кармашка банку с греческим огнем.

А незнакомец оказался уже возле моего стола, вскочил на него, присел, прикрыл лицо руками и, сильно оттолкнувшись, ядром пролетел сквозь окно, оставляя за собой водопад стеклянных осколков.

Локвуд выругался, швырнул вдогонку незнакомцу банку с греческим огнем. Она пролетела в разбитое окно и ударилась о каменное покрытие во дворе. Грохнуло. Вспыхнул на миг ослепительный серебристый свет. Пронеслась взрывная волна, от которой внутрь нашего офиса начали падать уцелевшие в раме остатки оконного стекла.

Стеклянные брызги полетели на стол, зазвенели вокруг призрака-банки – плавающее внутри нее лицо заморгало, испуганно вытаращив глаза. Весь пол нашего офиса был усыпан похожими на льдинки осколками.

Локвуд вспрыгнул на стол и застыл с обнаженной рапирой в руке. Я подбежала к столу и тоже застыла на месте. Мы оба поняли, что продолжать погоню бессмысленно. Слишком поздно. За разбитым окном во дворе догорал греческий

огонь – маленькие белые язычки пламени мерцали, отражаясь на поверхности разбитых цветочных горшков, искрами рождественских свечей танцевали, подмигивали на стеблях плюща. В сторону улицы с нашего двора тянулось облако черного дыма, на самой улице перекликались сигнализацией разбуженные взрывной волной автомобили. Но все это было уже неважно, – незнакомец скрылся. Медленно и беззвучно повернулась на смазанных петлях ведущая на улицу калитка. Затормозила. Замерла.

Локвуд прыгнул со стола на пол. В арке появилась еще одна фигура – прихрамывающий, держащийся рукой за щеку Джордж. Его разбитая нижняя губа кровоточила. Я ободряюще улыбнулась ему, Локвуд похлопал его по руке.

– Это было потрясающе, – неразборчиво промычал Джордж. – Надо почаще приглашать гостей.

Запас адреналина в моей крови резко иссяк. У меня закружилась голова, задрожали ноги, и, чтобы не упасть, я оперлась руками о стол. Впервые с того момента, как началась наша схватка с незнакомцем, но зато очень дружно напомнили о себе все порезы, ушибы и ссадины, которые я получила при падении во время пожара в доме на Шин-руд. Локвуд, похоже, переживал нечто подобное, поскольку сумел продеть лезвие рапиры в кожаную петельку на поясе лишь со второго или даже третьего раза.

– Джордж, – сказал он. – Кулон Аннабел Вард. Ты сказал, что положил его вместе с остальными трофеями. Можешь

сходить посмотреть, там ли он еще?

Джордж осторожно промокнул свою губу рукавом рубашки и ответил:

– Да чего ходить-то? Я и так могу сказать. Уже смотрел. Пропал он.

– Но ты уверен, что положил его на полку?

– Да, сегодня утром. Нет его там.

Мы немного помолчали, затем я спросила Локвуда:

– Думаешь, он приходил за ним?

– Очень может быть, – вздохнул Локвуд. – Во всяком случае, он его забрал.

– Нет, – сказала я, – не забрал.

С этими словами я оттянула воротник своей водолазки и показала висящую у меня на шее баночку из серебряного стекла с лежащим в ней ожерельем.

Нет, не думайте, у меня вовсе нет и никогда не было странной привычки тайно носить на себе связанные с призраками вещи. Поверьте, я не храню в своих носках зловещие и опасные предметы, как предположил Джордж, увидев на мне банку из серебряного стекла. Кулон был единственным и загадочным для меня самой исключением из правил.

Он попался мне на глаза вчера днем, когда мы уже собирались отправиться в сад с призраком удушенника на иве. Джордж действительно поставил банку с кулоном на полку рядом с остальными нашими трофеями. Он ярко поблескивал сквозь серебряное стекло. И тут, сама не знаю почему, я, вместо того чтобы как нормальный человек пройти мимо, взяла банку с кулоном, повесила себе на шею и пошла дальше.

Объяснить Локвуду и Джорджу, почему я так поступила, мне было сейчас очень сложно, особенно если учесть мое состояние после посещения Скотланд-Ярда и ночной схватки в цокольном этаже.

Так что все попытки объяснить происшествие с кулоном я оставила до следующего утра и начала разговор только после того, как мы закончили поздний завтрак.

– Мне просто хотелось иметь это ожерелье при себе, – сказала я. – Чтобы оно было у меня, а не лежало на полке вме-

сте с другими трофеями. Наверное, такое желание возникло из-за того, что случилось, когда я, изучая его, вступила в мысленную связь с Анни Вард. Ощущения, которые я тогда пережила, были ее ощущениями. Я чувствовала то же, что чувствовала она. На короткое время я сама стала Анни Вард. Поэтому...

– Тем-то и опасен твой Дар, – резко оборвал меня Локвуд. Сегодня с утра он был бледным, не в духе и сейчас хмуро сверлил меня взглядом. – Ты чересчур восприимчива, и это слишком сближает тебя с ними.

– Нет, ты не прав, – возразила я. – Я совсем не близка с Анни Вард. Не думаю, что она была такой уж белой и пушистой при жизни, а уж после смерти точно стала безжалостным и опасным призраком. Но благодаря своему Дару Осязания я смогла понять, через что ей довелось пройти, почувствовала ее боль, узнала, как важно для нее, чтобы здесь, на земле, свершилось правосудие. Я не хочу, чтобы люди забыли об Анни Вард. Ты же видел, что от нее осталось в том дымоходе, Локвуд! И ты знаешь, что это сделал Блейк. Так что когда я увидела, что кулон лежит рядом с другими трофеями, мне это показалось... Неправильным мне это показалось. Я подумала, что кулон еще рано класть рядом с другими трофеями. Вначале нужно довести это дело до конца, а преступника до тюрьмы, – я печально улыбнулась Локвуду и Джорджу и тихо добавила: – Только не говорите, что у меня... крыша поехала.

– Съехала, – уточнил Джордж.

– Тебе нужно быть осторожнее, Люси, – ровным холодным тоном сказал Локвуд. – Шутить со злыми духами опасно. У тебя снова появились секреты от нас с Джорджем. Этим ты всех нас ставишь под удар. В моей команде не должно быть, и не будет, никого, кому нельзя верить. Ты понимаешь, что я имею в виду?

О, это я прекрасно понимала и отвела взгляд в сторону.

– Однако, – слегка повеселевшим тоном продолжил он, – твой проступок неожиданно сыграл нам на руку. Не прихвати ты этот кулон, его наверняка бы украли.

Все это время Локвуд держал кулон в руке, и он весело блеснул в ярких лучах утреннего солнца. Мы стояли в цокольном этаже, рядом с открытой в сад дверью. В нее залетал прохладный ветерок, выдувая запах тления, оставшийся в доме уничтоженными прошлой ночью Гостями. Пол был усыпан битым стеклом и покрыт пятнами плазмы.

Джордж возился у полки, разбирая банки с трофеями. На нем был фартук с кружевными оборками, рукава рубашки закатаны по локоть.

– Больше ничего не свистнули, – сказал он. – И это очень странно, если считать его обычным воров, промышляющим для черного рынка. Правда, несколько экспонатов треснуло. Пиратская рука, например, или вот эта прелестная берцовая кость...

– Нет, – решительно покачал головой Локвуд. – Ему был

нужен кулон. Очень многое говорит об этом. Кому-то наш кулон необходим просто позарез.

– Да известно, кому он так необходим, – заметила я. – Гуго Блейку.

– А вот здесь возникает одна заковыка, – сказал Джордж. – Гуго Блейк находится под стражей.

– Так-то оно так, – согласился Локвуд, – но это не главное. Блейк человек богатый и легко мог организовать этот налет. Не самому же ему в семьдесят лет по окнам лазить! Но должен признаться, что не совсем понимаю, почему этот кулон представляет для него такую ценность. Ведь та латинская надпись не может быть доказательством его вины, правда? – он ненадолго задумался и добавил: – Если только...

– ...если только, – закончила за него я, – кулон не таит в себе другого ключа или секрета, и Блейк готов сделать все возможное, чтобы мы о нем не узнали.

– Точно. А теперь давайте еще раз хорошенько рассмотрим кулон при солнечном свете.

Мы все втроем вышли за дверь в наш маленький садик. Локвуд протянул перед нами раскрытую ладонь с лежащим на ней кулоном. На первый взгляд он казался точно таким же, как прежде: тот же овальный кулон – золотой, с жемчужными зернышками, слегка помятый и треснувший сбоку.

Стоп! Треснувший сбоку...

– Мы идиоты! – ахнула я. – Это же буквально бросается в глаза!

– Что ты хочешь этим сказать? – посмотрел на меня Локвуд.

– А то, что если кулон дал трещину, значит, он пустотелый. Он открывается! И мы можем посмотреть, что там внутри.

Я взяла кулон с ладони Локвуда, поддела ногтем трещину на боку кулона, легонько потянула вверх. Хотя кулон был слегка помят после того, как на него наступил Джордж, раздался тихий щелчок, и крышка кулона приподнялась, повернувшись на потайных петлях. Я раскрыла кулон, положила его себе на ладонь.

Поднимая крышку, я не знала, что именно увижу внутри кулона, хотя что-то увидеть, разумеется, ожидала.

Может быть, локон волос. Или фотографию. Люди любят вкладывать что-нибудь подобное в пустотелые медальоны. Для того, собственно, эти украшения и придуманы.

Итак, мы в три пары глаз уставились на раскрытое украшение.

Не было внутри у него никаких волос. И фотографии не было, или какой-нибудь памятной вещицы, или хотя бы туго сложенной записки. Не было ничего. И все же наш кулон был не пуст. Кое-что внутри него все-таки таилось.

Что именно? Не буду испытывать ваше терпение и сразу скажу: это была еще одна надпись, аккуратно вырезанная на внутренней стороне крышки.

– Вот он, – сказал Локвуд. – Потайной ключ. Вот что хотел скрыть от нас Блейк.

– Ну, с «А*В» все понятно, – сказала я. – «Аннабел Вард».

– А «Г.» в начале второй строчки – «Гуго», – выдохнул Джордж. – Гуго Блейк?

– Все это хорошо, но недостаточно, – нахмурился Локвуд. – Что означают эти цифры? Какая-то разновидность кода...

– Нам лучше отдать кулон в ДЕПИК, – неожиданно для самой себя сказала я. – Мы не должны держать его у себя. Это серьезное вещественное доказательство, которое должно увидеть полиция. А Блейк знает, что оно здесь, у нас.

– Вероятно, ты права, – сказал Локвуд. – Но это не значит, что я готов расколоться перед Барнсом. Я предпочитаю, чтобы мы сами разгадали эту головоломку. Пока... – Его перебил громко зазвонивший в нашем офисе телефон. – Может, у нас пока и выхода другого нет. Подойдешь к телефону, Джордж?

Джордж отправился отвечать на звонок. К тому времени, когда он возвратился, Локвуд вернул ожерелье в контейнер из серебряного стекла, а я начала подметать замусоренный пол.

– Только не говори, что это снова Барнс! – воскликнул

Локвуд, глядя на Джорджа.

– Нет, – странным тоном ответил Джордж. – Это не Барнс. Это... новый клиент.

– Наверное, какая-нибудь пожилая леди с призраком кошки на дереве?

– Не совсем. Люси, бросай подметать здесь и иди лучше приберись наверху, в гостиной. К нам с минуты на минуту придет мистер Джон Фейрфакс, глава «Фейрфакс Айрон».

Принято считать, что обрушившаяся на Британские острова Проблема оказала пагубное влияние на экономику. Мертвецы, возвращающиеся, чтобы не давать покоя живым, призрачные явления после заката – эти и подобные им вещи, разумеется, не могли остаться без последствий. Упали и моральный дух в обществе, и объемы производства. Никто больше не хотел работать в ночную смену. Зимой рабочий день заканчивался вскоре после полудня, то есть едва начавшись. Однако некоторые компании процветали, поскольку производили товары, ставшие жизненно необходимыми именно с появлением Проблемы. Одной из таких компаний была «Фейрфакс Айрон».

Бывшая еще до начала экономического кризиса одним из крупнейших производителей железных изделий, «Фейрфакс Айрон» немедленно наладила производство печатей, железных опилок и цепей – вначале для агентств «Фиттис» и «Ротвелл». По мере ухудшения ситуации с Проблемой именно «Фейрфакс Айрон» получила огромный государствен-

ный заказ, когда правительство приняло решение о массовом производстве призраков-ламп.

Одного этого хватило для того, чтобы компания получила колоссальные прибыли. Но, разумеется, были и другие источники доходов. Видели, конечно, тех уродливых железных гномов, что торчат сейчас в садике практически перед каждым домом? А безвкусовые подвески «Ваша защита»? А маленькие пластиковые браслетки с приторно улыбающимися железными рожицами, которые надевают на ручку новорожденным, прежде чем выписать из больницы? Все это продукция «Фейрфакс Айрон», так-то вот.

Глава компании Джон Вильям Фейрфакс по праву считался одним из самых богатых людей во всей стране наравне с «серебряными» баронами, наследниками Мариссы Фиттис и Тома Ротвелла, и владельцами огромных лавандовых полей в графстве Линкольншир. Джон Фейрфакс жил где-то в Лондоне, и ему достаточно было щелкнуть пальцами, чтобы на его зов на цыпочках прибежал любой министр или правительственный чиновник.

А сейчас он собственной персоной направлялся сюда, к нам.

Можете поверить, я еще никогда не прибиралась в нашей гостиной с такой скоростью, как перед приездом Фейрфакса.

Спустя несколько минут с улицы донеслось мягкое урчание мощного мотора. Я выглянула в окно и увидела, как рядом с нашей калиткой паркуется громадный сверкающий

«Роллс-Ройс». Казалось, что наша улица слишком мала этому киту с полированными посеребренными решетками на окнах, бегущими вдоль бортов серебряными молдингами, со сверкающей на зимнем солнце небольшой серебряной фигуркой на радиаторе.

Из машины вышел шофер в отличном форменном сером костюме, обогнул машину и открыл заднюю дверцу. Я отскочила от окна назад в гостиную, где Локвуд бешено взбивал подушки на креслах, а Джордж выметал из-под дивана хлебные крошки.

– Он здесь, – почему-то шепотом объявила я.

Локвуд глубоко вдохнул и сказал:

– Хорошо. Теперь давайте все вместе постараемся произвести на него хорошее впечатление.

Когда мистер Джон Фейрфакс вошел в нашу гостиную, мы встали, хотя это мало что изменило – настолько высоким оказался этот худощавый старик. Он возвышался надо мной, над Локвудом, а Джордж вообще просто затерялся в его тени. Несмотря на свои семьдесят, или восемьдесят, или сколько там ему было лет, мистер Фейрфакс выглядел внушительно и солидно, словно готовое к спуску со стапелей Саутгемптонских доков судно. Правда, руки у него были очень худыми, усохшими, на них свободно болтались рукава длинного шелкового пиджака. Ноги у железного короля тоже были слабыми и дрожали, когда он шел, опираясь на свою трость. По

первому моему впечатлению, в мистере Фейрфаксе странным образом переплетались сила и слабость. Но в любом случае такого человека, как он, невозможно было не заметить и не выделить даже в переполненном людьми зале.

– Доброе утро, сэр, – сказал Локвуд. – Это Люси Карлайл, моя компаньонка.

– Очень рад, – голос у мистера Фейрфакса оказался глубоким и низким, протянутая мне рука – широкой и теплой. С высоты мне величественно кивнула большая лысая голова, покрытая коричневыми пигментными пятнами. У нашего гостя был крючковатый нос, блестящие темно-карие глаза, тяжелые и низко посаженные брови. Когда мистер Фейрфакс улыбнулся (честно говоря, это была не улыбка, а скорее некий знак, официально подтверждающий мое существование), я увидела, что его зубы покрыты слоем серебра. Короче говоря, это было лицо человека властного, волевого и привыкшего командовать людьми.

– Очень приятно познакомиться, – пролепетала я.

Мы уселись. Наш гость удобнее устроился в кресле, пригнул к одному своему громадному согнутому колену трость – разумеется, роскошную, из красного дерева, с железным набалдашником в виде собачьей головы. Мاستиффа или бульдога – я в них не очень разбираюсь. Пристроив трость, он обхватил пальцами подлокотники кресла и откинулся на его спинку.

– Для меня большая честь видеть вас в своем доме, сэр, –

сказал Локвуд. – Не желаете ли чаю?

Мистер Фейрфакс согласно наклонил голову и пророкотал:

– «Питкинс Брекфаст», если у вас такой есть. И скажите своему рассыльному, чтобы не забыл захватить сахар.

– Моему рассыльному? Э... да. Давай, Джордж. Принеси чай на всех. И сахар не забудь.

Джордж, так и не успевший снять фартук, повернулся и с ничего не выражающим лицом покинул комнату.

– А теперь, мистер Локвуд, – сказал Джон Фейрфакс, – давайте к делу. Наверняка вы гадаете, что заставило меня приехать к вам сегодня с утра. Не стану тянуть. Речь идет о призраках, которые в последнее время причиняют мне немало беспокойства. Если сможете мне помочь с этим делом, я хорошо вам заплачу.

– Понимаю, сэр, – медленно кивнул Локвуд. – Будем рады сделать для вас все, что в наших силах.

Наш посетитель бегло окинул взглядом нашу гостиную и заметил:

– У вас уютный дом. И превосходная коллекция амулетов против злых духов. Новая Гвинея, если не ошибаюсь? Как идет ваш бизнес?

– Сносно, сэр.

– Вы лжете как политик, мистер Локвуд, – сказал мистер Фейрфакс. – Говорите гладко и уклончиво. Моя мать, упокой Господь ее душу и не дай ей одной идти посреди ночи,

учила меня всегда говорить прямо и честно. Ее совету я следую всю жизнь. Так что будет лучше, если мы будем откровенными друг с другом. Ваш бизнес, – тут наш гость хлопнул себя по колену ладонью, – ваш бизнес идет из рук вон плохо! Вы что, думаете, я газет не читаю? Знаю, что у вас финансовые затруднения и что они особенно усилились после того, как вы сожгли дом где-то на окраине. Вам припаяли за него большой штраф.

У Локвуда едва заметно дрогнула щека, и это было единственным, что как-то выдало его раздражение.

– Вы правы, сэр, – сказал он. – Как раз сейчас я занимаюсь поиском денег. Впрочем, у нас огромное количество выгодных заказов, так что собрать необходимую сумму не составит особого труда.

– Снова врите, мистер Локвуд! Я связывался с ДЕПИК и читал ваши последние отчеты. Знаю, что представляют собой эти ваши «выгодные заказы»! Серые Дымки! Холодные Девы! Лепечущий Туман! Самые слабые и скучные из всех призраков Первого типа. Что можно выручить за такие заказы? Сущие гроши, не больше. Удивляюсь, как это вы умудряетесь еще платить жалованье мисс Карлайл.

Очень дельное замечание, между прочим. Я уже больше месяца не получала жалованья.

– Могу я спросить, почему вы решили обратиться со своим делом именно к нам, сэр? – ловко ушел от разговора о моем жалованье Локвуд. – В Лондоне много других агентств.

– Действительно много, – Фейрфакс приподнял свои густые, растущие пучками брови, внимательно изучая нас с Локвудом темными бусинками глаз. – Но так получилось, что мое внимание привлекла статья именно о вашем недавнем расследовании. На меня произвело впечатление то, что вы не только нашли тело... – он слегка замялся. – Как звали ту девушку?

– Анни Вард, сэр.

– Да, Анни Вард, но и установили ее личность. Мне нравится такой подход к делу, нравится ваше внимание к деталям. А еще мне нравится ваша молодость и независимость мышления. – Старик наклонился вперед, опираясь на свою трость. Выражение его лица сделалось более решительным и страстным. – Знаете, мистер Локвуд, я тоже начинал как аутсайдер. Тяжело пробивался в жизни, когда был молодым. Сражался против крупных компаний, знал трудные времена... Я понимаю ту страсть, которая движет вами каждый день! И, между прочим, не имею ни малейшего желания платить деньги «Фиттис» или «Ротвеллу». Они и без того достаточно богаты. Нет, я хочу именно вам предоставить возможность, о которой вы и не мечтали, хочу посмотреть, справитесь ли вы с новой, еще более опасной, чем та, о которой писали, головоломкой... А, вот и ваш рассыльный.

Да, это возвратился Джордж. В руках у него был поднос, а на подносе чашки, которых я никогда прежде не видела – из тончайшего китайского белого фарфора с крошечными ро-

зовыми цветочками. Они такие хрупкие, эти чашки, что их с опаской подносишь к губам своей неуклюжей рукой. Правда, эффект, произведенный этими изящными чашками, был слегка подпорчен соседством с совсем не элегантной глубокой тарелкой с наваленной на нее горой жирных пончиков с джемом.

– Спасибо, Джордж, – сказал Локвуд. – Ставь сюда.

Джордж поставил поднос на стол, разлил чай по чашкам и вежливо предложил всем пончики. Когда все от них отказались, Джордж выбрал самый большой пончик, вытащил его с самого низа, придерживая пальцами все верхние пончики, плюхнул свою добычу на пустую тарелку и с удовлетворенным вздохом уселся на диван рядом со мной.

– Подвинься, – сказал он. – Ну, я пропустил что-нибудь важное или еще нет?

– Мистер Локвуд, – сказал наш посетитель, поднимая брови. – У нас с вами важный разговор. Вашему рассыльному лучше подождать за дверью.

– Э-э, видите ли, это не рассыльный, сэр. Это Джордж Каббинс, он тоже мой компаньон.

Мистер Фейрфакс оценивающе посмотрел на Джорджа, который в этот момент слизывал джем со своих пальцев, и сказал:

– Вот как... Ну хорошо, в таком случае не будем больше откладывать. – Он залез рукой во внутренний карман своего пиджака и порылся в нем. – Взгляните вот на это.

Он бросил на стол мятую фотографию.

Дом. Точнее, не просто дом, а особняк, стоящий посреди большого земельного участка. Фотография сделана с дальнего расстояния – перед ним видна широкая аккуратно подстриженная лужайка. По краям лужайки растут ивы, между ними разбиты цветочные клумбы, имеется даже что-то похожее на озерцо, но главным на снимке остается дом – тяжелая темная глыба высотой в несколько этажей. Можно рассмотреть колонны, изогнутый пролет ступеней крыльца, узкие, расположенные на разном расстоянии друг от друга окна. Точно определить возраст дома и стиль его архитектуры довольно сложно.

Судя по тому, что солнце находится где-то позади дома и по лужайке навстречу объективу камеры черными пальцами тянутся тени старинных дымоходов, фотография сделана либо очень рано утром, либо поздно вечером.

– Кум Кери Холл, – сказал Фейрфакс, со вкусом раскатывая на языке каждый звук. – В Беркшире, на запад от Лондона. Слышали о нем?

Мы покачали головами. О поместье Кум Кери Холл не слышал никто из нас.

– Да, поместье Кум Кери Холл не слишком широко известно, но вместе с тем это самое зараженное призраками частное владение во всей Англии. И, судя по всему, эти призраки смертельно опасны. В результате их явления умерли четверо предыдущих владельцев поместья. Это не считая

многочисленных слуг, гостей и других людей, которые были напуганы до смерти, погибли от прикосновения призрака или еще по какой-либо причине нашли свой конец в этом доме или его окрестностях... – здесь мистер Фейрфакс сухо хохотнул. – Короче говоря, список впечатляющий. Лет тридцать назад после одной из таких скандальных смертей особняк заколотили и бросили, и так он простоял до самого недавнего времени, когда его владельцем стал я.

– Вы там живете, сэр? – спросила я.

Лысая голова качнулась в мою сторону:

– Видите ли, мисс, это не единственное мое владение. Время от времени я просто заезжаю в Холл. Особняк очень старый. Изначально это был небольшой монастырь, основанный монахами одного из местных аббатств. К этому периоду относится кладка в центре Западного крыла. Позже здание последовательно переходило из рук в руки нескольких местных лордов, которые восстанавливали и перестраивали бывший монастырь. Современный вид особняк приобрел в начале восемнадцатого века. В результате перестроек архитектура дома стала весьма пестрой и причудливой. Появились проходы, упирающиеся в тупик или замкнутые кольцом, имеются странные перепады уровней... При этом дом всегда пользовался дурной славой, истории о появлявшихся в нем призраках уходят в глубь веков. Короче говоря, это одно из тех мест, где появления призраков наблюдаются практически всегда, и начались эти визиты еще до возникнове-

ния Проблемы. Говорят, что...

– Кто это здесь в окне? – неожиданно спросил Джордж. Пока наш гость говорил, Джордж внимательно изучал фотографию сквозь свои очки с толстыми линзами. Теперь он поднял ее и указал своим пухлым пальцем на фасадную стену дома. Мы с Локвудом склонились над снимком. Выше и слева от навеса над крыльцом виднелся черный треугольник узкого окна, а внутри этого треугольника – бледное, размытое, едва заметное пятнышко.

– О, вы заметили это? Bravo! – сказал Фейрфакс. – Действительно похоже на фигуру, верно? Но весь фокус в том, что эта фотография была сделана за пару месяцев до того, как я купил Холл. Дом был заперт и заколочен. В нем не было ни одной живой души.

Он отхлебнул глоток чая, его темные глаза загорелись. Я вновь отметила в поведении Фейрфакса радостное возбуждение – можно было подумать, что это размытое пятнышко и вытекающие из этого умозаключения доставляют ему огромное удовольствие.

– В какое время суток была сделана фотография? – спросила я.

– Под вечер. Как вы можете заметить, солнце садится.

Все это время по лицу Локвуда было видно, что он с трудом сдерживает волнение. Он сидел сгорбившись, опираясь о колени острыми локтями, сжав ладони, переплетя пальцы.

– Вы собирались рассказать нам кое-что о наблюдающих-

ся в поместье феноменах, – сказал Локвуд. – О манифестациях призраков, я имел в виду.

Мистер Фейрфакс поставил на стол чашку, со вздохом откинулся на спинку кресла, положил одну руку на серебряный набалдашник своей трости, а другой принялся жестикулировать по ходу своего рассказа.

– Я старый человек. Я не могу сам видеть явления и, как правило, никак их не ощущаю. Но даже я чувствую зловещую атмосферу, которая царит в этом доме. Я начинаю чувствовать во рту ее кислый вкус, как только вхожу в дверь. В этом доме очень мерзкая атмосфера, мистер Локвуд, очень вредная. Она угнетает, действует на нервы, изматывает душу. Что касается конкретных примеров... – Он слегка переменил позу, словно перераспределяя вес своего тела, давящий на его кости. – Что ж, историй, связанных с Холлом, довольно много. Вам стоит поговорить со сторожем, Бертом Старкинзом, он, по-моему, знает их все. Ну, а две самые известные во всей округе истории – ключевые явления призраков, если вам угодно – связаны с Красной комнатой и Кричащей лестницей.

Наступило глубокое молчание, внезапно прерванное ужасно громким бурчанием, донесшимся из живота Джорджа. Штукатурка от этого звука с потолка не осыпалась, но, пожалуй, была близка к этому.

– Прошу прощения, – непринужденным тоном сказал он. – Проголодался. Пожалуй, возьму еще один пончик, если

вы не возражаете.

Возражать никто не стал, и Джордж потянулся к тарелке.

– Красная комната? – переспросила я.

– Кричащая лестница? – наклонился вперед в своем кресле Локвуд. – Об этом поподробнее, если можно, мистер Фейрфакс.

– Мне очень приятно видеть, что вы проявляете такой интерес к моему делу, – сказал наш гость. – Это подтверждает мое сложившееся о вас высокое мнение. Ну что ж, Красная комната – это спальня на втором этаже в Западном крыле дома. Во всяком случае, когда-то ее действительно использовали как спальню, но давно перестали. Сейчас эта комната совершенно пуста. Это одно из тех мест в доме, где присутствие потусторонних сил ощущается больше всего. Притом они настолько могущественны, что приносят смерть любому, кто рискнет сюда зайти. Предание гласит, что еще никто не смог провести в Красной комнате ночь и выйти из нее наутро живым.

– А вы бывали в этой комнате, сэр? – спросил Локвуд.

– Заглядывал. При свете дня, разумеется.

– И атмосфера...

– Атмосфера в Красной комнате тяжелая, мистер Локвуд. Тяжелая и зловещая, – Фейрфакс откинул голову назад и посмотрел на нас сверху вниз, гордо поводя своим огромным носом-клювом. – И у меня есть веская причина верить в присутствие в Красной комнате ужасной потусторонней силы.

Что за причина? Очень скоро я расскажу об этом. А пока перейдем к Кричащей лестнице – это еще более таинственная история, чем с Красной комнатой. Кричащая лестница поднимается вверх, поворачивая от Длинной галереи на первом этаже до лестничной площадки второго этажа. Лестница каменная, очень древняя. Лично у меня, когда я поднимался по ней, никаких пугающих или неприятных ощущений не возникало, и я не знаю никого, кто на них мог бы пожаловаться. Однако легенда гласит, что когда-то, давным-давно, на этой лестнице случилось нечто ужасное и души погибших во время этого происшествия остались заключенными в каменных ступенях. Время от времени, когда сила этих Гостей прибывает – а это, как утверждают, случается, когда призраки чувствуют присутствие новой жертвы, – на лестнице можно услышать ужасные завывания. Эти звуки издают сами ступени.

– То есть кричит сама лестница? – негромко переспросил Локвуд.

– Очевидно. Сам я никогда этого не слышал.

– А Красная комната... – Джордж как раз приканчивал второй (или уже третий?) пончик. Он дожевал его, проглотил и только потом продолжил: – Вы говорили, что она на втором этаже. Может она быть на том же уровне, что и окно с размытой фигурой на этой фотографии?

– Да... Полагаю, окно и Красная комната находятся примерно на этом самом месте. Простите, вы могли бы не сыпать

сахар на фотографию? Она у меня одна, копии нет.

– Прошу прощения.

– Потрясающе, – сказал Локвуд. – Из того, что вы рассказали, сэр, следует, что в доме не один Гость. И не один Источник. Проще говоря, там имеется целый кластер призраков. Вы верите, что так оно и есть?

– Конечно, – ответил Фейрфакс. – Я сам ощущал их присутствие.

– Ну а с чего началась вся эта история? В прошлом должно было произойти какое-то ключевое событие, которое запустило всю цепочку... Для этого требуется найти ответ на вопрос, кто был самым первым Гостем в этом доме, – Локвуд задумчиво постучал кончиками пальцев правой руки по кончикам пальцев левой. – Дом сейчас пустует?

– В Западном крыле совершенно точно никого нет, поскольку это самое опасное место. За домом много лет присматривает некто Старкинз. Теперь он служит у меня и живет в сторожке за домом.

– А где останавливаетесь вы, сэр, когда навещаете свое поместье?

– У меня есть апартаменты в Восточном крыле, оно было построено относительно недавно. Там имеется отдельный вход, а сами апартаменты изолированы от остальной части здания установленными на каждом этаже железными дверями. Эти двери делались по моему личному заказу, из самых лучших материалов, по самой новейшей технологии. За та-

кими дверями я могу спать спокойно, – Фейрфакс окинул всех нас по очереди внимательным взглядом и продолжил: – Я ни в коей мере не трус, но ни за какие коврижки не соглашусь провести ночь один в старом крыле Кум Кери Холла. Однако, – прибавил он, любовно поглаживая голову серебряного бульдога (или все-таки мастиффа?), – именно этого я жду от вас.

Мое сердце дрогнуло. Я машинально расправила на коленях юбку, но за исключением этого продолжала сидеть неподвижно. Глаза Локвуда сверкали. Лицо Джорджа, по обыкновению, ничего не выражало. Он медленно снял очки и принялся меланхолично протирать их краем своего джемпера. Все мы ждали.

– Вы не первые, кто попытается это сделать, – продолжил Фейрфакс. – Те же вопросы, которые мы обсуждали с вами, мистер Локвуд, волновали и предыдущего владельца имения. Тридцать лет назад он решил провести в своем доме расследование и нанял для этого небольшую команду из агентства «Фиттис» – юношу, девушку и взрослого инспектора – для сбора первоначальных сведений. Они согласились провести ночь в доме, сосредоточив свое внимание на так называемой Красной комнате. Агенты строго выполняли все стандартные правила: оставили незапертой входную дверь, обеспечив путь к отступлению, провели в Красную комнату кабель и установили в ней телефон, напрямую соединенный с телефоном в сторожке Берта Старкинза.

Предполагалось, что это позволит агентам в любой момент позвать на помощь. Сами агенты были очень опытными оперативниками. Бывший владелец дома покинул их на закате. Спустя несколько часов собиравшийся ложиться спать Старкинз заметил свет фонарика, постоянно метавшегося в окнах на верхних этажах дома. Около полуночи в сторожке смотрителя зазвонил телефон. Старкинз снял трубку. Это был взрослый инспектор. Он сказал, что они наблюдали ряд очень странных феноменов, а звонит он только для того, чтобы проверить связь. В целом у них все в порядке. Инспектор разговаривал со Старкинзом очень спокойным, ровным голосом. Повесив трубку, Старкинз улегся в кровать. До утра телефон больше не звонил. Утром Старкинз вместе с бывшим владельцем дома подошли к крыльцу, но агенты «Фитис» все не появлялись. В семь тридцать утра владелец дома и смотритель вошли внутрь. Внутри Холла царил тишина. На крики вошедших никто не отзывался. Куда им идти, Старкинз и владелец дома, разумеется, знали. Открыв дверь в Красную комнату, они увидели тело взрослого инспектора. Он лежал лицом вниз рядом с телефоном. Инспектор был мертв – судя по всему, к нему притронулся призрак. Девушку обнаружили возле дальней стены комнаты, где она, скорчившись, сидела рядом с окном. Я сказал скорчившись. Она действительно так туго свилась в клубок, что Старкинз с владельцем дома никак не могли разогнуть ее, чтобы взглянуть ей в лицо и пощупать пульс. Впрочем, делать это уже не было

никакой надобности – девушка была мертва и успела окоченеть. К сожалению, что случилось с юношей, сказать не могу.

– То есть они не смогли понять, от чего он умер? – спросил Джордж.

– Нет, они просто так и не смогли его найти.

– Прошу прощения, сэр, – сказал Локвуд. – Хочу уточнить. Когда тот инспектор позвонил ночью по телефону, он не сказал, с какими именно феноменами столкнулась их группа?

– Нет, не сказал, – мистер Фейрфакс вытащил из жилетного кармана часы и мельком взглянул на циферблат. – Время поджимает. Через пятнадцать минут я должен быть в Пимлико. Подведем итог. Как я уже говорил, ваше агентство привлекло мое внимание, я поражен и заинтригован вашими способностями. Итак, мое предложение. Я готов оплатить все ваши счета, связанные с пожаром на Шин-роуд. Дело будет закрыто, и у ДЕПИК не будет оснований ликвидировать ваше агентство или пускать его с молотка. Нужную для этого сумму – шестьдесят тысяч фунтов – вы получите, приступив к расследованию. Я переведу ее на ваш счет, как только вы прибудете в Холл. Если вам удастся раскрыть тайны старинного дома и обнаружить находящийся внутри него Источник, получите от меня очень солидное дополнительное вознаграждение. Какова ваша обычная цена?

Локвуд назвал цифру.

– Я заплачу вдвое больше, потому что Кум Кери Холл так

просто не возьмешь, – мистер Фейрфакс оперся руками на собачью голову и приготовился подняться на ноги. – И еще: я не привык надолго откладывать то, что задумал. Я хочу, чтобы вы прибыли в Холл через два дня.

– Два дня? – переспросил Джордж. – Но нам требуется время, чтобы...

– Запомните раз и навсегда, молодой человек, – мои предложения не обсуждаются, – сказал Фейрфакс. – И вы находитесь совсем не в том положении, чтобы выдвигать свои условия. Теперь выслушайте еще ряд моих требований. Вам запрещается брать с собой в Холл горючие и взрывчатые вещества – в доме слишком много старинной бесценной мебели. Не подумайте, что я не доверяю вам, но, простите, – сверкнул он своей серебряной улыбкой, – мне не хочется, чтобы мое имение сгорело в огне.

Скрипнуло кресло. Фейрфакс поднялся, похожий на своих тоненьких ножках на какое-то фантастическое насекомое.

– Очень хорошо, – улыбнулся он. – Я, разумеется, не жду, что немедленно получу ответ, принимаете вы мое предложение или нет. Но к концу дня дайте мне знать о своем решении. Телефон моего секретаря вы найдете вот на этой визитной карточке.

Я откинулась на спинку дивана, выдохнула воздух из надутых щек. Это он прав насчет того, что нам нужно подумать. Хорошенько подумать. Совершенно очевидно, что

агенты «Фиттис» были не просто профессионалами – они были мастерами своего дела. И все трое погибли в одну ночь в Кум Кери Холле! Пойти следом за ними, не имея достаточно времени на подготовку, граничило, на мой взгляд, с безумием. Красная комната? Кричащая лестница? Да, деньги, которые предложил нам Фейрфакс, спасут наше агентство, но что это даст, если при этом погибнем мы сами? Ох, мы должны это все очень тщательно обсудить!

– Благодарю вас, сэра, – сказал Локвуд, – но я готов дать вам ответ немедленно, прямо сейчас. Да, мы беремся расследовать ваш случай, – он встал и протянул Фейрфаксу руку. – Постараемся собраться как можно скорее и прибыть в Холл... Ну, скажем, в воскресенье в полдень, договорились?

Часть 4. Холл

17

Скажу честно, на протяжении всех месяцев, что я работала в агентстве Локвуда, мы с Джорджем не переставали спорить и ругаться друг с другом. Мы вступали в перебранку и по серьезным поводам (когда один из нас засыпал другому лицо солью или едва не снес скальп неловким взмахом рапиры), и по пустякам (чья очередь стирать белье, прибираться на кухне или из-за дурацкой привычки Джорджа оставлять свою любимую призрак-банку где попало, например за дверью туалета). Мы цапались с ним буквально из-за всего и всегда. И каким бы ни был вопрос, наше с Джорджем мнение по нему практически никогда не совпадало.

Но сегодня, после ухода Фейрфакса, имело место быть редкое исключение.

Не успел «Роллс-Ройс» железного короля скрыться за углом, как мы с Джорджем дружно набросились на Локвуда, ругая его за то, что он дал согласие заняться делом Фейрфакса, не спросив нас.

Я напомнила Локвуду о дурной репутации Холла. Джордж горячо убеждал его в том, что прежде всего нужно досконально изучить историю поместья, а для этого потребует-

ся минимум неделя, а вообще-то лучше месяц. Соваться в Холл, не проведя предварительно такого расследования, равносильно самоубийству.

Локвуд выслушал нас с невозмутимым видом, а затем сказал:

– Вы закончили? Отлично. Теперь послушайте, что скажу я. Во-первых: совершенно очевидно, что дело Фейрфакса – единственный реальный шанс спасти от ликвидации наше агентство. Успешно справившись с этим расследованием, мы сможем заплатить Хоупам, и ДЕПИК будет вынужден от нас отстать. Другой такой возможности у нас нет и не предвидится. Во-вторых: я глава агентства, поэтому все будет так, как я скажу. И, наконец, в-третьих: разве вас самих не заинтересовало предложенное Фейрфаксом задание? Кричащая лестница. Красная комната. Очнитесь! Наконец-то представилось дело под стать нашим с вами талантам. Или вы хотите всю оставшуюся жизнь гонять сонные Тени на окраинах Лондона? Нам предложили великолепное, роскошное дело, и было бы преступлением отказаться от него.

Надо признать, что на этот раз доводы Локвуда нас с Джорджем не слишком убедили. Особенно «во-вторых». Джордж раздраженно протер свои очки краем джемпера и сказал:

– Настоящее преступление – это чудовищные условия Фейрфакса. Идти против кластера призраков без магниевых вспышек! Это же безумие чистой воды, Локвуд!

– А что? По-моему, очень даже интересное условие, – ответил Локвуд, потягиваясь на диване с закинутыми за голову руками.

– Интересное?! – крикнула я. – Возмутительное!

– Этот Фейрфакс настоящий псих, – сказал Джордж. – Любому нормальному человеку ясно, что если тот дом хоть наполовину так же опасен, как про него говорят, то сунуться в него без должной подготовки и экипировки может только самоубийца или сумасшедший.

– Конечно, – кивнула я. – Кто же выходит против призраков Второго типа без банок с греческим огнем?

– Правильно! А этих призраков там, судя по всему, как слонов в Африке...

– И не простых, а смертельно опасных...

– А нам совершенно не дали времени на то, чтобы порыться...

– ...в архивах, – закончил за Джорджа Локвуд. – Да, мне все это известно, и перестаньте кричать. У меня от вас уже уши болят. Разорались, как торговки на рынке. Теперь заткнитесь и послушайте меня. Да, Фейрфакс странный старик, с прибабахом, но он наш клиент, и мы обязаны выполнять все его пожелания. У нас остаются наши рапиры, верно? И цепи тоже. Так что в тот дом мы пойдём не совсем безоружными... Ну что ты снова так на меня смотришь, Люси?

– Смотрю, потому что не верю, что ты это все серьезно.

– Ошибаешься – серьезней некуда. Да, мы отправляемся в

Кум Кери Холл и собираемся подвергнуть свои жизни опасности. Но разве рисковать – это не наша профессия? – улыбнулся он.

– Риск риску рознь, – хмуро пробурчал Джордж. – Одно дело рисковать, когда ты хорошо экипирован, и другое... Кстати, я не верю словам Фейрфакса о том, почему он выбрал нас. В Лондоне минимум полтора десятка агентств крупнее и успешнее, чем «Локвуд и Компания». Странно, почему тебя самого не удивило, что Фейрфакс обратился именно к нам.

– Вовсе не удивило, – покачал головой Локвуд. – Только порадовало. Просто замечательно, что он выбрал нас, и мы должны на все сто использовать представившуюся нам возможность отличиться. А теперь, если это все...

– Не все, – сказала я. – Не совсем все. А как же Гуго Блейк и кулон? Может, у тебя это уже выскочило из головы от радости, но меньше чем двадцать часов назад наш дом пытались ограбить. Что с этим будем делать?

– Я не забыл про Блейка, – ответил Локвуд. – Но главное для нас на данный момент – дело, которое предложил Фейрфакс. И на подготовку к нему у нас всего сорок восемь часов. Блейк пока под стражей, необходимости нести кулон Барнсу я не вижу. И не скрою, мне очень хочется самому разгадать этот код. Будет о чем рассказать газетчикам наряду, как я надеюсь, с деталями триумфальной операции, которая нам предстоит в Кум Кери Холле. – Я попыталась перебить его,

но он остановил меня жестом руки: – Нет, Люси, еще раз они к нам в дом пока не сунутся, знают, что мы начеку. А твоя подружка Анни Вард... Что ж, она ждала правосудия пятьдесят лет, пускай еще пару дней подождет – какая ей разница? Ну ладно, пора приниматься за работу. Джордж, отправляйся в архив.

– Понятно, – мрачно кивнул Джордж. – Копаться в истории Холла.

– Да, но не только. И перестань дуться, тебя же посылают на твою любимую работу – рыться в бумажках. Ты должен быть на седьмом небе от счастья. Люси, ты будешь сегодня помогать мне по дому и разбираться с экипировкой. Все довольны? Отлично, вперед!

Довольны мы были или нет, спорить с Локвудом, когда он в таком настроении, бесполезно, это мы с Джорджем знали твердо.

Вскоре Джордж ушел в архив, а я спустилась в цокольный этаж к Локвуду. И начались наши безумные сорок восемь часов.

Первый из двух день Локвуд посвятил починке дома и усилению его защиты. На входной двери появились новые замки, а на окне цокольного этажа – прочные железные перекладины, способные выдержать натиск не только мертвых, но и живых. Пока вызванные рабочие занимались всем этим, Локвуд висел на телефоне. Он позвонил в оружейную фирму «Маллет и сыновья» и заказал три рапиры новейшей мо-

дели. Затем переговорил с магазином «Сэтчелл» на Джермин-стрит, основным поставщиком экипировки для лондонских агентств, и попросил пополнить наши запасы соли и железных опилок (надо же как-то компенсировать то, что у нас при себе не будет греческого огня).

Я тем временем возилась на цокольном этаже – полировала рапиры и цепи, ту же набивала мешочки железными опилками, проверяла набор наших серебряных печатей, отбирала самые прочные ящички, полоски, кольчужные сетки. Наконец я с огромным сожалением вытащила из наших рабочих поясов банки с греческим огнем и отнесла их в кладовку. За всем этим с огромным интересом следила висящая за толстыми стенками призрак-банка голова. Она вращала глазами, шлепала ртом и вскоре так мне надоела, что я накрыла банку какой-то тряпкой.

Локвуд казался мне несколько растерянным: очевидно, только сейчас начал понимать, за какое сложное дело взялся.

Внешне он, как всегда, был полон энергии, летал по дому, на лестнице перепрыгивал сразу через три ступеньки – но вместе с тем выглядел озабоченным, был неразговорчив и то и дело застывал на месте, уставившись в пустоту, словно решал в голове сложную шахматную задачу.

Джордж провел в архиве весь день – к тому времени, когда я отправилась спать, он еще не вернулся, а на следующее утро ушел из дома раньше, чем я встала. К моему удивлению, покинуть дом собирался и Локвуд. Он стоял перед зер-

калом в холле, тщательно прилаживая на голове бесформенную старую шляпу. На нем был дешевый мятый костюм, у ног стоял потертый кейс. Когда я с ним заговорила, он ответил мне протяжно, по-деревенски. Если вы помните, Локвуд всегда гордился своим умением подражать чужим голосам.

– Ну, как тебе? – спросил он. – Похож я на парня из глупинки?

– Думаю, да. Я почти ни слова не понимаю из того, что ты говоришь. Каша какая-то. А куда ты, собственно, собрался?

– В Кум Кери. Хочу кое-что проверить. Вернусь поздно.

– Хочешь, я поеду с тобой?

– Прости, нет. Ты необходима здесь, Люси. Будешь охранять нашу крепость. Скоро привезут заказы от «Сэтчелл» и «Маллета». Когда доставят новые рапиры, проверь их, ладно? Если с ними возникнут какие-нибудь проблемы, сразу и без всяких звони старому мистеру Маллету. То, что привезут от «Сэтчелл», можешь не трогать, распакую сам, когда вернусь. А потом проверь, пожалуйста, еще разок наши дорожные рюкзаки и начинай собирать еду в дорогу. Да, вот еще что, – он сунул руку в карман пиджака и выудил оттуда маленький контейнер из серебряного стекла. – Я хочу, чтобы кулон Анни Вард был у тебя. Мы вернемся к этому делу через пару дней, а пока носи его при себе, – Локвуд подхватил с пола потертый кейс и направился с ним к выходу. – Да, Люси, и пожалуйста, не пускай в дом никого, кроме курьеров от «Сэтчелл» и «Маллета». Кто знает, что придумает в

следующий раз наш приятель в маске.

Приближался вечер. Бледный лиловый диск зимнего солнца начинал опускаться за крыши. У нас, в доме номер 35 по Портленд-роу, было холодно и пусто, по углам появились десятки серых теней – одни посветлее, другие потемнее. Я была в доме одна, ни Джордж, ни Локвуд еще не вернулись. Заказы я уже получила, рюкзаки проверила, еду и питье в дорогу собрала, даже свою дорожную одежду отгладила. Поупражнялась с рапирой в цокольном этаже на чучеле Эсмеральды и сейчас просто изнывала от безделья.

Не могу сказать, что предстоящее дело, которое поручил нам Фейрфакс, как-то слишком волновало меня, хотя где-то в глубине сознания прочно сидела и не собиралась уходить мысль о целом кластере опасных злых фантомов. Вместе с тем сейчас я согласилась с Локвудом – мы обязательно должны были взяться за это дело, и не только для того, чтобы спасти наше агентство. Помимо этого, было очень интересно узнать, что же там происходит, в этой Красной комнате или на Кричащей лестнице.

Любопытно, что успеет нарыть за это время о Холле Джордж. Но наверняка что-то успеет, так что на дело мы отправимся не вслепую. Ну хорошо-хорошо – не совсем вслепую.

Больше всего меня сейчас раздражало то, что я чувствовала себя как бы вне игры. Джордж рылся в книгах, газетах, старинных хрониках. Локвуд (предположительно) занимал-

ся сбором свежей информации о Холле. А что я? Сажу дома, мажу джемом сэндвичи и складываю вещи. Работа, конечно, нужная и важная, но совершенно не творческая. А мне хотелось чего-нибудь более вдохновляющего.

А еще мне очень не нравилось наше отношение к предыдущему расследованию. Я была не согласна с Локвудом, решившим отложить дело Анни Вард на несколько дней. Мне казалось, что, учитывая попытку кражи со взломом в нашем доме и обнаруженную нами странную гравированную надпись внутри кулона, нам никак нельзя останавливаться. Эту мою мысль существенно подкрепил и потрясший меня телефонный звонок, раздавшийся сегодня после полудня. Это был инспектор Барнс, который сообщил, что полиция собирается освободить Гуго Блейка.

– Нам не хватает доказательств, – отрывисто сказал Барнс. – В этом вся загвоздка. Блейк не признался, а мы не можем доказать, что он заходил в ту ночь в дом мисс Вард. Адвокаты Блейка роют землю, а мы попусту теряем время. Если не набредем на какие-то новые веские доказательства, мисс Карлайл, или Блейк сам не признает свою вину – а это, как вы понимаете, из области фантастики, – то, боюсь, завтра утром нам придется отпустить его домой.

– Что?! – крикнула я. – Но вы не можете отпустить его! Он виновен, он убийца, это же совершенно очевидно!

– Да, очевидно, но только доказать этого мы не можем. – Я живо представила, как шевелятся усы Барнса, когда он го-

ворит в трубку. – То, что он подвез мисс Вард до ее дома – еще не доказательство его вины. Нам не хватает последнего звена в цепи, которая намертво свяжет Блейка с убийством. Если бы вы, идиоты, не спалили бывший дом мисс Вард, нам, возможно, удалось бы в нем что-нибудь отыскать. А так преступление Блейка, скорее всего, останется безнаказанным.

Инспектор в последний раз фыркнул и повесил трубку, предоставив мне дальше возмущаться в одиночестве.

Нам не хватает последнего звена... Но, возможно, это недостающее звено есть у нас.

Я сняла с шеи маленький контейнер, подставила его под свет закатного солнца. Сквозь стекло очертания золотого кулона казались искаженными, размытыми, как под водой. *Tormentum meum, laetia mea...* Эти латинские слова стояли у меня перед глазами, как и надпись внутри кулона: «А*В; Г.П.2.115». В этих буквах и цифрах спрятан главный, последний ключ к убийству. Именно из-за них Блейк охотится за кулоном. Из-за них делает отчаянные попытки вернуть его себе. Возможно, если отдать кулон Барнсу, он сможет разгадать его тайну.

Или не сможет. И тогда преступник останется безнаказанным, как и все полвека после убийства.

Меня постепенно охватывал холодный, тяжелый гнев. Если мы не разгадаем таинственный код, будет упущен последний шанс наказать убийцу. Блейк, разумеется, никогда не расскажет о том, что тогда произошло, а кроме него никто

этого не знает.

Никто... Никто, кроме...

Я опустила взгляд на стеклянный контейнер, который держала в руке.

Пришедшая мне в голову мысль была совершенно безумной, нарушающей все законы и правила. Меня не слишком волновало, что при этом я могу подвергнуть опасности свою жизнь – я была уверена, что справлюсь. Гораздо хуже то, что мой поступок, если Локвуд о нем узнает, взбесит его. Локвуд уже не раз строго-настрого запрещал мне проводить опасные эксперименты без его разрешения. Так что лучшее, что я могла сделать, – это дождаться возвращения Локвуда и обо всем ему рассказать, но я прекрасно знала, что он не разрешит сделать то, что я задумала. И вот тогда сегодняшней день точно окажется прожитым зря, а убийца Блейк безнаказанным выйдет на свободу.

Я побрела по дому, продумывая в деталях план своих действий. День угасал. Я зашла на кухню. Оттуда медленно спустилась по железной лестнице в цокольный этаж. На дальней стене чернели ряды полок с нашими артефактами. Пока бледным лиловым светом мерцала только отрубленная пиратская рука, все остальные трофеи оставались темными.

Рисковала ли я? Конечно, рисковала, но считала свой риск оправданным. Ведь если мне повезет, мы узнаем тайну кода и добудем решающее доказательство вины Блейка. А если не повезет? Ну что ж, Локвуд все равно об этом никогда не

узнает.

На полу в цокольном этаже лежали железные цепи – смазанные, проверенные, готовые к тому, чтобы упаковать их в дорогу. Я взяла одну из самых длинных и толстых и перетащила ее в фехтовальный зал, где под потолком меланхолично покачивались набитые соломой Джо и Эсмеральда. Я сложила цепь двойным кольцом, сделав из нее круг диаметром около полутора метров, и аккуратно переплела друг с другом внешнюю и внутреннюю нитки цепи.

Чтобы на сто процентов быть уверенной, что цепь не разьедется, я соединила ее крайние звенья и скрепила их велосипедным замком. Считалось, что двойной толщины круг, выложенный из железной цепи, гарантирует защиту от любого призрака Второго типа. Вероятно – и даже скорее всего, – цепь, которую я использовала, изготовлена компанией «Фейрфакс Айрон». Мир тесен!

Обычно внутрь железного круга встают агенты. Сегодня я решила все сделать с точностью до наоборот.

Окон в фехтовальном зале не было, так что здесь уже стояла темнота. Часы показывали всего пять часов вечера – довольно рано для полномасштабных манифестаций. Однако ждать было некогда – в любой момент могли появиться Локвуд и Джордж. Кроме того, если призрак очень сильно жаждет мести, он может вернуться в наш мир и пораньше, верно?

Я переступила через цепь, вошла внутрь круга и вынула из кармана стеклянный контейнер. Опустилась на колени, отве-

ла защелку и, откинув крышку, вытряхнула кулон на ладонь. Он обжег меня холодом, словно хранился не в стеклянном контейнере, а в морозилке. Я осторожно положила кулон на пол, поднялась на ноги и снова вышла за черту железного круга.

Пока все шло хорошо. Немедленного появления призрака Анни Вард я не ожидала и потому сходила в наш офис, чтобы принести оттуда пару вещей. Отсутствовала я всего пару минут, но, возвратившись, сразу ощутила, как упала температура воздуха в фехтовальном зале. Чучела Джо и Эсмеральды раскачивались, поскрипывая на своих цепях.

– Анни Вард? – окликнула я.

Ничего, никакого ответа, но я почувствовала, как у меня сжало виски – в комнате появилась потусторонняя сила, начинала накапливаться, давить... Я встала неподалеку от цепи, в кармане – мешочек с солью, в руке – лист бумаги.

– Анни Вард! – повторила я. – Я знаю, что это ты.

Внутри железного круга мелькнул язычок серебристого света. Затем появился бледный силуэт девушки – перекошенный, нечеткий, плоский.

– Кто убил тебя, Анни? – спросила я.

Светящийся контур продолжал покачиваться и расплываться. Я вслушивалась, но голоса не слышала. Тяжесть в висках становилась невыносимой.

– Это был Гуго Блейк?

Никаких перемен – во всяком случае, внешних. На долю

секунды мне показалось, что я слышу тихий голос – словно кто-то что-то негромко бормочет в дальней комнате. Я напряглась, прислушиваясь, до выступившего на лбу пота... Ничего. Голос исчез, словно и не было его никогда.

Напрасно было надеяться, что мне удастся разобрать какие-нибудь слова. Если бы общаться с мертвыми было так просто, этим искусством владели бы все обладатели великого Дара. Однако до сих пор это удавалось только Мариссе Фиттис, которая вела свои легендарные беседы с призраками Третьего типа. А я-то кто такая и кого хотела переиграть?

Оставалось лишь вынуть из кармана мешочек с солью и закончить неудавшийся эксперимент, однако я решила попробовать еще кое-что.

За спиной я держала в руке фотокопию, которую сделал Джордж. Теперь я протянула руку с этим листком бумаги вперед и почти вплотную подошла к железному кругу. Повернула листок так, чтобы изнутри круга было хорошо видно лицо Блейка на фотографии.

Собственно, на этом листке было две его фотографии – портрет крупным планом и Блейк, стоящий в группе танцоров возле фонтана прямо за спиной Анни Вард.

– Вот, – сказала я. – Это он? Это был Хью...

Мой мозг полоснул неслышимый обычным ухом вопль, полный отчаяния и ярости. Он сшиб меня с ног. По комнате пронесся порыв ледяного ветра, такой сильный, что он распрямил железную цепь, придав кругу идеальную форму, и

содрал каменную крошку со стен цокольного этажа. Набитые соломой чучела взлетели до самого потолка. Я проскользила на спине до самой двери, крича от боли, чувствуя, что еще немного – и от внутреннего давления у меня треснет череп. Подняв глаза, я увидела, что внутри железного круга беснуется призрак, дергается в разные стороны, натывается на цепь, при каждом столкновении выбрасывая из себя струи шипящей плазмы. Контуры призрачной фигуры остались гротескно искаженными – длинная бесформенная голова, тонкое, вихляющее, как у марионетки, тело. Никакого сходства с Анни Вард. И непрекращающийся, оглушающий, леденящий кровь вопль.

Падая, я выронила бумажный листок, но удержала спрятанную в кармане соляную бомбочку. С грехом пополам я сумела сесть на полу и швырнуть бомбочку прямо в центр железного круга.

Пластиковая оболочка бомбочки треснула, посыпалась соль. Мечущаяся орущая тварь исчезла. Резко прекратился шум в моей голове – словно из розетки выдернули вилку.

Я сидела на полу, неуклюже раздвинув ноги, открыв рот, моргая и с трудом переводя дыхание.

Напротив меня бешено раскачивались на своих цепях соломенные чучела. Их движение постепенно замедлялось, еще немного – и Джо с Эсмеральдой застыли на месте.

– Ух, – сказала я. – Как же это больно.

– Именно об этом я только что и подумал.

Локвуд и Джордж. Они оба стояли в арке с бледными лицами и ошеломленно смотрели на меня.

– погоди! – заторопилась я. – замолчи, Джордж! постой! Я покажу тебе!

Прошло уже минуты две, но мне все еще не удалось вставить ни слова. Ну хорошо, согласна, у меня было занятие поважнее, чем разговоры разговаривать, – как только в голове прекратился звон, я бросилась доставать из железного круга кулон. Сделать это оказалось труднее, чем сказать, потому что оно покрылось слоем замерзших крупинок соли, обжигавших кожу почти до волдырей. Потом нужно было уложить кулон в контейнер, что тоже довольно сложно, когда тебе прямо в ухо ревет и кричит Джордж Каббинс. Но я должна была вступить в разговор, и чем скорее, тем лучше. Для меня. Локвуд, кстати, до сих пор не проронил ни слова. На щеках у него появились красные пятна, он стоял, плотно сжав губы, а бешеным соловьем разливался только Джордж.

– смотри, – сказала я, поднимая с пола лист бумаги. – Я сделала то, что мы должны были сделать с самого начала. Я показала эти картинки Анни Вард. Кто на них изображен? Гуго Блейк. Что сделала Анни? Взвилась как сумасшедшая. Такого крика я не слышала никогда в жизни.

– Ты намеренно выпустила ее на свободу? – сказал Локвуд. – Какая глупость с твоей стороны.

Я взглянула в лицо Локвуду, и у меня упало сердце.

– Не на свободу, – безнадежным тоном возразила я. – Точнее сказать, как бы на свободу. И этот эксперимент дал результат – более надежного доказательства вины Блейка мы пока не добыли.

– Какой еще результат? – фыркнул Джордж. – Разве Анни в самом деле говорила с тобой? Нет. А может, она дала официальные показания, которые можно предъявить в суде? Тоже нет.

– Но ее реакция была однозначной, Джордж. Причина и следствие. Ты не можешь отрицать связь между показанной фотографией Блейка и поведением призрака Анни Вард.

– Даже если так, ты не должна была этого делать, – кивнул Локвуд. – Дай мне бумагу.

Не говоря ни слова, я протянула ему лист. Я была готова к худшему: знала, что вновь приняла неверное решение и что этой ошибки Локвуд не простит мне никогда. Это легко читалось по его лицу. Все, закончилась моя карьера в этом агентстве. Через минуту меня с позором вышвырнут отсюда за дверь.

Хрустя солью под ботинками, Локвуд шагнул в сторону, туда, где было больше света, и принялся рассматривать фотокопии. С Джорджем мне повезло меньше – он вплотную приблизился ко мне и сказал, едва не касаясь моего лица толстыми стеклами своих очков:

– Не могу поверить, что ты сделала это, Люси! Ты рехнулась! Умышленно выпустить призрака на свободу!

– Это был эксперимент, – ответила я. – И чем ты, собственно говоря, недоволен? Разве ты сам не проводишь все время какие-то идиотские эксперименты со своей дурацкой банкой?

– Тоже мне, сравнила. Своего призрака я держу за стеклом – это во-первых. Эксперименты у меня носят научный характер – это во-вторых. А в-третьих, все они проходят под строгим контролем.

– Под строгим контролем? А почему я вчера наткнулась на твою банку в ванной?

– Э-э... Все верно. Я проверял, как призрак реагирует на повышение температуры окружающего воздуха.

– И на пену для ванн? Вся банка была в пене, – я пристально посмотрела на него. – Ты валяешься в ванне в обнимку с этой банкой, Джордж?

– Нет. Нет, ну что ты, – покраснел Джордж. – Как правило, нет. Я... Вчера я... Э-э... Просто чтобы время сэкономить. Пришло в голову, что будет интересно узнать, насколько устойчива эктоплазма к воздействию тепла, – он негодуяюще махнул рукой. – Постой! А почему это я должен оправдываться перед тобой? Ведь это ты, а не я, выпустила в нашем доме призрак на свободу!

– Не выпускала я его! – крикнула я. – Вон, смотри, все вокруг солью засыпано. Я полностью контролировала ситуацию.

– Ага, – ввернул Джордж. – Так контролировала, что валя-

лась на полу, когда мы вошли. Если тебе и удалось справиться с призраком, то не благодаря умению, а просто по счастливой случайности. Дуракам везет, знаешь ли. Несколько дней назад ты выпустила эту кровожадную тварь в своей спальне, сегодня...

– О, расхныкался. А сам спишь в обнимку с призраком в банке...

– Люси... – оборвал нас Локвуд. Он все еще стоял на том же самом месте, держа перед собой лист бумаги. Лицо его побледнело, голос казался каким-то странным. – Как я понял, ты показывала призраку эту бумагу?

– Да. Я...

– А как ты держала ее? Так? Или так? – он быстро завертел руками.

– Э-э... Полагаю, так, как ты показал в последний раз.

– И призрак точно рассмотрел все, что на этом листе?

– Да, но продолжалось это всего секунду-другую, а затем он словно взбесился. Ну, это вы сами видели.

– Видели, – угрюмо подтвердил Джордж. – Локвуд, она уже дважды подвергала наши с тобой жизни опасности. Может, ты уже уволишь ее или хотя бы потребуешь, чтобы она прекратила эти штучки? Мы должны сказать...

– ...мы должны сказать ей bravo, – перебил его Локвуд. – Люси, ты гений. Думаю, тебе удалось найти ключевое звено в цепи.

Пожалуй, я была поражена не меньше Джорджа, у кото-

рого просто отвисла челюсть.

– О... Спасибо, – сказала я. – Ты думаешь, это... поможет нам раскрыть дело Анни Вард?

– Очень поможет.

– Значит, заявим в полицию? Покажем кулон Барнсу?

– Не сейчас. Джордж прав: реакцию призрака сложно предъявить суду в качестве доказательства. Но не волнуйся: благодаря тебе мы очень скоро доведем историю Анни Вард до удачного завершения, теперь я в этом не сомневаюсь.

– Я тоже на это надеюсь... – Я чувствовала, как отступает державшее меня мертвой хваткой напряжение. – Но есть еще кое-что, о чем ты должен знать. Гуго Блейка собираются отпустить. – И я рассказала ему о звонке Барнса.

Локвуд улыбнулся. Теперь он выглядел странно расслабленным, даже веселым.

– Это меня не волнует, – сказал он. – Дом мы укрепили, никто в него больше не залезет. Но все же я думаю, что не стоит оставлять кулон здесь, пока мы будем в Кум Кери. Возьми его с собой, Люси. Надень на шею. Обещаю – очень скоро мы вернемся к делу Анни Вард, только вначале сделаем эту работенку для Фейрфакса. Джордж раздобыл кое-какую информацию.

– Ага, – кивнул Джордж.

– И как? – взглянула я на него. – Все действительно так плохо, как говорил Фейрфакс?

– Нет, – Джордж снял очки и устало потер глаза. – Судя

по тому, что я успел выяснить, все гораздо хуже.

Теоретически попасть из лондонского офиса агентства «Локвуд и Компания» в расположенную в долине Кери деревушку очень просто. Нужно взять такси, доехать до вокзала Мерлибон, немного послоняться по платформе номер шесть, дождаться поезда и сесть в вагон. Сорок минут езды по серо-коричневым пригородам Лондона, затем через заснеженные зимние поля графства Беркшир – и вот уже перед вами замшелая каменная стена церкви Святого Вилфреда, что на площади перед станцией Кум Кери. Полтора часа всех дел – короткое, простое, комфортабельное путешествие.

Ага, все верно – в теории. На практике все выглядит несколько иначе, если при этом тебе приходится тащить пару огромных тяжелых рюкзаков да еще неуклюжий мешок с четырьмя старыми запасными рапирами, а новая рапира, что висит сейчас у тебя на поясе, с непривычки болтается у тебя под ногами и ты спотыкаешься об нее на каждом шагу.

Мало улучшает настроение и то, что, как выясняется, твой шеф и его помощник заложили вещами свои бумажники, и поэтому именно тебе приходится раскошелиться на билеты, а потом еще и делать доплату за лишний вес багажа. Все это занимает столько времени, что в итоге вы все трое опаздываете на первый поезд и вам приходится ждать следующего. Это происшествие поднимает ваше настроение на уже

недосягаемую высоту.

Ну, а потом короткое путешествие в поезде, который везет вас к одному из самых зараженных опасными призраками домов во всей Англии. Ты сидишь в купе и думаешь – будешь ты вот так же ехать назад или тебя доставят в багажном вагоне. В гробу.

По дороге Джордж поведал нам о том, что ему удалось узнать за последние два дня, и его рассказ тоже не добавил нам оптимизма. Он вытащил свой исписанный блокнот и, пока наш поезд весело пыхтел мимо церковных шпилей и призраков-ламп в приютившихся среди поросших лесом пологих холмов деревушках, начал знакомить нас с мрачной историей поместья, в которое мы направлялись.

– В общих чертах Фейрфакс говорил все верно, – сказал Джордж. – Дурная слава тянется за Холлом на протяжении нескольких веков. Вы, конечно, помните, что изначально дом строился как небольшой монастырь при аббатстве? Так вот, я отыскал один средневековый документ, в котором сказано, что Кум Кери Холл был построен группой людей, известных как монахи-еретики из аббатства Святого Иоанна. Они, как сказано в документе, «отошли от подобающего служения Господу и впали в ересь поклонения силам тьмы». Слухи об этом довольно скоро докатились до местных баронов, и они сожгли монастырь, а принадлежавшую ему землю разделили между собой.

– А если это был заговор? – спросила я. – Могли же баро-

ны просто сговориться и оклеветать монахов, чтобы завладеть их землей?

– Могли, – кивнул Джордж. – После этого помещьем владели по очереди семьи местных аристократов – Кери, Фитц-Перси, Трокмортоны. Земля приносила им доход, а вот дом... От самого Холла были одни неприятности. Я успел найти не так много подробностей, однако один из владельцев покинул Холл в пятнадцатом веке из-за «присутствия в нем злой силы». Два или три раза дом сгорал почти дотла, а разразившаяся в 1666 году – запомните этот момент – эпидемия чумы убила всех, кто тогда жил в доме. В документе вскользь упоминается о том, что некто поднялся на крыльцо, заглянул в дом и увидел, что все внутри него лежат замертво, за исключением одного младенца, который плакал в своей колыбельке.

– Мрачная история, – присвистнул Локвуд. – Вот тебе и целый кластер Гостей, готово дело.

– Удалось спасти того ребенка? – спросила я.

Джордж порылся в своих, сделанных его четким почерком, заметках:

– Ага. Его усыновила кузина, и впоследствии он стал школьным учителем. Стать учителем – это, конечно, непруха в жизни, но, по крайней мере, от чумы он не помер. А страшилки в Холле продолжались и дальше, включая наше столетие. Например, человек, который владел Холлом до Фейр-факса – его дальний родственник, между прочим, – покон-

чил с собой. Застрелился.

– М-да, потенциальных Гостей там пруд пруди, – задумчиво протянул Локвуд. – А упоминания о Кричащей лестнице или ужасной Красной комнате тебе попадались?

– Один фрагмент – в «Беркширских легендах» Корбетта, – ответил Джордж, переворачивая страницу. – Там говорится, что двое детей из Кум Кери были найдены лежащими без сознания у подножия «старых ступеней» в Холле. Один ребенок – мальчик – умер сразу, девочка пришла в себя и рассказала, что слышала вокруг «мерзкое улюлюканье, а также дьявольский хохот и злобные нечестивые крики». Потом она тоже умерла.

Джордж захлопнул свой блокнот.

– Что такое «улюлюканье»? – уточнила я.

– Что-то вроде завывания, – ответил Локвуд, глядя на проплывающие за окном заснеженные поля. – Но это все истории, мифы, легенды... А нам необходимы факты.

Джордж знакомым самодовольным жестом поправил на носу очки и сказал:

– Ага. Факты. Что ж, попробую помочь вам и с фактами.

Он вытащил два вложенных в блокнот листка бумаги, развернул их и положил перед нами на столик. На первом листке от руки был начерчен план дома – два больших этажа, тщательно прорисованные тушью окна и лестничные ступеньки. По всему чертежу – надписи синими чернилами: *Главный холл, Библиотека, Апартаменты герцога, Длинная*

галерея... А вверху четким почерком Джорджа добавлено: *Кум Кери Холл. Западное крыло.*

– Отличная работа, Джордж, – сказал Локвуд. – Где ты это откопал?

– В Королевском архитектурном обществе на Пелл-Мелл, – ответил Джордж, почесывая свой поросячий нос. – Каких только планов и топографических карт у них там нет! Этот план был составлен в девятнадцатом веке. Взгляните на большую лестницу – это же настоящий монстр. Господствует над всем вестибюлем. Другой план намного древнее. Сделан, по всей видимости, еще где-то в Средневековье. – Джордж разгладил второй лист бумаги. – Набросок очень грубый, однако на нем видно, как выглядел дом, когда оставался еще в основном руинами монастыря. Как видите, он был намного меньше, в нем много маленьких комнат – очевидно, это бывшие монашеские кельи, – которые впоследствии снесли, когда перестраивали дом. На более поздних планах их уже нет. Но посмотрите – та самая массивная лестница уже есть, как есть и те площади, которые стали впоследствии вестибюлем и Длинной галереей. Собственно говоря, Длинная галерея – это бывшая монастырская трапезная. Некоторые комнаты второго этажа сохранились и на плане девятнадцатого века. Таким образом, по этим планам можно выделить самые древние участки Западного крыла.

– То есть те места, где, скорее всего, и находится первичный Источник, – сказал Локвуд. – Превосходно. С них мы

сегодня ночью и начнем наши поиски. А как насчет другого материала, который я просил тебя собрать, Джордж? Можно взглянуть?

Джордж вытащил из куртки тощую зеленую папку:

– Вот. Это все, что мне удалось нарыть о мистере Джоне Вильяме Фейрфаксе. Как он сам сказал, поместье перешло к нему по наследству лет шесть или семь назад. Зловещая репутация поместья его, похоже, не испугала. Здесь, в папке, статьи и вырезки о нем – интервью, краткие биографические очерки и все такое прочее.

Локвуд откинулся на спинку дивана, раскрыл папку:

– Посмотрим, посмотрим... Хм-м, похоже, этот Фейрфакс горячий поклонник охоты на лис. Еще любит рыбную ловлю... Занимается благотворительностью... О, в юности он, оказывается, был актером-любителем... Взгляните-ка на эту рецензию: «Билл Фейрфакс с успехом выступил в роли Отелло...» С ума сойти! Но, между прочим, он до сих пор ведет себя слегка театрально.

– Вряд ли это имеет отношение к нашему делу, – заметила я, продолжая изучать поэтажные планы, отслеживая поворот лестницы, прикидывая, в каком месте находится та жуткая Красная комната.

– В нашем деле лишней информации не бывает, – рассеянно откликнулся Локвуд, не отрываясь от папки.

Разговор угас. Поезд летел вперед. Раз или два я прикоснулась к своей куртке – к тому месту, где прошупывался ма-

ленький твердый предмет – контейнер с кулоном Анни Вард. Он был на мне, как и велел Локвуд. Я очень надеялась, что мы действительно скоро доведем до конца расследование по делу Анни Вард. Но для начала нам нужно было умудриться пережить сегодняшнюю ночь в Кум Кери Холле.

На площади перед вокзалом нас ждала машина. Прислонившись к ее капоту, стоял длинноволосый патлатый парень и читал старый выпуск «Хроники появлений призраков». Когда мы вышли из дверей вокзала, увешанные багажом, как трое возвращающихся после восхождения на Эверест шерпов, волосатик опустил журнал и посмотрел на нас с радостным изумлением, к которому примешивалось сочувствие. Слегка ироничным жестом он поправил свалившуюся ему на глаза прядь волос и сказал:

– Мистер Локвуд, верно? Я получил ваше послание. Отвезу вас в Холл.

Мы запихнули в машину наши мешки, затем я и Джордж не без труда втиснулись на заднее сиденье, а Локвуд, как и положено шефу, сел впереди, рядом с водителем. Такси резко повернуло в сторону, распугав направлявшихся через деревенскую улицу к пруду уток и заставив меня ткнуться лбом в колени Джорджа. Я поморщилась, выпрямляясь. Наш парень за рулем засвистел что-то веселенькое себе под нос и покатил по обсаженной голыми серыми вязами аллее.

– Как я вижу, никакой дополнительной железной защиты на машине нет, – сказал Локвуд, чтобы завести разговор с

нашим шофером.

– Она здесь совершенно не нужна, – ответил патлатый парень.

– Безопасный район? Никаких Гостей?

– Не-а, они все в доме. – Парень снова резко повернул руль, объезжая выбоину, и я опять ткнулась в колено Джорджа.

– Хочешь, обопрись на мою руку, – покосился на меня Джордж.

– Нет, спасибо. Справлюсь.

– Вы имеете в виду Кум Кери Холл? – уточнил Локвуд. – Именно там мы сегодня собираемся заночевать.

– В новом крыле? Или в сторожке у старого Берта Старкинза?

– В старом крыле. Западном.

Наступила пауза, во время которой наш водитель осенил себя крестным знаменем, притронулся к укрепленной над приборным щитком иконе, приспустил стекло, демонстративно сплюнул на дорогу, отгоняя злых духов, а затем сказал, задумчиво глядя в зеркальце заднего вида:

– Мне приглянулся вон тот красный рюкзак. Очень классно подойдет, чтобы класть в него мою футбольную форму. Можно, я возьму его, когда завтра утром заеду в Холл? Мистер Фейрфакс, я думаю, не будет возражать. Старик Старкинз тоже.

– Простите, – ответил Локвуд, – но завтра утром этот рюк-

зак нам еще самим понадобится.

– Но я все-таки заеду, а там посмотрим, – сказал наш патлатый шофер.

Мы поднялись через редкий лесок на вершину пологого холма, откуда открывался вид на бескрайние поля, покрытые темной зимней зеленью.

– Вы сами бывали когда-нибудь внутри Холла? – спросил водителя Локвуд.

– Что? Разве я похож на сумасшедшего?

– Но все же вы, наверное, кое-что знаете о нем. О призраках, которые там появляются.

Водитель резко свернул на узкую боковую дорожку, все вещи на заднем сиденье сместились влево, а моя голова застряла, зажатая между оконным стеклом и мягкой щекой Джорджа. Несколько секунд я слышала только его тяжелое сопение, потом он сумел отлепиться от меня, и я увидела, что мы уже миновали полуразвалившуюся арку и катим по длинной подъездной дорожке к крыльцу, а парень за рулем продолжает свой рассказ, начало которого я пропустила из-за Джорджа.

– ...убиты, спрятаны и пока не найдены. С этого все и началось, я полагаю. Да это всей округе известно. Одна смерть влечет за собой другую, так и выстраивается цепочка смертей, которая будет расти до тех пор, пока стоит этот проклятый дом. Сжечь бы его, сравнять с землей да засыпать пепел солью – так говорит моя матушка. Мы-то надеялись, что у

нового владельца хватит ума сделать это, но пока не видать. Ну, вот мы и на месте. С вас двенадцать с половиной фунтов плюс еще два сверху за багаж.

– Интересная история, – сказал Локвуд. – Особенно самое ее начало. Спасибо.

Машина остановилась в самом конце покрытой гравием подъездной дорожки. Из окна машины я видела уголок парка с дубами и буками и краешек озера, которое в свое время заметила еще на фотографии Фейрфакса. Парк выглядел запущенным, заросшим, с нестриженной травой на лужайке перед озером, с буйными зарослями осоки на берегу самого озера. В другом окне, с той стороны, где сидел Джордж, виднелся бледный ствол какого-то дерева, пара больших урн на постаментах, а за ними серая каменная стена дома.

Локвуд негромко разговаривал о чем-то с водителем. Мы с Джорджем выбрались наружу и принялись выгружать наши вещи. За моей спиной нависала огромная туша Кум Кери Холла. Воздух был сырым и холодным.

Высоко над моей головой в небо тянулись длинные, похожие на рога, кирпичные дымовые трубы. Левая часть дома, насколько я понимала, была более старым Западным крылом, сложенным в основном из каменных блоков. Ближе к краю крыла и возле крыши древняя каменная кладка сменялась более поздней, кирпичной. В стене дома виднелось множество окон – разные по размеру, расположенные на разной высоте, все они были схожи друг с другом тем, что сле-

по отражали своими стеклами серое неприветливое ноябрьское небо. Потрескавшиеся колонны поддерживали уродливый бетонный портик над двойными входными дверями, к которым вели крутые ступени крыльца. У дальнего конца Западного крыла возвышался внушительный по возрасту и размерам ясень, прижимая к кирпичной стене свои голые, похожие на гигантские паучьи лапы ветки.

Справа от крыльца начиналось меньшее по величине Восточное крыло, сложенное из кирпича и более современное по архитектуре. По какой-то случайности – может быть, по недосмотру архитектора – крылья дома были расположены под некоторым углом друг к другу, поэтому казалось, что Холл протягивает их вперед как руки, которыми хочет меня обхватить.

Больше всего Холл был похож на какую-то уродливую дворняжку от архитектуры, и я с первого взгляда невзлюбила его, даже если не принимать во внимание зловещую репутацию этого дома.

– Прекрасно! – весело воскликнул Локвуд. – Вот наш отель на сегодняшнюю ночь.

Он что-то слишком долго разговаривал с водителем нашего такси, а в конце разговора, как я заметила, передал ему несколько банкнот – там было явно больше двенадцати с половиной фунтов – и запечатанный коричневый конверт.

– Значит, вы доставите его, договорились? – сказал Локвуд. – Это очень важно.

Наш патлатый водитель кивнул, и его машина, с рычанием развернувшись на гравии, унеслась, оставив после себя запах страха и бензина, а на ступеньках крыльца появился старик и стал спускаться вниз.

– Что это было? – требовательно спросила я.

– Небольшой пакет, который мне нужно было отослать, – ответил Локвуд. – Расскажу позже.

– Тс-с, – прошептал Джордж. – Это, должно быть, и есть «старик Берт Старкинз». И впрямь старик, верно?

Как это случается со многими стариками, зритель был высохшим, словно пролежавшая много лет на солнце доска. Если мистер Фейрфакс, несмотря на свой почтенный возраст, держался бодрячком, то мистер Старкинз скорее напоминал росший возле дома ясень – такой же скрючившийся, перекошенный, но так же отчаянно цепляющийся за жизнь. Голову зрителя венчала копна седых волос, лицо у него было узким, распавшимся, когда он подошел ближе, на сеточку морщин – они разбежались, словно трещины на поверхности древнего известнякового утеса.

Одет мистер Старкинз был подчеркнуто строго и мрачно – старомодный черный пливовый фрак, из болтающихся рукавов которого высывались покрытые старческими пигментными пятнами руки, «штучные» полосатые брюки, каких давным-давно никто не носит, начищенные ботинки с длинными заостренными носами – такими же, как нос самого зрителя.

Он остановился и уныло осмотрел нас:

– Добро пожаловать в Кум Кери. Мистер Фейрфакс ожидает вас, но в настоящий момент он занят. В самом скором времени он вас примет, а пока попросил меня показать вам окрестности Холла и сам дом снаружи.

Голос у него был надтреснутым, жалобным, напоминавшим шелест ивовых ветвей.

– Благодарю вас, – сказал Локвуд. – Вы – мистер Старкинз, мы не ошиблись?

– Да, это я. Смотрителем в Холле я служу уже сорок три года, поступил сюда еще совсем молодым человеком, мальчишкой, можно сказать. О, я знаю об этом месте больше, чем кто-либо другой.

– Не сомневаюсь. Это замечательно. Куда нам положить свои мешки?

– Оставьте их прямо здесь. Кто их возьмет? Живых обитателей в Холле нет, а те, другие, зашевелятся только с приходом сумерек. Пойдемте, я покажу вам парк.

– Прошу прощения, – поднял руку Локвуд. – Путешествие у нас было долгим... Скажите, здесь поблизости есть туалет?

Морщинки на лице мистера Старкинза сделались еще глубже, его взгляд – еще печальнее.

– Когда мы зайдем в дом, я провожу вас в туалет, молодой человек. Сейчас не могу – мистер Фейрфакс желает лично познакомить вас с интерьером Холла.

– Но я не могу ждать.

– Сожмите ноги и ждите.

– Лучше просто скажите, куда мне бежать.

– Нет, это невозможно!

– Ну, тогда я просто зайду за одну из этих урн. Никто ничего и не узнает.

– Вверх по ступенькам, через вестибюль, маленькая дверь слева от лестницы, – проворчал Старкинз.

– Огромное спасибо. Я быстро, – сказал Локвуд и рванул вверх по ступеням крыльца.

– Если он сейчас потерпеть не может, что же с ним будет сегодня ночью, когда последние лучи солнца погаснут в Длинной галерее? – печально заметил старик.

– Не знаю, – ответила я. Честно говоря, поступок Локвуда меня тоже слегка удивил.

– Ну хорошо, не будем его ждать, – продолжил Старкинз, указывая рукой на Западное крыло. – Эта каменная кладка сохранилась от самой древней части Кум Кери. Это каркас первоначального здания, в стене сохранились окна часовни, построенной печально известными монахами аббатства Святого Иоанна. Ах, нечестивцы! Говорят, они отошли от подобающего поклонения Господу и впали в ересь...

– ...поклонения силам тьмы, – пробормотала я.

– Кто здесь экскурсовод – я или вы? – удивленно посмотрел на меня Старкинз. – Впрочем, вы правы. Ужасные жертвоприношения, чудовищные ритуалы... Страшно представить, что творили здесь эти монахи! Ну, вскоре слухи об

этом разнеслись по округе и монастырь был захвачен и разграблен местными баронами. – Старкинз тяжело вздохнул и продолжил: – Семерых самых нечестивых монахов утопили в колодце. Остальных заперли в доме и сожгли заживо. Они горели, оглашая своими воплями стены этого дома. Между прочим, я постелил вам в комнатах для гостей на втором этаже. Там же вы найдете и ванные комнаты. У нас здесь все удобства имеются.

– Благодарю вас, – сказала я.

– Тот колодец все еще существует? – спросил Джордж.

– Нет. Когда я был молодым пареньком, на задворках Холла еще можно было увидеть заброшенный колодец, но позднее его закрыли железным люком и засыпали песком.

Мы с Джорджем какое-то время осматривали погруженный в гробовое молчание дом. Я пыталась отыскать то окно, в котором на фотографии мистера Фейрфакса была видна призрачная фигура, но точно вспомнить его расположение мне никак не удавалось. Это могло быть и одно из нескольких окон, которые я сейчас видела перед собой.

– Как вы полагаете, эти монахи и стали основным Источником появления призраков в Холле? – спросила я. – Судя по вашему рассказу, это вполне вероятно.

– Это не мое дело – строить догадки, – ответил Берт Старкинз. – Может, все началось с монахов, а может – с безумного сэра Руфуса Кери, который построил первый Холл на развалинах монастыря в 1328 году... А, ваш приятель со сла-

бым мочевым пузырем возвращается. Наконец-то!

Локвуд быстрым шагом присоединился к нам.

– Прошу прощения, – сказал он. – Я ничего интересного не пропустил?

– Нам только что рассказали про безумного сэра Руфуса, – ответила я.

– Да, – кивнул Старкинз. – Его еще называли Красным Герцогом – за огненно-рыжие волосы и море крови, которую он пролил. Говорят, он устроил в доме пыточную камеру, приводил туда своих врагов, и... – он замялся. – Нет, не рискну рассказывать о дальнейшем в присутствии юной девушки.

– Да что вы, продолжайте, – любезно предложил Джордж. – Наша Люси – девушка бывалая. Через что только не прошла.

– Да, мне много чего довелось повидать, – с милой улыбкой подтвердила я.

– Ну и, скажем так... устраивал себе ночные развлечения. Закончив с очередной жертвой, он обезглавливал ее, а потом устанавливал черепа со вставленными в глазницы зажженными свечами вдоль ступеней главной лестницы, – здесь Старкинз округлил от ужаса свои слезящиеся старческие глаза. – Так продолжалось годы и годы, но однажды ночью очередной жертве удалось вырваться и перерезать сэру Руфусу горло своими ржавыми кандалами. С того дня и поныне по коридорам Холла бродит призрак Красного Герцога,

а когда он приближается к лестнице, можно слышать жуткий вой – это кричат души погубленных им людей. Некоторые утверждают, что это и есть те вопли, которые издает Кричащая лестница.

Мы с Локвудом и Джорджем переглянулись.

– Значит, это их голосами кричит ваша знаменитая лестница? – спросил Локвуд.

– Возможно, – пожал плечами Старкинз.

– А вы сами слышали их когда-нибудь? – спросила я.

– Господь с вами! Никто и ничто не заставит меня зайти в Холл после наступления темноты.

– Но может быть, вы знаете кого-нибудь, кто слышал лестницу? Например, кто-то из ваших друзей...

– Друзей? – удивленно сморщил лоб смотритель. – Мой должностью друзья не предусмотрены. Я служу Холлу, и только ему. Ну, давайте продолжим.

И старый мистер Старкинз повел нас дальше, знакомя с внешними деталями Холла и кратко пересказывая легенды о них. Вскоре нам стало ясно – по крайней мере, со слов смотрителя, – что в этом поместье буквально каждый камень, каждое дерево связано с какой-нибудь леденящей кровь историей. Тон всему задали, разумеется, безумный злодей сэра Руфуса и нечестивые монахи. Собственно говоря, почти все последующие владельцы Холла тоже были либо сумасшедшими, либо нечестивцами, либо злодеями, либо и тем, и другим, и третьим в одном лице. Свой след в истории они оста-

вили только благодаря несчетным убийствам. Теоретически вклад в создание зловещей атмосферы Холла мог внести любой из них, но, честно говоря, такое количество последовательно сменявших здесь друг друга негодяев и сумасшедших вначале ошеломляло, а затем начинало вызывать недоверие. Я стала замечать, как пытается скрыть свою скептическую улыбку Локвуд, как зевает и закатывает глаза, идя за спиной зрителя, Джордж. Что касается меня, то очень скоро я перестала вслушиваться в ужасики мистера Старкинза и сосредоточилась на том, чтобы лучше рассмотреть дом. Я обратила внимание на то, что, кроме главного входа и черного хода в относительно недавно построенном Восточном крыле, которым пользовался мистер Фейрфакс, на первом этаже больше не было ни одного выхода. Сейчас возле двери того самого черного хода в Восточном крыле стоял припаркованный «Роллс-Ройс». Шофер, раздевшийся несмотря на холод, до рубашки с засученными рукавами, полировал тряпкой и без того блестящий как зеркало капот.

За Восточным крылом протянулось озеро, напоминавшее по форме почку – достаточно большое, чтобы плавать по нему на лодке, но с застоявшейся, коричневатой водой. Рядом с озером виднелись розарий и высокая круглая башня с обвалившимися зубчатыми стенами.

– Обратите внимание на руины башни сэра Лайонела, – сказал Берт Старкинз.

– Необычная башня, – кивнул Локвуд.

– Не забегай вперед, – шепнул ему Джордж.

– С вершины этой башни бросилась вниз и разбилась насмерть леди Каролина Трокмортон, – патетическим тоном объявил наш гид. – Это случилось в 1863 году. Был чудесный летний вечер. Леди Каролина стояла, широко расставив ноги, на зубцах башни. Ветер раздувал ее пышные юбки, темный силуэт леди Каролины четко вырисовывался на фоне пламенеющего как кровь неба. Слуги пытались уговорить ее спуститься и выпить чаю с маковым тортом – безуспешно, разумеется. Леди Каролина подняла голову вверх и шагнула с вершины башни в пустоту так спокойно, словно сходила на тротуар с подножки омнибуса.

– Ну хоть одна спокойная смерть, – заметила я.

– Вы так думаете? О, нет: пока леди Каролина падала вниз, она истошно кричала и хваталась руками за воздух.

Мы все немного помолчали, глядя, как ветерок гонит рябь по поверхности холодной воды в озере. Затем Джордж прокашлялся и сказал:

– Э-э... Прелестный розарий.

– Да... Разбит на том самом месте, где упала леди Каролина.

– И красивое озеро...

– В этом озере утонул сэр Джон Кери. Пошел как-то ночью купаться. Рассказывают, что он благополучно доплыл до середины, а затем камнем пошел ко дну – такими тяжелыми оказались воспоминания, которые нахлынули на него в эту

минуту.

– Ну а что связано вон с тем домом? – раздраженно спросил Локвуд, указывая рукой на маленький коттедж, окруженный густыми кустами и живыми изгородями.

– Труп несчастного сэра Джона так и не нашли.

– В самом деле? Печально. Ну так что насчет того коттеджа?

– Сэр Джон по-прежнему лежит там, на дне, среди замшелых камней и старых утонувших листьев... Простите, вы о чем-то спросили?

– Да. Вон тот маленький домик. Какая душераздирающая история связана с ним?

Старый смотритель поморгал, задумчиво пожевал губами и ответил:

– Никакая.

– Прямо-таки никакая?

– Нет.

– Вы уверены? Никто в это коттедже не покончил жизнь самоубийством и никого не зарезал из-за неразделенной любви? Неужели ничего-ничего, даже самого завалиющего инфаркта?

– Пытаетесь высмеять меня, сэр? – холодно спросил Берт Старкинз. – Хотите показать, что вы весь из себя такой остроумный шутник из колледжа?

– В мыслях не держал ничего подобного, – искренне ответил Локвуд. – И, между прочим, скажу вам по секрету – я

никогда в колледже не учился.

– Возможно, и вы тоже не верите тому, что я вам рассказываю, – печальным тоном произнес смотритель. Его покрасневшие слезящиеся глаза тяжело перекатывались с меня на Джорджа и обратно, словно увязающие в грязи колеса телеги. – Никто из вас не верит.

– Нет-нет, мы верим, – сказала я. – Верим каждому вашему слову, сэр. Правда же мы верим, Джордж?

– Да, конечно, верим. Почти всему.

Берт Старкинз окинул нас – всех троих – сердитым взглядом:

– Очень скоро вы сами узнаете, правду я вам рассказал или нет. А тот коттедж... В нем действительно нет ни одного призрака, потому что там живу я. А я умею защитить себя от Гостей.

Действительно, даже отсюда, издалека, хорошо были видны защитные железные полосы на стенах домика и свисающие с его черепичной крыши обереги.

Больше старик ничего нам не сказал.

Он просто пошел вперед, молча завернул за угол и снова вывел нас к парадному крыльцу. Кто-то уже поднял наши дорожные мешки наверх, к самым открытым дверям, в которых стоял высокий тощий человек и приветственно махал нам тростью с серебряным набалдашником в виде головы мастиффа. Или все-таки бульдога, разрази его гром?!

– Добро пожаловать, мистер Локвуд, добро пожаловать! – встретил нас Джон Вильям Фейрфакс на пороге своего дома. Он пожал Локвуду руку, а меня и Джорджа удостоил лишь коротким кивком. Сегодня мистер Фейрфакс показался мне еще более высоким, тощим и похожим на жука-богомола, чем раньше. Дорогой твидовый темно-серый костюм обвисал пустыми складками на высохших руках и ногах железного короля.

– Я очень рад, что вы приехали точно в срок, как обещали. Я свое обещание тоже сдержал и десять минут назад перевел деньги на ваш банковский счет, мистер Локвуд. Больше вам не нужно беспокоиться о будущем своего агентства, поздравляю! Если вы пройдете вместе со мной в мои апартаменты в Восточном крыле, то сможете оттуда позвонить управляющему вашего банка, он подтвердит получение денег, а мы с вами заодно кое-что обсудим. А вы, мистер Каббинс, и вы, мисс Карлайл, можете пока пройти в Длинную галерею, там возле камина для вас накрыли столик. Нет-нет, не беспокойтесь за свои мешки, Старкинз за всем присмотрит!

Продолжая громко говорить, он двинулся в дом, стуча тростью по каменным плиткам пола. Локвуд пошел следом за ним. Джордж задержался на пороге, пошаркал ногами о коврик перед дверью. Я тоже задержалась здесь, но не для

того, чтобы очистить ботинки. Впервые с той самой поры, когда меня – совсем еще девчонку – Якобс палкой заставил войти в зараженный призраками фермерский дом, я пренебрегла самым первым, самым главным правилом агента.

Я робко остановилась в дверном проеме, чувствуя нерешительность и страх.

Вестибюль Холла представлял собой большой квадратный зал со сводчатым деревянным потолком и простыми побеленными стенами. Раздобытые Джорджем поэтажные планы говорили о том, что этот зал остался от первоначальной монастырской постройки, поэтому неудивительно, что своим размером и простотой архитектуры он напоминал церковь. Под сводом потолка сходились древние балки, отсюда же вниз смотрели небольшие резные деревянные фигуры крылатых ангелов со стертыми от времени лицами. На стенах висели картины – в основном написанные маслом портреты лордов и леди, живших в этом доме десятки и сотни лет назад.

В обеих боковых стенах вестибюля виднелись арки, в арках – двери комнат. Прямо передо мной высоко к потолку выгибалась еще одна арка, гораздо большая по размеру, а за ней...

А за этой аркой была лестница с широкими каменными ступенями. За сотни лет камень в центре каждой ступени стерся, истончился, отшлифовался подошвами и блестел как мрамор. По обе стороны лестницы над ступенями подни-

мались каменные перила. Лестничный пролет вел к расположенной под круглым стеклянным окном промежуточной площадке между этажами.

Сквозь это окно сейчас падали последние лучи закатного солнца, ложась кровавыми пятнами на каменные ступени.

Я смотрела на эту лестницу – и не могла сдвинуться с места. Я смотрела на нее – и вслушивалась.

Рядом со мной шаркнул своими ножищами Джордж. Тяжело дыша прошагал старый Старкинз, таща на плече первый из наших мешков. Вдали прошли лакеи с подносами, на которых перезванивались чашки, вазы с пирожными и серебряные ложечки. Из соседней комнаты донесся смех Локвуда.

Короче говоря, звуков вокруг меня хватало, но, вслушиваясь, я улавливала кое-что еще. Тишину. Дом молчал. Я ощущала его молчание – оно неслышно ползло по коридорам, обволакивало каменные ступени лестницы, просачивалось в открытые двери комнат, проникало сквозь окна, накапливалось, наступало издалека. Это молчание было бесконечным, а Холл – всего лишь открытыми воротами для него. Молчание спокойно и холодно ожидало нас – я чувствовала это. Мне казалось, что оно надвигается, нависает надо мной словно скала, готовая в любой момент обрушиться мне на голову.

Джордж перестал шаркать своими ботинками – побежал вдогонку за лакеями с их пирожными. Старкинз продолжал

сражаться с нашим багажом. Все остальные куда-то исчезли.

Я оглянулась через плечо на видневшуюся в открытом дверном проеме гравийную подъездную дорожку. Дорожка и лужайка рядом с ней все еще были освещены бледными лучами солнца. А в бороздах полей за лужайкой уже залегли темные тени – вскоре они поднимутся и укроют всю землю, и тогда во тьме погруженный в гробовое молчание дом оживет, и тишина взорвется...

Меня охватила паника. Я понимала, что не должна заходить в этот дом. И у меня еще есть время повернуть назад.

– Нервничаете? – спросил Берт Старкинз, проходя мимо меня с нашим огромным рюкзаком в руках. – Не буду вас винить, если нервничаете. Та бедная юная девочка из агентства «Фиттис», тридцать лет назад... Она тоже боялась. Я не буду осуждать вас, леди, даже если вы сбежите отсюда, – он соболезнующе посмотрел мне в глаза.

Слова зрителя отрезвили меня. Момент нерешительности, когда все вдруг закачалось на весах, прошел. Я вышла из оцепенения и упрямо тряхнула головой. Затем медленно переступила через порог, пересекла холодный вестибюль и вошла в Длинную галерею.

Галерея показалась мне мрачной и бесконечно длинной, освещенной проникавшими сквозь выстроившиеся в ряд окна лучами закатного солнца. Было очевидно, что Длинная галерея построена в одно время с вестибюлем и лестницей. Те же побеленные каменные стены, такой же дубовый пото-

лок, прячущиеся в тенях резные фигуры, – и снова вереницы написанных маслом потемневших от времени портретов. Примерно посередине галереи в стену был встроен камин – сейчас в нем весело потрескивал огонь. Дальний конец галереи был завешен выцветшим гобеленом с изображением какой-то мифологической сцены с шестью ангелочками, тремя пухлыми полуобнаженными женщинами и подозрительного вида медведем. Рядом с разожженным камином находился столик, на нем лакеи сервировали для нас чай.

Джордж уже жевал пирожное и с интересом осматривал гобелен.

– Вкусные, – сказал он мне. – Обязательно попробуй вон те длинненькие с кремом.

– Не сейчас. Мне нужно поговорить с Локвудом.

– Легко. Вон он идет.

Локвуд и Фейрфакс вошли в галерею со стороны вестибюля. Локвуд слегка вырвался вперед, навстречу нам с Джорджем. Его лицо казалось спокойным, однако глаза ярко блестели.

– Ты почувствовал атмосферу этого места? – начала я. – Мы...

– Вы представить себе не можете, – перебил меня Локвуд. – Они перерыли наши мешки.

– Что?! – в один голос воскликнули мы с Джорджем.

– Пока мы ходили вокруг дома, слушая рассказы Старкинза, Фейрфакс поручил своим людям проверить наш багаж.

Хотел убедиться, что мы не принесли с собой банки греческого огня.

– Они не имели права! – возмутился Джордж.

– Знаю! Тем более что мы дали Фейрфаксу слово.

Фейрфакс тем временем отчитал за что-то стоявших возле стола лакеев, затем отпустил их, пристукнув по полу своей тростью.

– Как ты узнал, что Фейрфакс досматривал наш багаж? – негромко спросила я.

– Представляешь, он сам мне сказал об этом сразу после того, как я позвонил в банк. Бесстыжий старый гриб. В оправдание стал долдонить все то же, что и раньше, – памятник архитектуры, древняя мебель, которой цены нет, и прочее бла-бла-бла, бла-бла-бла. Самое главное и единственное, что он хотел всем этим сказать: смотрите, ребята, это мой дом и игра будет идти по моим правилам. Или вы согласны играть по моим правилам, или игра не состоится вовсе. Со всеми вытекающими.

– В принципе, все это было ясно с самого начала, – заметил Джордж. – Вообще-то, мне кажется, наш клиент слегка чокнутый. Как-то странно он себя ведет – не позволяет иметь при себе вспышки, не дает времени на сбор информации, но при этом заявляет, что это один из самых сильно зараженных призраками домов во всей Британии, и...

– Ну, заявляет-то он по делу, – сказала я. – Разве вы сами не чувствуете, что за атмосфера в этом доме? – Я посмотрела

на своих товарищей.

– Да. Я чувствую, – коротко кивнул Локвуд.

– В таком случае скажи – ты действительно уверен, что мы должны...

– Мистер Локвуд! – разлетелся по галерее глубокий голос Фейрфакса. – Ваш чай стынет! Идите к столу и позвольте мне дать вам несколько последних советов.

Закуска была превосходной, чай – восхитительный («Питкинс»!), от камина расходились волны тепла. Пока мы молча ели, Фейрфакс сидел и рассказывал о достопримечательностях Холла, поглядывая на нас своими темными полуприкрытыми глазами. Он говорил о сохранившихся со времен позднего Средневековья потолках, севрском фарфоре, мебели эпохи королевы Анны, о развешанных в вестибюле и на лестнице уникальных масляных картинах мастеров эпохи Возрождения. Вспоминал о расположенных прямо у нас под ногами винных подвалах, о знаменитых монастырских огородах, которые он мечтал возродить, и ушедших под воду озера крытых галереях. О том, что нам предстоит сделать этой ночью, он не проронил ни слова до тех пор, пока мы не допили чай. Вот тогда Фейрфакс отпустил лакеев и перешел к делу.

– Время поджигает, – сказал он. – Мы со Старкинзом обязательно должны уйти до наступления ночи. Вам, разумеется, тоже потребуется время, чтобы подготовиться к работе, поэтому я постараюсь быть кратким. Как я уже говорил, это

крыло – самый зараженный призраками участок дома. Возможно, вы это уже и сами почувствовали.

Мы с Джорджем молчали. Локвуд вежливо улыбнулся, продолжая водить своим тонким пальцем вокруг тарелки, и сказал:

– Предстоящая ночь обещает быть очень интересной, сэр.

– Вот это, я понимаю, бодрость духа! – одобрительно прищелкнул языком Фейрфакс. – Ну а теперь к делу, к делу. С наступлением сумерек я оставлю вас здесь. Входные двери Холла будут прикрыты, но не заперты – если потребуется, вы в любое время сможете беспрепятственно выйти из дома. Кроме того, на каждом этаже вы найдете железную дверь, ведущую в Восточное крыло. Эти двери будут заперты, но вы можете постучать в любую из них, и я приду вам на помощь. Из-за влияния потусторонних сил электрическое оборудование в этом крыле работает плохо, но в вестибюле установят телефон, связанный кабелем напрямую со сторожкой Старкинза. Все остальные двери внутри Холла будут открыты, за исключением одной. Ключ от этой двери у меня с собой, я вскоре отдам его вам, – он похлопал себя по жилетному карману. – Вопросы есть?

– Я считаю, будет полезно, если вы укажете нам места наибольшей активности потусторонних сил, – негромко сказал Локвуд. – Если, конечно, у вас есть на это время, сэр.

– Да. Да, разумеется. Старкинз! – На громкий голос старого Фейрфакса вскоре приковылял еще более старый смот-

ритель. – Скажи Борису и Карлу, пусть устанавливают телефон, – распорядился Фейрфакс. – А я тем временем проведу мистера Локвуда по дому. Старкинз прекрасный слуга, только слишком трусоват, – заметил наш хозяин. – Всегда старается смыться отсюда пораньше, задолго до захода солнца. Впрочем, может, благодаря своей осторожности он и живет так долго. Ну, пойдёмте.

Мы вышли из-за стола и следом за Фейрфаксом направились по галерее. Здесь он указал на дверцу в стене:

– Отсюда вы можете попасть в зимний сад, оранжереи и кухню. Они очень старые, но не такие древние, как эта галерея – она, как вы знаете, сохранилась от первоначальной монастырской постройки. Некогда галерея соединяла эту часть дома с другими помещениями, но их давным-давно снесли. Теперь дом заканчивается вот здесь, – Фейрфакс указал тростью на прикрывающий торцовую стену галереи гобелен.

Затем он вернулся вместе с нами в вестибюль и привел нас в большую квадратную комнату с застланным ковром полом, с рядами темных книжных полок на стенах и обитой железом дверью в дальней стене. Возле столиков для чтения стояли современные неудобные кресла с кожаными сиденьями и на металлических ножках. Одна стена вместо полок была почти полностью увешана фотографиями в рамках. Лишь некоторые фотографии были цветными, подавляющее большинство – черно-белыми. На самой большой фотографии, занимающей почетное место в центре, был изображен се-

рзый молодой человек в камзоле, круглом жестком кружевном воротнике и трико, внимательно рассматривающий ветхий заплесневевший череп.

– Простите, это вы, сэръ? – спросил Локвуд, с интересом разглядывая фотографию.

– Да, – кивнул Фейрфакс. – В юности я играл Гамлета. Вообще-то я сыграл множество шекспировских персонажей, но принц Датский – мой любимый. Ах, «Быть или не быть...»! Герой, оказавшийся между жизнью и смертью. Не хочу хвастать, но Гамлетом я был очень неплохим. Ну ладно. Комната, куда я вас привел, – это библиотека, здесь я провожу основную часть времени, когда приезжаю в Холл. Литературные вкусы моих предшественников оказались крайне убогими, поэтому я завез сюда свое собственное собрание книг и слегка обновил само помещение. Всего лишь один шаг через эту дверь – и оказываешься в моих полностью безопасных апартаментах, а в самой библиотеке активность призраков сдерживает железная мебель – выпущенная, между прочим, моей компанией.

– Очень приятная комната, – согласился Локвуд.

– Но провести здесь слишком много времени вам не удастся, – Фейрфакс вывел нас назад в вестибюль, где Старкинз уже устанавливал черный старомодный телефонный аппарат рядом со стоящей на приставном столике расписной вазой. – Источник, где бы он ни был, наверняка находится где-то в самой древней части дома. В вестибюле, Длинной галерее или,

что всего вероятнее, на верхних этажах. Эй, осторожнее! – крикнул он двум лакеям, тянувшим телефонный кабель вокруг столика. – Это же настоящая китайская ваза времен династии Хань! Вы знаете, сколько она стоит?!

Фейрфакс продолжал распекать лакеев, но я уже отключилась и пошла по вестибюлю, прислушиваясь к тому, что происходит вокруг, своим внутренним ухом, но слышала лишь, как гулко стучит мое сердце в давящей, терпеливо ожидающей мертвой тишине. Передо мной поднимались вверх массивные ступеньки, загибались в направлении промежуточной лестничной площадки и исчезали во мраке.

На уровне каждой ступени внешние стороны перил украшали фигурки странных существ – рогатых, с чешуйчатым телом, держащих в передних лапах небольшую подставку.

– Слышишь что-нибудь? – спросил Джордж, протискиваясь мимо меня.

– Нет. Полная тишина. Уши словно ватой заложило.

– Я вижу, вы нашли легендарную Кричащую лестницу! – раздался голос Фейрфакса. – Видите эти подставки в лапах резных драконов? На них Красный Герцог ставил черепа своих жертв. Во всяком случае, так гласит легенда. Между прочим, завтра вы сами сможете подтвердить правдивость многих историй, связанных с этой лестницей. Надеюсь, впрочем, что вам повезет и вы не услышите ее крика.

Фейрфакс повел всех нас троих вверх по ступеням, громко стуча по камню кончиком своей трости. Мы поднимались

молча, не глядя друг на друга, прислушиваясь каждый к своим ощущениям. Я провела кончиками пальцев по перилам, но ничего не услышала.

Поднявшись на площадку, мы встали у окна – четыре фигуры в последних кроваво-красных лучах заходящего солнца. Здесь было тихо – толстый темно-вишневый ковер на полу и красные обои с ворсистым рисунком гасили все звуки. И еще здесь присутствовал странный сладковатый запах, напоминавший аромат тропических цветов, к которому приешивалась нотка тления. С востока на запад вдоль оси дома отсюда уходил длинный широкий коридор, который я помнила по планам Джорджа. По обе стороны коридора темнели раскрытые двери комнат – в их проемах я мельком успевала заметить дубовую мебель, картины, зеркала в тяжелых золоченых рамах...

Фейрфакс по сторонам не смотрел, он быстро вел нас на запад, пока мы не достигли конца коридора, торец которого заканчивался дверью.

Здесь Фейрфакс остановился, тяжело переводя дыхание – то ли запыхался от быстрой ходьбы, то ли воздух здесь был для него слишком спертым.

– За этой дверью, – сказал он, слегка отдышавшись, – находится место, о котором я вам говорил. Красная комната.

Дверь Красной комнаты была крепкой, деревянной и запертой на ключ, но во всем остальном ничем не отличалась от той вереницы дверей, мимо которых мы только что про-

шли. Ничем, если не считать сделанной на ней пометки – на центральной дверной панели кто-то грубо нацарапал большую букву Х. Она была сделана двумя яростными, глубоко вошедшими в дерево штрихами – одним коротким и одним длинным.

Фейрфакс удобнее оперся о свою трость и сказал:

– А теперь внимание, мистер Локвуд. Эта комната считается настолько опасной, что дверь в нее всегда заперта. Однако вот ключ от нее, и я передаю его вам.

Здесь Фейрфакс сыграл небольшой этюд, якобы отыскивая ключ в своих карманах: актер – он до самой смерти актер, что ж тут поделаешь! – затем наконец выудил из жилетного кармашка маленький золоченый ключик на темно-красной ленточке. Локвуд с невозмутимым видом взял ключ.

– Я уверен, что главный Источник находится в этой комнате, – сказал Фейрфакс. – Но входить вам в нее или нет, будете решать сами. Вы не обязаны это делать. Мне кажется, однако, что вы уже готовы согласиться со мной по поводу местонахождения Источника...

Фейрфакс продолжал говорить, но мне стало не до него – своим внутренним ухом я услышала неожиданно возникшие из абсолютной тишины голоса.

Они были где-то совсем близко, что-то шептали, и очень мне не нравились, эти голоса. Я заметила, как побледнел Локвуд, и даже Джордж как-то позеленел и подтянул вверх воротник своей куртки, словно ему стало очень холодно.

Внизу, в вестибюле, телефон был уже установлен на столе рядом с фарфоровой китайской вазой, провода протянуты вдоль стен к розетке, находившейся где-то в библиотеке. Лакеи ушли. Старый Берт Старкинз топтался на пороге, глядя вслед лакеям и явно мечтая поскорее уйти вслед за ними.

– Десять минут, сэр! – крикнул он.

– Мистер Локвуд? – прощаясь, наклонил голову Фейр-факс.

– Отлично, – кивнул в ответ Локвуд. – Десяти минут нам вполне будет достаточно.

Мы молча принялись разгружать свои дорожные мешки под высокими узкими окнами Длинной галереи. Сложили снаряжение, подтянули ремешки, проверили пояса. У каждого из нас был обычный набор, за исключением, правда, вспышек.

На моем поясе висела рапира, в кармашки были вложены фонарик, запасные батарейки, три восковые свечи, зажигалка, коробок спичек, пять маленьких серебряных печатей (все разные по форме), три мешочка с железными опилками, три соляные бомбочки, два флакона лавандовой воды, термометр, блокнот и ручка. На отдельной, перекинутой через плечо перевязи торчали соединенные парами пластиковые банки.

Одна банка в каждой паре начинена железными опилками, вторая солью. По двести граммов того и другого. На вто-

ром плече у меня висела свернутая кольцом тонкая железная цепь – если ее растянуть, она будет в длину около двух метров. Чтобы цепь не звенела при каждом шаге, она обернута в «пупырку» – воздушно-пузырьковую пленку. Наконец, в боковых карманах куртки у меня был неприкосновенный запас: банка энергетического напитка, пара сэндвичей и плитка шоколада. Большой термос с горячим чаем, длинные цепи и дополнительные печати лежали в отдельном мешке.

Помимо обычной одежды на мне были шерстяные перчатки, жилет и леггинсы. На ногах – толстые теплые носки. Было еще не настолько холодно, чтобы надевать шерстяную вязаную шапочку, поэтому пока я сунула ее в карман своей парки. Ах да, чуть не забыла. Разумеется, на шее у меня по-прежнему висел на шнурке маленький стеклянный контейнер с кулоном.

Локвуд и Джордж были экипированы примерно так же, как я, правда, у Локвуда были еще темные очки, лежащие сейчас в нагрудном кармане его пальто. Необычно тяжелая экипировка пригибала к полу, но зато у каждого из нас было при себе достаточно железа, чтобы защитить себя даже в том случае, если нам вдруг придется разделиться и действовать поодиночке. В наших вещевых мешках оставался двойной набор толстых железных цепей, способных остановить любого по силе Гостя, но пока мы могли обойтись и без них.

К тому времени, когда мы закончили с экипировкой, за окнами стало совсем темно. В камине догорали оранжевые

язычки пламени. Темные тени легли на потолке Длинной галереи, обволокли изгибы и углы большой каменной лестницы.

День умер, вступила в свои права ночь. Вот-вот зашевелиятся заполонившие Холл Гости, но и мы, Локвуд и Компания, были готовы к встрече с ними. Мы вместе, мы верим в себя и своих товарищей, и нас никому не испугать.

– Ну что ж, пора, – сказал Фейрфакс. Он стоял рядом со Старкинзом возле двери. – Чтобы выслушать ваш доклад, я вернусь сюда завтра в девять утра. У вас остались какие-нибудь вопросы?

Он осмотрел нас. Локвуд слегка улыбался, положив руку на эфес своей рапиры, и стоял в такой непринужденной позе, словно ждал автобуса. Рядом с ним молча застыл Джордж – как всегда неуклюжий, моргающий сквозь толстые стекла очков, в отвисших под весом соли и железа брюках. И я... Как выглядела я сама в эту минуту? Не знаю. Надеюсь, что вполне достойно и мне удалось не показать, как мне страшно.

– Нет вопросов? – повторил Фейрфакс.

Мы молча стояли и ждали, когда же они со Старкинзом уйдут и оставят нас в покое.

– В таком случае, до утра! Желаю удачи! – Фейрфакс помахал нам рукой, коротко кивнул Берту Старкинзу и вышел. Старкинз протянул руку, чтобы закрыть за собой дверь, –

на секунду в раме дверного проема на фоне сгустившихся сумерек обрисовалась его фигура, напоминающая иссохшее скрюченное дерево.

Затем дважды скрипнули петли, и двери с громким стуком закрылись. Эхо разнесло этот стук по всему вестибюлю и дальше, по Длинной галерее. Там оно, несколько раз отразившись от стен, и угасло.

– Только бы он не забыл здесь свою трость, – ехидно заметил Джордж. – Если ему придется вернуться, весь театральный эффект пойдет насмарку, верно?

Ни я, ни Локвуд ничего Джорджу не ответили. Звуки умерли, и дом медленно, как вода во время прилива, начала заполнять тревожная, напряженно всматривающаяся в нас тишина.

– Ну, начнем по порядку, – сказал Локвуд. – Ждите меня здесь.

Он прошел через вестибюль, звонко цокая подошвами под пристальными взглядами, которые бросали на него с портретов давно умершие лорды и леди Кум Кери, к маленькой дверце рядом с лестницей. Открыв ее, он скрылся внутри. Дверь со стуком закрылась. Наступила тишина. Мы с Джорджем переглянулись. Вскоре из-за двери послышался стук керамики и следом за ним шум спущенной в унитазе воды. Потом из двери появился Локвуд, вытирая мокрую руку о свое пальто. Он неторопливо приблизился к нам и сказал, покачивая в руке мокрым блестящим пакетом:

– Вот так-то будет лучше.

– Что это? – спросил Джордж.

– Семь самых мощных магниевых вспышек, какие только нашлись у «Сэтчелл», – торжественно ответил Локвуд. – Крепите их на свои пояса как обычно и пошли.

Он с треском отодрал полоску скотча и, развернув мокрый пакет, выкатил на ладонь два ярких серебристых цилиндра.

– Локвуд... – начал Джордж. – Как ты...

– Ты пронес вспышки под одеждой! – воскликнула я. – И спрятал, когда мы приехали! Пока мы со Старкинзом ждали тебя снаружи!

– Верно, – улыбнулся Локвуд, сверкнув в сгущающихся сумерках своей белоснежной улыбкой. – Приколол пакет к подкладке пальто. А как только мы приехали сюда, прорвался в туалет и спрятал пакет в бачке. Ну давай, Люси, подставляй ладони.

Я с наслаждением приняла в руки тяжеленькие цилиндры и положила их в пустые кармашки на поясе. Локвуд вытряхнул еще два цилиндра и передал их Джорджу.

– Я подозревал, что Фейрфакс может устроить нам шмон, – сказал Локвуд, – и постарался отделаться от вспышек как можно быстрее. Но, честно говоря, не предполагал, что он станет рыться в наших мешках, пока мы будем отсутствовать. Ну ладно, зато теперь мы знаем, что он за человек.

– А что он за человек? – спросил Джордж, разглядывая свои цилиндры с греческим огнем.

– Да ужасный он человек, разве вы сами этого не заметили? Так... А эти две для меня...

– Но если только Фейрфакс, не дай бог, узнает...

– Не бойся, не узнает, – недобро усмехнулся Локвуд. – И вообще я не собираюсь идти у него на поводу. Он слишком зарвался со своими правилами. Пора слегка подкорректировать их в свою пользу.

– Ты все это блестяще провернул, Локвуд, не спорю, – сказал Джордж. – Но ты сам знаешь, что если мы спалим хотя бы одну ножку какого-нибудь идиотского кресла эпохи королевы Анны, Фейрфакс не заплатит нам оставшихся денег.

Это в лучшем случае. А в худшем подаст на нас в суд, как Хоупы. И мы снова останемся у разбитого корыта.

– Ну и пусть себе подает, – кивнул Локвуд. – Зато этот греческий огонь может спасти нам жизнь. Что для тебя важнее, Джордж, – жизнь или деньги? Вспомни, что случилось с той группой агентов, которая провела ночь в этом доме. А вот нас замертво лежащими на полу никто не найдет – дудки! Вот почему вчера я прикупил еще одну вещицу.

Он еще раз перевернул пакет, и из него выкатился седьмой цилиндр. На нем, как и на остальных шести, был логотип корпорации «Санрайз», но этот цилиндр был несколько больше по размеру, наклейка у него на боку была не белой, а темно-красной, а из верхнего конца торчал длинный бикфордов шнур.

– Новый тип вспышки, – сказал Локвуд, прикрепляя цилиндр к своему поясу. – Один знакомый парень из «Сэтчелл» сказал, что такие вспышки стали применять в агентствах «Фиттис» и «Ротвелл» для борьбы с кластерами – большими группами призраков, сконцентрированных в одном месте. Души жертв бомбардировок, например, или эпидемии чумы. Такая вспышка образует очень сильную взрывную волну из серебра, железа и магния – ее мощность на порядок выше, чем у обычной вспышки. Применяется в полевых условиях. Но и стоит она тоже будь здоров... Так, ладно, куда бы мне деть этот мусор?

Он скомкал мокрый пакет, огляделся по сторонам, а за-

тем засунул его внутрь драгоценной китайской вазы династии Хань.

– Ну вот и хорошо, – криво усмехнулся Локвуд. – А теперь за работу.

Своей оперативной базой мы выбрали библиотеку. Она была достаточно недалеко и от главного выхода, и от двери, соединяющей коридор с безопасным Восточным крылом. Кроме того, железная мебель библиотеки должна была гасить активность Гостей. Мы затащили туда наши мешки, Локвуд зажег стоящую на столике электрическую лампу и поставил ее регулятор на самую малую мощность.

– Итак, беглый осмотр дома мы уже произвели, – сказал он. – Ваши ощущения?

– Весь Холл кишит призраками, – ответила я.

– А где их присутствие ты ощутила сильнее всего? – спросил Джордж.

– В коридоре возле Красной комнаты.

– Ага, – кивнул он.

– А услышать ты что-нибудь смогла, Люси? – спросил Локвуд.

– В том коридоре? Шепчущие голоса. Слишком тихие, чтобы разобрать хоть слово, но... очень злобные. Не понравились они мне. Во всех других местах – тишина, и она мне тоже не понравилась. Я знаю, что ночью такая тишина должна взорваться, – я виновато улыбнулась и добавила: – Прости, тебе, наверное, кажется, что я несую какую-то чушь.

– Может быть, – кивнул Локвуд, – но со мной происходит что-то похожее. Я повсюду чувствую свечение смерти, но нигде не вижу пятен. А что у тебя, Джордж?

– У меня не такой сильный Дар, как у вас двоих, – сказал Джордж, – но одну вещь я тоже заметил, – он отцепил от куртки термометр и показал нам его шкалу. – Когда мы были в библиотеке с Фейрфаксом, температура там была шестнадцать градусов. Сейчас уже тринадцать. И она продолжает падать.

– Это значит, что запас времени у нас пока есть, – сказал Локвуд. – Значит, так, следим за температурой, прислушиваемся к своим ощущениям и записываем их. Прежде всего, осматриваем нижний этаж, включая лестницу, затем подвалы. Потом сделаем небольшой перерыв. После перерыва обходим остальные этажи. Дом большой, ночь длинная. Все время держимся вместе. Никто никуда не отходит ни под каким предлогом. Если кому-то приспичит отлить, все идут его сопровождать. Все ясно?

– Ясно, – сказала я. – Сегодня я больше чая не пью.

Я оказалась права. Это дом действительно кишел ими, и это стало совершенно очевидно еще до того, как начали появляться сами призраки.

Благодаря железной мебели в библиотеке, откуда мы начали осмотр, паранормальных следов было относительно немного. Но даже здесь, погасив лампу и оставшись в полной темноте, мы начали замечать отдельные короткие вспышки

потустороннего огня. Они были слишком бледными и слабыми, чтобы перерасти в настоящую манифестацию, но следы эктоплазмы – это всегда следы эктоплазмы, пусть даже и маломощные. Следуя стандартным, составленным еще Мариссой Фиттис, процедурам, Джордж измерил температуру во всех четырех углах комнаты и в ее центре. Аккуратно записал показания в свой блокнот. Пока он делал все это, я стояла рядом, обнажив рапиру, – сторожила и подстраховывала Джорджа. Затем я стала прислушиваться, Локвуд – осматриваться.

Увы, никакой новой информации ни мой Дар, ни Дар Локвуда нам не принес. Мои уши по-прежнему ощущали только тишину, она забивала их как вата. Локвуд сказал, что рассмотрел лишь несколько бледных пятен – очевидно, следы какого-то очень древнего, почти выдохшегося свечения смерти. По-моему, его гораздо больше заинтересовали висевшие на стене библиотеки фотографии.

В вестибюле термометр Джорджа показал в среднем одиннадцать градусов. Проблески плазмы стали ярче и чаще, они мелькали в темноте как огненные бабочки. Кроме того, появились первые нити зеленовато-молочного призрачного тумана, пока еще очень бледные и тонкие. Туманная дымка стелилась по полу и понемногу скапливалась в углах.

Вскоре я уловила своим слухом новый звуковой феномен – низкий, едва слышный треск, похожий на разряды статического электричества, которые постоянно доносятся из вклю-

ченного радиоприемника. Треск появлялся и исчезал через равные промежутки времени, постоянно угрожая слиться в постоянный фон, но не делая этого. Я никак не могла объяснить себе, что это за шум, и его непонятная природа все больше начинала меня тревожить. Я изо всех сил старалась «выключить» этот шум, перестать слышать его, но безуспешно.

Тем временем Локвуд обнаружил в вестибюле три пятна свечения смерти, все они были очень яркими.

– Думаешь, недавние? – спросила я.

Локвуд снял солнечные очки и положил их в карман пальто.

– Или старые, но оставленные каким-то ужасным событием, – ответил он. – Точно сказать невозможно.

А вот на лестнице, как ни странно, ничего особенного не обнаружилось. Температура, которую измерил Джордж, здесь была такой же, как в вестибюле. Я, в свою очередь, не услышала на лестнице никаких новых звуков, ни намека на какие-нибудь крики и вопли.

Притронувшись – скорее на всякий случай – к каменным ступеням, я прислушалась, но почувствовала лишь смутную тревогу и беспокойство, – но их я ощущала и без этого.

Дальняя стена Длинной галереи терялась в тенях, и возле нее было очень холодно. Огонь в камине почти погас – оставался лишь последний слабый язычок пламени, он мигал, трепетал, но никак не мог исчезнуть до конца. Джордж

вновь посмотрел на свой термометр.

– Восемь градусов, – сказал он. – И температура продолжает падать.

– Я начинаю испытывать мелейз, – сказала я. – Кто-нибудь из вас его ощущает?

Джордж и Локвуд дружно кивнули. Так, началось. Мелейз – знакомое, но всегда отвратительное ощущение, которое охватывает тебя при появлении призраков. Испытываешь упадок духа, на сердце словно наваливается камень, и хочется свернуться клубочком на полу и закрыть глаза...

Мы встали ближе друг к другу, положили руки на эфесы рапир и осторожно двинулись вперед.

Пока мы шли мимо чайного столика к выцветшему гобелену на дальнем торце галереи, вызванное мелейзом отчаяние становилось все сильнее. Температура быстро понижалась. Призрачный туман становился все гуще, окутывая ноги почти по колено, клубился по расставленным вдоль стены диванам. Оглянувшись назад, мы увидели первые явления – стоящие посреди вестибюля размытые фигуры.

Одной из главных особенностей слабых призраков Первого типа можно считать то, что лучше всего их можно рассмотреть боковым зрением, краешком глаза.

Призраков было трое – две детские фигуры и одна большая, взрослая. Кроме этого сказать про наших первых Гостей было нечего.

Стараясь не обращать на них внимания, мы принялись

тщательно и осторожно изучать торцевую стену галереи. Возле нее было очень холодно, и с каждой минутой становилось все холоднее. Локвуд приподнял кончиком своей рапиры край гобелена, заглянул под него.

– Я собирался сделать то же самое, – сказал Джордж. – Есть там что-нибудь?

– Только каменная стена, – ответил Локвуд, отпуская гобелен. – Но место очень холодное.

– Да уж, – откликнулся Джордж. – Шесть градусов. Почти пять. Ну, с этим местом все понятно, двигаем дальше.

Закончив осматривать нижний этаж и возвратившись в вестибюль, мы погрузились в облако зловещего тумана, странных звуков и запахов. Здесь не было так же холодно, как в Длинной галерее, и атмосфера казалась не такой давящей, но сверхъестественные феномены можно было заметить повсюду. Мерзкий, похожий на разряды статического электричества, шум стал еще громче, Локвуд обнаружил новые пятна посмертного свечения. Явления появлялись все чаще. Они всегда возникали не рядом с нами, а поодаль. Призраки материализовались в дальних концах коридоров, в местах, где мы только что были или куда собирались направиться. Явления оставались размытыми, нечеткими, однако некоторые из них совершенно очевидно были призраками детей. Всех этих Гостей можно было считать типичными призраками Первого типа – ни на что не реагирующие, неагрессивные, просто слегка печальные.

– Мелочевка, – сказал о них Джордж, когда при слабом свете свечи, которую держал над головой Локвуд, мы спустились по узкой лестнице в подвал. – Тени, Луркеры, Дымки... Просто побочные манифестации, которые обычно собираются вокруг основного, мощного Источника. А ничего похожего на настоящий Источник мы пока не заметили, за исключением, может быть, того холодного пятна под гобеленом. Надеюсь, вы помните, что за комната находится прямо над тем местом?

Я не ответила. За последний час никто из нас не упомянул о Красной комнате, хотя становилось все очевиднее, что все пути, скорее всего, ведут именно к ней.

Темнота в подвале стояла хоть глаз выколи. Свеча почти сразу же погасла, и мы переключились на электрические фонарики. Их лучи выхватили из тьмы паутину проходов со сводчатыми потолками, серый камень стен, древние столбы и неровный, выложенный каменными плитками пол, по которому клубился призрачный туман. Некоторые стенные ниши были завалены битыми бочонками и пустыми стеллажами, на которых когда-то хранились бутылки с вином. В остальных нишах виднелись лишь доски, щепки, паутина и кое-где мелькали крысы. Чем дальше мы уходили в глубь подвала, тем гуще становились и паутина, и призрачный туман. Температура продолжала понижаться.

В конце подвала мы уткнулись в глухую каменную стену.
– Та же история, что и наверху, – сказал Джордж, черкая

что-то на своей карте, пока я светила ему фонариком. Локвуд стоял рядом с нами, держа наготове рапиру. – Сейчас мы находимся под торцевой стеной Длинной галереи и снова натолкнулись на холодное пятно. Всего пять градусов – меньше, чем в других местах подвала. И паутина гуще... С этой стеной что-то не так... О!

Локвуд оттолкнул нас с Джорджем в сторону и резко выбросил вперед лезвие своей рапиры. Ее кончик царапнул по стене – в темноте вспыхнули желтые искры.

– Промахнулся! – сказал Локвуд и выругался. – Ушел.

Я тоже выхватила рапиру. Джордж потерял равновесие и шлепнулся на пол вместе со своим рюкзаком и цепью. Мы с ним бешено стали оглядываться по сторонам, фонарик плясал у меня в руке, выписывая судорожные круги. Было ощущение, что мы со всех сторон окружены серым древним камнем.

– Что это было? – спросила я. – Локвуд...

Он смахнул упавшую на глаза прядь волос и ответил, тяжело дыша:

– А ты не видела?

– Нет.

– Он был здесь. Стоял прямо рядом с тобой. Проворный, гад.

– Локву-у-уд!

– Это был мужчина – возник прямо из темноты рядом со стеной. Мне показалось, что он пытался схватить тебя, Лю-

си. Думаю, это призрак монаха. Макушка головы лысая. Как это называется – тонзила?

– Тонзура, – поправил его Джордж, поднимаясь с пола.

– Тонзила, тонзура – какая разница? Знаете, мне очень не понравилось его лицо.

Мы вернулись наверх. Внутри библиотеки заползло несколько витков призрачного тумана, но лампа по-прежнему горела ровно, призрачных явлений в этой комнате не было.

Локвуд слегка прибавил яркость лампы. Мы сняли с плеч тяжелые витки железных цепей, разложили на столе свои фляжки и провизию и молча расселись по креслам. Было самое начало одиннадцатого.

Спустя некоторое время я почувствовала, что моей груди касается что-то твердое и холодное, и вытащила из-под куртки контейнер из серебряного стекла. Изнутри контейнера пробивалось слабое голубое сияние – я впервые увидела, как кулон Анни Вард излучает потусторонний свет. Совершенно очевидно, что дух этой девушки по-прежнему оставался активным. Может быть, кулон засветился из-за близкого присутствия других призраков, может быть – по какой-то иной причине, не знаю. Когда дело касается Гостей, почти все и всегда остается на уровне догадок. С момента возникновения Проблемы прошло полвека – а что мы успели о ней узнать? Считай, почти ничего.

Джордж разгладил на своем широком колене листочки с

поэтажными планами Холла и что-то обдумывал, постукивая себя по зубам кончиком карандаша. Это постукивание слегка раздражало меня, как, впрочем, почти все в Джордже. Локвуд доел свое печенье и с фонариком в руке отправился осматривать книжные полки. В открытой двери промелькнул одинокий призрак и тут же скрылся в темноте вестибюля.

– Понял, – сказал Джордж.

– Что понял? – спросила я, пряча стеклянный контейнер с кулоном.

– Источник. Я знаю, где он.

– Я думаю, это известно всем нам, – сказала я. – В Красной комнате.

Что ж, кто-то должен был произнести это. Тем более что, передохнув, мы должны были отправиться на верхние этажи.

– Может быть, – кивнул Джордж. – А может быть, и нет.

Он снял очки и начал протирать свои уставшие глаза. Затем вернул очки на переносицу. Странное дело – без очков глаза у Джорджа кажутся маленькими, растерянными и подслеповатыми, как у глупой овцы, которая промахнулась нужный поворот и не знает, куда ей бежать дальше. Но стоит ему надеть очки – и его глаза становятся решительными и проныцательными, как у орла, который ест на завтрак тех самых глупых растерянных овец. Именно такими они были у него сейчас.

– Мне только что пришла в голову одна мысль, – сказал

он. – Собственно говоря, она напрашивалась с самого начала, когда мы рассматривали старые планы, но не замечали очевидных вещей, тупицы. Наблюдения, которые мы сделали во время обхода, эту мысль полностью подтверждают. Вот смотрите... – Он положил на стол рядом друг с другом два листочка с планами. – Вот старый набросок руин монастыря. Средневековый. Вот трапезная, которая позднее станет Длинной галереей. Лестница. А это монашеские спальни – дортуары. Многие из них исчезли, но вот эта одна осталась, теперь ее называют Красной комнатой.

– Локвуд, ты слушаешь? – неожиданно спросила я.

– М-м... Да, – ответил Локвуд. Он стоял перед стеной с фотографиями и лениво перелистывал взятую с полки книгу.

– На средневековом плане показаны проходы позади Красной комнаты, и позади Длинной галереи тоже, которые позднее были сломаны, – продолжал Джордж. – Эти проходы вели к ряду комнат на обоих этажах – может быть, к другим спальням, или кладовым, или часовням, не знаю. Вероятно, продолжение имел и подвал – точно не скажу, на плане его нет. Но на поэтажном плане девятнадцатого века эти помещения отсутствуют, и мы видим крыло таким же, как сегодня. И это крыло заканчивается стеной, на которой имеются холодные пятна.

– Очень крепкая стена, правда? – сказала я.

– Очень толстая, – поправил меня Джордж. – И в этом

весь фокус. Эта стена гораздо толще, чем показано на средневековом плане.

Меня словно током ударило. Я вздрогнула от возбуждения и хрипло спросила:

– Так ты думаешь...

– Да! – Джордж блеснул стеклами очков. – Я думаю, что в стене находятся потайные помещения.

– То есть, когда часть старого дома ломали, в стене замуrowали целую сеть соединяющихся переходов? По-моему, это очень даже возможно. А что ты на это скажешь, Локвуд?

Ответа не последовало. Обернувшись, я увидела, что Локвуд взял с полки еще несколько книг и погрузился в них. Он сидел спиной к нам, на стопке книг примостив свой термос с чаем. Как раз в это время Локвуд неторопливо отпил глоток из дымящейся крышки термоса.

– Локвуд! Какого черта ты там делаешь?!

Он обернулся. Взгляд у него был отсутствующим – я заметила, что такой появился у Локвуда в последние несколько дней. Казалось, Локвуд рассматривает что-то очень интересное, но происходящее вдалеке.

– Прости, Люси. Ты о чем-то спросила?

– Чем ты занят? Джордж кое-что обнаружил.

– Вот как? Превосходно... А я рассматриваю альбомы Фейрфакса. Он хранит все, что связано с его игрой на сцене, – программки, билеты, статьи и все такое прочее. Удивительно. Знаешь, он в юности действительно был неплохим

актером.

– Какое это имеет отношение к делу? – уставилась я на него. – Думаешь, этот хлам поможет нам отыскать Источник?

– Вряд ли... Я просто хочу понять, ухватить что-то... Оно близко, но все время ускользает, как вода сквозь пальцы. – Лицо Локвуда мгновенно изменилось, словно кто-то повернул выключатель. – Да, ты права, к делу это отношения не имеет. – Он поднялся, перешел к столу, сел рядом с Джорджем, дружески хлопнул его по спине и спросил: – Так что ты говоришь, Джордж? Потайные помещения в торцевой стене?

– Да, комнаты или переходы, – Джордж поправил на носу очки и быстро заговорил: – Ты помнишь рассказ Фейрфакса о той злополучной экспедиции агентов «Фиттис» тридцать лет назад? Эта история не давала мне покоя. Двое агентов были найдены мертвыми в Красной комнате. Третий агент – парень – бесследно исчез. Как известно, призраки своих жертв не едят. Так где же этот парень? – Джордж ткнул в план своим толстым пальцем и торжественно объявил: – Он здесь. Где-то внутри этой необычно толстой стены. Он нашел вход и ушел в стену. Гость – вероятно, самый главный из Гостей – схватил его. Парень не вернулся. Он до сих пор там, и, спорю на три лучших шоколадных пончика от Арифа, там же находится и Источник.

Мы сидели и смотрели на лежащий в круге света от лампы план. Вокруг стола клубился призрачный туман. Локвуд

сидел наклонив голову, крепко сжав ладони. Он размышлял.

– Хорошо, – сказал он наконец. – Теперь послушайте, я хочу сказать вам одну важную вещь.

– Надеюсь, не про альбомы Фейрфакса? – подколола я его.

– Нет. Слушайте. Джордж, как всегда, оказался на высоте. Источник зла в Кум Кери очевидно спрятан в этой стене. Чтобы найти его, нам нужно отыскать вход в стену, а он почти наверняка находится в Красной комнате. Некоторые из историй о Холле – чушь, вздор, ерунда. Думаю, что истории о Кричащей лестнице – тоже глупые фантазии. Но Красная комната – это нечто другое. Совершенно другое. Мы с вами сами почувствовали, какова атмосфера возле той двери. Войти в Красную комнату – дело нешуточное, – он внимательно посмотрел на нас с Джорджем. – Но мы и не обязаны заходить в нее. Фейрфакс сам об этом сказал. Нам с вами достаточно продержаться здесь до утра, и мы получим достаточно денег, чтобы заплатить за тот пожар на Шин-Роуд. Шестьдесят тысяч Фейрфакс уже перевел, я проверил, звонил в свой банк, когда мы сюда приехали. Да, отыскав Источник, мы дополнительно получим много денег, но не это главное. В принципе, наше агентство выживет и без них.

– Ой ли? – усомнился Джордж. – На многое ли мы можем сейчас рассчитывать с нашей подмоченной репутацией, Локвуд? Если не считать неожиданного предложения Фейрфакса, в обозримом будущем у нас не предвидится ни одного клиента.

Локвуд и не собирался отрицать этого.

– Да, я уже говорил, – негромко сказал он, – что нам нужен громкий успех, чтобы переломить судьбу. Разумеется, в этом может помочь завершение расследования дела Анни Вард, к чему мы близки благодаря Люси. Но... Это еще не гарантирует успеха, – он тяжело вздохнул. – Да, нам нужен эффектный прорыв. Он может случиться, если мы найдем Источник в Кум Кери Холле. Но риск очень велик. В Красной комнате кроется неведомая и смертельная опасность. Вы меня знаете, – улыбнулся он, но на этот раз не лучезарно, как обычно, а просто тепло, по-дружески. – Я думаю, нам эта задача по плечу. Но настаивать и убеждать вас не стану. Если хотите, пойдем на поиски Источника. Не хотите – просто пересидим здесь до утра. Решайте сами.

Мы с Джорджем переглянулись. Я ждала, что он скажет, он ждал, что скажу я. Треск призрачных разрядов статического электричества в моей голове стих, будто Холл тоже застался, ожидая моего решения.

Как бы я поступила раньше, до этого вечера? Скорее всего, уклонилась бы от ответа. Слишком много раз я принимала неверные решения, положившись на свою интуицию, и хорошим это никогда не заканчивалось. Но сегодня, после того как я переступила порог этого дома, и особенно после того, как мы начали расследование, у меня вдруг появилась уверенность в себе, какой я раньше не ощущала. Может быть, это случилось оттого, что мы отлично работали вместе с Ло-

квудом и Джорджем. Так хорошо и слаженно, как никогда. Мы были внимательны, осторожны, действовали уверенно и четко. Сегодня я своими глазами увидела потенциал агентства «Локвуд и Компания», поняла, каким успешным, даже блестящим оно может стать в будущем. Это было агентство моей мечты, а от мечты просто так не отказываются. Я глубоко вдохнула и сказала:

– Считаю, что нам нужно хотя бы взглянуть на Красную комнату – разумеется, обеспечив надежные пути к отступлению. Чтобы можно было быстро уйти и покинуть дом, если все пойдет наперекосяк.

– Ясно, четко и честно, – кивнул Локвуд. – А что скажешь ты, Джордж?

– Поразительно, но Люси уже сказала все за меня, – надувая щеки, ответил Джордж. – Я того же мнения. Договоримся только, что имеем право применять любое оружие, которое у нас имеется, – и он похлопал ладонью по блестящему цилиндру с греческим огнем на своем поясе.

– Значит, решено, – негромко сказал Локвуд. – Собирайте мешки, и пойдём.

Приняв решение, мы не стали медлить – но и слишком спешить не стали тоже. Осторожно поднялись по лестнице, внимательно глядя по сторонам и останавливаясь через каждые несколько ступеней, чтобы прислушаться. Как и прежде, фантомы держались в отдалении, но призрачный туман окутал нас уже выше колен. На лестничной площадке и возле

двери одной из спален Локвуд заметил пятна свечения смерти – старые и бледные. Я же снова ощущала давящую на мозги тишину. Мне казалось, что воздух сделался густым и вязким, как патока. С площадки наносило тошнотворно-сладковатый запах тления. Возле двери с нацарапанным на ней крестом стих шепот голосов, который сопровождал меня всю дорогу. Оглянувшись назад, я скорее почувствовала, чем увидела, клубящиеся за пределами луча света от фонарика кластеры явлений.

– Такое ощущение, что они ожидают, – пробормотала я. – Смотрят, решимся мы войти в эту чертову комнату или нет.

– Кто-нибудь даст мне мятную карамельку? – спросил Джордж. – Что-то мне подсказывает, что без мятной конфетки там внутри не обойтись.

Локвуд достал из кармана ключ на красной ленточке и вставил его в замочную скважину.

– Поворачивается легко, – сказал он. Раздался негромкий щелчок. – Есть, готово. Пошли. Как сказала Люси, взглянем по-быстрому, что там, и пока все.

Джордж кивнул. Я сделала безуспешную попытку улыбнуться.

– Не волнуйся, – сказал Локвуд в ответ на мои потуги. – Все будет хорошо.

Затем он нажал ручку, толкнул дверь, и начался кошмар.

Зловещего скрипа дверные петли не издали. Если честно, то в этом и не было никакой необходимости.

Дверь просто открылась, и на нас дохнуло сухим холодным воздухом и запахом пыли. Мы испытали то, что всегда ощущаешь, входя в давным-давно нежилую комнату. Локвуд направил в темноту луч фонарика. Круг теплого света выхватил голые половицы – серые, потемневшие, покрытые пятнами. Кое-где валялись какие-то старые тряпки, намертво приклеенные к полу слоем вековой грязи.

Локвуд перевел луч фонарика дальше, высветил дальнюю стену комнаты. Вверху она была побеленной, ниже – оклеена темно-зелеными, почти черными от времени и грязи обоями. В некоторых местах обои были оторваны, сквозь прорехи просвечивала кирпичная кладка стены.

Луч фонарика поднялся выше, и мы увидели полоску потолочного плинтуса, затем сам потолок – лепной, покрытый завитками и спиральями. В центре потолка оказалась люстра. С нее свисали полосы мягкой серой паутины, они медленно покачивались в потревоженном открывшейся дверью воздухе.

Пауки... Верный знак.

Локвуд опустил луч фонаря. Ковер заканчивался у наших ног точно по границе двери, здесь же в пол была вмонтиро-

вана толстая железная полоса. За дверью – только пыль и неизвестность Красной комнаты.

– Кто-нибудь что-нибудь чувствует? – спросил Локвуд. В пустом пространстве комнаты его голос отдавался странным эхом.

Никто из нас ничего особенного не чувствовал. Локвуд переступил через железную полосу, мы с Джорджем прошли в комнату вслед за ним, таща наши тяжелые мешки. Нас окружал холодный, застоявшийся воздух. Наши ботинки мягко ступали по грязному полу.

Я ожидала, что с самой первой секунды начну ощущать какие-нибудь странные феномены, но все было тихо, только еще сильнее сдавило голову. Внутри комнаты не было призрачного тумана, я перестала слышать разряды статического электричества и шепчущие голоса. Тишина. Жуткая тишина. Мы положили на пол свои мешки, зажгли фонари и стали осматриваться.

Красная комната оказалась большой, прямоугольной, занимавшей всю ширину крыла. Дальняя стена была фасадом всего здания, как и занавешенная гобеленом торцевая стена расположенной прямо под нами Длинной галереи.

В этой стене не было ни окон, ни дверей, обои на ней местами тоже были оборваны, обнажая кирпичи или каменные блоки.

В стене справа окон тоже не было, а вот слева было сразу три, правда два из них оказались заложенными кирпичами.

На третьем окне были ставни, открытые внутрь и прижатые к боковым сторонам оконной ниши.

Если не считать люстры, никакой мебели в комнате не было.

– Не очень-то она красная, верно? – заметил Джордж. То же самое только что подумала и я сама.

– Давайте все по порядку, – энергичным тоном сказал Локвуд. – Люси, помоги мне сделать круг. Джордж, обезопась, пожалуйста, выход.

Держа фонарики в зубах, мы с Локвудом открыли дорожные мешки и вытащили тяжеленные, пятисантиметровой толщины, цепи. Разложили их на полу и принялись сворачивать в круг – он станет нашей надежной защитой от любой опасности, которая поджидает нас в этой комнате.

Джордж тем временем склонился над своим рюкзаком, расстегнул молнию на боковом кармане и стал в нем что-то искать.

– Где-то здесь у меня должен быть специально разработанный против призраков ДФ, – сказал он. – Сейчас, секундочку...

– ДФ? – переспросила я.

– Дверной фиксатор. Новинка. Купил в «Сэтчелл». Дорогой, но, говорят, того стоит. Ага, вот и он.

Джордж вытащил из рюкзака какой-то грубо отесанный деревянный треугольник.

– Это что за урод? – удивилась я.

– Не урод, а специальный ДФ, подруга. У него железная сердцевина.

– Выглядит так, словно ты подобрал его на какой-то помойке. Сколько ты за него заплатил?

– Не помню уже, – Джордж притиснул треугольник к косяку так, чтобы дверь осталась приоткрытой. – Называй его как хочешь, но этот малыш удержит дверь открытой, что может спасти нам жизнь.

Открытая дверь может спасти жизнь, в этом он абсолютно прав. Год назад во время расследования Шэдуэллского полтергейста двое агентов из «Гримбл» оказались отрезанными от своих коллег, когда за ними захлопнулась дверь ванной. Закрывшись, дверь заклинилась, и никто не мог ее открыть. В результате оба агента погибли – их убила взбесившаяся керамика: взлетевший в воздух унитаз, раковина и все такое прочее. Когда все закончилось, дверь без всякого труда открылась, но было уже поздно.

– Еще посыпь порог солью, – сказал Локвуд. – Так, для большей уверенности.

Мы с Локвудом закончили выкладывать круг и теперь за-таскивали в него свои мешки.

– Ну вот, заскакиваем сюда по первому слову любого из нас. Что там с температурой, Джордж? – спросил Локвуд.

– Шесть градусов, – ответил Джордж.

– Пока все идет нормально. На данный момент Красная комната представляется мне самым тихим и спокойным ме-

стом во всем доме. Давайте воспользуемся этим и поищем потайные двери. Они должны быть в дальней стене, верно, Джордж?

– Да. Нужно искать любые признаки замаскированного входа. Кнопки, рычаги. Попробуйте также простукивать стены в поисках пустот.

– Хорошо. Мы с Люси займемся этим. А ты прикрывай нас и следи за всем, что происходит.

Мы с Локвудом разошлись к противоположным концам стены. Наши шаги гулко отдавались в пустоте, мы убавили свет фонариков, чтобы он не мешал нам прислушиваться к своим внутренним ощущениям. Мне достался левый угол стены, рядом с незамурованным окном. Сквозь грязное стекло я могла видеть огоньки в далекой отсюда деревне и пару звезд на зимнем небе.

Я выключила фонарик и провела по стене руками. Она оказалась довольно гладкой, обои прилегали к ней ровно и не были разорваны. Я поводила руками вверх и вниз, переступила на шаг и повторила то же самое, предварительно прислушавшись, но все оставалось тихо.

– Кто-нибудь чувствует этот запах? – неожиданно спросил Локвуд. В луче фонаря четко обрисовывался его профиль. Было видно, что Локвуд хмурится и морщит свой нос.

– Какой запах?

– Сладковатый и вместе с тем кислый... Не могу понять, что это. Запах знакомый, но странный.

– Люси у нас тоже любит так говорить, – заметил Джордж. Он стоял позади нас, в центре комнаты.

Бежали минуты. В темноте моя рука встретилась с рукой Локвуда – мы сошлись с ним посередине стены. Постояв секунду, мы двинулись в обратном направлении, на этот раз простукивая стену костяшками пальцев.

– Вижу несколько завитков плазмы, – сказал Джордж.

– Хочешь, чтобы мы остановились?

– Пока можете продолжать.

Наконец на самом краю стены, рядом с окном, я почувствовала, как изменился звук моих ударов. Он стал более высоким и гулким, словно отражался от пустого пространства внутри стены.

– По-моему, здесь что-то есть, – сказала я. – Пустота. Если ты...

– А что это было? – сказал Джордж. Этот новый звук услышали мы все – откуда-то из темноты донеслось негромкое отчетливое «шлеп». Мы с Локвудом обернулись.

– Возвращайтесь в круг, – сказал Джордж, – и выключите свои фонарики. Будем пользоваться моим.

Пока мы с Локвудом спешили в круг, он медленно, аккуратно вел лучом, высвечивая потолок, стены и пол. Казалось, что все остается по-прежнему.

Или все-таки нет? Пожалуй, что нет. Я чувствовала, как медленно, коварно меняется атмосфера комнаты.

Мы встали в центре круга, тесно прижавшись спиной к

спине.

– Я сейчас выключу свой фонарь, – предупредил Джордж.

Он выключил свет, и мы начали всматриваться и вслушиваться в окружающую нас беспросветную пустоту.

– Люси, ты что-нибудь слышишь? – раздался голос Локвуда.

– Снова появились шепчущие голоса, – ответила я. – Те же, что и раньше, только громче. Целый хор злобных голосов.

– Можешь сказать, откуда идет звук?

– Пожалуй, нет. Такое ощущение, что отовсюду.

– Хорошо. Джордж, что ты видишь?

– Завитки и облачка света. Вспышки яркие, но очень короткие. В самых разных местах.

Повисла пауза, затем я спросила:

– А ты, Локвуд?

– Вижу пятна свечения смерти, – мрачным тоном ответил он.

– Несколько пятен? – уточнила я.

– Люси, их здесь десятки. Не понимаю, почему я не увидел их раньше. Эта комната – настоящая камера смерти... – он тяжело перевел дыхание. – Вынимайте рапиры.

Мы дружно повели плечами. Прошелестела вынимаемая из ножен сталь.

– Оно почувствовало это, – сказал Джордж. – Вспышки буквально взбесились, когда мы обнажили лезвия. Теперь

вновь успокоились.

– Люси?

– Шепот стал громче, злее, потом стих до прежнего уровня. Что будем делать?

– Этот запах! – сказал Локвуд. – Опять. И такой сильный! Неужели никто из вас его не чувствует?

– Нет, – сказала я. – Сосредоточься, Локвуд, и решай, что нам делать. Мы уходим?

– Думаю, да. Надвигается что-то огромное и ужасное. О... свечение смерти становится ярче! – Я спиной почувствовала, что он лихорадочно нашаривает свои солнечные очки и поспешно надевает их.

– Но разве Люси не сказала, что обнаружила потайную дверь? – спросил Джордж. – Мы могли бы...

– Не дверь, – перебила его я. – Только звук – такой, будто в одном месте стена тонкая и за ней пустота.

– Это уже не имеет значения, – сказал Локвуд. – Мы уходим отсюда. Немедленно.

В темноте снова раздалось «шлеп», но на этот раз звук был тяжелее. Затем последовал еще один шлепок. И еще.

– Это где-то между нами и дверью, – сказал Джордж.

– Нет, не там, – возразила я.

– Тихо, – прошептал Локвуд. – Слушаем.

Шлеп, шлеп, шлеп... Медленно и регулярно – я насчитала между каждыми двумя шлепками ровно пять быстрых ударов своего сердца. Откуда раздается этот звук, сказать было

трудно, но вместе с тем он казался очень, очень знакомым. Почему-то он напомнил мне ванну у нас на Портленд-роу. Ту, на нижнем этаже, где я иногда принимала душ и где по всему полу под ногами были разбросаны трусы и футболки неряхи Джорджа. И в этой ванне слегка подтекала головка душа. С нее капало.

Точно так же – шлеп, шлеп, шлеп...

– Включи фонарь, Локвуд, – прошептала я. – И направь его прямо перед собой.

Он сделал это, не задавая лишних вопросов. Может быть, тоже догадался, как и я.

На половицы упал круг теплого золотистого света.

В центре круга виднелось что-то черное, похожее на бесформенного паука с множеством лапок. Кап. У паука появилась еще одна ножка. Кап. Еще одна – длиннее и тоньше предыдущей. Она растеклась по полу... С каждой каплей лужица росла, расширялась, и теперь стало видно, что она не черная, а просто темная с красноватым отливом.

Локвуд медленно поднял луч фонарика – как раз вовремя, чтобы поймать в него следующую летящую в воздухе каплю. Затем перевел луч на потолок – по нему среди гипсовых завитушек расплывалось темное пятно. В середине пятна медленно собирались вязкие капли и одна за другой падали вниз, в ту самую лужицу на полу.

– Теперь я знаю, что это за запах, – пробормотал Локвуд.

– Кровь... – сказала я.

– Ну, строго говоря, это, разумеется, плазма, – сказал Джордж. – Просто этот Гость выбрал для себя очень необычную маску, скажем так, не анатомическую...

– Плевать мне на твои теории, Джордж! – крикнула я. – Это выглядит как кровь, и пахнет как кровь. Так что для меня это кровь.

Пока мы наблюдали за пятном, одиночные капли слились в тонкую непрерывную струйку. Тут же рядом с первым появилось и второе темное пятно, на этот раз чуть ближе к нам, и кровавая струйка потекла сильнее. Я тоже зажгла фонарь – лужа на полу заметно увеличилась и тянула к нашим цепям свои ломаные кровавые пальцы.

– Не подпускай ее близко, – сказал Джордж. – Это все равно плазма. Такая же опасная, как любое прикосновение призрака.

– Уходим, – коротко распорядился Локвуд. – Забирайте мешки. Цепи оставим здесь, у нас есть запасные. Готовы? Ну, теперь быстро за мной.

Мы перешагнули через железный барьер и бросились к выходу из комнаты, стараясь держаться как можно дальше от расплывающейся по полу кровавой массы. От нее на нас обрушивались волны злобы и ярости. В комнате стоял ледяной холод.

– Прощай, и скатертью тебе дорога, – сказал Джордж кровавой луже, когда мы побежали к двери.

А дверь оказалась закрытой.

На секунду мы все оцепенели. В животе у меня похолодело от ужаса. Локвуд быстро, в три шага, добрался до двери, подергал ручку.

– Проклятье! – воскликнул он. – Не открывается.

– Что случилось с твоим хваленным клином? – спросила я.

– С ДФ, – упавшим голосом поправил меня Джордж.

Я от души, в три загиба, выругалась, потом добавила:

– Мне плевать, как называется эта хреновина, Джордж!

Она не сработала! Ты не смог обеспечить нам путь к отступлению.

– Я закрепил фиксатор хорошо.

– Нет, ты просто ткнул его к косяку своей БЖН – Большой Жирной Ногой! Урод!

– Заткнись, Люси! – взвизгнул Джордж.

– Заткнитесь вы оба! – рявкнул на нас Локвуд. – И помогите мне с дверью.

Мы все вместе навалились на ручку, но дверь не шелохнулась.

– Где ключ? – спросила я. – Локвуд, ключ. Что мы без него сможем сделать?

– Я оставил его в двери с той стороны, – прошептал Локвуд.

– Прекрасно, превосходно, – сказала я и снова выругалась. – Вам с Джорджем пора повесить на грудь табличку «Добро пожаловать, Гости!».

– Говорю же тебе, я закрепил ее как надо! – крикнул

Джордж. – И солью посыпал, как было сказано! – Он яростно пнул носком ботинка валяющиеся на полу крупинки соли. – Видела? Оно и близко не могло подойти к этой двери!

– Замолчите, – сказал Локвуд. Он светил фонариком вверх, на потолок, с которого совсем рядом с тем местом, где мы стояли, начала стекать новая струйка крови. – Оно реагирует на наш страх. Подкармливается им. Возвращаемся в круг.

Мы вернулись, хотя для этого нам пришлось сделать более широкую петлю, чем та, по которой мы бежали к двери. Капли стекались в струи, и пошел кровавый дождь. Отдельные шлепки слились в постоянный негромкий шум. Кровавая лужа быстро росла, растекаясь по полу.

– Нас окружают, – сказала я. – Сколько уже ее здесь, этой плазмы?

– Много, – пробормотал Джордж. – Гораздо больше, чем в обычном призраке Второго типа. Телекинез с дверью мог бы совершить полтергейст – закрыть ее и даже повернуть в замке ключ, – но он не способен к манифестациям, его никогда не видно. А тут кровь. Прикинуться кровью мог бы Чейнджер, но Чейнджеры не могут поворачивать ключи...

– Ах, глупец я, глупец! – покачал головой Локвуд. – Идиот. Недооценил... Люси, нам нужно искать потайной выход. Ты должна показать нам то место, где обнаружила пустоту за стеной.

По полу быстро растекался кровавый ручеек. Он подо-

брался к самой цепи и отпрянул от нее, шипя и пузырясь. В воздухе висел тяжелый запах крови, из-за этого стало трудно дышать.

– Мы могли бы и здесь остаться, – заметила я. – За цепь эта гадость не проникнет.

Джордж завопил и резко отпрянул в сторону. Споткнулся о наши вещевые мешки и едва не вылетел за пределы круга.

– Какого... – выругался Локвуд, подсвечивая фонариком. Джордж скорчился на мешках, хватаясь руками за свою куртку. У него на плече поднималась вверх струйка дыма.

– Вверху, – хрипло сказал он. – *Живо!!*

Луч света рванулся вверх. Прямо над нами висела покрытая пылью и паутиной люстра, и по ее вертикальному стержню стекал кровавый ручеек, который сворачивал на боковые изогнутые лапки. На одной из них уже выростала большая, готовая упасть вниз капля.

– Это... Этого не может быть, – заикаясь, сказала я. – Мы же внутри железного круга.

– Посторонись! – крикнул Локвуд и оттолкнул меня вбок. На то место, где я только что стояла, в самый центр железного круга упала та самая капля.

Теперь мы стояли почти на самих цепях.

– Мы сделали круг слишком большим, – сказал Локвуд. – Ближе к центру сила железа ослабевает. А этот Гость достаточно силен, чтобы преодолеть такую защиту.

– Подтянем цепи внутрь... – начал Джордж.

– Если уменьшим диаметр круга, – перебил его Локвуд, – останемся в тесном замкнутом пространстве. Сейчас едва перевалило за полночь – до рассвета еще семь часов, а эта тварь только приступила к делу. Нет, будем прорываться, и путь у нас один – к тому месту, которое обнаружила Люси. Вперед.

Подняв над головой фонари, мы вышли за пределы круга со стороны, противоположной той, где по полу растекалась лужа, и рванули к левому углу стены. Но едва мы перешагнули через цепь, по потолку в нашем направлении побежали темные струйки. Я была близка к панике и едва удерживалась, чтобы не закричать.

– Погодите, – остановилась я. – Эта тварь чувствует, где мы находимся. Если будем держаться все вместе, она очень скоро нас достанет.

– Ты права, – кивнул Локвуд. – Хорошо. Давай, Джордж. Попробуем отвлечь огонь на себя. А ты, Люси, вперед, ищи выход.

– Но... Но почему я? – спросила я, срываясь с места.

– Ты девушка, – крикнул мне вслед Локвуд. – Значит, должна чувствовать все острее, чем мы.

– В эмоциональном плане – да. Я очень тонко чувствую оттенки поведения людей. Но как это может помочь искать тайный вход в стене?

– В принципе, это одно и то же. И, кроме того, с рапирой ты обращаешься куда хуже, чем я или Джордж.

Локвуд уже танцевал по комнате, подсвечивая себе фонариком, бешено отбиваясь от падающих с потолка кровавых струек. Джордж проделывал то же самое в другом углу комнаты.

Смотреть, удалось ли им отвлечь на себя внимание Гостя, времени у меня не было. Я повесила свою рапиру на пояс, включила фонарик на малую мощность, крепко ухватила его зубами и стала лихорадочно осматриваться. Слева от меня находилась оконная ниша. За стеклом был свежий ночной воздух и покрытая гравием подъездная дорожка, падать до которой не меньше десяти метров. Не вариант. Хотя, кто знает, может быть, разбиться насмерть при падении на землю окажется предпочтительнее того, что ожидает нас дальше в этой проклятой комнате.

Несмотря на мороз, мое лицо покрылось потом. Руки дрожали, когда я прикоснулась ими к стене. Как и до этого, вначале я провела руками по тому месту, где мне послышался гулкий, отраженный пустотой, звук.

Ничего. Гладкая стена без всяких выступов, рычагов и потайных кнопок.

Я ощупала угол стены, ища какой-нибудь шов или стык. Ничего. Затем, повинувшись неясному импульсу, провела рукой по примыкающей стене, той, где было окно. Ничего. Я вытянулась вверх, встав на цыпочки, затем нагнулась к самому полу. Ничего. Я нажимала на стену, толкала ее, даже царапала. Ничего. Так я добралась до оконной ниши.

Оглянувшись, я увидела, что отвлекающий маневр удался. Джордж и Локвуд размахивали рапирами в дальних от меня углах комнаты, ухая и присвистывая. А уж какими словами они крыли при этом Гостя, мне просто не передать. Гость отвечал по-своему – рассылал от центрального пятна на потолке все новые и новые боковые струйки. Липкие, темные, они тянулись к Локвуду и Джорджу.

Впрочем, про меня Гость тоже не забыл. К своему ужасу, я обнаружила кровавую лужицу почти у себя под ногами. Над моей головой по потолку бежал темный ручеек, с которого градом сыпались капли. Одна из них попала мне на обитый железом каблук и зашипела, выпустив струйку дыма. Я вскочила на подоконник.

Дело было плохо, что и говорить. Еще немного, и я окажусь в ловушке. Я повернулась, согнулась, приготовившись броситься вниз, навстречу неминуемой смерти, и тут мои пальцы коснулись прижатого к боковой стенке ниши ставня. Я посмотрела на ставень, и вдруг меня осенило.

Включив фонарь на полную мощность, я осветила ставень. Он был сделан из цельного куска дерева и занимал почти всю ширину боковой стенки ниши. Возле окна ставень крепился к стене большими черными петлями. Если его потянуть – он прикроет собой окно.

И – может быть, может быть! – откроет то, что спрятано за ним.

Я ухватила за край ставня, пытаюсь оттянуть его на себя.

Я хотела взглянуть, что за ним, – так, на всякий случай. Где-то что-то щелкнуло, и я почувствовала, что ставень сдвинулся с мертвой точки. Я посветила фонариком и увидела щель, достаточно широкую, чтобы можно было вставить в нее пальцы. Может, за ставнем не было ничего, кроме каменной стены. Может, это действительно был всего лишь ставень. Но может быть...

– Джордж! Локвуд! – крикнула я, обернувшись через плечо, за которым вырос уже не ручеек, а целый поток вязкой крови. – Похоже, я нашла вход! Быстрее, мне нужна ваша помощь!

Не дожидаясь их появления, я потянула ставень на себя. Я тужилась, я пытала – он не двигался.

Кто-то оттолкнул меня в сторону – это был впрыгнувший в оконную нишу Локвуд. Кровь уже залила комнату почти до самых углов, поэтому ему пришлось бежать к оконной нише, прижимаясь спиной к стене. Следом за ним появился и Джордж, держа поднятую над головой рапиру. Кровь падала с потолка на стальное лезвие, шипела, пузырилась, выпуская струйки дыма. Джордж добежал, впрыгнул в нишу рядом с нами. Никто не произнес ни слова. Джордж отдал мне свою рапиру. Вместе с Локвудом они налегли на ставень и начали тащить его.

Я повернулась и выставила поднятую вверх рапиру – какая-никакая, а все-таки защита. Потолок, от стены до стены, уже почти весь потемнел от крови. Оставался лишь малень-

кий треугольник чистого пространства – как раз возле оконной ниши. По всей остальной комнате бушевал кровавый ливень, кровь залила весь пол, поднялась уже выше плинтуса. Хрустальные подвески люстры переливались в луче фонаря словно рубины. Теперь я поняла, почему в этой комнате не было никакой мебели и почему она столько лет была заброшена и заперта на ключ. Теперь я знала, почему она получила свое название.

Джордж крикнул. Локвуд вскрикнул. Их отбросило назад, и они едва не сбили меня – ставень открылся.

За ним потянулись длинные, напоминающие седые волосы покойника, нити паутины. А в стене открылось темное отверстие – ведущая внутрь узкая арка.

Кровь лилась на угол ставня и наклоненное над моей головой лезвие рапиры. Я ощущала падение тяжелых капель, слышала их змеиное шипение.

– Внутрь, внутрь! – махнула я свободной рукой Джорджу и Локвуду. Они протиснулись в арку, я, спиной вперед, двинулась следом за ними, переступая с подоконника на древние каменные плиты пола. Кровь уже стекала по внутренней стороне ставня, устремляясь по подоконнику к моим ногам.

Внутри арки мы увидели торчащую из стены веревку с железным кольцом на конце. Джордж с Локвудом ухватились за кольцо, потянули. Медленно начала подниматься дверь. В закрывающуюся щель хлынул каскад крови, обрызгав руку Джорджа. Джордж выругался, отпрянул назад, задел ме-

ня, и я потеряла равновесие. Локвуд в последний раз рванул веревку, дверь плотно закрылась, и мы остались в темноте, слушая как снаружи барабанит кровавый дождь и завывает от ярости неведомая тварь по ту сторону стены.

Ужасный шум оборвался – резко, будто кто-то выключил телевизор или все внезапно. Мы остались одни.

От неожиданно наступившей тишины меня бросило в дрожь. Я села, прислонившись спиной к шершавой каменной стене, запрокинула голову и жадно хватала воздух раскрытым ртом. Каждый вдох болью отдавался под ребрами. В ушах бешено грохотало мое собственное сердце. Хотя нас окружала чернильная тьма, я знала, что примерно так же выглядят сейчас и мои друзья. Они, как и я, дышали судорожно, с хрипом.

Мы лежали, свалившись грудой друг на друга. Воздух был холодным, затхлым, но, слава богу, исчез жуткий, выворачивающий наизнанку запах крови.

– Джордж, – прохрипела я, – ты в порядке?

– Нет. Чья-то задница придавила мне ноги.

Я раздраженно отодвинулась в сторону:

– Я имела в виду плазму. Она же задела тебя.

– А, да. Спасибо. Нет, руки она не коснулась, но куртку, боюсь, придется выбросить.

– И очень хорошо, давно пора. У тебя ужасная куртка. У кого-нибудь есть фонарь? Я свой потеряла.

– Я тоже, – сказал Локвуд.

– Сейчас, – сказал Джордж и щелкнул выключателем.

В свете фонаря всегда выглядишь не лучшим образом. Луч света высветил нас с Джорджем – мы сидели чуть не в обнимку, с выпученными глазами, со слипшимися от пота всклокоченными волосами. Рукав куртки Джорджа в тех местах, где его коснулась плазма, был покрыт мертвенными бело-зелеными пятнами. От этих пятен поднимался дымок. Поднимался он и от лежащей у меня на коленях рапиры. Посмотрев вниз, я увидела, что мои ботинки и леггинсы тоже испачканы бело-зеленой дрянью.

Локвуд выглядел лучше нас. Если его пальто и было испачкано, то совсем немного, да еще белело маленькое пятнышко на челке, куда упала капелька плазмы. Но если лицо Джорджа было пунцовым (мое, наверное, тоже), он тяжело дышал и суетился, то Локвуд, напротив, выглядел бледнее обычного и лежал на спине совершенно спокойно, а дыхание у него было тихим и ровным. Он снял свои солнечные очки, его темные глаза блестели, рот был закрыт. Я лишняя раз убедилась, как же хорошо он умеет владеть собой. Но такого выражения лица, как сейчас, я у Локвуда еще никогда не видела.

– Хорошо, – сказал он. – На данный момент все закончилось.

Джордж направил луч фонарика в сторону потайной двери. Несколько секунд назад по ней стекали струи крови. Сейчас ее деревянная поверхность была сухой, пыльной и без единого пятнышка. Если не знать, никогда не скажешь, что

здесь только что творился кровавый кошмар. Я была уверена, что если вернуться в пустую Красную комнату, она тоже будет пыльной и чистой. Только в ближайшее время мы туда не вернемся. Ни за что.

Локвуд неуклюже сел, поправил на плече свернутую кольцом цепь и сказал:

– А мы с вами в отличной форме. Потеряли тяжелые цепи, вещевые мешки, другую мелочевку, но сохранили главное – запасные цепи, рапиры и серебряные печати. И нашли то, что искали.

– Почему он не стал преследовать нас? – спросила я, уставившись в пол. – Ведь призраки могут проникать сквозь стены.

– В некоторых случаях Гость полностью привязан к тому помещению, в котором встретил свою смерть, и для него как бы не существует другого пространства, – пожал плечами Локвуд. – Так что когда мы покинули его «охотничьи уголья», то перестали, с его точки зрения, существовать. Словно бы исчезли.

– Но так ли это на самом деле, ты все-таки не знаешь, верно?

– Верно, не знаю.

– Тут может быть еще одно объяснение. Видите то кольцо, за которое мы тянули, когда закрывали дверь? – спросил Джордж, подсвечивая фонариком. – Оно сделано из железа. И на самой двери, посмотрите, набиты железные полосы. И

на полу среди каменных плит тоже... Мне кажется, это очень старое железо. Кто-то обезопасил этот проход от Гостя, с которым мы встретились, причем сделал это давным-давно.

Он провел лучом вокруг, давая нам возможность ознакомиться с местом, в котором мы оказались. Это был очень узкий коридор, облицованный старыми тонкими кирпичами. Коридор был короткий и вскоре соединялся с углом западной стены Холла – той самой, что показалась Джорджу подозрительно толстой. Здесь кирпичная кладка сменялась более массивной каменной, а сам проход поворачивал направо. Место, где коридор поворачивал, было занавешено толстой серой паутиной, она свисала с потолка до самого пола.

– Не люблю я пауков, ребята, – поморщилась я.

– Там, где мы сейчас сидим, паутины практически нет, потому что это место защищено железом, – сказал Локвуд. – Но повернув за угол, мы окажемся на территории древнего монастыря и начнем приближаться к Источнику. Это значит, что чем дальше, тем больше будет и пауков, и различных явлений. Объявляю, что с этой минуты каждый имеет право без промедления использовать все имеющееся у него оружие.

Мы поднялись на ноги. Я отдала Джорджу его рапиру, вытащила из ножен на поясе свою. Я даже нашла свой фонарик, но при падении на каменный пол у него разбилась лампочка. Фонарик Локвуда так и не нашелся, а фонарик Джорджа с каждой минутой горел все слабее – садились батарейки.

– Побереги его, – сказал Локвуд и раздал нам свечи. Они загорелись горчично-желтым огнем, его язычок был ровным и ярким. – Между прочим, свечи – отличный индикатор присутствия потусторонних сил, – добавил Локвуд. – Посмотрите на них внимательно.

– Жаль, что мы не можем использовать котов в клетке, как это делал Том Ротвелл, – заметил Джордж. – Вот уж индикатор, так индикатор! Правда, приходится терпеть их мяуканье.

– Мне не верится, что Источник может находиться за пределами Красной комнаты, – сказала я. – Тот Гость был таким сильным.

– И таким загадочным, – добавил Джордж. – Смесь полтергейста и Чейнджера. Что-то новенькое.

– Нет, это был просто Чейнджер, – возразил Локвуд, разглядывая перед собой дорогу к углу коридора. – У него не было никаких телекинетических способностей.

– Ты забыл, что он запер дверь, – напомнила я.

– Да? Я так не думаю, – ответил Локвуд.

Он уже собрался идти, но я удержала его за рукав и сказала, нахмурившись:

– Постой, ты думаешь, там был еще и другой призрак? Или... – тут меня осенила неожиданная догадка: – или это был кто-то живой? И он нарочно запер нас? Но это означает, что...

– Фейрфакс или Старкинз, – присвистнул Джордж.

– Но они не могли зайти в дом после заката, – возразила я.

– Старкинз не мог, – сказал Локвуд. – Ладно, пойдемте, работать надо.

Но я продолжала удерживать его за рукав:

– Фейрфакс? Но почему? Локвуд...

Он поднял руку, успокаивая меня, и быстро прошел до поворота, пригибая голову, чтобы не касаться паутины. Там он снова остановился и поднял вверх зажженную свечу. От ее света во все стороны брызнули блестящие черные пауки.

– Здесь, как только кончается кирпичная кладка, намного холоднее, – сказал он. – И миазмы чувствуются, и мелейз... Джордж, замерь температуру там, где стоишь, а потом здесь.

Джордж протиснулся мимо меня и приступил к замерам. Я скрепя сердце двинулась следом за ним.

– Я знаю, тебе не нравится Фейрфакс, – сказала я Локвуду, – но если ты хочешь сказать, что он сумасшедший...

– О нет, он нисколько не сумасшедший, – ответил Локвуд. – Есть перепады температур, Джордж?

– Еще какие. С девяти до пяти градусов на протяжении всего нескольких шагов.

– То, что мы ищем, спрятано среди камней, – кивнул Локвуд. – И когда мы пройдем туда, станет еще холоднее.

Он указал на арку, рядом с которой стоял, – она напоминала черный, жадно разинутый рот. Свет лучей не мог далеко проникнуть в эту тьму, поэтому Джордж ненадолго включил фонарик, и мы увидели начало нового прохода, более

высокого и широкого, чем тот, в котором мы находились. Он уходил вдаль в толщу стены.

Насчет дальнейшего падения температуры Локвуд угадал. За аркой мне впервые стало по-настоящему зябко. Я вытащила из кармана и натянула на голову свою вязаную шапочку, подтянула выше молнию на воротнике куртки. То же самое сделали мои спутники. Я сверлила взглядом Локвуда, раздраженная его нежеланием говорить о Фейрфаксе и о том, что случилось с дверью Красной комнаты. Опять он что-то знал, но скрывал. Это я заметила за ним еще с первого визита к нам Фейрфакса. А может, даже раньше, с той ночи, когда к нам в дом проник грабитель, или даже с того момента, когда мы нашли кулон...

Я потрогала спрятанный у меня на шее шнурок. Контейнер с кулоном – холодный и жесткий – прижимался к моей груди. Мне было интересно, светится ли он сейчас, но проверить это не было времени. Кулон был надежно спрятан, а судьбой Анни Вард мы займемся позже, не сейчас.

Локвуд надел перчатки, Джордж напялил на голову свою чудовищную зеленую шапку с помпоном, и мы двинулись вперед по проходу. Локвуд шел впереди, подняв высоко над головой зажженную свечу. В ее неярком свете танцевали лоскуты паутины.

Пройдя несколько шагов, Джордж попросил, чтобы мы остановились, и указал на заложенную кирпичами арку в стене справа:

– Вот он, первоначальный выход из Красной комнаты. Был замурован, когда перестраивали дом. Теперь мы в одном из переходов бывшего монастыря.

– Отлично, – сказал Локвуд. – Давайте взглянем на карту. Посмотрим, где...

Он резко повернул голову. Язычок пламени на его свече качнулся, задрожал, стал заметно слабее и бледнее. Мы с Джорджем тоже почувствовали, как что-то изменилось вокруг нас – верный признак того, что Гость где-то рядом.

Мы вытащили рапиры и стали ждать.

Еще секунда, и впереди нас словно ниоткуда появился мальчик. Точнее, призрак мальчика. Светился он очень слабо, поэтому сложно было сказать, насколько далеко от нас этот призрак, плывет ли он по воздуху или касается ногами каменных плит. Потустороннего света хватало только на то, чтобы мы смогли рассмотреть контуры призрака. Я прислушалась, и мне послышался тихий-тихий плач, хотя лицо мальчика было спокойным и лишенным какого-либо выражения, что характерно для многих призраков.

– Посмотрите, как он одет, – прошептал Локвуд.

Мальчик был совсем юным, моложе меня – светловолосый, коренастый, склонный к полноте, с пухлым, совсем еще детским лицом. Если нашего Джорджа как следует отмыть и отутюжить, они с этим мальчиком могли бы сойти за двоюродных братьев. Призрак мальчика был одет в темные брюки и длинную серую куртку, которая была ему явно велика.

Что-то в покрое куртки и брюк подсказало мне, что мальчик одет так, как одевались лет двадцать – тридцать назад. Точнее сказать не могу, потому что довольно слабо разбираюсь в моде. Но цвета знакомой униформы и, самое главное, эфес рапиры, сделанный в итальянском стиле, не оставляли никаких сомнений.

– О боже, – сказала я. – Это же парнишка из «Фиттис». Тот самый, что умер здесь.

Всхлипывания, которые я слышала своим внутренним ухом, сделались громче. Призрак замерцал, медленно отвернулся от нас и поплыл вдоль прохода.

Затем призрачный свет и звук пропали. Вокруг нас вновь не осталось ничего, кроме тьмы и тишины. Кисло-сладкий запах тоже улетучился. Огонек свечи, как и прежде, стал ровным и ярким. А мы сами дружно выдохнули и снова начали дышать.

– Мятную конфетку бы сейчас, – ни к кому не обращаясь, сказал Джордж.

– Он говорил с тобой, Люси? – спросил Локвуд.

– Нет. Но явно пытался что-то сказать.

– В этом вечная загвоздка, когда имеешь дело с призраками. Они никогда ничего тебе толком не скажут. Возможно, мальчик хотел о чем-то нас предупредить, но мы все равно должны идти дальше. Ничего другого нам не остается.

И мы пошли по проходу, двигаясь еще медленнее, чем раньше. Не дальше трех метров от того места, где мы видели

явление призрака, показались ступени.

Это была винтовая лестница, узкая, круто уходящая вниз. Проход вел прямо к ней, а на саму лестницу выводила сложенная из небольших камней арка.

– Четыре градуса, – будничным тоном объявил Джордж. Светящаяся шкала термометра отражалась в стеклах его очков и подкрашивала морозное дыхание Джорджа зеленым цветом.

– Похоже, нам придется спуститься вниз, – сказал Локвуд. – Эта лестница есть на средневековом плане, Джордж?

– Не помню... Да, кажется, есть. Лестница, соединяющая дортуары с трапезной. Хочешь, чтобы я проверил?

– Нет, спасибо.

Мы начали спускаться по ступеням. Локвуд шел впереди, я за ним, Джордж был замыкающим. На лестнице мне стало очень неудобно, это было место, куда уже сотни лет не попадал ни единый луч солнечного света. Несмотря на жуткий холод, здесь было душно, с обеих сторон на меня наваливались, стискивали древние каменные стены. То и дело приходилось пригибать шею, чтобы не влететь лицом в свисающие с потолка шлейфы паутины. От дыма наших свечей слезились глаза, сквозь слезы я видела странные бесформенные тени, танцующие на плавно изогнутых стенах.

– Не споткнись о того парнишку из «Фиттис», Локвуд, – сказал Джордж. – Он должен быть где-то здесь.

– Фу, Джордж, – сердито обернулась я через плечо. – По-

чему ты это сказал?

– Наверное потому, что нервничаю.

– Ну, по крайней мере, честно признался, – вздохнула я. – Мне тоже не по себе.

Мы все сейчас чувствовали себя как-то странно – наши нервы были напряжены до предела, нас охватывало предчувствие чего-то близкого и страшного. Внешне все здесь выглядело тихо и спокойно – ни звуков, ни свечения смерти, ни проплывающих облачков плазмы. Но разве это что-то значит? Разве в Красной комнате поначалу все было не точно так же?

Лестница вывела нас в маленькое квадратное помещение с замурованными в обеих боковых стенах арками. Локвуд задержался здесь и сказал:

– Теперь мы на уровне первого этажа. Может быть, прямо за тем гобеленом. Ну помните, с тем подозрительным медведем.

– Помню, – сказала я. – Там еще было холодное пятно.

– А здесь сейчас три с половиной градуса, – доложил Джордж. – Самая низкая температура во всем доме. Мы подобрались совсем близко к Источнику, – напряженным тоном добавил он.

– Теперь лучше не спешить, – Локвуд вытащил из кармана пачку мятной жвачки и пустил ее по рукам.

Машинально двигая челюстями, мы посмотрели вниз – из той каменной коробки, где мы сейчас находились, лестница

убегала дальше вниз, в подвальный этаж. Тут мне в голову пришла одна мысль.

– Эта лестница... – словно вскользь спросила я. – Она... Она ведь не может быть той самой лестницей, правда?

– Нет. Не волнуйся, – ответил Джордж, чавкая жвачкой за моей спиной. – Это другая лестница.

– Ты уверен? В легендах точно сказано, что Кричащая – это главная лестница, та, что в вестибюле?

– Да.

Мы продолжили спускаться по ступеням – виток за витком, виток за витком. Свеча в руке Локвуда замигала, затем вновь разгорелась.

– А знаешь, – Джордж остановился, – пожалуй, нигде так прямо не сказано, что это главная лестница в вестибюле. Везде просто упоминаются какие-то «древние ступени». Но все давным-давно решили, что речь идет о главной лестнице, наверное потому, что на ней резные драконы, подставки для черепов и все такое...

– Правильно, они решили... Но если в этом доме и есть Кричащая лестница, то это должна быть та, главная, в вестибюле, правда?

– Ага.

– Даже несмотря на то, что мы не нашли на ней никаких следов потусторонней силы?

– Но здесь мы тоже их не нашли, – с непривычной для него твердостью ответил Джордж. – Кричащая лестница –

это всего лишь легенда.

Все вроде бы говорило о том, что так оно и есть. И я ни на минуту в этом не сомневалась. И только для того, чтобы перепроверить и окончательно успокоиться, я, сняв с руки перчатку и сунув ее в карман куртки, из чистого любопытства – не более того! – провела пальцами по каменной стене, вдоль которой мы спускались.

Уф! К своему облегчению, я не почувствовала ничего, кроме обжигающего холода.

Это был бездонный, сухой, безжизненный холод, насквозь пропитавший камни за многие-многие годы. За столетия. Холод защипал мою кожу, электрическим разрядом пробежал по волосам, по затылку. Ощущение было неприятным, но и только. Просто холод.

Я уже готова была оторвать руку от стены, как вдруг услышала звуки.

Поначалу слабые, они быстро приближались, становились громче. Грохотали сапоги. Звенела сталь. Лестничный колодец наполнялся этими звуками, затем к ним начали добавляться мужские голоса. Много голосов. Шелест плащей, скрип сапог, лязг мечей. Еще мгновение – и волна звуков окружила нас со всех сторон. Я улавливала запах горячей смолы, дыма и пота, ощущала непередаваемую вонь, которую испускает животный страх. Кто-то кричал на языке, которого я не понимала, но это явно был вопль отчаяния, мольба о помощи. Звякнула кольчуга, раздался тяжелый удар, за

ним стон от боли.

Сверху, снизу набегали, грохотали сапоги, с каждым нашим шагом все сильнее, все ощутимее и ужаснее становилась окружающая нас атмосфера. Теперь я слышала уже не один умоляющий о пощаде голос, а несколько голосов, крики становились все громче, все отчаяннее и пронзительнее. Громче, громче, еще громче... Вскоре в этих жутких криках утонули все остальные звуки, не стало слышно ни топота сапог, ни звона стали, остался лишь душераздирающий, идущий откуда-то из недр земли истерический вопль ужаса.

Я отдернула руку от стены.

Все звуки исчезли. Я глубоко вдохнула пропахший дымом воздух и внимательно присмотрелась к стене.

На мгновение мне показалось, что изменилась моя собственная тень – стала выше, тоньше, угловатее, сутулее... Нет, слава богу, показалось. Тень у меня все та же. И звуки стихли.

Я натянула перчатку на онемевшие от холода пальцы. Все кончилось...

Кончилось? Как бы не так. Крики – пока еще слабые и далекие – возвращались.

– Э... парни, – позвала я.

Локвуд обернулся ко мне, замер как вкопанный, а затем крикнул:

– Ну конечно! Какой же я идиот!

Мы с Джорджем стояли и смотрели на него.

– Что? – спросил Джордж. – Что такое?

– Он же все время был у нас перед глазами. Все это время!

– Что было у нас перед глазами?

– Ответ на все вопросы. Ах, какой же я дурак!

Я нахмурилась и, приложив к голове обтянутую перчаткой руку, стала вслушиваться, я очень внимательно вслушивалась.

– Погоди, Локвуд, – сказала я. – Разве ты не слышишь...

– Все, с меня хватит, – заявил Джордж. – Локвуд, ты очень странно ведешь себя в последнее время. Объясни нам, что происходит. Понятно, что это как-то связано с Фейрфаксом, и поскольку именно из-за работы на него мы оказались в такой опасности, я требую объяснений.

– Я все объясню, – кивнул Локвуд. – Обязательно. Только сперва мы должны найти Источник. А потом...

– Нет, – уперся Джордж. – Так не пойдет. Говори сейчас.

Крик накатывал волной – пока еще слабый, но быстро набирающий силу. Пламя свечей заколыхалось. По стенам побежали искривленные тени.

– Локвуд! – умоляюще воскликнула я. – Слушай...

– Сейчас не время для объяснений, Джордж, – сказал Локвуд. – Мы должны быть начеку.

– Скажи быстро и коротко.

– Нет! Вы оба – заткнитесь! – Они уставились на меня. Я вцепилась пальцами в свои виски, стиснув зубы. Идущий из стен ужасный звук набрал полную силу. – Неужели вы не

слышите? – прошептала я. – Она кричит.

– Что? – нахмурился Локвуд. – Нет, мне так не кажется.

– Уведите меня отсюда! Это та самая лестница! Нам нужно уходить, немедленно!

Локвуд был достаточно хорошим лидером, чтобы не прислушаться к такому настойчивому предупреждению.

– Хорошо, – он схватил меня за руку, – мы поможем тебе спуститься вниз. Может, там ты перестанешь слышать этот шум. Может быть, только ты, Люси, способна...

Он не договорил и судорожно сжал мою руку. Я почувствовала, как он покачнулся на ступенях. Это накатила новая волна звука, она впервые пробилась сквозь какой-то барьер и стала слышна людям с менее чувствительным слухом, чем мой.

Я оглянулась назад. Джордж тоже застыл на месте, широко раскрыв глаза. Он что-то сказал, но я его не услышала – таким громким был крик.

– Вниз! – крикнул Локвуд. – Вниз!

Его я тоже не услышала, прочитала это слово только по его губам. Локвуд шатался, но по-прежнему твердо держал меня за руку.

Затем он потащил меня вниз, за нами, зажав ладонями уши, ковылял Джордж. Мы помчались сквозь чередующиеся полосы света и тьмы. Колыхались огоньки свечей, как безумные плясали на стенах наши тени.

А вокруг все нарастал и нарастал крик, он лился прямо

из ступеней и каменных стен. Его громкость стала ужасающей, звуковые волны били нас словно кулаками. В этом крике было столько страдания и боли, что нас выворачивало наизнанку, голова готова была расколоться, весь окружающий мир кружился и плыл перед глазами. В этом крике слышался страх смерти – отчетливый, бесконечный. Этот страх окружал нас, впивался в мозг, он убивал.

Вниз, вниз, поворот, еще поворот – и вот уже в какой-то момент пляшущие на стенах тени стали не нашими, чужими, более темными. Это были тени фигур в рясах с опущенными на лица капюшонами, с торчащими из широких рукавов тонкими, высохшими руками. Вниз, вниз – мы уже не бежали, мы валились, катились, разрывая на лету полотнища хрустящей липкой паутины. Поворот, еще поворот – фигуры в рясах неслись по стенам вровень с нами, не отставая ни на шаг. Они тянули к нам свои костлявые длинные пальцы. Ступеням лестницы, казалось, не будет конца. Крик раскаленными гвоздями впивался в наши черепа, мне хотелось сейчас только одного – чтобы он оборвался, прекратился.

Мы скатились с последней ступени и оказались в маленькой квадратной комнате.

Здесь мы повалились на пол. Свечи выпали из наших пальцев и покатались в разные стороны по каменному полу. У нас кружились головы, нам никак не удавалось подняться на ноги.

Крик не прекратился. Гнавшиеся за нами фигуры сошли

с лестницы и начали расплываться по стенам комнаты, продолжая свой безумный танец. На запястьях их костлявых рук болтались разорванные веревки.

– Монахи! – ахнула я. – Это монахи. Те самые, которых здесь убили.

Согласно легенде, их было семеро. Семеро монахов, которых утопили в колодце за их чудовищную ересь и богохульство.

Я подняла голову, взглянула вдоль выложенного каменными плитами пола. В свете откатившейся в сторону, но не погасшей свечи я увидела этот колодец – широкое, круглое, угольно-черное отверстие в центре пола. А рядом с ним...

Между нами и отверстием колодца лежала маленькая высушенная фигурка – кучка костей и истлевших тряпок, – контуры которой сгладили толстые слои паутины. Это был тот самый мальчик из агентства «Фиттис». Шея его была повернута под неестественным углом, из рукава серой куртки высовывалась костяная рука – создавалось ощущение, что бедняга стремился к отверстию колодца, чтобы ринуться в его бездонную тьму.

Прежде чем крик убил его, мальчик из агентства «Фиттис» успел добраться почти до самого конца лестницы – я представила, как он летел вниз по ступеням и как упал с последней, сломав себе шею.

Ну что ж, ему повезло хотя бы в том, что его смерть была скорой.

Окружавший, давивший со всех сторон крик сводил меня с ума. Я заставила себя подняться на ноги. Поверьте, это не так легко сделать, если у тебя не осталось сил ни двигаться, ни думать.

Рядом со мной с таким же усилием поднялись на ноги Локвуд и Джордж. Из уха Локвуда сочилась струйка крови.

Пошатываясь словно пьяный, он схватил нас с Джорджем за воротники, подтянул к себе.

– Ищите Источник! Он должен быть здесь! Где-то в этой комнате! – крикнул он и оттолкнул нас.

Джордж, пошатываясь, неосторожно приблизился к стене. Из нее вытянулась полупрозрачная костистая рука с длинными пальцами, с болтающимся на запястье обрывком веревки и потянулась к Джорджу. Локвуд оказался проворнее – он выхватил соляную бомбочку и швырнул ее в стену. Вспыхнули, загорелись зеленым пламенем крупинки соли. Рука отдернулась назад. Тень на стене скорчилась и принялась извиваться как змея.

Все втроем – Локвуд, Джордж и я – на подгибающихся ногах мы отправились осматривать комнату. Результат оказался плачевным – кроме лестницы, в комнате не было другого выхода. В ней вообще не было ничего – только каменные стены и темнеющее в полу отверстие колодца.

Вспышка белого пламени, волна соли и железа – это Джордж швырнул свою банку с греческим огнем в тени, притаившиеся в дальнем углу комнаты. Со стен посыпались

крошки строительного раствора, вся комната покачнулась. На мгновение силуэты в углу исчезли, затем появились вновь и продолжили свой танец на стене.

Нас охватило отчаяние. Оно и повело нас в безрассудную последнюю атаку.

Железные опилки, соляные бомбочки, вспышки – мы швыряли их в стены, пытаясь уничтожить призрачные тени, больше всего на свете желая оборвать ужасный, изматывающий душу крик. Трещали камни стен, поднимались клубы дыма, корчились в огне толстые нити паутины. По всему полу разлетались, переливаясь всеми цветами радуги, горящие крупинки соли и железа. Но тени убитых монахов по-прежнему продолжали танцевать на стенах, и по-прежнему разрывал наши головы и сердца их ужасный крик.

Дело было плохо. Если сказать честно – хуже некуда. На меня вдруг навалилась свинцовая усталость. Нам никогда не найти Источник, и теперь, когда кармашки рабочих поясов и портупей опустошены, когда все оружие использовано и это не принесло успеха, когда мы растратили всю оставшуюся энергию на этот безрассудный последний бой...

Я замедлила движение, потом вообще остановилась. Оглянулась по сторонам. Джордж вслепую наносил удары рапирой, не понимая, по всей видимости, попадает он при этом по стене или нет. Но если и попадает – то что толку? Локвуд стоял рядом с колодцем, нахмутив брови, и дико озирался по сторонам, пытаясь найти выход из сложившейся си-

туации.

Бедный Локвуд. Выхода из этой ситуации нет. Наши способности, опыт, наш Дар оказались бессильными. Боеприпасы израсходованы.

Я уронила руки и низко опустила голову. Мы никогда не найдем Источник. И никогда, никогда, никогда не прекратится этот крик.

Если только...

Я тупо посмотрела на колодец.

Какая же я глупая! Есть, есть способ оборвать этот крик. Есть способ перейти из крика в тишину, от невыносимой боли – к миру и покою. И этот способ очень прост.

Джордж выронил рапиру, опустился на колени возле нижней ступени лестницы, съежился и обхватил голову руками. Позади него на стене ликовали, торжествуяще приплясывая, тени.

Я медленно двинулась вперед. Передо мной был выложенный из кирпичей бордюры колодца, за ним – бездонная, желанная, дарящая покой тьма...

Да, это был легкий путь – и очевидный. Подспудно я думала о таком бегстве уже давно. Это был тот путь, о котором нашептывал мне дом, когда я стояла, прислушиваясь, в вестибюле несколько часов назад... Целую вечность назад! Уже тогда я смутно понимала, куда и к чему собирается вести меня Холл – он делал это постепенно, осторожно, шаг за шагом: сначала – появление слабеньких призраков Первого

типа, призрачный туман, злобные шепчущие голоса, потом – кровавая комната и в конце – стремительное, неудержимое падение с лестницы. Здесь все всегда заканчивалось. На этом самом месте. Там, где посреди невыносимого крика открыто окно в тишину. В вечный покой. Сейчас я это поняла, и все стало очень просто. Всего пара широких шагов – и крик прекратится. Навсегда. Настанет тишина, и я стану частью этой тишины.

Я быстро сделала первый шаг, но когда начала второй, мою грудь неожиданно пронзила боль – резкий холодный спазм. Я приостановилась, схватилась пальцами за висящий у меня на шее шнурок. Да, эта вспышка энергии шла от кулона, я ощущала ее даже сквозь серебряное стекло. Сколько хлопот мне выпало с этой Анни Вард, и они остаются до самого конца! Впрочем, теперь это уже ровным счетом не имеет никакого значения. Анни Вард исчезнет вместе со мной.

Раскрытый зев колодца ждал меня. Как много он обещал! Как манил! Я не могла больше ждать и, не чувствуя ничего, кроме облегчения, сделала последний шаг и перешагнула через край...

И повисла над черной бездной.

Кто-то схватил меня, кто-то крепко меня держал. Кто-то оттащил меня назад, на безопасные каменные плиты пола.

Локвуд. Его лицо было измождено, волосы растрепаны, пальто разорвано и покрыто пятнами плазмы. По воротничку рубашки стекала струйка крови.

Он еще крепче обхватил меня за талию и притянул к себе.

– Нет, – сказал он мне прямо в ухо. – Нет, Люси. Это не выход.

Он отпустил меня, наклонил голову, сбросив на пол висевшую у него на плече свернутую кольцом цепь.

– Спички! – крикнул он. – Дай мне твои спички. И твою цепь тоже! – Он схватился за свой пояс. – Мне нужно все железо и все серебро, которые у тебя остались. Дай мне свои печати. Ну давай же! Мы кретины! Колодец и есть Источник! Гости именно в нем!

Сила его воли проломилась ко мне сквозь призрачный захват, пробилась сквозь засасывающее болото оцепенения, в которое погрузил меня нескончаемый крик. Я сбросила свои цепи, отстегнула печати. Открыла кармашек на поясе и вытащила коробок специальных спичек, которые выпускает «Санрайз». Локвуд тем временем вытащил из своего пояса последнюю вспышку. Ту самую, большую, с темно-красной наклейкой, удесятеренной мощности и длинным-длинным запальным шнуром. Такой запал позволяет отбежать на безопасное расстояние.

Затем он вытащил карманный нож и обрезал бикфордов шнур, оставив от него лишь коротенький хвостик.

– Давай! – крикнул он. – Поджигай конец!

Не успев договорить, он уже отошел от меня, волоча наши цепи к отверстию колодца, сгибаясь под их тяжестью и тяжестью продолжающегося невыносимого крика. Семь теней на

стене прекратили свой танец, замерли, неожиданно насторожились. Из каменных стен к нам потянулись призрачные руки. Вслед за ними впервые высунулись наружу и прикрытые капюшонами головы.

Я зажгла спичку и поднесла ее к кончику промасленного запального шнура. Вспыхнула искра, по шнуру побежал огонек. Локвуд сбросил в колодец наши цепи и серебряные печати. Вернулся назад, выхватил у меня банку со вспышкой и крикнул что есть силы:

– Беги, Люси! Беги к лестнице!

Но я не могла тронуться с места. Меня по-прежнему неудержимо тянуло к колодцу. Я чувствовала себя попавшей в смолу мухой, у меня не было сил даже повернуться.

Теперь Гости целиком вышли из стен и со всех сторон двинулись к нам. Два призрака почти добрались до Джорджа, который по-прежнему скорчившись сидел на полу. Остальные призраки направлялись к нам – под истлевшими капюшонами стали видны их белые костяные лица с темными провалами глазниц, с оскаленными в вечной ухмылке зубами. А крик становился все сильнее, перейдя все мыслимые границы.

Локвуд встал на край колодца, держа в руке серебристый цилиндр. Бикфордов шнур на нем догорел почти до самого конца.

Мгновение – и он швырнул цилиндр в колодец. Огонек шнура мелькнул в темноте и исчез.

Локвуд обернулся. Я увидела его изможденное бледное лицо, встретила взглядом с его темными глазами.

Тени в капюшонах подобрались к нам уже почти вплотную.

Затем крик резко оборвался, призрачные тени замерли, и в этот миг весь мир взорвался и исчез в беззвучной ослепительной вспышке безжалостного белого света.

Я очнулась неожиданно, от боли. Открыв глаза, какое-то время я видела перед собой своих сестер, и Локвуда, и Ан-набел Вард в красивом летнем платье с оранжевыми подсолнухами. Все они улыбались мне, и я отчетливо видела каждого из них, летящих надо мной на чем-то вроде облака. Их фигуры по краям слегка сливались друг с другом.

Я несколько не обрадовалась, увидев их всех вместе, и мрачно наблюдала, как эти фигуры расплываются, бледнеют и исчезают, оставляя меня одну в каком-то холодном темном месте. Голова раскалывалась от боли.

Тьма вокруг меня не была непроглядной, ее слегка разгоняло какое-то серебристое сияние.

Стояла тишина, но не абсолютная. В ушах стоял звон – высокий, тонкий, похожий на комариное жужжание.

Услышав этот звон, я обрадовалась – это означало, что у меня болят уши, а раз у меня болят уши, то я жива и не нахожусь там, где царят вечная тишина и покой. Не нахожусь на дне колодца.

Помимо звона в ушах я начала ощущать резкий запах дыма и сгоревшего пороха, почувствовала противный химический привкус во рту. Поняла наконец, что лежу, прижавшись одной щекой к холодному жесткому камню.

Я попробовала пошевелиться – и застонала. У меня бы-

ло такое ощущение, будто я снова выпрыгнула из окна дома Хоупов – как и тогда, каждый мускул кричал от боли. Еще я чувствовала, что мои волосы и обнаженные участки кожи покрыты чем-то вроде пыли. Собравшись с силами, я заставила себя приподняться.

Я сидела в дальнем углу той ужасной подземной комнаты, заброшенная сюда взрывной волной. Лоб был липким от крови. На мне – как и на всем здесь – был слой белесого пепла, продолжавшего висеть в воздухе. Я закашлялась, сплюнула забившуюся в рот пыль. От кашля голова разболелась еще сильнее.

Из отверстия колодца в центре комнаты медленно поднимался столб белесого дыма. Он был подсвечен серебристым светом, идущим откуда-то из глубины колодца, – этот жуткий свет пульсировал и мерцал. Где-то в глубине каменной кладки все еще вибрировали волны, вызванные мощным взрывом магниевой вспышки.

Невысокий бордюр вокруг колодезного отверстия лишился нескольких кирпичей, от края бордюра через всю комнату по полу образовалась щель, а сам пол слегка вздыбился.

В том месте, где трещина дошла до стены, каменная кладка расшаталась. Несколько камней вывалились на пол, остальные торчали из стены под небольшим углом. Весь пол был усыпан мелкими каменными обломками и кирпичной крошкой. И не только пол, но и лежащие на нем тела.

Три покрытых пылью тела. Три тела, разбросанных про-

изошедшим внутри колодца взрывом. Три неподвижных тела – вот что самое страшное.

Ну, с одним из этих тел вопросов не было – тот несчастный мальчик из агентства «Фиттис» лежал здесь уже много лет.

Но Локвуд и Джордж...

Я медленно поднялась на ноги и пошла, держась рукой за стену. Меня подташнивало, голова кружилась, но в целом я чувствовала себя намного лучше, чем в те минуты, когда умирала от ужасающего крика. Психическая атака, которой я подверглась, образовала в моей памяти провал, я чувствовала себя опустошенной и слабой, как человек, впервые поднявшийся с постели после долгой болезни.

Ближе всех ко мне был Джордж. Он лежал на спине, раскинув в стороны руки и ноги – так любят валяться в мягком снегу дети. Джордж был без очков, одна рука у него кровоточила, но он, пусть тяжело, но дышал. Я видела, как поднимается и опадает его живот.

Я добралась до него, опустилась рядом на колени и позвала:

– Джордж!

Он застонал, закашлялся и ответил, не открывая глаз:

– Поздно. Слишком поздно... Оставьте меня. Дайте мне поспать...

Я, как смогла сильно, встряхнула его, потом ударила по щеке и громко сказала:

– Джордж, ты должен проснуться и встать. Джордж, пожа-луйста. Ты в порядке? Что у тебя болит?

Он открыл один глаз:

– Уф! Эта щека была единственным местом, которое не болело.

– Эй, взгляни, твои очки, – я вытащила их из пепла и положила ему на грудь. Одно стекло на них треснуло. – Теперь давай поднимайся.

– Что Локвуд?

– Не знаю.

Локвуда я нашла на противоположном конце комнаты. Он лежал на боку, одна сторона распахнутого пальто казалась большим сломанным крылом. Он лежал очень тихо, и мне это не понравилось, как и то, что его покрытое слоем пепла лицо было спокойным, белым и гладким как у гипсовой статуи. Его ударил по голове отлетевший от стены камень – волосы в этом месте были испачканы кровью. Я опустилась на колени, смела рукой пепел с его лба.

Локвуд открыл глаза. Взгляд у него был невидящий, отрешенный.

Я кашлянула:

– Привет, Локвуд.

Глаза его медленно сфокусировались на моем лице и в них промелькнуло узнавание.

– А, это ты... Люси, – Локвуд моргнул, закашлялся, заво-зился, пытаюсь сесть. – Да, Люси. А я уж думал, что ты...

Неважно. Как ты, Люси? С тобой все в порядке?

– Да, я в порядке, – ответила я, быстро поднимаясь на ноги.

Наблюдавший за этой сценой сквозь свои треснувшие очки Джордж недовольно заметил:

– Вижу, вижу.

– Что? Что ты видишь? Ничего не произошло, – сказала я.

– Вот именно – ничего. А где же пощечина ему? Почему ты его не трясла как грушу? Вот она, твоя политика двойных стандартов.

– Не волнуйся, – успокоила я его. – В следующий раз непременно залеплю ему пощечину, будь уверен.

– Прелестно, – проворчал Джордж. – Ну а меня в следующий раз ты, очевидно, станешь будить пинком?

– Знаешь, пожалуй, возьму твое предложение на заметку.

Из отверстия колодца продолжал подниматься серебристый дым, и при его свете мы принялись подводить итоги. Особого вреда, к счастью, взрыв нам не причинил, хотя Локвуду и Джорджу досталось отлетевшими от стены камнями. Ну, еще нас всех хорошенько потрянуло взрывной волной, но это не в счет. Мы сохранили свои рапиры, но израсходовали все запасы железа и соли. У Джорджа, правда, осталась его цепь – мы с Локвудом свои цепи швырнули в колодец.

Первым делом мы по-братски разделили остатки сэндвичей с джемом и банки с энергетическим напитком. Мы с Джорджем пристроились на камне, прижавшись спиной друг

к другу, чтобы немного согреться. Локвуд стоял чуть поодаль и с каменным лицом смотрел на дым.

– Мы должны были с самого начала атаковать этот колодец, – сказал Джордж. – Уверен, что если бы не тот адский шум, сдвинувший набекрень наши мозги, мы бы так и сделали. Ясное дело, что колодец – это действительно Источник. Это место, где умерли монахи и где до сих пор лежали их кости.

Я молча кивнула. Да, именно в колодце они умирали, эти монахи, после того, как связанных веревками их привели сюда вниз по лестнице. Они знали, куда их ведут и зачем. Ужас, сопровождавший их последний путь, впитался в камни стен...

– Думаю, теперь мне все понятно, – продолжал Джордж. – Души монахов настолько стары, а их смерть была настолько ужасной, что их ощущения преобладали во всем доме и влияли на поведение других Гостей. Именно из-за того, что произошло в этой комнате с колодцем, впоследствии многие обитатели Холла сходили с ума и совершали ужасные вещи.

– Да-да, все эти кровавые герцоги и одержимые идеей самоубийства леди, о которых так любит рассказывать Старкинз, – кивнула я, проглатывая последний кусочек сандвича. – Ты думаешь, теперь все закончилось?

– Надеюсь, что так, – ответил Джордж, глядя на клубящийся дым. – При взрыве той вспышки вокруг разлетелось огромное количество железа, серебра и магния. Думаю, их

частицы сплавились с костями, и те будут теперь тихо лежать до тех пор, пока мы полностью не запечатаем и не обезвредим Источник. Лестница станет безопасной. И Красная комната, уверен, тоже.

– Ты полагаешь, та кровь в комнате каким-то образом была связана с монахами? – спросила я.

– Я полагаю, это были сами монахи, только выбравшие необычный вид для своей манифестации. Это Чейнджеры, которые способны принимать самые разные обличья. В Красной комнате они были потоками крови, на лестнице – кричащими и пляшущими тенями, здесь, внизу, показались в облике монахов, хотя это явно не самая их любимая личина. Я подчеркиваю: «их», потому что эти призраки действовали в большей или меньшей степени согласованно. Благодаря этому они превращались в один необычайно мощный призрак. Кстати говоря, такое слияние призраков – вещь не новая. Помнишь тот знаменитый случай в замке Шербурн?

– Помню. Возможно, там было то же самое, согласна. А ты о чем думаешь, Локвуд? – спросила я. – Ты что-то притих.

Вначале он не ответил, просто продолжал наблюдать за дымом. На фоне серебристого сияния, струившегося из колодца, его тощий черный силуэт в разодранном пальто напоминал сильно потрепанную штормом птицу.

– О чем я думаю? – негромко переспросил он. – Я думаю о том, что мы этой ночью дважды были на грани смерти, – Локвуд повернулся к нам, оставляя за собой облачко пепла.

Лицо у него было в крови, волосы растрепаны. – Я думаю, нам очень повезло остаться в живых. Еще я думаю о том, что слишком медленно соображал и очень недооценил нашего противника. Это непростительная ошибка для командира, и я прошу за нее прощения. Надеюсь, теперь все это подходит к концу.

Мы с Джорджем внимательно посмотрели на него, и я спросила:

– Ну хорошо. Может, теперь ты расскажешь нам наконец о том, что...

– Мне нужен рычаг! – Локвуд крикнул это так неожиданно и громко, что мы с Джорджем вздрогнули. Локвуд же из оцепенелого состояния внезапно переключился на бурную деятельность и заметался по комнате. – Палка, ломик – что-нибудь! Давайте шевелиться! У нас нет времени!

– У меня есть ломик, – сказала я, шаря рукой на поясе. – Но...

– Отлично. Давай его сюда, – Локвуд выхватил у меня ломик, подбежал к поврежденной взрывом стене и вонзил его между двумя камнями. – Ну, что расселись? – рыкнул он на нас. – На пикник пришли, что ли? Идите сюда, нам нужно проломить стену.

– погоди, Локвуд, – начал Джордж, поднимаясь вместе со мной на ноги. – Мы находимся глубоко под землей. Как ты собираешься выбраться наружу?

– На дым посмотри! – Локвуд налег на ломик, вывернул

из стены камень и отскочил в сторону, давая ему свалиться на пол. – Если дым уходит, сможем уйти и мы!

И он, как обычно, был прав, а мы с Джорджем все это время смотрели, и не замечали, что дым из колодца не заполняет комнату, а, поднимаясь серым столбом к потолку, утекает между камнями поврежденной стены.

– Перепад давления! – крикнул Локвуд. – Дым всасывается из меньшего пространства в большее. Этим пространством должен быть подвал. Он здесь, прямо за стеной. Половину работы за нас уже сделал взрыв. Нам нужно просто расширить отверстие. За дело!

Его энергия передалась нам. Стряхнув усталость, мы с Джорджем подступили к стене и, вооружившись еще одним ломиком и ножом, принялись расшатывать и вытаскивать камни. Локвуд работал рядом с нами, яростно размахивая ломиком, а там, где нужно, раскачивал камни просто голыми руками. Глаза его горели, губы сжались в едва различимую ниточку.

– Сегодня ночью мы столкнулись с двумя отдельными Проблемами, – заговорил Локвуд, разбивая ломиком шов строительного раствора между камнями. – Они кажутся связанными, но на самом деле это две совершенно разные Проблемы. С первой из них, с привидениями Кум Кери Холла, покончено. Монахи уничтожены, подчистить оставшуюся мелочевку ничего не стоит. С этой угрозой мы справились.

Он отшвырнул в сторону свой ломик, помог Джорджу вытянуть из стены средних размеров камень и только после этого снова заговорил:

– Вторая Проблема связана с нашим приятелем, мистером Джоном Вильямом Фейрфаксом, и эта история еще ждет своего окончания.

Вытащенный камень упал на пол и раскололся на несколько кусков. Я смела обломки в сторону, чтобы не мешались под ногами. Локвуд и Джордж навалились на следующий камень.

– Итак, – сказала я, – Фейрфакс. Что насчет него?

– С самого начала было совершенно очевидно, что с ним что-то не так, – начал Локвуд. – Его приглашение приехать сюда прозвучало очень неожиданно, еще более странным оно показалось, когда за этим последовало очень щедрое денежное предложение. Почему он решил выбрать именно нас, хотя мог обратиться и в «Фиттис», и в «Ротвелл», и в десятки других агентств? Репутация нашего агентства была на тот момент э-э... подмоченной, но Фейрфакс заявил, что впечатлен нашей работой.

– Он еще сказал тогда, что в свое время тоже начинал как аутсайдер, – напомнила я, сражаясь с очередным камнем. – И что ему нравится наша увлеченность и... береги ноги! Ой, прости, Джордж... и независимость наших суждений.

– Да, именно так он и сказал, – криво усмехнулся Локвуд. – Начнем по порядку. Достаточно мельком прочитать

любую биографическую справку о Фейрфаксе – и узнаешь, что свое огромное состояние он не заработал сам, а получил в наследство от отца. Дальше. Если даже забыть о том, насколько странно то, что Фейрфакс выбрал именно нас, оставались – лично для меня – еще три вопроса, не дававшие мне покоя. Первый: почему именно сейчас? Фейрфакс владел Холлом уже много лет – почему он так внезапно и решительно захотел очистить его от привидений? Второй: к чему такая спешка? Он дал нам на подготовку каких-то жалких два дня. Курам на смех! И третий вопрос: почему он запретил нам брать с собой вспышки?

– Да, насчет вспышек я тоже никак не мог понять, – сказал Джордж. – Ни один агент, если только он в своем уме, не согласится выйти против такого сильного Гостя без вспышек.

– Мы согласились, – возразил Локвуд. – И Фейрфакс знал, что мы согласимся, потому что отчаянно нуждаемся в деньгах. А ему позарез необходимо было выманить нас сюда, поэтому он заплатил шестьдесят тысяч фунтов только за то, чтобы мы перешагнули порог этого дома. Это была либо какая-то сумасшедшая щедрость, либо какой-то тонкий расчет, и мне захотелось понять, что именно. Вот почему я первым делом ненадолго посетил на следующий день деревню Кум Кери.

– Мы пробили насквозь! – воскликнул Джордж, опуская на пол очередной вывороченный камень в центре разломанной стены. За камнем открылась темнота пустого простран-

ства.

– Отлично, – кивнул Локвуд. – Теперь можно пять минут передохнуть. Который час, Люси?

– Три часа утра.

– Ночь кончается. Нам нужно выбраться отсюда до зари. Ну хорошо. Итак, я отправился в деревню. Прикинулся бродячим торговцем и ходил от дома к дому.

– А что ты продавал? – поинтересовался Джордж.

– Твою коллекцию комиксов, Джордж. Да не пугайся, я не продал ни одного номера – слишком высокую цену заламывал. Зато получил возможность поговорить с местными.

– Ну и каковы были твои успехи? – спросила я.

– Поначалу моего деревенского акцента никто не понимал, – сделал огорченное лицо Локвуд. – Трое здешних ломовых извозчиков – здоровенные, доложу вам, дядьки – вообще подумали, что я над ними издеваюсь, и стали гонять меня вокруг мельничного пруда. После этого я смягчил свой акцент и все пошло как по маслу. Я много интересного слышался тогда о Фейрфаксе. Например, узнал, что он часто приезжает в Холл в сопровождении грузовика своей компании. В грузовике привозят новые железные приспособления, и Фейрфакс нанимает деревенских мужиков, чтобы те помогали занести эти штуковины в дом. По большей части это модернизированные домашние обереги для дверей, окон – ну, сами знаете. Но иногда грузовики приходили с какими-то более серьезными предметами, упакованными в боль-

шие ящики. Спустя несколько дней за этими ящиками приехал пустой грузовик и увозил их назад. Местные жители не сомневались, что Фейрфакс проверяет новые товары своей компании на призраках Кум Кери Холла. Что само по себе несколько не странно и даже правильно – все корпорации проводят такое тестирование, – Локвуд пригладил волосы и внимательно осмотрел стену. – Но и тут возникает вопрос. Если Фейрфакс использовал Холл в качестве полигона, почему он вдруг захотел избавить дом от призраков? И почему позвал для этого именно нас?

– И почему не предупредил о поджидающих нас опасностях? – добавила я. – Если Фейрфакс тестировал здесь свое оборудование и ставил эксперименты, он должен был многое знать хотя бы о Красной комнате, а по большому счету – о Кричащей лестнице тоже.

– Точно... По-моему, теперь нужно вытащить вот этот большой камень, и все. Тогда образуется дыра, в которую даже Джордж протиснется.

Джордж что-то проворчал, но его заглушил стук наших с Локвудом ломиков, дружно впившихся в удерживающий камень строительный раствор. Спустя несколько минут мы выломали камень из раствора, наполовину вытянули из стены, чтобы он больше не застревал, и устроили еще одну передышку.

– Короче говоря, у меня было достаточно оснований подозрительно относиться к Фейрфаксу и его истинным мотивам.

вам, – продолжал Локвуд. – Много пищи для размышлений мне дали материалы Джорджа, которые я прочитал в поезде. Из них я узнал, что в юности Фейрфакс был совершенно неуправляемым. Его отец хотел сразу после школы начать приобщать сына к семейному бизнесу, но тот заартачился и несколько лет провел в Лондоне – пьянствуя, картежничая и пытаясь играть на любительской театральной сцене. Но всего этого было бы недостаточно, если бы не информация, которую я получил от Люси. Это был недостающий элемент, после чего все встало на место.

– И что же это было? – спросил Джордж.

Я была рада, что он задал этот вопрос, потому что сама не знала, о чем идет речь.

– Она показала мне вот это, – Локвуд выпрямился и принялся шарить по карманам своего пальто. На пол посыпались обертки от жвачки и мятных конфет, свечные огарки, какие-то бумажки, веревочки... Наконец он вытащил смятый листок бумаги, развернул его и передал нам.

Это был лист с фотокопией журнальной статьи, которую Джордж нашел в архиве. Статья была о представителях лондонской «золотой молодежи» – о тех, кто полвека назад был всегдашней самой модных баров и казино. Группа молодых людей была сфотографирована возле фонтана – в центре первого ряда в этой толпе стояла Анни Вард. Рядом с групповой фотографией на этой же странице был помещен портрет, с которого на меня смотрел юный Гуго Блейк.

– Ищите на фонтане, – сказал Локвуд.

В слабом серебристом свете трудно было рассмотреть детали, поэтому Джордж включил фонарь. На заднем плане группового снимка стояли несколько молодых мужчин – девять человек, все в белых галстуках и фраках. Они залезли на фонтан – один из них забрался на цоколь под центром фонтана, остальные повисли, уцепившись за металлические украшения. Лощеные, веселые, богатые. Самый высокий из них стоял чуть в стороне, наполовину скрытый в тени фонтана. Это был мускулистый мужчина с бочкообразной грудью и густой гривой длинных темных волос. Хотя на лицо мужчины падала тень, основные черты можно было рассмотреть – огромный крючковатый нос, густые брови, жесткая линия тяжелой челюсти.

Мы с Джорджем молча смотрели на фотографию.

За долгие годы этот мужчина сильно похудел, но во всем остальном...

– Фейрфакс, – сказала я.

– Я тоже об этом догадывался, – задумчиво кивнул Джордж.

– Что? – недоверчиво протянула я. – Рассказывай кому-нибудь другому. У тебя и близко в мыслях ничего не было.

– Ладно-ладно, – пробурчал Джордж, возвращая бумажный лист Локвуду. – Но все равно он всегда казался мне подозрительным и скользким.

– Значит, когда я показала эту страницу призраку Анни Вард, – начала я, – и она взбесилась от страха и ненависти... – я замолчала и прикусила губу. Спрятанный под курткой контейнер из серебряного стекла обжег мою кожу холодом. – Но это не доказывает, что...

– Ты права, – согласился Локвуд. – Само по себе это ничего не доказывает. За исключением одной, но крайне важной вещи. Фейрфакс – лжец. Появившись у нас в первый раз, он утверждал, что никогда не слышал об Анни Вард. Прикинулся, будто не может даже вспомнить ее имя. Но фотография доказывает, что они знали друг друга, входили в одну и ту же развеселую компанию.

– И не только это! – воскликнула я. Мое сердце бешено колотилось, голова кружилась, меня подташнивало так, будто я вновь лечу вниз по винтовой лестнице, но на этот раз кричали не призраки – кричала моя память, вспоминая ускользнувшие от меня детали. – Она тоже была актрисой, – сказала я. – Как и Фейрфакс. Вы помните, в старых газетах упоминается, что Анни Вард была подающей надежды актрисой, но оставила сцену из-за...

– ...из-за Гуго Блейка, – сказал Локвуд. – Попала под его влияние и...

– Если хотите знать мое мнение, то я скажу вот что, – неожиданно заявил Джордж, берясь за торчащий из стены камень. – Давайте-ка лучше выбираться отсюда. Ночь не будет длиться вечно, даже такая, как нынешняя.

Мы молча согласились с ним и все вместе налегли, подцепив камень двумя ломиками, пока он с грохотом не вывалился нам под ноги, рассыпая вокруг крошки древнего строительного раствора. Звук удара затих. Мы стояли и смотрели в открывшееся перед нами угольно-черное отверстие.

Локвуд придвинулся ближе и заглянул в пролом:

– Ничего не видно... Вероятно, это дальний конец подвала, где я раньше видел монаха. Отлично... Поднимемся наверх, а там сразу через главный вход наружу – и ходу отсюда. Дай фонарь, Джордж, я полезу первым.

Зажав фонарик в зубах, он подтянулся и полез внутрь. Вначале в отверстии исчезла его голова, остались лишь дрыгающиеся ноги, потом скрылись и они.

Тишина.

Мы с Джорджем ждали.

По ту сторону пролома появился бледный свет, и следом донесся тихий голос Локвуда:

– Простите – при падении выронил фонарик. Все в порядке, это действительно подвал. Давайте пролезайте. Следующая – Люси.

Много времени это у меня не заняло. Как только мои руки и голова оказались по ту сторону, Локвуд подхватил меня и помог опуститься на пол.

– Посторожи тут, а я помогу Джорджу, – прошептал он. – Ночь близится к концу, поэтому я уверен, что оставшиеся Гости уже притихли, но знаешь, осторожность никогда не по-

мешает.

Вооружившись фонариком и рапирой, я стала на страже, а Локвуд тем временем помог Джорджу протиснуться в отверстие. Честно говоря, подробностей этого циркового номера я не видела, да и вообще мало что видела вокруг – густые тени лежали на сводчатых потолках подвала, сгустились за ближайшей аркой, размыли края уходящих вдаль стеллажей для винных бутылок. От призрачного тумана не осталось и следа. Возможно, наша атака на колодец уже повлияла на весь кластер призраков. Впрочем, утверждать это наверняка было сложно – как всегда, когда имеешь дело с Гостями.

А если честно, в данный момент мне вообще было не до местных призраков. Гораздо больше меня занимали мысли о светловолосой девушке на фотографии и стоявшем у фонтана мужчине. Голова трещала от самых разных предположений и догадок.

– Все готовы? – прошептал Локвуд, как только Джордж оказался по нашу сторону пролома. – Сейчас постараемся как можно скорее покинуть этот дом и пробежать через парк. Я хочу добраться до разрушенной сторожки у дороги. Если мы сумеем оказаться там до рассвета...

– Хорошо, – сказала я. – Только ответ сначала: как ты думаешь, Фейрфакс приложил руку к тому ограблению у нас в доме?

– Конечно. А когда оно не удалось, приступил к выполнению плана Б, целью которого было заманить нас сюда.

– Выходит, ему нужен кулон?

– Позарез, – кивнул Локвуд. – Все дело именно в кулоне и в том, что он доказывает.

– А что он доказывает, мистер Локвуд? – спросил низкий голос.

Зазвенел металл. Из темного проема арки выступили две фигуры. Мужские фигуры, но с чудовищно большими деформированными головами. Один мужчина держал в руке пистолет, второй – фонарь, сильный луч которого был направлен прямо нам в глаза.

– Стоять на месте! – приказал тот же голос, а когда наши руки метнулись к эфесам рапир, добавил: – Сегодня игры в прятки закончены. Бросайте свое оружие на пол, или мы пристрелим вас на месте.

– Делай, как он говорит, – сказал Локвуд. Он вытащил свою рапиру и бросил ее на пол. Джордж сделал то же самое. Я все еще медлила, стояла, щурив глаза в ту сторону, откуда доносился голос.

– Пошевеливайтесь, мисс Карлайл! – скомандовал голос. – Или хотите получить пулю в сердце?

– Люси, – взял меня за плечо Локвуд.

Я выпустила рапиру. Локвуд убрал руку и иронично-торжественным тоном объявил:

– Люси, Джордж, позвольте еще раз представить вам нашего хозяина и клиента, мистера Джона Вильяма Фейрфакса, президента корпорации «Фейрфакс Айрон», известного

промышленника, бывшего актера и, разумеется, убийцу Анни Вард.

Он был по-прежнему в той же белой рубашке и серых костюмных брюках, в которых я видела его вчера вечером, но кое-что в одежде старика изменилось. Пиджак исчез, его заменила кольчуга из сверкающей металлической сетки – она прикрывала грудь Фейрфакса и спускалась почти до колен, расширяясь книзу как юбка. Руки от плеча до локтя оставались открытыми – именно здесь была видна рубашка – а вот ладони и запястья были защищены металлическими перчатками. Как и прежде, он опирался на трость с серебряной рукоятью в виде головы бульдога (или все-таки мастиффа, черт побери?!). Правда, это была уже не трость. Без снятых с нее деревянных ножен она превратилась в длинную тонкую рапиру. Но самым странным и гротескным был шлем на голове Фейрфакса – гладкий, похожий на череп стальной купол с охватывающим шею ободком. Под выступающим над бровями козырьком шлема виднелись выпученные линзы защитных очков в широкой кожаной оправе.

Линзы блестели, отражая падающий на них свет и скрывая глаза Фейрфакса. Если говорить коротко и по делу, больше всего в этом наряде мистер Фейрфакс напоминал демоническую лягушку – ужасную и в то же время до смеха нелепую.

Он поднял фонарь и в дымящемся луче яркого света рассматривал нас. Потом улыбнулся, показав свои покрытые

слоем серебра зубы:

– Вы любопытный тип, мистер Локвуд. Должен признать-ся, что вы нравитесь мне все больше и больше. Жаль, что мы не встретились с вами при других обстоятельствах. Я предложил бы вам постоянную работу у себя.

Не знаю, как Локвуд это делал, но, несмотря на направленный ему в грудь пистолет, несмотря на разодранное в клочья пальто, испачканную кровью, плазмой, магнием, солью и пеплом одежду, несмотря на застрявшие в волосах нити паутины и царапины на лице и руках, даже сейчас ему удалось сохранять уверенный и невозмутимый вид.

– Очень любезно с вашей стороны, – ответил он. – Но не хотите ли вы представить нам вашего друга? – Локвуд указал кивком головы на человека с пистолетом в руке. – Не думаю, что мы имели удовольствие познакомиться с ним раньше.

Этот человек ростом был немного ниже Фейрфакса, однако очень широк в плечах и с прекрасно развитой мускулатурой. Его лицо – вернее, та часть лица, которую я могла рассмотреть, – было, судя по гладкой коже, молодым и чисто выбритым. На спутнике Фейрфакса тоже был шлем и «лягушачьи» очки, блестящая кольчуга и рапира на поясе.

Фейрфакс сухо хмыкнул:

– Это Перси Греб, мой шофер и личный ассистент. В свое время служил оперативником в «Хэмблтон» – до того, как это агентство было поглощено «Фиттис». Очень способный парень и превосходный фехтовальщик. Между прочим, вы

уже знакомы с Перси – именно он навестил вас тогда ночью.

– А, – понимающе кивнул Локвуд. – Наш грабитель в маске. Я тогда слегка задел вас, не так ли? Как ваш живот?

– Терпимо, – ответил Греб.

– Еще одна небольшая деталь в длинном списке неприятностей, которые вы причинили нам, мистер Локвуд, – сказал Фейрфакс. – Взгляните на эту стену! – он театральным жестом указал на пролом, из которого продолжала тянуться струйка дыма. – Я просто шокирован. По-моему, я категорически запретил проносить в мой дом горючие и взрывчатые вещества.

– Приношу свои извинения, – Локвуд с иронией поклонился. – Но есть и хорошие новости. Мы обнаружили и уничтожили ваш Источник, так что рассчитываем на то, что утром, как только откроются банки, вы переведете нам оставшиеся деньги.

Фейрфакс вновь хмыкнул:

– Безрассудный оптимизм – еще одно качество, которое восхищает меня в вас, мистер Локвуд, но больше всего, разумеется, я поражен вашей способностью выживать в любых условиях. Честно говоря, я думал, что вас еще несколько часов назад отправил на тот свет Ужас Красной комнаты. Я наблюдал за тем, как вы вошли в нее, потом запер за вами дверь... И вдруг вы выныриваете, как пыльная личинка древооточца сквозь пролом в стене в совершенно другой части дома! Невероятно. Вы сумели выбраться из Красной комна-

ты, что само по себе впечатляет, но открыть еще местонахождение главного Источника – это нечто... Скажите, главным действующим лицом был Красный Герцог? Это моя любимая теория.

– Нет. Лестница и монахи. Мы нашли их колодец.

– В самом деле? Колодец? Прямо здесь? – В свете фонаря блеснули непрозрачные стекла очков. Голос Фейрфакса стал задумчивым. – Как интересно... Вы должны будете показать мне его.

– Да, Локвуд, это была не лучшая идея – упомянуть о том, что колодец здесь, – сказал Джордж, неуклюже переминаясь с ноги на ногу.

– О, мистер Фейрфакс человек рассудительный, – усмехнулся Локвуд. – Кроме того, вначале он наверняка захочет поговорить с нами. Не так ли, Фейрфакс?

Фейрфакс молчал под своим шлемом. Не шевелился и стоящий рядом с ним Перси Греб, продолжая целиться своим пистолетом в наши животы.

– Да, – хрипло и решительно ответил наконец Фейрфакс. – И сделать это мы можем в более уютной обстановке. Я устал, и мне нужно присесть. Греб, отведи наших приятелей наверх, в библиотеку. Если кто-то из парней дернется, пристрели девчонку.

Локвуд что-то сказал, но я не расслышала, что именно, – настолько сильным был охвативший меня страх и гнев. Фейрфакс совершенно ясно дал понять, что считает меня

наименьшей угрозой, слабым звеном в нашей команде. Взяв меня на мушку, он рассчитывает связать по рукам и ногам Локвуда и Джорджа. Я постаралась придать своему лицу невозмутимый вид, гордо подняла голову и, даже не взглянув в сторону Фейрфакса, уверенным шагом направилась в сторону лестницы.

В библиотеке ярко горели электрические лампы.

После долгих часов пребывания в темноте нам они показались не просто яркими, а ослепительными. Войдя в комнату, мы приставили ладони козырьками к глазам и почти на ощупь отправились искать свободные кресла. Греб жестом руки показал, чтобы мы садились, а сам встал рядом с книжными полками – свободно сложив на груди руки, уперев ствол пистолета в свой мощный бицепс. Мы сидели молча и ждали.

Наконец в вестибюле раздалось медленное, болезненное постукивание трости, и вскоре в библиотеку вошел Фейрфакс. Свет ламп засверкал на его металлическом шлеме, заблестел, отражаясь и на огромном крючковатом носу, сделав Фейрфакса похожим на большую старую ссутулившуюся хищную птицу. Шаркающей походкой он подошел к кожаному креслу, стоящему у увешанной фотографиями стены, и со вздохом облегчения погрузился в него. Когда Фейрфакс сел, металлическая кольчуга с негромким звоном улеглась на его коленях, как юбка.

– Ну наконец-то, – сказал он. – Услышав взрыв, мы целую

вечность болтались в том чертовом подвале. Ладно, Греб, теперь можешь снять с головы эту штуковину, призраков здесь больше нет.

Фейрфакс тоже снял шлем, затем очки. От них у него над бровями осталась красная полоска. На нас неприязненно взглянули темные глазки-буравчики. На лице железного короля стали видны старческие пигментные пятна.

А чуть выше с фотографии на стене дерзко и самодовольно смотрел на нас юный Фейрфакс – прилизанный красавчик-актер в кружевах, кольцах, слишком тесном, облегающем все на свете трико, угрюмо рассматривающий лежащий у него на ладони гипсовый череп. Прямо под этой фотографией сидела в кресле и устало покашливала живая развалина, оставшаяся от этого самовлюбленного юнца. Было удивительно видеть, как изменило Фейрфакса время, как оно украдо его красоту, силу, жизненную энергию.

Греб тем временем тоже освободился от шлема и повернул к нам голову, казавшуюся слишком маленькой для его накачанного, мускулистого, как у быка, тела. Без шлема он стал похож на кеглю. Волосы у него были очень коротко подстрижены, и без того тонкие губы сжаты в ниточку.

Фейрфакс положил шлем и очки на стоящий рядом столик поверх уже лежащих на нем альбомов, которые несколько часов назад листал Локвуд. Удовлетворенно обвел глазами комнату и сказал:

– Я люблю эту библиотеку. Это мой бастион. По ночам

здесь проходит граница между миром живых и миром мертвых. Я часто прихожу сюда, чтобы испытать новейшие разработки нашей компании. И у меня, разумеется, есть экипировка, позволяющая безопасно передвигаться по всему дому.

– Вот эта кольчужка? – уточнил Джордж. – Вы в ней похожи на старую модницу в блестящем платье.

– Такие оскорбления в такой момент? – прищурил глаза Фейрфакс. – Разумно ли это, мистер Каббинс?

– В какой такой момент? – удивился Джордж. – Когда тебя держит на мушке старый маразматик в железной юбке? Тут уж шути не шути – хуже быть просто не может.

– Ну, это мы еще увидим, – недобро хохотнул Фейрфакс. – А насчет «платья»... Напрасно вы смеетесь над этой кольчужкой. Она сделана из специального сплава железа с алюминием. Железо обеспечивает защиту, алюминий делает кольчугу легкой. Свобода движений в сочетании с абсолютной защитой! Шлем – тоже новейшая разработка. Вы знаете, мистер Локвуд, какая часть тела наиболее уязвима у агента? Затылок и шея. Этот ободок решает проблему... Хотите иметь такой шлем?

– Да, действительно уникальная вещь, – пожал плечами Локвуд.

– Опять вы лжете! Это сложная, современная, необычная вещь, но не уникальная. «Фейрфакс Айрон» не единственная компания, которая разрабатывает подобную экипировку.

ку. Взять хоть эти очки, например... – Фейрфакс оборвал сам себя и сухо заметил: – Но мы, пожалуй, отклонились от темы.

Он откинулся на спинку своего кресла и какое-то время молча смотрел на Локвуда, словно обдумывая и взвешивая свои слова.

– Внизу, в подвале, – медленно начал наконец Фейрфакс, – я нечаянно подслушал ваш разговор. Вы обсуждали некий кулон и некие связанные с ним доказательства. Из чистого любопытства мне хотелось бы узнать, что вы имеете в виду под «доказательствами», если таковые вообще у вас имеются. Ну и, кроме того, вы, возможно, расскажете мне, где находится этот кулон и как его найти.

– Вот уж это дудки, – сказал Джордж. – Заберете ожерелье, а потом сбросите нас в колодец! – Его лицо побледнело от ярости.

Мое лицо, наверное, выглядело таким же, только помимо ярости на нем еще было написано глубочайшее отвращение. Я видеть Фейрфакса не могла, меня от него тошнило.

А вот Локвуд продолжал держаться так, словно болтает с соседом о погоде.

– Все в порядке, Джордж, – сказал он. – Я могу предъявить доказательства этому человеку. Нам важно показать мистеру Фейрфаксу, насколько безнадежно его положение.

Локвуд удобнее устроился в кресле, вытянул ноги и приступил к делу:

– Ну, Фейрфакс, как вы правильно догадались, мы обнаружили кулон на теле Анни Вард и практически сразу же узнали, что оно было подарено ей убийцей.

– Пойдите! – вскинул руку Фейрфакс. – Вы говорите, что узнали об этом. Как?

– Благодаря парапсихологическим способностям Люси, – ответил Локвуд. – Прикоснувшись к кулону, она распознала сильную эмоциональную связь между Анни Вард и ее неизвестным обожателем в момент смерти девушки.

Большая голова медленно повернулась, на меня уставились внимательные темные глаза.

– Ах, наша проницательная мисс Карлайл... – Если честно, мне очень не понравился тон, которым он это сказал, – у меня по коже сразу побежали мурашки. – Однако такие «откровения», строго говоря, доказательствами не являются, их не примет ни один суд.

– Совершенно верно, – согласился Локвуд. – Поэтому я решил расшифровать надписи на кулоне. На внешней его стороне было выгравировано «*Tormentum meum, laetia mea*» — «Моя боль, моя радость», или какая-то похожая чушь. Эта надпись мало о чем нам рассказала, разве что о том, что кулон подарил какой-то самовлюбленный прыщавый юнец с претензией на оригинальность. Но ведь такое можно сказать о многих убийцах, верно, Фейрфакс? А нам нужно было узнать больше, гораздо больше.

В библиотеке повисло молчание. Старик сидел неподвиж-

но, вцепившись узловатыми пальцами в подлокотники своего кожаного кресла, напряженно наклонив голову вперед.

– Затем, – продолжал Локвуд, – мы нашли кое-что и внутри кулона. Если не ошибаюсь, там была такая надпись: «А*В; Г.П.2.115». Три буквы плюс загадочный набор цифр. Поначалу буквы сбили нас с толку, более того – привели к серьезной ошибке. Мы были уверены, что «АВ» – это инициалы Аннабел Вард, а «Г» в таком случае – первая буква имени ее возлюбленного. В газетах того времени много писали о связи Анни Вард с Гуго Блейком. Казалось, все сходится. Он был последним, кто видел Анни живой, и единственным подозреваемым в деле. О Блейке в полиции тоже вспомнили, даже спустя полвека, и вскоре арестовали его. Но на самом деле Блейк – это ложный след. К этому выводу я пришел, внимательно анализируя надпись на кулоне. Первая странность: инициалы Анни Вард состоят из двух букв, а ее возлюбленный поставил только первую букву своего имени. Почему? И что означают цифры П.2.115? Шифр? Дата? Должен признаться, я долгое время находился в тупике. – Локвуд мельком взглянул на часы, затем с усмешкой посмотрел в мою сторону и продолжил: – Решающую улику добыла Люси, Фейрфакс. Она отыскала групповой снимок, на котором вы сфотографированы вместе с Анни Вард. Я понял, что вы лгали нам с самого начала. Тогда, в поезде, я прочитал о вашей юношеской карьере в театре и вспомнил, что Анни Вард тоже была актрисой. Мне захотелось узнать, пересекались ли

ваши с Анни дорожки и на сцене тоже. Кроме того, я обратил внимание на то, что на сцене вы играли под своим средним именем – не «Джон», а «Вильям Фейрфакс». Теперь мне не составило труда понять, что «А*В» – это не «Анни Вард», а «Анни и Вильям».

Старик по-прежнему сидел неподвижно, разве что чуть ниже опустил голову. Глаза его были в тени, их выражения я не видела.

– Последнюю часть надписи я расшифровал только вчера вечером, – сказал Локвуд. – Мы в то время находились на Кричащей лестнице, и я был несколько занят, поэтому у меня еще не было времени проверить свою догадку. Однако я думаю, что надпись «Г.П.2.115» имеет отношение к одной из пьес, в которой вы играли вместе с Анни Вард. Готов поспорить, что это ссылка на какую-нибудь слюнявую реплику, которая каким-то образом связывала вас и может доказать, что вы с Анни очень, очень близко знали друг друга, – он взглянул на фотографии на стене. – Если бы меня спросили, какая пьеса первой мне приходит на ум, я бы ответил: «Гамлет». Я знаю, что это ваша любимая пьеса, но прав я или нет, можете сказать только вы сами, – Локвуд улыбнулся, закинул ногу на ногу, обхватил руками колено и весело спросил: – Ну что, Фейрфакс? Прав я или нет?

Фейрфакс не шелохнулся. Уснул, что ли? А что, мог и уснуть, ведь Локвуд так долго говорил. Стоявший у книжных полок Греб нетерпеливо переступил с ноги на ногу, шевель-

нул стволом пистолета и сказал:

– Почти половина пятого, сэр.

В ответ из кресла донесся надтреснутый голос:

– Да-да. Всего один вопрос, мистер Локвуд. Вы обнаружили надпись на кулоне – почему же сразу не пошли с ней в полицию?

– Из гордости, наверное, – немного помолчав, ответил Локвуд. – Хотелось расшифровать ее самому. Хотелось прославить агентство «Локвуд и Компания». Это была ошибка.

– Понимаю, – поднял голову Фейрфакс. Если до этого он выглядел просто старым, то теперь напоминал покойника – остекленевший взгляд, обтянувшая кости черепа серая кожа. – Гордость страшные вещи творит с людьми, страшные. В вашем случае гордость обернется смертью для вас и ваших компаньонов. В моем случае гордость обернулась пожизненным раскаянием. Да, – вздохнул он, – ваши доказательства хороши, но еще лучше ваша интуиция. Последняя часть надписи – это действительно ссылка на «Гамлета», в котором когда-то, давным-давно, мы играли вместе с Анни. Я был принцем Гамлетом, она – Офелией, его возлюбленной. А надпись на кулоне означает: II акт, 2-я сцена, строки со 115 по 118-ю. Это слова, которые Гамлет говорит Офелии:

Не верь дневному свету,
Не верь звезде ночей,
Не верь, что правда где-то,

Но верь любви моей¹.

Старик замолчал, уставившись в темноту. Потом заговорил снова:

– Гамлет хочет этим сказать, что его любовь к Офелии сильнее всего во Вселенной. И это в принципе верно, хотя Офелия утопилась, а сам Гамлет погиб от яда. Но эти строчки – о страстной любви между Гамлетом и Офелией... Такой же страстной, какой была наша любовь с Анни.

– Однако это не помешало вам ее убить, – подала я голос впервые за время всего разговора.

Фейрфакс посмотрел в мою сторону тусклыми, как камни, глазами:

– Вы все еще ребенок, мисс Карлайл. Вы ничего не знаете о подобных вещах.

– Неправда, – не сдерживая больше своего презрения, возразила я. – Я точно знаю, что переживала Анни Вард. Притронувшись к кулону, я ощутила все.

– Очень мило, – сказал Фейрфакс. – Знаете, я всегда думал, что такой Дар, как у вас, должен приносить больше забот, чем пользы. Чувствовать предсмертную боль и муку другого человека? Не приведи Господь.

– Я ощутила не только ее смерть, – тихо сказала я, – но и все чувства, которые она испытала, пока носила ожерелье. Я знаю все, через что ей пришлось пройти с вами.

---

¹ (Пер. Б. Пастернака)

Воспоминания с трудом покидают нас. Я до сих пор помнила истерику Анни, ее дикую ревность, горе, гнев, и в самом конце...

– Забавным вы Даром обладаете, – сказал Фейрфакс. – Тревожащим и совершенно бесполезным. Однако благодаря ему вы должны знать, что собой представляла Анни Вард. Сумасбродная, ветреная, со змеиным характером – но в то же время неотразимо прекрасная. Мы играли вместе с ней во многих любительских спектаклях – это давало нам официальное право часто быть вместе, сохраняя при этом в секрете наши истинные отношения, наш роман. Строго говоря, Анни была девушкой не нашего круга – дочь портного или что-то в этом роде, – так что узнай о ней мои родители, они лишили бы меня наследства. Но потом Анни потребовала, чтобы мы открыто объявили всем о наших отношениях. Я, разумеется, отказался это сделать – даже одна мысль об этом представлялась мне невозможной.

Фейрфакс сделал попытку улыбнуться – получился оскал, в котором блеснули посеребренные зубы.

– На время она перекинулась на Гуго Блейка, – продолжал он. – На этого хлыща, никчемного щеголя. Он был ей не пара, и она прекрасно понимала это. Довольно скоро Анни возвратилась ко мне. – Он тряхнул головой и, повысив голос, двинулся к концу своей истории. – Как я уже говорил, Анни была капризной и своенравной. Она нарочно, в отместку мне, путалась с людишками, которых я не одобрял, включая

Блейка, с ним я строго-настрого запретил ей видаться. Теперь мы с ней спорили и ссорились все чаще и все сильнее. Однажды ночью я тайком пробрался к ней в дом. Анни не было. Я решил дождаться ее. Представьте мой гнев, когда я увидел, что ее провожает до дверей не кто иной, как Гуго Блейк собственной персоной. Как только Анни вошла, я набросился на нее с упреками. Мы разругались, заходя все дальше во взаимных оскорблениях. В конце концов я утратил контроль над собой и ударил Анни. Она замертво упала на пол. Одним ударом я сломал ей шею.

Меня передернуло. Я вспомнила последние считанные мной с кулона эмоции Анни: страх и боль.

– Поставьте себя на мое место, мистер Локвуд, – снова заговорил Фейрфакс. – С одной стороны я – наследник главы одной из крупнейших промышленных компаний в Англии. С другой – лежащее у моих ног тело девушки, которую я только что убил. Что я должен был делать? Позвать полицию? Это означало бы, что вся моя жизнь пойдет под откос – меня ждали тюрьма, бесчестие, а может быть и виселица. Тогда из-за секундного помешательства, из-за одной вспышки гнева погибнут сразу две молодые жизни! Если же я оставлю ее просто лежать на полу, то кто знает, удастся ли мне уйти отсюда никем не замеченным? А если меня кто-нибудь увидит – пиши пропало. – Он тяжело вздохнул. – Нужно было действовать наверняка, и я принял третье решение – спрятать тело и скрыть следы преступления. Это заняло у

меня почти сутки, мистер Локвуд. Почти двадцать четыре часа, чтобы сделать импровизированную могилу для моей дорогой Анни, и еще пятьдесят лет, чтобы мучиться воспоминаниями об этом. Я должен был найти место, куда можно спрятать труп, проломить стену, принести в дом материалы, чтобы потом замуровать это отверстие, – и все сделать так, чтобы меня никто не увидел. Каждую секунду я дрожал от страха, ждал, что все вот-вот раскроется. И все это время рядом со мной было мертвое тело Анни. . . – Он закрыл глаза, тяжело переводя дыхание. – Я довел это дело до конца – и до конца своих дней остался с воспоминаниями о нем. Но – какая ирония судьбы! – все мои усилия могли пойти насмарку, потому что я забыл снять с шеи Анни кулон. Просто забыл в этой горячке! Вспомнил о нем лишь спустя несколько недель и тогда же понял, что когда-нибудь из-за этого маленького ожерелья у меня могут быть большие неприятности. Они, притаившись, ждали своей минуты, полвека ждали, и начались, когда я прочитал в газете статью о вашем агентстве. Я сразу догадался, что вы нашли ожерелье, и стал действовать. Осторожно наведя справки, я понял, что полиция о кулоне ничего не знает. Это обнадеживало. Я переключил свое внимание на вас. Сначала решил попытаться украсть кулон. Когда у Гребя ничего из этого не вышло, я решил перейти к более радикальным мерам, чтобы навсегда заставить вас замолчать. – Он вздохнул, со свистом выпустив воздух сквозь посеребренные зубы. – Но призраки Кум Кери подвели ме-

ня, и потому мне придется закончить эту работу самому. Но прежде чем я отправлю вас следом за теми призраками, хочу задать вам один простой вопрос: что вы сделали с этим кулоном?

Никто из нас не ответил. Я прислушалась своим внутренним ухом – в доме было тихо. Гости исчезли. Мы остались один на один с земными врагами – убийцей, его подручным и пистолетом.

– Я жду, – сказал Фейрфакс. Очень спокойно сказал. Судя по всему, предстоящее убийство его нисколько не волновало.

Но и Локвуд, что удивительно, казался не менее спокойным и расслабленным.

– Благодарю за рассказ, – сказал он. – Интересный, поучительный и позволивший нам скоротать немного времени. Видите ли, я забыл упомянуть, что с глазу на глаз нам с вами осталось быть недолго. Сразу после того как мы приехали сюда, я через водителя такси отправил инспектору Барнсу из ДЕПИК письмо, в котором сообщил достаточно информации о вас, чтобы разжечь его интерес, и попросил инспектора приехать сюда на рассвете.

Мы с Джорджем уставились на Локвуда. Я вспомнила водителя такси, коричневый конверт и переходящие из рук в руки банкноты...

– Очень скоро он будет здесь, – беспечным тоном продолжал Локвуд, откидываясь на спинку кресла и закидывая ру-

ки за голову. – Проще говоря, с вами все кончено, Фейрфакс. А мы можем уже немного расслабиться. Может быть, ваш Греб, или как там его, приготовит нам пока по чашечке чая?

На Фейрфакса было страшно смотреть – на его лице быстро сменяли друг друга ненависть, страх, смятение, недоверие, отвращение. Потом он несколько успокоился и сказал:

– Вы блефуете. А даже если и нет – какая разница? К тому времени, как кто-то здесь появится, вы уже «встретите свой печальный конец, сражаясь с призраками возле проклятого колодца». И один за другим упадете в него. Я буду ужасно огорчен. Барнсу ничего не удастся доказать. Итак, в последний раз спрашиваю: где кулон?

Никто не сказал ни слова.

– Перси, – сказал Фейрфакс. – Пристрели девчонку.

– Стойте! – в один голос крикнули Локвуд и Джордж, вскакивая на ноги.

– Хорошо! – крикнула я. – Хорошо, только не стреляйте. Я скажу вам все.

Я встала. Все не сводили с меня глаз. Фейрфакс наклонился вперед:

– Прекрасно. Я так и думал, что вы расколетсяь первой. Ну, так где вы спрятали кулон, девочка? В какой из комнат?

– Люси... – начал Локвуд.

– Кулон вообще не на Портленд-Роу, – сказала я. – Он здесь.

Произнося это, я следила за выражением лица Фейр-

факса. Прищури́в от удовольствия глаза, он сладострастно улыбнулся морщинистыми стариковскими губами. И передо мной открылось окно, позволившее заглянуть в омерзительные глубины его души. Я увидела, что Фейрфакс скрывал под личиной крутого, грубовато-добродушного промышленника и миллионера, что стояло даже за спрятанным от посторонних глаз суховатым раскаянием. Много чего я насмотрелась сегодня в Кум Кери Холле, но эта чувственная улыбка на губах старика-убийцы была омерзительнее всего. Интересно, сколько людей обманулись в нем за столько лет и каким образом он избавлялся от них?

– Покажите, – сказал он.

– Сейчас.

Уголкем глаза я могла видеть Локвуда. Он отчаянно пытался привлечь к себе мое внимание. Я не стала встречаться с ним взглядом – не было смысла. Я уже приняла решение. Я знала, что собираюсь сделать.

Я запустила руку под куртку, ухватила висящий у меня на шее шнурок, вытащи́ла контейнер. Мне показалось, что за стеклом мелькнула бледная вспышка пламени, но в библиотеке ярко горели лампы, поэтому я могла и ошибиться. Я положила контейнер на ладонь, а другой рукой открыла защелку на крышке.

– Эй, это же серебряное стекло, – неожиданно подал голос Греб. – Что здесь делает этот кулон?

Я откинула крышку и вытряхнула ожерелье себе на ла-

доть. Услышала, как негромко ахнул Джордж. Фейрфакс тоже что-то говорил, но я его не слушала. Я прислушивалась к другому звуку – пока далекому, но быстро приближающемуся к нам.

Кулон был таким холодным, что обжигал ладонь.

– Вот он, – сказала я Фейрфаксу. – Берите, он ваш.

На стене юный Фейрфакс в обтягивающем трико задумчиво смотрел на гипсовый череп. В библиотеке живой дряхлый Фейрфакс с неожиданным ужасом рассматривал лежащий у меня на ладони кулон.

Моей щеки коснулась струйка холодного воздуха, шевельнув волосы. Ножки кресла скрипнули, слегка сдвинулись по ковру в сторону столика. Я услышала глухой удар – это разом свалились с полки все стоявшие на ней книги.

Перси Греб пытался что-то сделать со своим пистолетом, но в следующее мгновение сильный толчок сбил его с ног. Греб ударился виском об угол книжной полки и распластался на полу. Кресло Локвуда столкнулось с креслом Джорджа, их обоих прижала к спинкам рвавшаяся у меня из рук сила.

Все лампы в библиотеке моргнули и погасли, но темно в комнате не стало – по мне, так сделалось даже светлее, потому что в ней появилась светящаяся девушка. Одета в красивое летнее платье с оранжевыми подсолнухами, она стояла сейчас между мной и Фейрфаксом, потусторонний свет струился от нее как вода. Он лился потоками, перекачиваясь через кресла, растекаясь по коврам, взвихриваясь вокруг

столов. Нарастал, становясь все ярче.

– Мне холодно, – сказал высокий женский голос. – Мне очень холодно.

У меня в голове раздался тихий стук – я слышала его на Шин-роуд в ту ночь, когда началась вся эта история. Звук был похож на постукивание кончиком пальца по штукатурке или ногтем по дереву. Сейчас он был ритмичным, напоминающим биение сердца. Помимо этого стука вокруг меня царил мертвая тишина. На секунду мы встретились с девушкой-призраком взглядом, но она тут же повернула лицо к сидящему в кресле старику.

Фейрфакс ощущал присутствие призрачной девушки, но не мог достаточно отчетливо увидеть ее. Внезапно он заскреб пальцами по столу, нащупал очки, поднес их к своим глазам. Всмотрелся, нахмурился, потом его лицо напряглось, а тело застыло.

Призрачная девушка плыла к нему, и с ее волос струился потусторонний свет.

Очки выпали из руки Фейрфакса, косо повиснув на его носу, а потом упали. В глазах Фейрфакса застыло изумление и благоговейный ужас. Как и положено джентльмену, увидевшему входящую в комнату леди, он медленно, пошатываясь, поднялся на ноги. Поднялся и встал, ожидая.

Девушка широко раскинула руки.

Возможно, Фейрфакс пытался сдвинуться с места. Возможно, пытался как-то защититься – не знаю. Как бы то ни

было, он попал в призрачный захват. Правая рука его дернулась, а затем безвольно повисла вдоль тела.

Рядом со мной вышел из оцепенения Локвуд, схватил за руку Джорджа, оттащил его подальше в сторону. Со всех сторон к Фейрфаксу стекались, окружали его кольца потустороннего света. Наконец девушка и сама добралась до него. Плазма коснулась железного снаряжения, зашипела, пошла пузырями. Призрачная девушка покачнулась, но устояла. Она уставилась в глаза Фейрфаксу. Он открыл рот, возможно собираясь что-то сказать... Девушка сомкнула руки и заключила его в свои ледяные объятия.

Фейрфакс издал какой-то невнятный звук.

Потусторонний свет погас.

В комнате стало темно. Я наклонила ладонь – кулон соскользнул с нее, упал на пол и разлетелся на мелкие кусочки.

– Быстро! Джордж, держи Гребя! – это кричал Локвуд. В полумраке угадывалась фигура шофера, который продирался к выходу из библиотеки, то и дело натываясь на мебель.

Локвуд прихватил стоявшую возле камина кочергу и бросился следом за Гребом. Джордж тоже пустился в погоню, для начала запустив в голову Гребя сдернутую с кресла подушку. Греб пригнулся. Его силуэт в эту секунду смутно обрисовался на фоне выходящей в вестибюль арки. Он обернулся. Мелькнула вспышка, треснул выстрел, между мной и Джорджем просвистела в темноте пуля.

Локвуд и Джордж добрались до арки, на секунду задержа-

лись здесь, потом проскользнули в вестибюль. Оттуда вновь донеслись выстрелы, грохот падающей мебели, крики. Не обращая внимания на боль в поврежденной при падении в подвале руке, я тоже выбралась в вестибюль и увидела Локвуда – он прижимал кочергой распластанного на полу шофера, и широко раскрытую дверь, и инспектора Барнса, входящего в Холл вместе с целой толпой агентов с хмурыми лицами.

Часть 5. И после

25

Не знаю, что уж там нацарапал Локвуд в своей записке инспектору Барнсу, но она произвела желаемый эффект. Шофер такси доставил записку в Скотланд-Ярд вчера поздно вечером, а уже к полуночи Барнс набрал два фургона офицеров ДЕПИК и оперативников из разных агентств и выехал в Беркшир. В деревню Кум Кери они приехали вскоре после трех, а в самом поместье появились к четырем утра. Здесь они столкнулись с проблемой, когда попытались открыть ворота парка. Дело в том, что Берт Старкинз принял приехавших за восставших посреди его капустных грядок фантомов и открыл по ним огонь из окна своей сторожки. Стрелял он из дробовика железными опилками. Из-за этой неожиданной задержки группа появилась в доме только около пяти часов утра, но все равно на два часа раньше, чем просил Локвуд и как раз вовремя, чтобы не дать уйти Перси Гребу.

Для меня их появление тоже оказалось очень кстати.

Это не был призрачный захват или что-то еще, но после тесного общения с последней манифестацией Анни Вард я впала в оцепенение. Я чувствовала себя промерзшей до костей, ладонь правой руки, в которой я держала ледяной ку-

лон, пылала как от ожога. Добавив все, что мне довелось пережить в этом доме за прошедшую ночь, оставалось лишь удивляться, что я до сих пор как-то умудряюсь держаться на ногах. Но признаюсь честно, первые минуты после прибытия оперативной группы ДЕПИК мне запомнились весьма смутно.

Впрочем, вскоре мои дела пошли лучше. Врач из агентства «Фиттис» вколол мне приличную дозу адреналина, чтобы я взбодрилась, другой перебинтовал мне руку, а какой-то добрый славный офицер из ДЕПИК принес мне самое лучшее лекарство – чашку горячего чая. Даже Барнс, проходя мимо дивана, на котором я сидела, задержался, чтобы потрепать меня по плечу и спросить, как я себя чувствую. Чувствовала я себя уже неплохо, однако ничего не имела против того, чтобы дальнейшее расследование проходило без моего участия.

Разумеется, оттого, что я сидела в стороне, события разворачиваться не перестали. Напротив, они развивались очень стремительно. Первым делом был арестован шофер Фейрфакса Перси Греб. Он не видел подробностей ужасной смерти своего шефа, но успел почувствовать достаточно много, чтобы впасть в состояние панического страха. А страх развязал ему язык, и еще прежде, чем агенты взяли его за шиворот и подняли на ноги, Греб, захлебываясь слюной, начал давать показания.

Тем временем толпа других агентов, вооруженных до зу-

бов рапирами, вспышками, соляными бомбочками и мощными фонарями, медленно начала продвигаться в глубь дома, внимательно глядя по сторонам.

Ключевое слово здесь «медленно». В основном это были оперативники из агентства «Фиттис», хотя попадались и ребята из «Тенди» и «Гримбл». Все они двигались предельно осторожно, прислушиваясь и присматриваясь буквально на каждом шагу. Мрачная репутация Кум Кери Холла продолжала давить на юных агентов, как и на их взрослых наставников, без толку отиравшихся у входной двери. Локвуд и Джордж весело наблюдали за действиями агентов, усердно передававших по цепочке команды и подпрыгивающих от каждого шороха или тени.

Первым объектом их обследования, естественно, стала библиотека, где при свете фонарей было обнаружено тело Фейрфакса. Он лежал на ковре в центре комнаты, лицом вниз, широко раскрыв глаза и раскинув руки. Врачи уже держали наготове шприцы с адреналином, но они не понадобились – было слишком поздно. Прикосновение призрака оказалось таким сильным, что Фейрфакс уже успел опухнуть, посинеть и умереть. Немедленно был проведен парапсихологический поиск следов призрака по всей библиотеке, включая обломки кулона, но он не принес никаких результатов. Дух Анни Вард бесследно исчез, быть может, слился с духом ее убийцы.

Затем по команде Барнса оперативники разошлись по

Холлу. Одна группа отправилась в Восточное крыло допрашивать лакеев Фейрфакса. Другие направились в Западное – проверять наши показания. Локвуд и Джордж проводили агентов до двери Красной комнаты, которая оказалась запертой.

Ключ, как и предполагал Локвуд, нашли в кармане Фейрфакса. Когда агенты открыли дверь и на цыпочках вошли в комнату, она оказалась пустой, тихой и холодной.

К несказанной радости Джорджа в группе агентов «Фитис», прикомандированных в ту ночь к инспектору Барнсу, оказался и наш старый приятель Квилл Киппс со своей светловолосой туповатой девочкой и взъерошенным парнишкой. Джордж забавлялся, стоя рядом с Барнсом и слушая, как тот отдает приказания Киппсу, а иногда вворачивал что-нибудь и от себя.

– Пройдя тем потайным ходом, вы найдете ту самую знаменитую лестницу, – говорил он. – Я полагаю, что нам удалось очистить ее от кричащих теней, но, может быть, Киппсу стоит сходить и проверить, так ли это. Внизу под лестницей находится помещение с колодцем, в котором утопили тех монахов. Может быть, группа Киппса и туда заглянет тоже? Нет? Похоже, они боятся туда идти, у них поджилки дрожат. Ну ладно, в вестибюле рядом с лестницей есть туалет, в нем, по-моему, болтается какая-то безобидная Серая Дымка – может, они хотя бы с ней смогут справиться?

В самом деле, если какая-то опасность еще и сохраня-

лась, существовать ей оставалось недолго. Вскоре первые лучи солнца проникли сквозь окна Длинной галереи и теплыми золотистыми нитями протянулись по полу.

Не изменяя своим привычкам, инспектор Барнс остался недоволен нами и после того, как ему пришлось – неохотно, разумеется – поздравить нас с успехом. Выполнив эту неприятную для него обязанность, он тут же принялся распекать Локвуда за то, что тот так долго скрывал кулон.

– По закону я должен выдвинуть против вас обвинение в утаивании важной для следствия информации, – гудел Барнс. – Или в похищении вещественных доказательств с места преступления. Или хотя бы в том, что вы преднамеренно подвергли опасности свою жизнь и жизни этих двоих идиотов, которые повсюду следуют за вами. В том, что вы легкомысленно отправились сюда одни, зная, что отдаете себя при этом на милость убийцы!

– Предполагаемого убийцы, – поправил инспектора Локвуд. – На тот момент я еще не до конца расшифровал надпись на кулоне.

Барнс закатил глаза и фыркнул так, что кончики его усов подпрыгнули вверх.

– Предполагаемого убийцы, вот как! Думаете, это что-то меняет? Нисколько! Кроме того, я обратил внимание на то, что все решения по этому делу вы принимали единолично, не советуясь с Каббинсом или мисс Карлайл и не спрашивая их мнения!

Надо признаться, это меня тоже задевало и не давало покоя – почему никто не спросил, что я думаю по этому поводу?

Локвуд глубоко вздохнул, поняв, очевидно, что ему придется объясняться не только с Барнсом, но и с Джорджем и со мной.

– У меня не было выбора, – сказал он. – Я должен был принять предложение Фейрфакса. Это была единственная возможность заработать деньги, чтобы заплатить мои долги. Что касается грозящей нам опасности, то я был абсолютно уверен в возможностях моей команды. Люси и Джордж – лучшие агенты во всем Лондоне. В этом вы сами могли убедиться, оценивая результаты нашего расследования. Нам удалось нейтрализовать огромный кластер Гостей и переиграть решительного безжалостного убийцу. И все это без участия взрослых надзирателей, мистер Барнс.

И Локвуд одарил инспектора своей лучезарной улыбкой.

– Перестаньте зубы скалить, – проворчал Барнс. – Нашли время! Рань несусветная, дел невпроворот, а я еще не завтракал... Эй, Киппс! – Мимо нас проходил Квилл Киппс, согнувшийся под весом трех огромных пластиковых корзин с прорезями. Две были наполнены театральными альбомами Фейрфакса, изъятыми как вещественные доказательства, в третьей лежали аккуратно сложенная кольчуга и два странных железных шлема. – Где вторая кольчуга?

– Все еще на трупе, – ответил Киппс.

– Так нужно снять ее поскорее, пока труп окончательно не раздуло. Займись этим, ладно?

– И не мешкай, лодырь, – добавил Джордж. – Давай-давай, шевелись, бездельник!

– Кстати, – продолжил Барнс после того, как Киппс отошел, сердито бормоча что-то себе под нос. – Скажите-ка, это были шлемы Фейрфакса, как я понимаю?

– Да, мистер Барнс, – с невинным видом ответил Локвуд. – Нам так хочется поближе рассмотреть их.

– Об этом можете забыть, потому что я забираю шлемы как вещественное доказательство. Теперь ими займется ДЕ-ПИК, – инспектор слегка замялся, покрутил кончик своего уса, а затем задал неожиданный вопрос: – Скажите, Фейрфакс говорил вам что-нибудь о том... чем он здесь занимается?

– Нет, мистер Барнс, – покачал головой Локвуд. – Думаю, он был слишком занят тем, что пытался убить нас.

– Понимаю, – окинул нас кислым взглядом Барнс. – Между прочим, у одного шлема, похоже, отсутствует окуляр. Не знаете, куда он мог подеваться?

– Нет, сэр. Может, один шлем вообще был без окуляра?

– Может быть, может быть... – Барнс еще раз напоследок внимательно посмотрел на нас и отправился организовывать наш отъезд из Холла. Мы остались сидеть на креслах в библиотеке. Молча. Потом кто-то принес нам еще по чашке чая. Мы пили чай и смотрели, как над полями разгорается новый

день.

Когда спустя несколько недель в Кум Кери Холл приехали специалисты по нейтрализации Источников, они обнаружили, что уровень активности сверхъестественных сил в доме упал практически до нуля. Первым делом был очищен колодец. Там на большой глубине обнаружили очень старые кости семерых взрослых мужчин. В свое время они были связаны вместе, но теперь их раскидало взрывом и смешало с частицами серебра и железа. Останки монахов подняли наружу и увезли на сожжение, после чего, как и предсказывал Локвуд, весь дом пришел в порядок. Под каменными плитами вестибюля и в древнем комодe в одной из спален были обнаружены и нейтрализованы второстепенные Источники, большая же часть слабых призраков Первого типа исчезла сама, как только были увезены кости монахов.

Локвуд очень хотел, чтобы нас привлекли к заключительной зачистке Холла, но его предложение отклонили новые владельцы имения – племянник и племянница Фейрфакса, в руки которых перешел контрольный пакет акций компании. Они невзлюбили Хол и продали его почти сразу же, как он был полностью очищен от Гостей. В следующем году в этом доме открылась местная школа.

Прямых наследников у Фейрфакса не оказалось. Выяснилось, что он никогда не был женат и у него не было своих детей. Так что Аннабел Вард, возможно, в самом деле была любовью всей его жизни.

Обломки кулона были собраны людьми Барнса, погружены в контейнер из серебряного стекла и увезены. Остался ли дух призрачной девушки привязанным к этому кулону или навсегда исчез (во что мне очень хочется верить), не знаю, потому что больше кулона я никогда не видела.

Тело пропавшего без вести агента «Фиттис» той же ночью было поднято наверх и увезено в Лондон. Спустя некоторое время Локвуд получил письмо от самой Пенелопы Фиттис, главы знаменитого агентства и потомка его основательницы, легендарной Мариссы Фиттис. Пенелопа Фиттис поздравляла нас с успехом и благодарила за то, что мы нашли останки ее приятеля детства и коллеги. Того мальчика звали Сэм Мак-Карти. Ему было двенадцать лет.

«Ужасы
Кум Кери

Кровавый кошмар «Красной комнаты»
Раскрыта тайна Кричащей лестницы

Эксклюзивное интервью с Э. Дж. Локвудом

Последние несколько дней по городу ходило много слухов о недавних событиях в Кум Кери Холле и внезапной смерти его владельца, известного промышленника мистера Джона Вильяма Фейрфакса. В сегодняшнем лондонском выпуске «Таймс» мы рады поделиться с вами историей о невероятных событиях той ночи. О них нам рассказал один из главных участников тех событий эсквайр Энтони Локвуд, глава агентства «Локвуд и Компания».

В эксклюзивной беседе с нашим репортером мистер Локвуд описывает ужасный кластер Гостей Второго типа, который его команда обнаружила в Холле, рассказывает об исследовании тайных переходов и ужасах знаменитого «колодца смерти», спрятанного в недрах дома.

Он также проливает свет на обстоятельства трагической смерти мистера Фейрфакса, с которым случился инфаркт

после прикосновения призрака во время заключительной схватки с Гостями. «Он вошел в Западное крыло дома, несмотря на мой совет не делать этого, – говорит мистер Локвуд. – Он был храбрым человеком, но непрофессионалу всегда очень опасно заходить в зараженную призраками зону».

Также мистер Локвуд откровенно рассказывает о новых поворотах в расследовании убийства Аннабел Вард. «Появились свежие доказательства того, что к убийству мисс Вард непричастен человек, которого ранее подозревали в совершении этого преступления, – мистер Гуго Блейк, – говорит мистер Локвуд. – Хотя личность убийцы по-прежнему остается загадкой, мы рады, что смогли восстановить доброе имя ни в чем не повинного человека. Это тоже часть нашей работы, и мы гордимся ею».

Полное интервью с Э. Дж. Локвудом: стр. 4–5

Некролог Джона Фейрфакса: стр. 56

Рейтинг агентств, занимающихся парапсихологическими расследованиями: стр. 83»

Спустя неделю после возвращения в Лондон, хорошенько отоспавшись и придя в себя, мы устроили вечеринку в нашем доме номер 35 по Портленд-роу. Вечеринка была скромной, на ней было всего три человека – я, Джордж и Локвуд, – но каждый из нас постарался внести в нее свою лепту. Джордж не поленился сходить в кондитерскую на углу и заказать там огромное количество пончиков. Я купи-

ла в городе гирлянды из разноцветных флажков и украсила ими кухню. Локвуд возвратился из похода в супермаркет в Найтсбридже с двумя огромными плетеными корзинами, набитыми сосисками в тесте, жестяными вазочками с желе, пирогами, пирожными, бутылками колы, имбирного пива и прочей вкуснятиной. Когда мы разгрузили эти корзины, наша кухня преобразилась. Мы оказались в волшебной стране съедобных чудес.

– За Кум Кери Холл, – сказал Локвуд, поднимая свой бокал. – И за успех, который он нам принес. Сегодня нам позвонил новый клиент.

– Это хорошо, – кивнул Джордж. – Надеюсь, не очередная пожилая леди с пропавшей кошкой?

– Нет. Женский колледж в Челси. Там на жилом этаже появился призрак мужчины без рук и без ног. Ползает по полу в ванной комнате на своих кровавых обрубках.

– Звучит многообещающе, – заметила я, беря сосиску в тесте.

– Да, я тоже думаю, что дельце будет интересное, – согласился Локвуд, продолжая уписывать огромный пирог с дичью. – Это последнее интервью в «Таймс» сделало свое дело. Наконец-то к нам пришла слава.

– Это потому, что мы не спалили дотла Кум Кери Холл, – вставил Джордж. – Хотя, если честно, угрожали своего клиента. Так что нам еще есть куда расти.

Локвуд заново наполнил наши бокалы. Некоторое время

мы сосредоточенно жевали, потом я сказала:

– Одно меня огорчает – то, что Барнс заставил тебя солгать о Фейрфаксе. Вообще-то он заслужил, чтобы о его прошлом раструбили все газеты.

– Абсолютно с тобой согласен, – кивнул Локвуд, – но речь идет об очень влиятельной семье и одной из крупнейших в Англии компаний. Если объявить ее главой убийцей и негодяем, последствия будут ужасающими и непредсказуемыми. Учитывая, что ситуация с Проблемой день ото дня только ухудшается, ДЕПИК не может допустить этого.

– Последствия, – с чувством сказала я, кладя вилку. – А как же правосудие? Справедливость? Значит, никто никогда не узнает правды о Фейрфаксе, и об Анни Вард, и о том, как...

– Благодаря тебе, Люси, – прервал меня Локвуд, – призрак Анни Вард получил то, или, точнее, того, кого она хотела. Так что правосудие свершилось. Все вышло по справедливости, с какого угла ни посмотри. Анни Вард достала своего убийцу, Фейрфакс наказан по заслугам, Барнс получил возможность спрятать концы в воду... А пока Барнсу необходимо, чтобы мы помалкивали об этом деле, он не решится запретить мне отправиться в «Таймс» с другими красочными подробностями. Это означает, что нам ничто не мешает добиваться известности и славы. Бинго. Все счастливы.

– Кроме Фейрфакса, – заметил Джордж.

– Ну да. Кроме него.

– Интересно было бы знать, что еще скрывает от людей ДЕПИК, – сказала я. – Вы видели, как оперативно они прибыли в Холл и тут же стали собирать «вещественные доказательства»? Мне показалось, что кольчуга и шлем Фейрфакса интересовали их куда больше, чем его преступления. Тот шлем был такой странный... Жаль, что я не успела как следует его рассмотреть.

– Не судьба, – грустно улыбнулся Локвуд. – Теперь это шлем в каком-нибудь сейфе в подвалах Скотланд-Ярда. А подвалы у них глубокие. Так что можешь забыть про этот шлем.

– Слава Богу, я хоть очки успел стащить, – сказал Джордж. Он снял висевшие на спинке его стула толстые очки и положил их на стол. – Забавная штукавина. Пока я так и не понял, что они делают. По-моему, ничего. Просто в них все кажется слегка размытым, и в глазах возникает странное ощущение... И еще на них непонятный значок – вот здесь, взгляните. Что ты об этом думаешь, Люси?

Я взяла очки. Они оказались тяжелее, чем я предполагала, и очень холодными. Присмотревшись, я нашла отштампованный на нижнем крае левой линзы значок, о котором говорил Джордж.

– Похож на арфу, – сказала я. – Как на греческих вазах, с изогнутыми боковинами. И струны между ними, гляди. Три штуки...

– Ага. И это точно не логотип «Фейрфакс Айрон», –

Джордж взял у меня очки, бросил их на стол среди тарелок и добавил: – Думаю, что нужно продолжать экспериментировать с ними.

– За твою удачу, Джордж, – поднял бокал Локвуд. Мы в очередной раз присоединились к нему.

– Ой, имбирное пиво кончается, – неожиданно сказал Джордж. – И пончиков надо бы подбавить. Миссия серьезная, но можете на меня положиться. Пойду спущусь вниз.

Он поднялся, открыл дверь цокольного этажа и исчез за ней.

Мы с Локвудом остались сидеть лицом к лицу. Посмотрели друг другу в глаза, улыбнулись и оба отвели взгляд в сторону. Я вдруг почувствовала себя слегка неловко.

– Послушай, Люси, – сказал Локвуд. – Я хотел кое о чем спросить тебя.

– Давай.

– Когда мы возвратились в библиотеку и Греб собирался застрелить тебя... Ты вынула кулон и намеренно выпустила призрак, верно?

– Разумеется.

– Это твое решение, безусловно, было гениальным. Оно спасло нам жизнь. Но мне просто интересно... – Он на секунду замолчал, внимательно рассматривая лежащие перед ним сэндвичи. – Откуда тебе было известно, что призрак не нападет и на нас тоже?

– Я этого не знала. Просто решила, что риск будет оправ-

дан, потому что Фейрфакс совершенно очевидно собирался нас убить.

– Так... Выходит, это было что-то вроде русской рулетки... – Он снова замялся. – Значит, призрачная девушка не говорила с тобой?

– Нет.

– И не просила, чтобы ты вынула кулон из контейнера?

– Нет.

– А в ту ночь, когда мы устроили пожар в доме на Шин-Роуд, она не просила, чтобы ты сняла кулон с ее тела?

– Нет! – Я одарила Локвуда фирменной ироничной улыбкой Люси Карлайл и спросила: – Локвуд, ты что, подозреваешь, что я находилась под контролем того призрака?

– Не совсем, но нужно признаться, я порой не понимаю тебя. Когда ты в библиотеке достала из контейнера кулон, ты ни капельки не выглядела испуганной. Уверенной – да.

Я вздохнула. После того что произошло в библиотеке, у меня у самой в голове крутились похожие мысли.

– Видишь ли, – осторожно начала я, – если честно, то было несложно предположить, что призрачная девушка сосредоточит свое внимание на Фейрфаксе. Я думаю, это мог предсказать каждый из нас. Но ты прав. Я действительно была уверена, что она не станет нападать на нас. Хотя этого она мне не говорила. Просто я каким-то образом почувствовала ее намерения. Такое при моем Даре иногда случается. Я не только могу прочесть следы давних эмоций, но также –

правда, довольно слабо – почувствовать, о чем призрак думает сейчас.

– Раз или два я заметил, что тебе известны интересные подробности о прошлом Гостей, с которыми мы сражались, – нахмурился Локвуд. – Например, призрак того самоубийцы под ивой. Ты сказала, что он оплакивает кого-то, кто был ему очень дорог... Но может быть, ты слышала, как он сказал это?

– Нет, он вообще не произнес ни слова. Я просто почувствовала его потерю. Но при этом могла и ошибиться. Знаешь, очень трудно сказать, когда ты можешь доверять таким ощущениям, а когда нет. – Взяв шоколадный трюфель, я покатила его в пальцах, а затем положила назад, приняв неожиданное решение: – Дело в том, Локвуд, что я не всегда правильно понимаю то, что чувствую, и из-за этого в прошлом наделала немало ошибок. Я никогда не рассказывала тебе о последнем расследовании, в котором я участвовала перед тем, как уехать в Лондон. Я почувствовала, что в том месте, куда мы пришли, находится мощный злой призрак, но не поверила своей интуиции, а наш взрослый инспектор не поверил мне. Тот призрак оказался Чейнджером и одурачил всех нас. Если бы я тогда поступила так, как подсказывали мне мои глубинные инстинкты, может быть, мы сумели бы выкрутиться... – Невидящим взглядом я уставилась на нашу скатерть для размышлений. – Я не прислушалась, не поступила, как было нужно. И люди погибли. Мои товарищи.

– Насколько я могу судить, главная вина за тот случай лежит на вашем инспекторе, а не на тебе, – сказал Локвуд. – Послушай, Люси, в Кум Кери Холле ты поступила так, как подсказал тебе инстинкт, и благодаря этому мы все остались живы, – он улыбнулся мне. – Я верю в твой Дар и твою рассудительность, и очень горжусь тем, что ты в моей команде. И перестань горевать о прошлом. Прошлое – удел призраков. Мы все совершаем поступки, о которых потом сожалеем. Но смысл имеет только то, что впереди – верно, Джордж?

Джордж кивнул, пролезая в дверь с огромной коробкой имбирного пива в руках.

– Все довольны, все счастливы? – спросил он. – А почему никто ничего не ест? Нам сегодня еще предстоит столько всего съесть!.. О, черт! Пончики забыл.

– Не беспокойся, – сказала я, быстро вставая с места. – Я принесу.

В цокольном этаже всегда было холодно, потому мы и хранили здесь свои запасы еды. Выйдя из теплой кухни, я пожелилась, почувствовав, как у меня пылают щеки. Спускаясь по железным ступенькам лестницы, я продолжала слышать у себя над головой голоса Локвуда и Джорджа. Хорошо, что у нас с Локвудом состоялся этот разговор, но вместе с тем я с радостью ухватилась за возможность прекратить его и какое-то время побыть одной. Мне было тяжело вспоминать о своем прошлом или размышлять о близкой связи с призраком Анни Вард. Нет, я не лгала Локвуду, когда говорила о

том, что не получала от призрачной девушки никаких указаний – во всяком случае, на сознательном уровне. Связь на подсознательном уровне? Честно говоря, этого нельзя было исключать, хотя и поверить в такую связь очень трудно. Как бы то ни было, сегодня я не собиралась грузить себя подобными вещами. Сегодня у нас праздник, сегодня мы отдыхаем и веселимся.

Пончики лежали в надежно защищенной от Гостей кладовке – это было самое холодное место во всем доме. Я знала, что поднос с пончиками стоит на нижней полке возле двери. Свет я включать не стала – зачем, если все здесь известно мне как собственные пять пальцев? Но едва шагнув в кладовку, я споткнулась о неожиданное препятствие – Джордж, раззява, прямо перед дверью оставил большую коробку со своими любимыми креветочными чипсами. Я споткнулась, потеряла равновесие, меня занесло вперед, к полкам, и я вначале ударилась обо что-то твердое, а потом плюхнулась на что-то мягкое.

На что я села, мне было известно. На пончики. Ладно, Джордж и такие съест и не подавится.

Я поднялась, смахнула с юбки сахарную пудру и потянулась в темноте за подносом.

– Люси...

Я застыла. Дверь за моей спиной была закрыта. Засветились четыре тоненькие полоски желтого света – кроме них вокруг царила кромешная тьма.

– Люси...

Низкий голос шептал мне прямо в ухо. Он шел откуда-то издалека, но в то же время был совсем рядом. Если вы знаете, что такое призрачный голос, то поймете меня, если же нет, то и объяснять бесполезно.

Рапиры с собой у меня не было, рабочего пояса тоже. Строго говоря, я была абсолютно безоружна.

Я завела руку за спину, вслепую нащупывая дверную ручку.

– Наконец-то, – сказал тот же голос. – Я ждал тебя...

Вот она, ручка, ручечка, дорогая моя!.. Я чуть-чуть толкнула ее, но пока не сильно. Еще не время. Четыре желтые черточки слегка разгоняли возле себя темноту, подкрашивая ее в мутный серый цвет.

Светящиеся полосы находились где-то прямо передо мной, чуть выше пончиков, и едва заметно освещали прикрытый клетчатым платком бугорок.

– Да, да, – прошептал голос. – *Подойди ближе... Сними...*

Я протянула руку и сдернула платок. Сегодня плазма в призрак-банке мерцала бледно-зеленым светом. Ужасное лицо было полностью сформировано и так ловко облегалo череп, что невозможно было рассмотреть скрытые под плазмой кости. Нос у призрака был длинным, глазницы – впалыми и широкими. Губы кривились в злобной усмешке, в глубине глазниц поблескивали искорки.

– *Я уже целую вечность пытаюсь докричаться до тебя, –*

сказал призрак. – *Я давно за тобой наблюдаю...*

Я уставилась на него.

– *Приласкай меня. Прижми меня к себе, и давай поболтаем...*

– Нет, – отрезала я, осматривая банку. Стандартная банка из серебряного стекла с посаженным в нее призраком. Споткнувшись, я ударилась об нее, она упала, но не разбилась. Стекло цело. Тогда что же не так с этой банкой?

– *Прекрати,* – лицо призрака страдальчески сморщилось. – *Ты же не такая, как все. И сама это знаешь...*

Я наклонилась ближе, внимательно рассматривая крышку банки. Ну так и есть – когда я ударилась об нее, один из треугольных лепестков, из которых состоит верхняя часть крышки, повернулся на петле. Он отогнулся вверх, обнажив на своей внутренней стороне мелкую светящуюся железную сетку, которую я никогда не видела раньше. Вот и разгадка желтых черточек.

– *Ты не такая, как грубиян Локвуд или этот садист Каббинс,* – продолжал призрак. – *О, жестокий, бессердечный негодяй! Однажды – ты только представь себе, Люси! – он поместил меня в ванну и...*

Я потянулась к отогнувшемуся лепестку крышки. Заметив это, призрачный рот поспешно забормотал:

– *Нет, постой! Не делай этого! Послушай меня. Я могу многое открыть тебе. Важные тайны. Приближается смерть,* – призрак растянул губы в кривой ухмылке. – *Сюда*

приближается. Что ты скажешь на это?

– Прощай, вот что я скажу, – я положила руку на пластиковый лепесток.

– О, поверь, ничего личного! – взвыл призрак. – Смерть идет за всеми вами. Почему? Потому что все перевернулось вверх дном. Смерть – это Жизнь, Жизнь – это Смерть, все очевидное стало спорным, все постоянное – текущим, как вода. И как бы ты ни старалась, Люси, тебе не повернуть течение вспять...

Может, течение вспять мне и не повернуть, а вот отогнувшийся лепесток крышки я обязательно верну на место.

Так я и сделала. Призрачный голос оборвался. Я посмотрела на лицо в банке. Рот призрака продолжал двигаться, все лицо дергалось и дрожало. Сквозь плазму поднимались, бешено бурля, пузырьки.

Нет. Сегодня вечером мы празднуем, и какому-то болтливому призраку из банки не задурить мне голову и не испортить настроения.

Я накрыла призрак-банку клетчатым платком, взяла поднос, открыла дверь и вышла из кладовки. Пересекла цокольный этаж и стала медленно подниматься по винтовой лестнице.

Сверху из кухни до меня долетел смех Локвуда. Затем – голос Джорджа. Он рассказывал какой-то анекдот.

– ...и только потом я обнаружил, что на нем вообще ничего нет! Представляешь? Уйти в Вечность без штанов!

Локвуд снова расхохотался. Искренне, от души. Я даже знала, что сейчас он запрокинул голову назад.

Больше всего на свете мне хотелось сейчас быть с Локвудом и Джорджем, сидеть и смеяться вместе с ними. Я поспешила наверх и, держа в руке поднос со слегка помятыми пончиками, радостно шагнула из темноты в теплую, ярко освещенную комнату.

Словарь

* обозначает призрак **Первого типа**

** обозначает призрак **Второго типа**

Агентство парапсихологических расследований

Организация, специализирующаяся на локализации и уничтожении **призраков**. Только в одном Лондоне более дюжины таких агентств. В двух самых крупных (агентство «Фиттис» и агентство «Ротвелл») насчитываются сотни сотрудников. В самом мелком («Локвуд и Компания») их всего трое. Большинство агентств руководят взрослые инспекторы, однако основную работу в агентствах выполняют дети с сильным парапсихологическим **Даром**.

Аура

Мерцание или сияние, окружающее многие **видения**. В большинстве случаев аура призрака очень бледная, увидеть ее обычно удастся боковым зрением. Сильные, яркие ауры известны как **потусторонний свет**. Некоторые **призраки**, такие как **Черный Спектр**, излучают черную ауру, которая темнее окружающей их ночи.

Видение

Фигура, в которой проявляет себя **призрак** в ходе ма-

нифестации. Обычно видения имитируют фигуры мертвецов, однако иногда встречаются также видения в форме животных и неживых предметов. Некоторые видения бывают очень необычными. Так, например, появившийся недавно в доках Лаймхаус **Спектр** манифестировал себя в виде зеленоватой светящейся королевской кобры, а печально известный Ужас Белл-стрит имел вид лоскутной куклы. Большинство призраков, независимо от того, сильные они или слабые, не меняют (или не могут менять) свой внешний вид. Исключением из этого правила являются **Чейнджеры**.

Вода, проточная

Еще в древности было замечено, что **призраки** не любят проточную воду. Это наблюдение в современной Британии иногда используют для борьбы с ними. В центральной части Лондона прорыта сеть искусственных каналов, окружающих и защищающих главный торговый район города. В маленьких городках и деревнях многие люди сами выкапывают перед входной дверью своих домов канавки, к которым подводят проточную воду из ближайшего ручья.

Воющий Дух**

Пугающая разновидность **призрака Второго типа**, который может либо проявиться, либо никак не проявиться визуально. Воющий Дух испускает неслышимые простым ухом вопли, способные парализовать человека, после чего тот по-

падает в **призрачный захват**.

Второй тип

Наиболее опасный класс **призраков**. Призраки Второго типа сильнее призраков Первого типа и, в отличие от последних, обладают остатками разума. Они интересуются живыми людьми и стремятся причинить им вред. Наиболее распространенные виды призраков Второго типа: **Спектры, Фантазмы и Рейзы**. Смотри также: **Чейнджер, Полтергейст, Сырые Кости, Воющий Дух и Отшельник**.

Гость

Призрак

Греческий огонь

Одно из названий **магниевых вспышек**. Впервые оружие этого типа использовалось для борьбы с призраками еще во времена Византийской (или Греческой) империи, тысячу с лишним лет назад.

Дар

Способность видеть, слышать или иным образом обнаруживать **призраков**. Многие дети, хотя не все, появляются на свет, в той или иной степени обладая Даром, но позднее утрачивают его. Правда, есть отдельные взрослые люди, сумевшие сохранить свой Дар. Дети, у которых Дар развит сильнее обычного, поступают в **ночную стражу**. Особо ода-

ренные дети, как правило, становятся **агентами**. Три основные категории Дара – это **Зрение, Слух и Осязание**.

ДЕПИК

Департамент парапсихологических исследований и контроля. Правительственная организация, созданная в связи с появлением **Проблемы**. ДЕПИК исследует природу **призраков**, разрабатывает рекомендации по уничтожению их наиболее опасных подвидов и контролирует работу многих конкурирующих друг с другом **агентств**.

Железо

Древняя и эффективная защита против **призраков** всех видов. Обычные люди укрепляют свои дома железными украшениями или носят на себе железные предметы, которые служат им **оберегами**. Агенты используют в своей работе железные **рапиры** и цепи – как для защиты от призраков, так и для нападения на них.

Защитные средства против призраков

Три основных средства, в порядке их эффективности, – это **серебро, железо и соль**. Хорошим защитным средством считаются также лаванда и бегущая **вода**.

Зрение

Сверхъестественная способность наблюдать **видения** и другие призрачные феномены, такие, например, как **по-**

смертное свечение. Одна из трех разновидностей сверхъестественного Дара.

Источник

Предмет или место, через которое **призрак** проникает в наш мир.

Каменщик*

Не представляющий абсолютно никакого интереса **призрак Первого типа**, который только издает стук, и больше ничего.

Кластер

Группа призраков, сосредоточенных на маленьком участке пространства.

Комендантский час

В качестве ответной реакции на **Проблему** Британское правительство ввело во многих населенных областях ночной комендантский час. Во время комендантского часа, который начинается вскоре после сумерек и заканчивается с рассветом, обычным людям строго рекомендуется оставаться дома, под защитой их домашних **оберегов**. Во многих городах наступление и окончание комендантского часа возвещает **набатный колокол**.

Лаванда

Считается, что сильный сладкий аромат этого растения отгоняет злых духов. Поэтому многие люди носят на себе сухие веточки лаванды или сжигают их у себя в доме. Агенты иногда носят при себе флаконы с лавандовой водой, которые используют против слабых призраков **Первого типа**.

Лепечущий Туман*

Слабый бестелесный призрак **Первого типа**, примечательный своей способностью сводить человека с ума. Проявляется в виде повторяющегося лепета и хихиканья, которые раздаются за вашей спиной.

Луркер*

Разновидность **призрака Первого типа**, который держится в тени, редко передвигается, никогда не приближается к живым, но распространяет вокруг себя сильное ощущение тревоги и **ползучего страха**.

Магниевая вспышка

Металлическая банка с ломким стеклянным предохранителем и зажигательным устройством, наполненная магнием, железными опилками, солью, порохом. Важное оружие **агентов** против агрессивных **призраков**.

Манифестация

Появление призрака. Многие манифестации сочетают в

себе все виды сверхъестественных феноменов, включая звуки, запахи, странные ощущения, самопроизвольное перемещение предметов, падение температуры и возникновение **видений**.

Медиум

Человек, от рождения обладающий сильным сверхъестественным **Даром**.

Мелейз

Ощущение подавленности, часто возникающее при приближении **призрака**. В экстремальных случаях может перерасти в опасный **призрачный захват**.

Миазмы

Тяжелая атмосфера, часто включающая в себя неприятные привкусы и запахи. Зачастую возникает перед началом **манifestации** и обычно сопровождается **ползучим страхом**, **мелейзом** и **холодом**.

Набатный колокол

Большие железные набатные колокола используют для того, чтобы предупреждать о наступлении ночного **комендантского часа** или объявить тревогу в случае большого нашествия призраков. Набатные колокола устанавливаются правительством во многих маленьких городках и деревнях как дешевая альтернатива дорогостоящим **призрак-лам-**

пам.

Ночная стража

Группа детей, обычно работающих на большие компании или местные государственные учреждения, охраняющая после наступления темноты промышленные предприятия, офисы и общественные места. Детям из ночной стражи не разрешено пользоваться **рапирами**, но они вооружены длинными копьями с железным наконечником. Ими они отгоняют **видения** и удерживают их на безопасном расстоянии.

Оберег

Предмет, обычно из **железа** или **серебра**, используемый для того, чтобы отгонять **призраков**. Маленькие обереги человек может носить на себе в виде ювелирных украшений, а большие развешивают внутри дома – как правило, это декоративные изделия.

Осязание

Способность обнаруживать парapsихологическое эхо, осязая руками предмет, тесно связанный со смертью или появлением призраков. Такое эхо может иметь форму зрительных образов, звуков и других чувственных восприятий. Осязание – одна из трех основных разновидностей Дара.

Отшельник**

Необычный вид **призрака Второго типа**, часто обнаруживаемый в удаленных и опасных местах, как правило, вне помещений. Визуально часто принимает вид маленького ребенка, который показывается вдали на краю обрыва или озера. Никогда не приближается к живым, но обладает чрезвычайно мощной энергией **призрачного захвата**, способного влиять на человека даже на большом расстоянии. Жертвы Отшельников зачастую сами бросаются с обрыва или в глубокую воду, где находят свой конец.

Первый тип

Наиболее слабый и распространенный класс **призраков**. Призраки Первого типа практически не воспринимают окружение, в котором они находятся, и, как правило, до бесконечности повторяют одни и те же действия. Наиболее распространенными видами призраков Первого типа являются **Тени, Серые Дымки, Луркеры Сталкеры**. См. также **Холодная Дева, Лепечущий Туман и Каменщик**.

Печать

Предмет, обычно **серебряный** или **железный**, с помощью которого огораживают или накрывают **Источник**, чтобы отрезать путь к отступлению привязанного к нему **призрака**.

Плазма

См. Эктоплазма

Ползучий страх

Ощущение необъяснимого ужаса, которое часто охватывает человека во время **манифестации**. Часто сопровождается **холодом, миазмами и мелейзом**.

Полтергейст**

Сильный разрушительный подвид призраков **Второго типа**. Полтергейсты выбрасывают мощные разряды сверхъестественной энергии, способные поднимать в воздух предметы, в том числе даже тяжелые. Полтергейсты не образуют **видений**.

Посмертное свечение

Энергетический след, оставшийся на том самом месте, где наступила смерть. Чем более страшной и насильственной была смерть, тем ярче посмертное свечение. Сильное свечение может сохраняться на протяжении многих лет.

Потусторонний свет

Жуткий неестественный свет, который излучают некоторые **видения**.

Призрак

Дух мертвого человека. Призраки существовали на протяжении всей истории, но – по неизвестным причинам –

невероятно распространились в последнее время. Существует множество видов призраков, однако в целом их можно объединить в три основные группы (см. **Первый тип, Второй тип, Третий тип призраков**). Призраки всегда появляются вблизи **Источника**, который зачастую является местом их смерти. Наибольшую силу призраки приобретают с наступлением темноты, особенно между полуночью и двумя часами ночи. Большинство призраков не подозревают о существовании живых людей или не интересуются ими. Однако некоторые призраки настроены к людям крайне враждебно.

Призрак-банка

Контейнер из **серебряного стекла** для содержания в нем активного **Источника**.

Призрак-лампа

Электрический уличный фонарь, отгоняющий **призраков** лучами своего яркого белого света. В большинстве случаев на призрак-лампе имеются укрепленные поверх линз затворки, открывающиеся и закрывающиеся через определенные интервалы времени на протяжении всей ночи.

Призрачное прикосновение

Эффект, возникающий в результате телесного контакта с **видением**. Прикосновение агрессивного призрака смертельно опасно для человека. В момент контакта человека

пронизывает невыносимый холод, затем ледяное оцепенение быстро распространяется по всему телу. Один за другим начинают отказывать жизненно важные для человека органы. Вскоре его тело синее и распухает. Без экстренной медицинской помощи прикосновение призрака обычно приводит к смертельному исходу.

Призрачный захват

Опасная способность, присущая **призракам Второго типа**. Возможно, является усиленной разновидностью **меллеиза**. Попавшая в призрачный захват жертва теряет волю и начинает испытывать ощущение полнейшей безысходности. Мышцы словно наливаются свинцом, и жертва теряет способность свободно думать или передвигаться. В большинстве случаев дело заканчивается тем, что жертва беспомощно застывает на месте, а голодный призрак подбирается к ней все ближе и ближе...

Призрачный туман

Тонкий зеленовато-молочный туман, часто предшествующий **манифестации**. Возможно, образуется из **эктоплазмы**. Это холодное и неприятное на ощупь, но безопасное само по себе вещество.

Проблема

Эпидемия появлений призраков, охватившая в последние годы Британию.

Рапира

Табельное оружие всех агентов, участвующих в парапсихологических расследованиях. Кончик **железного** лезвия рапиры иногда покрывают слоем **серебра**.

Рейз**

Опасный призрак Второго типа. Рейзы похожи на Спектров по силе и манере поведения, но гораздо ужаснее по внешнему виду. Во время **видения** они показывают человека в его мертвом состоянии – костлявым, усохшим, иногда гниющим и покрытым могильными червями. Очень часто Рейзы появляются в виде скелетов и обладают мощным **призрачным захватом**. См. также **Сырые Кости**.

«Руководство Фиттис»

Знаменитая книга советов для охотников за привидениями, написанная Мариссой Фиттис, основательницей самого первого в Британии парапсихологического **агентства**.

Серая Дымка*

Безвредная и довольно забавная разновидность **призраков Первого типа**. Серые Дымки не обладают достаточной силой, чтобы образовывать четкие **видения**, и потому манифестируют себя как бесформенные пятна слабо мерцающего тумана. Серые Дымки не вызывают эффекта **призрачного**

прикосновения – возможно, из-за того, что их **эктоплазма** находится в сильно разреженном состоянии. Таким образом, человек может пройти сквозь Серую Дымку без всякого вреда для своего здоровья. Основные эффекты, которые вызывают Серые Дымки, – это распространяющиеся вокруг них **холод**, **миазмы** и смутное предчувствие беды.

Серебро

Важная и мощная защита от **призраков**. Многие люди носят серебряные **обереги**, сделанные в виде ювелирных украшений. Агенты покрывают слоем серебра кончики своих **рапир**, а также используют его как компонент для своих **печатей**.

Серебряное стекло

Особое «призракоустойчивое» стекло для контейнеров, содержащих в себе **Источники**.

Слух

Один из трех основных видов парапсихологического **Дара**. Обладающие эти Даром медиумы способны слышать голоса умерших, эхо минувших событий и другие сверхъестественные звуки, связанные с **появлением призраков**.

Солевая бомба

Маленький шар из пластика, наполненный **солью**. При ударе шар раскрывается, распыляя соль во всех направлениях.

ях. Используется агентами для того, чтобы отгонять слабых **призраков**. Против более сильных призраков солевые бомбы малоэффективны.

Соль

Распространенное средство защиты от **призраков Первого типа**. Соль менее эффективна, чем **железо** и **серебро**, но намного дешевле их. Применение соли можно считать самым простым средством защитить свой дом от призраков.

Спектр**

Наиболее распространенная разновидность **призраков Второго типа**. Спектр всегда образует четкое, детализированное **видение**, которое в некоторых случаях выглядит почти твердым. Как правило, Спектр показывает человека таким, каким он был при жизни или сразу после смерти. Визуально Спектры выглядят менее размытыми, чем **Фантазмы**, и не такими ужасными, как **Рейзы**, а также отличаются от них своим поведением. Обычно Спектры ведут себя по отношению к живым нейтрально и часто появляются затем, чтобы поведать какую-нибудь тайну или исправить допущенную в прошлом ошибку. Правда, в некоторых случаях Спектры бывают агрессивными и стремятся вступить в физический контакт с человеком. Встречи с этими призраками следует избегать любой ценой.

Сталкер*

Призрак Первого типа, который тянется к живым людям, следует за ними в отдалении, но никогда не рискует подходить близко. Агенты, обладающие **Слухом**, часто обнаруживают Сталкеров по стуку их костяных ног, грустным стонам и вздохам.

Сырые Кости**

Редкий и крайне неприятный вид **призрака**, который манифестирует себя в виде окровавленного, с содранной кожей трупа с выпученными глазами и жуткой ухмылкой. Очень непопулярен среди агентов. Многие специалисты считают Сырые Кости разновидностью **Рейза**.

Темный Спектр**

Пугающая разновидность **призрака Второго типа**, манифестирующая себя как движущееся темное пятно. Иногда в центре этого пятна смутно просматривается **видение**. В других случаях это черное облако бывает текучим и бесформенным, оно может, например, сжаться до размеров пульсирующего сердца или быстро увеличиться и заполнить собой всю комнату.

Тень*

Стандартный **призрак Первого типа** и, возможно, самый распространенный вид **Гостя**. Тени могут появляться в виде довольно плотных фигур наподобие **Спектров** или

быть бестелесными и размытыми, как **Фантазмы**, не обладая, однако, при этом опасной сообразительностью ни тех, ни других. Создается впечатление, что Тени не замечают присутствия живых людей и обычно никогда не меняют ни своих привычек, ни последовательности своих действий. Тени распространяют вокруг себя ощущение горя и утраты, но крайне редко проявляют гнев или другие сильные эмоции. Тени почти всегда появляются в человеческом облике.

Точка исчезновения

Точное место, в котором **призрак** дематериализуется в конце своей **манифестации**. Как правило, обнаружение точки исчезновения помогает быстро отыскать **Источник**.

Третий тип

Крайне редкий класс **призраков**. Впервые о призраках Третьего типа упомянула Марисса Фиттис, и с тех пор ведутся споры об их существовании. Некоторые утверждают, что призраки Третьего типа способны вступать в полноценный контакт с людьми.

Фантазм**

Это любой **призрак Второго типа**, имеющий воздушную, тонкую и прозрачную форму. Фантазм может быть почти невидимым, за исключением бледного контура и нескольких отдельных размытых деталей, например черт ли-

ца. Несмотря на свой бестелесный внешний вид, фантазмы не менее агрессивны, чем более плотные **Спектры**, и особенно опасны потому, что их трудно заметить.

Фантом

Еще одно название **призрака**.

Холод

Вблизи призрака отмечается резкое падение температуры. Это один из четырех обычных признаков приближающейся **манифестации**. Остальные три признака – это **мелейз**, **миазмы** и **ползучий страх**. Холод от присутствия призрака может распространяться на большие площади или быть сконцентрированным в особых «холодных точках».

Холодная Дева*

Серая туманная женская фигура, зачастую одетая в старинное платье и показывающаяся, как правило, в отдалении. Холодные Девы излучают мощное ощущение меланхолии и недомогания (**мелейз**), однако редко приближаются к живым.

Чейнджер**

Редкий и опасный **призрак Второго типа**, достаточно сильный, чтобы изменять свой внешний вид во время **манифестации**.

Эктоплазма

Странное, изменчивое вещество, из которого формируются **призраки**. В концентрированном виде эктоплазма чрезвычайно опасна для всего живого.

Явление призрака

См. Манифестация